

**Товарищество писателей в Петербурге
Новый Русский журнал
литературной и философской критики**

В. Б. Лапенков

ВОЙНА ИСТОРИЙ

«

В. Б. Лапенков, исследователь в области истории,
мифологии и языкознания, современные интересы –
история, культурология, философия, литературная критика,
мемуаристика.

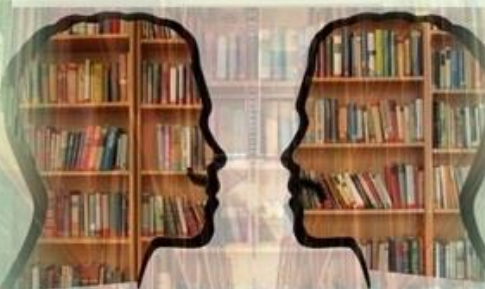
родился в 1951 году в Ленинграде

**Наиболее полно представлен на Сайте
«Семь восьмых»**

Санкт-Петербург
2026

Владимир Лапенков

Война историй

УДК
ББК 84стд1-44Р
Л--49

Оригинальное историческое исследование, до сих пор мало известное читательской публике. Книга выгодно отличается от современных текстов, она призвана не взбудоражить читателя, не ошеломить его, а – **просветить**. Привлечено большое количество документов и работ мемуаристов, многие из них мало известны. Поражает намерение автора сохранить объективность историка даже там, где кровь вскипает в жилах от несправедливости – но научная объективность оказывается превыше всего..

ISBN:

© Лапенков В. Б. 2017 - 2026

© Издательство «SUPER», 2026

© Чернышев В. И. Редактирование. Компьютерная верстка. 2026

Часть I. Диспозиция

1.0. От автора.

Что мы знаем о своей истории? И можно ли вообще знать что-то в точности, быть уверенным в чем-то до конца? Существует ли хоть один такой факт, по поводу которого нет нескольких противоречащих друг другу мнений? Может быть, истинная история это кантовская «вещь в себе», нечто непознаваемое, а все наши мнения – это мифологическая «короста», надежно скрывающая истину? В далекие «правильные» времена некое, если не истинное, то общепринятое понимание мира могло существовать, не меняясь, столетиями.

«Фараон – воплощение солнечного бога Ра», «на окраинах Земли живут одноногие и песьеголовые люди»... Ну что тут, скажите на милость, непонятого или сомнительного? Но то – древность. Сегодня все гораздо проблематичнее. На глазах одного поколения «солнечный бог» был низвергнут с пьедестала и пожран радостно повизгивающими маргиналами. Где теперь, скажите, «добрый дедушка Ленин», которого так любили дети и который сам так любил детей?.. Нет, чувство любви между земными богами и детьми (в широком смысле), а также животными (в узком) никуда не исчезло и по-прежнему имеет вес в политическом мире. Но – как быстро меняются оценки, как трудно договориться, что есть добро, а что зло! А главное – только единицы, только самые продвинутые представители политического рода успевают изменяться вслед за изменчивым миром. На рядового же обывателя в этом плане подчас бывает жалко смотреть...

И вообще, научный прогресс, прогресс мысли, это обоюдоострая вещь. Она приучает не думать и оправдывает это скоростью перемен и нехваткой времени. И здесь самый продвинутый деятель находится в том же положении, что и самый скромный обыватель. Создается впечатление, что чем более человечеством накоплено информации, тем меньше знает отдельный человек. Знание уже не вмещается в индивидуальный мозг, оно распадается на множество «специфик», оседает на бумажных и электронных носителях. Какой смысл забивать себе голову хламом, не касающимся непосредственно практической деятельности? Достаточно знать, какую нажать кнопку, чтобы любая область человеческой культуры мгновенно продемонстрировала свои терабайтные запасы.

И это нормально, особенно, когда дело касается точных наук и практических технологий, но история... Вот история – да. В смысле – нет. Здесь, чем больше мы знаем, тем меньше можем быть в чем-то уверены. В определенных случаях спасает партийность (не важно, о

какой партии речь); все становится как-то проще и правильной. Как во времена фараонов.

Сказанное не означает, что и барахтаться не стоит: раз, мол, нет правды на земле, то нет ее и выше... На фоне узкопартийного историзма возможность более широких взглядов вовсе не кажется таким уж безнадежным предприятием. Пусть не истина в последней инстанции, но некая взвешенная точка зрения доступна каждому, кто не поленился ее искать. Важен не окончательный вывод (который все равно не окончателен), а элементарная трезвость. А здесь и самый тертый профессионал не имеет никаких особых предпочтений перед любителем. Если ты считаешь, что Клио умерла и «все дозволено», или (что ничуть не лучше) кулаком по столу утверждаешь, что «было так и никак иначе», то уже совсем не важно, кто ты – профи или дилетант.

Со своей стороны я предпочитаю, скорее, «незамысленный» взгляд искреннего любителя и честного обывателя, чем идеологически зашоренный подход записного интеллектуала и духовного аристократа. Вот открываю умнейшую книжку (автор – Сергей Переслегин), дабы поднабраться немного интеллектуальной потенции, и нахожу в ней следующие, наводящие на раздумья, выражения:

«Российский глобальный проект», «социальный тепловой двигатель», влияющий на «распределение геопланетарных потоков в Ойкумене... и этнокультурных плит», «необходимость оперировать с чужими трансценденциями» и «инсталляцию когнитивной тензорной идентичности».¹

Пожалуй, как говорил герой отечественного мультика, «многовато будет». Автор, впрочем, должен признаться, что и сам по молодости лет баловался с дискурсом и жонглировал загогулинами типа «поливалентные мифосемантические структуры» и «метанарративные фреймы»... Похоже, ему (то бишь, мне) тогда казалось, что умные иначе не поймут, а глупые уже не скажут. Но годы гасят молодой задор. Приведу еще, на тему «помудрения», пример из своего читательского опыта. В свое время я просто обожал изысканную прозу Владимира Набокова, а вот к Михаилу Булгакову относился несколько свысока. Мол, романтический китч для изголодавшегося итээровца советского розлива.

А что ж сегодня? Булгаков может и не стал самым любимым писателем, тем не менее, его книги пробуждают какие-то теплые интимные чувства. Да, кстати, и сам Булгаков никогда не скрывал

¹ С. Переслегин «Самоучитель игры на мировой шахматной доске». Terra Fantastica. М., СПб., 2006.

своих обывательских вкусов и мещанских (в хорошем смысле) интересов. Также как и Гоголь (до «Переписки с друзьями»). Как Рабле и Дюма-отец, в конце концов, как Пушкин (вспомним его гордое «я – мещанин»).

Совсем иное дело такие авторы как Оскар Уайльд (до Рэдингской тюрьмы), Ахматова (до «Реквиема»), Набоков (до самого конца). Перечитывая Набокова уже в годы разрешения у нас в стране его публикаций, я заметил, что литературные «крестословицы» меня, скорее, тяготят, чем возбуждают, а авторские идиосинкразии – к фрейдистам и ко всем, кто чужд его поэтическому миру – слишком частная проблема, чтобы быть интересной для остальных. Сам «дэндизм» и духовный аристократизм Набокова во многом легко объясняются из того же нелюбимого им Фрейда – компенсацией внутренней неуверенности. И это немудрено, ситуация вполне естественная, «житейская», на фоне такой мощной фигуры как собственный отец...

Владимир Набоков-старший по всем мыслимым показателям был самым настоящим аристократом и истинным дэнди, можно сказать, суперменом. Не стану расписывать его политическую деятельность и живописать романтическую гибель в духе римских героев, упомяну лишь маленькую деталь из воспоминаний одного молодого кадета (Ивана Куторги). Деталь, по сути, совершенно ничтожная – бессловесный жест, и только, но из него как-то сам собой возникает характерный человеческий образ, стиль, который не придумать нарочно и не подделать никакому актеру.

В своей статье, посвященной ораторам революции, автор рассказывает о том, что никто так, как Набоков, не раздражал революционную демократию. Насколько чуждым и барственным казался ему и его сверстникам этот англизированный господин в безукоризненном костюме и изящных белых гетрах!² Да не просто чужим – непреодолимо враждебным. На железнодорожной станции Клин, где остановился поезд, везший публику по своим «дем-делам», Набоков прошел, как и все, в привокзальный буфет, торговавший «чудесными пирожками». «Размеренным шагом, свежесвыбритый и корректный, подошел к стойке... лениво взял пирожок в рот и с видимым отвращением отбросил его на стойку, заплатил и отошел.

² Вот, к слову сказать, косвенное доказательство опасности широких обобщений обвинительного толка: мол, это всё демократы / аристократы / революционеры и прочие «-еры», «-аты/-оты» и «-исты». Нет – не все, не всегда, не везде, не совсем.

Ничтожная мелочь, – пишет Куторга, – но почему же запомнилась она мне на целую жизнь?»³

А я, кажется, догадываюсь, почему. И – уверен – читатель тоже догадывается.

Об аристократизме достаточно. Вернемся к «обывательскому» мировоззрению. Оно только на первый взгляд представляется одномерным и во всем одинаковым. На самом деле это дэндизм и романтизм. Героизм и пафосность всегда и легко узнаваемы, а обыватель обывателю рознь. В реальной действительности все перемешано – ум и глупость, храбрость и трусость, фарс и трагедия, положительная научность и «отмороженный» нигилизм. Один из любимых булгаковских героев, Понтий Пилат, был как раз таким скептиком и одновременно прагматиком до мозга костей. Собственно, меня здесь интересует именно эта его человеческая (историческая) сущность, а не последующее духовное (литературное) преображение. Было ли преображение, это еще вопрос, а вот сухой прагматизм и интеллектуальный скепсис Пилата кажутся вполне вероятными...

Наш путь, читатель, далек и, возможно, немного извилист, поэтому ничего страшного, если и начнем мы его издалека.

Итак... «в белом плаще с кровавым подбоем...».

I.1. «Что есть истина?»

Сведения о реальном Пилате довольно скудны, но в ту эпоху мало кого интересовали скучные детали реальной истории (хотя в какой-то мере это всем эпохам присуще). Зато легендарных известий дошло сравнительно много. Самое любопытное в них это различия в оценке данного персонажа на Востоке и на Западе. Восточные христиане считали Пилата христианином и даже мучеником за веру, а его жену Клавдию Прокулу греческая церковь канонизировала. Эфиопская церковь до сего времени отмечает 25 июня как день Св. Пилата. В раннехристианском апокрифе «Деяния Пилата» Иосиф Аримафейский, предавший тело Иисуса Христа погребению, называет Пилата «человеком с обрезанным сердцем». В том же апокрифе Пилат обращается к евреям с назидательной речью, в которой объясняет их отношение к Богу-Сыну продолжением привычной этому народу политики неблагодарности к Богу-Отцу.

³ Иван Куторга. «Ораторы и масса. Риторика и стиль политического поведения в 1917 году». http://faces.ng.ru/memoirs/2000-03-30/6_orator.html

Также и в коптском папирусе говорится, что Пилат верил в Бога, которого предал распятию. И здесь сам собой напрашивается романический сюжет в духе Дэна Брауна о тайном союзе Иуды и Пилата с целью сделать учение Иисуса всемирно известным при помощи продуманного предательства и публичного мучения, поскольку без подобных элементов невозможно достучаться до сердца простого человека.⁴

Иной подход к образу римского прокуратора⁵ встречаем на Западе. Там легендарные известия сообщают о многочисленных несчастиях, преследовавших Пилата при жизни и после смерти. Его пытаются, распинают на кресте, или он сам накладывает на себя руки. Тело Пилата бросают в Тибр, затем вылавливают и кидают в жерло Везувия, наконец, оно оказывается на дне озера в Альпах, под т.н. «Горой Пилата». Поздние средневековые тексты присочиняют ему новую биографию. Согласно версии из «Золотой легенды» Иакова Ворагинского, Пилат родился от Пилы, дочери мельника Атуса⁶, которую соблазнил некий король. В юности он убил своего сводного брата, наследника престола, а затем подружившегося с ним сына французского короля. За свои преступления Пилат был отправлен наместником на остров Понт, где жестокостью правления заслужил внимание самого царя Ирода (чьё имя олицетворение жестокости) и стал, по желанию последнего, наместником Иудеи.

Несмотря на подобные сюжетно-голливудские архетипы, западные легенды в чем-то ближе к реальности, поскольку исторический Пилат действительно показал себя весьма жестким управленцем. В целом всё это характеризует Пилата как вполне практического человека, холодного администратора, умелого интригана, скептика и реалиста. (Чистые руки, холодное сердце, римская мигрень). Можно резюмировать, что Пилат типический характер эпохи заката языческих религий и нравственного тупика

⁴ И в этом психология человеческая мало изменилась. Ср. также современный, «альтернативный», сюжет повести Роже Кайуа, в которой Пилат, несмотря на соответствующие доводы Иуды, все-таки освобождает Иисуса. В результате чего последний остался просто высокоуважаемым учителем с ограниченным числом последователей, но само учение и слава его не вышли за пределы своего времени и места.

⁵ Точнее, видимо, он был всё же не «прокуратором», а префектом.

⁶ Т.е. здесь мы наблюдаем популярный до сих пор у дилетантов элементарный принцип составной этимологии: от латинского *Pilatus*.

философского скептицизма. И не случайно с его личностью связана бессмертная сентенция – «Что есть истина?»⁷

Менее известна история с надписью на Христовом распятии, которая прямо подводит нас к области лингвистического формализма. Согласно этой легенде, Пилат приказал сделать на прибитой табличке надпись – «Иисус из Назарета, Царь Иудейский». Такое именование возмутило лидеров религиозной общины и они потребовали семантического уточнения: мол, это Он так себя называл. На это Пилат ответил: «Что написал – то написал».

Данная история по-своему продолжает лингвистический спор, когда Иисус на аналогичный вопрос Пилата отвечает указанием, что это сам Пилат высказывает крамольную мысль, которая теоретически способна быть истинной. Но если Пилат и первосвященники играют словами и чужой жизнью, то Иисус ставит на кон собственную жизнь и свое понимание истины. Лингвистические обороты, засушенные и замусоленные предыдущими веками античной софистики, вновь наполняются живой кровью.

А ведь когда-то были и язычники «рысаками». Как только племена, ведомые разбойниками-василевсами, превратились в мещанское сообщество торговых полисов-городов, т.е. когда родовое общество стало социально дифференцированной цивилизацией, у последней естественным образом начали зарождаться профессиональные искусство и наука, в том числе теоретическая – философия, логика, риторика. Греки не только овладели рациональным подходом к бытию, но и стали испытывать пределы возможностей самой рациональности. Для этой весьма пытливой нации и умозрительные теории являлись практической наукой, которой можно научить. Появились профессионалы, за хорошую плату обучающие молодежь владению словом и мыслью, умению убеждать, а следовательно понимать каковы пределы человеческого слова и

⁷ Скепсис не означает ни сумбура, ни шатания мысли, он прекрасно сочетается с пониманием реальных законов жизни. На собственный вопрос (вернее, реплику) сам Пилат мог бы ответить, что истина заключается в социальной успешности, как человека, так и государства. Империя – вот императив. Ну и, конечно, сам император и крепкая имперская администрация. Иными словами, там, где нет таких реалистов, как Пилат, не может быть и реальной истины, а сказки о небесном воздаянии, фанатизм сектантов, злоба покорённых народов – это мир варваров, еще не достигших уровня истинной цивилизации. Только представим себе, сколько политических деятелей, от Пилата до наших дней, могли бы подписаться под этими словами!..

разума. И выходило, что пределов таких просто нет, либо они замыкались где-то сами на себя. То, что такое умение понемногу становилось искусством для искусства, не снижало его полезности, поскольку в соревновании побеждает искуснейший. В одном из диалогов Платона мы, можно сказать, воочию наблюдаем восторг молодого энтузиаста от интеллектуальной ловкости двух «убойных» софистов. Эти тёртые молодцы демонстрируют юноше, как легко они могут доказать любую теорию, а потом столь же эффектно ее опровергнуть. Платон изображает их своего рода игроками в мяч, перебрасывающихся аргументами. Но Сократ переигрывает их на их же поле, используя помимо приемов формальной логики еще и диалектику, а также понятие некоего высшего знания, на котором только и может базироваться все остальное. Сократ победил, философски и исторически, что, тем не менее, не избавило его от цыкуты после суда «фарисеев», а нас всех – от философского релятивизма и практического нигилизма.

Консервативная утопия Платона была для своего времени проектом Модерна в сравнении с постмодернизмом софистов и скептиков поздней эллинистической эпохи. Попытка воплотить в Сиракузах идеал благодетельного государства потерпела фиаско; тем самым выходило, что скептики гораздо ближе к реальности и имеют полное право посмеиваться над проектами модернизировать общество по высокому рациональному плану.

Скеписис сам по себе никуда не исчезает. Он порождение послеродового, социально усложненного общества. Социальная жизнь всегда ведома некоей логикой, хотя логика, доведенная до своих формальных пределов, неизбежно приводит к абсурду и парадоксам. Парадоксы же разрешаются не логикой, но жизнью – реальными жертвами, революциями, сменами парадигм и ориентиров.

Сегодняшняя эпоха Постмодерна есть в одно время и торжество скептицизма-релятивизма и парадоксальная новация. Вопрос Пилата нисколько не устарел, более того – это по-прежнему важнейший вопрос. И в нем, по мнению многих, уже заложен ответ. Мало что изменилось в философском плане со времен древнегреческих софистов, с которыми спорил Сократ, и со времен Экклезиаста. Нет ничего нового в подлунном мире, а все, что есть – относительно. Конечно, новейшие бренды, политтехнологии и пиар-проекты весьма значительно меняют качество жизни (и то ли еще будет!), но... Ворожба и заклинания всё те же, в логике и риторике новаций тоже не густо, несмотря на всеисилье массмедиа, а уж новых истин вообще не видно – кое-как перетасовываем старые.

1.2. Новый поворот.

Определенная относительность (релятивность) понятий и ситуаций, увы, неизбывна. По мнению Сен-Симона, абсолютизм его современника и патрона, Людовика XIV, был исполнен излишними либеральными новациями. Представляете? «Король-Солнце» – либеральный реформатор?.. Сказанное вовсе не означает мозгового помрачения у мемуариста, разве что в плане некоторой «идеи фикс». Всё просто: монарх прагматично использовал на службе буржуазных спецов, что больно ударило по сердцу аристократа-монархиста.

Всякий историзм изначально немного постмодернистичен. Это не считая того, что любое высказывание о чем-то (тем более, о прошлом) есть модель и толкование, герменевтика, а не исконная аутентичность. Но приближение приближению рознь. Проблема в уровне анализа, в угле зрения, в масштабе, исходя из которого мы пытаемся определить истину.

Попробуем рассмотреть различные, в том числе экстравагантные, теории (и практики) с традиционной (но не традиционалистской!) точки зрения. Т.е. стараясь оставаться по-школьному объективными, интеллектуально беспартийными и по-человечески хладнокровными. М.б., для понимания авангардных взглядов этого недостаточно, хотя... если отнестись к ним столь же авангардно и волонтаристски субъективно, то дополнительное искажение исправит картину до нормальной? Например, если зритель унитаза, выставленного в музейной галерее М. Дюшаном, являющегося на сегодня вполне нормальной формой скандала в искусстве, помочится в него, то это будет скандальной (для музея) формой нормального отношения к предмету. Реакцией на акцию, или интерактивным опредмечиванием концепта, или еще чем-то в этом роде.

Истинный объективизм нам только снится?.. Это верно, но я не считаю, что выбор м.б. только из двух вещей: либо настаивать на своей божественной объективности, либо врать и выдумывать что бог на душу положит. Либо Святой Франциск, либо Чикатило?.. А можно побыть просто человеком?.. А почему тогда нельзя историком?..

В начале XX-го века провозглашался декадентский апокалиптизм и «закат Европы (Запада)». Но сейчас это можно понимать как предчувствие, поскольку сегодня мы имеем уже послечувствие, послевкусие. Но не бесчувственность (хотя часто – безвкусице). Не нужно быть постмодернистом, чтобы признать историческую ограниченность любой культурной модели и точки зрения. Пускай «все

действительное разумно», но переживший свое время пафос и мертвящая власть абстракций не могут не вызывать отторжения и справедливой иронии. Сам ПМ ловко ускользает от подобного отношения, так как и не претендует на абсолютную истину; но в этом плане он не является каким-то очередным, тенденциозным «измом», действующим по принципу оппозиций (вернее – не только «измом»). Правда, не все постмодернисты об этом знают.

Положительная установка ПМ вторит лозунгу Телемской обители из романа Ф. Рабле: равноправие всех культур, отказ от переделки мира, отмена дискриминации и стирание границ – между искусством и жизнью, обыденным и священным, объектом и субъектом. В этом плане т.н. идейный «противник» и не противник вовсе, а просто часть слепой природной среды. Последний (модернист, и вообще – «ист») был полон грандиозных, истовых, утопических планов, результаты краха которых мы до сих пор наблюдаем. Наконец он узнал, что на самом деле тоже «говорил прозой» и успокоился (на уровне музея и школьной хрестоматии).

Это естественный закон смены поколений и культурных форм, тенденций и интересов. Не полениюсь повторить банальную истину, что победившее «новое» музеифицируется (а то и мумифицируется) и требуется следующее новаторское предложение. Это наблюдается и на уровне психофизиологическом (невозможность долгой фиксации на предмете), и на культурном, и на социально-политическом (ср. старую китайскую притчу о победителе дракона, который сам в свою очередь превратился в дракона). Возможно, именно избитость, тривиальность подобных истин и делает их невидимыми для «замысленных» взглядов мыслителей, рассуждающих о современной им ситуации...

Вопиюще наивным (в лучшем случае – самонадеянным) выглядит мнение, высказываемое некоторыми критиками, будто ПМ представляет собой специфическую – среди многих прочих – преходящую моду в искусстве, чей-то чисто игровой, или коммерческий, изыск. Немногим более удачна и мысль, выражаемая, в частности, некоторыми «евразийцами», что постмодернисты это сознательные «враги народов» и «настоящей» культуры, а в наших условиях – «пятая колонна», работающая на разложение и подрыв традиционных устоев в интересах транснациональных корпораций. (Хорошо сказано, крепко. Пойди теперь отмойся. Узнаю брата Колю).

Вышесказанное, между тем, ничуть не означает, что ПМ нуждается в адвокатах, или что он не размывает традиции и не релятивизирует ценностные критерии. Все гораздо сложнее. Слишком уж замечательно обстояли бы дела, если бы во всем были виноваты

некие конкретные личности, злостные имяреки из тайной «партии смерти». Как некогда грустно пошутил Курт Воннегут – если ангелы существуют, то почему бы им не организовать в мафию?..⁸ Не нужно быть Толстым или Гегелем, чтобы признать ограниченную возможность личного противостояния объективным процессам. И, как констатировал Даниил Иванович Хармс, «от небесного явления доской не загородишься!».

Нет, разумеется, ничто не повторяется в точности: как утверждает наш современник (В. Шинкарев), «одинаковое одинаковому – рознь», но стал ли бы он так говорить, если бы никакие обобщающие абстракции не путались вечно под ногами? Признавая ту истину, что все примеры условны, обратим все же взгляд в сторону дальних предшественников современной виртуальности и релятивности. В сторону не столько людей, сколько идей.

Собственно, споры об идеальном и материальном, вечном и временном, пронизывают всю сферу традиционной культуры. Задолго до нашей эры различные буддийские школы и многие греческие мыслители в свойственной им терминологии рассуждали о вероятности, об относительности, о бесосновности, о текстуальности, отрицали вечные сущности и неподвижные универсальные схемы. В каждом подобном случае можно, видимо, говорить об эпохе обрушения единой идеологической системы, но, может быть, точнее было бы просто отметить некий пульсационный ритм, смену взлетов и падений в духовной области.

И тут вовсе не обязательно высокому служению жреца-пророка противопоставлять эпатажирующее поведение древнего киника. Так, например, абсолютный – в теории – скептик Пиррон на практике сам состоял в служителях религиозного культа. Философ Тимон Флиунтский, его ученик, пародировал всех философов, а Аркесилай видел критерий истины не в науке и философии, а в социальном успехе и практической жизненной пользе. Может ли что-либо быть более современным?..

Эталонным представителем античного «постмодернизма» можно считать древнегреческого писателя Лукиана. Исследователи отмечают в его творчестве ничем не ограниченную цитатность, смешение всех стилей и жанров, анекдотичность, иронизм, натурализм, отсутствие позитивных взглядов и заинтересованности в области мировоззренческих установок. Его трактат «Лишенный наследства»,

⁸ Конечно, он не первооткрыватель: сходные мысли можно найти у Ивана Ильина, Анатоля Франса, Льва Толстого, да и они вряд ли первые.

доказывающий права вымышленного лица – чистая «риторика ради риторики», гимн формализму как таковому. Речь «Похвала мухе» – это имитация высокой риторики и одновременно пародия на нее. Излюбленные темы других трактатов Лукиана – развенчивание классической мифологии и всех философских школ. Все философы – шарлатаны, льстецы и паразиты, в полном соответствии с концепцией еще одного его трактата, «Парасит, или о том, что жизнь на чужой счет есть искусство». Кстати, сам Лукиан закончил свою жизнь важным имперским чиновником, восхваляющим и оправдывающим искусство лести и ответные почести со стороны императорской власти. Ср. с этим слова современного автора, Вячеслава Курицына (М., 2000; 2001, с 259): «Мертв текучий виртуальный постмодернистский Автор. Но жив автор, который расписывается в ведомости, который осознал свои частные и классовые интересы, который замыкает свой смысл в жанр, чтобы выставить его на рынок».

Но игра – понятие космическое: мы играем, но – и нами в не меньшей степени. «Вечность – играющее дитя» (Гераклит), «жизнь во вселенной... разнообразит и не перестает создавать... живые игрушки» (Плотин). Человек, после многовекового пребывания в роли венца творения, вновь почувствовал себя игрушкой безличных сил и в определенной степени поддался «любви к року».

Чем сложнее технология, тем стандартизованнее произведенные ею продукты (и наоборот). Отсюда стереотипность и предсказуемость поведения (проявление закона больших чисел), управляемость, «одномерность». Детальнейшая разработанность юридического права (на Западе) стимулирует богатейшие формы его применения – бесконечные суды, тяжбы, сутяжничество, встречные иски вместо «архаичной» личной совести. Технология уже не может быть идеологически нейтральной и становится элементом системы господства. Рациональность поработочает природу, а с ней и природное в самом человеке.

Соответственно, чем беднее общество присвоаемыми ресурсами и хозяйственной продуктивностью, тем замедленнее эволюционные процессы и тем проще и синкретичнее его культура. Технически примитивная, пафосная идеология, возводившая потребление в идеал (и, одновременно, в жупел), боролась за целостность общества прямыми реформами (репрессиями) «сверху». Она неосознанно пыталась загнать любую индивидуальность («крамолу») вглубь самого человека и мелких клановых групп и тем самым подготовила свое падение. Синкретизм культуры породил уникального синкретического человека. Рядовой советский инженер это был своего рода Леонардо да

Винчи в миниатюре: «и швец, и жнец, и на дуде игрец», его типичные хобби – поэзия, живопись, театр, джаз, астрология, чтение запрещенной литературы, изобретение «вечного двигателя» и «философского камня». Советская школа 60х-70х гг. (вспомним программу) и общественная окололитературная идеология – типичный проект Модерна с его «железной» идеей Прогресса.

Духовная жизнь тех лет была реализацией модели «детской комнаты» (со всеми нюансами жалоб и нотаций, любви и ненависти, поощрений и наказаний). И каждый был на своем месте, на зубок знал свою роль (перефразируя сразу несколько известных сентенций: наш мир-театр не велик, но это наш сукин театр!).

И самый малограмотный «работяга» не являлся антиподом «эстету»: он не мог правильно выговорить слово «экзистенциализм» и не читал ничего кроме телепрограммы, но само значение Шекспира и Пушкина, а шире – образования и культуры, не ставилось (да и не могло ставиться) им под сомнение. Сомнение в обоснованности и значимости культуры как таковой могло зародиться только в ее собственных недрах. Идеи богоборчества и еретичества не возникают в неопытных душах и в невинном сознании. Иными словами, синкретизм был разрушен прежде всего изнутри. Школьное образование, проект Модерна и Прогресса, было все-таки ориентировано на середнячка и тем самым побуждало «отличников» искать что-то более интересное в иных местах при одновременной имитации своей лояльности.

Культура материального и духовного «дефицита» характеризуется перевесом идеализма («духовности») над обычным «здравым смыслом» и подавленными бессознательными желаниями. Как долго могла такая система находиться в равновесии, вопрос, конечно, дискуссионный, но, с учетом того, что Россия не Папуа – Новая Гвинея, (где табу и ритуал диктуют каждый шаг человеку), вполне решаемый. Нет, культура дефицита и сегодня никуда не исчезла, лишь изменила конкретные формы, и российские методы социального устройства все те же: к капитализму-либерализму мы перешли хорошо знакомым ленинско-маоистским «большим скачком», как некогда к социализму. Однако «леонардо» уже более невозможен, да и нескрытых нарывов и тайников бессознательного, кажется, уже не осталось.

«Культура дефицита» способна либо на истерическое восхваление собственной бедности, либо на еще более истерическую «большую жрачку», но никак не на культурное противостояние «буржуазности».

В связи со всем вышесказанным можно теперь легко различить западную и отечественную формы ПМ. Западные постмодернисты в

основе своей – левые интеллектуалы и, несмотря на видимую деконструкцию дискурса предшественников, продолжают критический модернистский антибуржуазный проект.⁹ Покойный Герберт Маркузе (в полном согласии, кстати, с советскими идеологами) считал подобный богемно-интеллектуальный протест всего лишь «церемониальной частью практического бихевиоризма, его безвредным отрицанием, частью оздоровительной диеты для общественного статус кво». В какой степени можно согласиться с объективностью этого мнения, дело вкуса, но в любом случае следует учитывать также и признания самих лидеров ПМ. Вот, что заявил Жак Деррида (цит. по «Деррида в Москве», 1993, с 35): «Я ощущаю волнение, когда слышу «Интернационал», я дрожу от возбуждения и всегда в таких случаях испытываю желание «выйти на улицу», чтобы бороться с Реакцией». Sic!

«Отвязные» игры интеллектуалов это лишь поверхностный слой, «суперобложка» реального «почвенного текста» (в системе обратных связей). В терминологии ПМ-теоретиков Делёза и Гваттари, под основой общественного «айсберга» (на котором паразитируют интеллектуалы) можно понимать бессознательные механизмы пульсирующего социального поля, регулирующего потоки «желания».

ПМ меняется вместе с обществом, но на своем, «отеческом» уровне. Чистая ирония и игра слов, перешедшая из интеллектуальной прозы в журналистику, парадоксальным образом обогатилась путем упрощения. Сама игра становится все более серьезной, активно участвуя в «жанре» глобального переустройства мира. Если система «вертикали» успешно создается по обе стороны Атлантики, то странно было бы и культуре здесь отставать. Не следует сомневаться, что имеющие богатый опыт имитации и симуляции постмодернисты много успешнее, чем их предшественники, проявят себя как раз в деле всяческого «вертикализма» и «центризма». Более того, им, как крепким профи, очень легко будет морально изничтожить отсталых и менее изощренных коллег-конкурентов как какую-нибудь троцкистско-зиновьевскую группу.

Так или иначе, но от возможной потери «лица», национального своеобразия, мы еще далеки. И вестернизация может проходить очень по-русски, а «буква» закона это хороший слуга, но плохой хозяин,

⁹ Ж.-Ф. Лиотар: «Постмодернизм... это не конец модернизма, но модернизм в состоянии зарождения, и состояние это постоянно» (цит. по Ad Marginem, 1993). Т.е. речь, опять же, идет об «исполнении закона».

омертвляющий реальную жизнь. Современный российский «специалист» во многом отличен от типичного такового на Западе, ему скучно просто выполнять некую функцию за причитающееся вознаграждение. Даже публично вылизывая зад начальству, он всегда подверстает к этому делу какую-нибудь остроумную, слегка ироничную «философию жизни». Не менее тонко всё выглядит и в обратной последовательности, и здесь интеллеktуал, прошедший школу постмодернизма, даст форы менее проворному конкуренту в сто и более очков (во всех смыслах данного термина).

Меняются исторические формы эксплуатации. Вместе с элитой, вместе с определенной системой. Последний «Титаник» не выдержал столкновения с айсбергом холодной войны и благополучно затонул, но жизнь на этом не прекращается. В то же время моменты экстремумов в истории не просто повторяются – их появление происходит все чаще (наряду с ускорением НТР, накопления информации и обратных связей). Судя по тому, как сочетаются сегодня социальные процессы деградации и возрождения, а также учитывая частоту технологических и природных катастроф, можно предположить, что экстремумы уже переходят один в другой без перерыва. Т.е. дальнейшего ускорения, как такового, не будет, или, вернее, оно будет выражаться лишь в усилении экстремального процесса в целом. К чему это приведет, наверное лучше не думать...

Освальд Шпенглер не успел увидеть динамики современной цивилизации и представлял ее как бездушное механическое «отверждение» культуры. Между тем, ускорение технологической событийности ограничивается ныне лишь чисто физическими рамками и социально-экономическими (производственными) циклами. Идеи могут опережать события, но фактическое развитие происходит не быстрее, чем можно запустить в производство, разрекламировать и продать товар. В результате эволюция уже не знает незанятых временных периодов; никто не отдыхает. Шпенглер прав в том, что о «душе» здесь уже не может быть и речи, точнее, «душа» становится лишь речевым оборотом, терминологической пустышкой.

Современное упоение принципом новизны как нельзя точно укладывается в парадигму постиндустриальной информационной цивилизации, обратной же стороной этого процесса является забывание. Быстрое забывание не только природных и культурных корней, но и всего того, что казалось современным и новым еще вчера. Тип современного человека в идеале стремится к промежуточному и межеумочному состоянию – «уже забыл» и «вот-вот узнаю».

Аналитическую, «алфавитную», парадигму левополушарного мышления постепенно сменяют «культура клипа» и правополушарное симультанное восприятие. Тем самым меняется и понятие архаического: сложная технология клипа, сливаясь с древнейшим, «пралогическим», типом мышления, заново структурирует наше сознание, создает иной тип человека. Левополушарно ориентированная культура бессильна что-либо противопоставить подобной структуре, так как для этого должна была бы воспользоваться аналогичными методами.

Новизна положения состоит в том, что «рухнул» не только систематический, «телеологический», разум, или позитивистский *Aufklärung*, но и рефлексивная свободная критика, романтическая ирония замыкаются в тавтологии и более «не работают». Все ценностно уравнилось, т.е. обесценилось; не человеческое (слишком/не слишком) является агентом движения («влияния»), но «вирулентное» бесконечно самовоспроизводится, клонируется и рассеивается (см. Бодрийара и С^о). Однако не это ли и называется объективностью? Роком, если хотите? А, стало быть, и избежать участия и погруженности в деятельность ничему человеческому не удастся.

Собственно, это и есть глобальная цивилизация, мировая империя, доведенная до своего логического конца, до идеала. После чего возможна только полная гибель либо скачок в некое не совсем «человеческое» измерение.¹⁰ Пока, правда, эта система сосуществует с цивилизациями традиционного склада, где в той или иной степени (от либерализма до тоталитаризма) важнейшую роль играют такие процессы как имитация, ритуализация, промывка мозгов и чистка рядов, борьба кланов, сакрализация вождя или учения (с отсылкой к отцам-основателям и утопическим целям).

Но вернемся к проблеме историзма. Советские историки использовали далеко не все факты, а многих они и не знали (из реальной истории 20 века) в виду их секретности. Используемые факты они интерпретировали в соответствии с неписанными законами

¹⁰ В данном аспекте все претензии, предъявлявшиеся к «ненаучности» шпенглеровского дискурса бьют мимо цели: Шпенглер, как и Ницше, прежде всего – писатель, поэт мысли, а его главный труд представляет собой развернутое положение Геге о «становлении» и «ставшем», «органическом» и «механическом», что в различных вариациях можно найти так же у Гегеля, Толстого, Ильи Пригожина, Льва Гумилева. Кстати, слабость теории последнего связана именно с тем, что он попытался превратить подобную, чисто интуитивную, мысль в «строгую» концептуальную систему.

правлящей идеологии. Однако сами факты и цифры, цитаты и мнения (участников событий или историков иного направления) они – в основной своей массе – как правило не искажали и думающему читателю того времени достаточно было включить в своем мозгу особый интеллектуальный «фильтр», чтобы понять и «вылущить» из текста реальное положение дел (пусть не на уровне Бога, а в соответствии с собственным мировоззрением). Последнее облегчалось еще тем, что значительная часть тогдашних исследователей (не только в области истории) искренне любили свою науку и, в отличие от профессиональных пропагандистов, часто лишь «присыпали» сверху неизбежные цитаты классиков марксизма и не делали культа из тех, из кого культа делать было нельзя. Таким образом положение с науками и искусствами было в советской стране вовсе не столь печально, как выглядело на первый взгляд, хотя сами деятели постоянно чувствовали себя ущемленными. Позднее выяснилось, что определенное давление на художника (разумеется, в посильных границах) лишь изошряло ум, стиль и навыки творца, и произведения тех лет оказались много качественнее, нежели произведения (подчас тех же самых авторов) в эпоху относительной свободы или даже вседозволенности.

Совсем иначе выглядит ситуация в начале нового тысячелетия. Формальная свобода оказалась гораздо опасней и хуже былой несвободы именно в плане поиска истины. Раньше науке (как и искусствам) противостояла довольно прямолинейная светская («светско-советская») идеология, которая была понятна и которую без особого труда можно было обойти, «усыпить», обыграть на ее же поле. Враг, он же – «хозяин-барин», был уже не столь кровожаден и не столь умён-образован, из борьбы с ним можно было выйти с честью и без большого урона. (Типологически вспоминается эволюция европейской культуры от Галилея до Вольтера, от «все-таки она вертится» до «раздавите гадину»). Современная эпоха постмодерна и гламура, политехнологий и средств массовой информации оказалась посильнее былой цензуры и папских энциклик. Опасность грозит с двух сторон, точнее – даже с трех. Во-первых, это размывание всех критериев со стороны как маргиналов-дилетантов, так и рафинированных интеллектуалов, чьи индивидуальные потуги усилены цунами медиасредств, укрыться от которого уже невозможно. Любой шедевр или открытие здесь не избавлены от «шлягеризации», от того, чтобы стать модным (и преходящим) элементом глобальной попсы, а любой «вяк» последней легко трансформируется в «непреходящий» (на данный миг) факт и последнее слово культуры.

Когда мельтешение маргинальных, индивидуальных, случайных и чисто конъюнктурных элементов приобретает эффект тотальности, потребитель бессилен с ним справиться и возможности его прорваться к искомой (пусть тысячу раз «относительной») реальности флуктуируют «около ноля», в вакууме потенциальных смыслов, в «белом» информационном шуме, своего рода «плероме» метафизиков, где «всё» есть «ничто», и наоборот.

На этом фоне открываются самые широкие возможности для манипулирования сознанием у тех мастеров полемики, кто оказался лучше других способным плавать в этом море смыслов и бессмыслиц, у прирожденных хищников инфополя. Любую правду превратим в миф, а миф докажем документально. Всё доказуемо и всё опровергаемо, единой истины нет, а есть лишь временные точки опоры, зависящие от конъюнктуры и сиюминутного выбора субъекта риторического высказывания. В этих условиях объективная исследовательская работа не только затруднена и часто обречена на непонимание, но и адресат этой работы уже не тот благодарный реципиент, который известен нам из советского прошлого. Адресаты сами испорчены атмосферой концептуальной нестабильности, атмосферой переизбытка, а не «дефицита» информации.

Разумеется, здесь описана, так сказать, идеальная схема; реальных «безумцев идеи» и стопроцентных циников-нигилистов не так уж и много. Большинство распределено между двумя полюсами, и у этого большинства осталась неизживаемая до конца, подчас бессознательная, архаичная тяга к «правильности» своего концептуального (мировоззренческого) выбора. (Старое, дискредитированное и высмеянное, желание опереться на «высшее знание» и «абсолютную ценность» возвращается через черный ход). Другое дело, что выбор этот продиктован не только личной интеллектуальной биографией, но и чисто политической конъюнктурой.

И здесь мы напрямую подходим к упомянутой выше третьей, и главной, опасности: прав тот, у кого больше прав, истинно то, что полезно здесь и сейчас, то, что выгодно данному кружку, партии, сообществу, менеджменту, правящей элите, государству, нынешнему автократу, наконец. В областях по конъюнктурным соображениям безразличным для власти авторы могут играть как им заблагорассудится (они и сами установят себе допустимые рамки!), но в иных, весьма конкретных, случаях игра может стать для игрока

небезопасной. Его чистые намерения будут объявлены подрывной деятельностью, продиктованной презрением к основным ценностям и/или проплаченными недругами нашего общества, а продукты его деятельности в лучшем случае осмеяны, в худшем – осуждены как враждебные инсинуации, провокации, фальсификации. Вполне пороуэлловски: правда – это ложь.

Вот один из основных парадоксов нашего времени: свобода, рожденная в борьбе с репрессивностью, порождает репрессивную несвободу. И самые интеллектуально изощренные, прожженные и морально гибкие полемисты (демагоги-софисты) стоят на страже «вечных ценностей» (прагматично определенных в нынешних святцах).

Еще один парадокс, тоже неизбывный, состоит в симультанном сосуществовании, а то и сочетании, научных принципов и огромного массива достигнутых знаний (о которых даже мечтать не могли в эпоху Дройзена и Ключевского) с принципом релятивизма и – что много хуже – с идеологическими спекуляциями самого разного уровня и направления. На борьбу с фальсификациями призывается метафальсификация, на войну с невежеством – псевдонаука. Как гласит древнее китайское изречение: «Когда родился великий мудрец, родился и великий разбойник». Чёртова диалектика! И синкретизм и шаманизм камланий возрождаются в новых технообличьях. Наука потому и всесильна, что способна стать прислужницей любого «изма». Современная история обогатилась такими «брендами», поставленными на конвейерный поток, как конспирология и альтернативная история. А сколько полиграфических шедевров пересматривают историю... всего!.. Уже и профессионалу нелегко ориентироваться в море публикаций, где процент волюнтаризма прихотливо варьирует от одного до ста процентов, от нормальной гипотезы до тотальной имитации научности и самоуверенного бреда. Зато какое раздолье для всех остальных!.. А бред ныне тоже бренд, и сбрендили на нашей историко-издатской почве совсем не дураки. Влесоведы и шамбалафилы, атлантопята и русолобы, пиндософобы и йетимологи... Имя им – легион. Но мы забежали вперед. История не только Муза, и у нее есть своя история, не такая яркая как история войн и революций, но со своими концептуальными войнами на уровне философских штабов.

1.3. Штабные игры. (Историческое, слишком историческое).

Уже сам термин «История» имеет собственную историю. Хронология, летопись, рассказ о значимых событиях,¹¹ наконец, наука и философия, и целый ряд подразделов и смежных наук. Но также и простое человеческое любопытство, и политика другими средствами, и психотерапия, как гомеопатическое лечение, своего рода плацебо, пустышка, приняв которую, можно почувствовать себя членом общества (если не ордена), причастного к мировому целому. Ведь время лечит...

По мнению историка Райнхарда Козеллека, привычное нам понятие Истории это итог философии Просвещения. Лишь после 1780 года появляется «история в общем смысле», «история сама по себе». Тогда у людей появилась твердая уверенность, что они сами могут творить историю. Иными словами, история как ход событий, осознание оных и поле деятельности слились в единое целое, некогда принадлежавшее исключительно Божественному Провидению. Не скрывать при этом того факта, что человеческий креатив оказался и источником ряда бесчеловечных моментов, кои уже нельзя было списать на потусторонние силы. Столп Просвещения и индивидуализма, Жан-Жак Руссо, был откровенным сексуальным маньяком и эксгибиционистом, и собственных детишек без зазрения совести сдавал в приют по мере их поступления. Робеспьер, провозгласивший культ Разума, немало разумных голов послал на эшафот (правда, как последовательный адепт логики, и собственную пострадавшую головушку оставил на плахе). Бонапарт, казавшийся Гегелю воплощением Абсолютной Идеи в Истории, не менее успешно сокращал человеческое поголовье, оставив в наследство потомкам только по-театральному яркий пример крутых виражей индивидуальной судьбы.

Козеллек, тем не менее, признает (со ссылкой на Маркса), что планы людей и исторические результаты сильно расходятся. И здесь у меня возникает законный вопрос: а что тогда так сильно изменилось после 1780 года? Безусловно стало больше интеллектуальной рефлексии, но общее соотношение объективного и субъективного не осталось ли тем же?.. В какой-то мере история обогатилась самими попытками ее изменения и осмысления, итоговой критикой и критикой критики, но в целом нечто подобное имелося и раньше, только с меньшим расходом чернил и бумаги.

¹¹ Вспомним «пустые годы» наших древних летописей.

Концептуальные революции, на сегодня забытые, были и в древние времена. Сама запись событий по годам когда-то тоже была новшеством, как и попытки отделить реальность от мифологии, которая в свою очередь была результатом длительного развития человеческой мысли.¹² Критерии истинности метода (формы нового, научного, мифа) эволюционируют, но вопросы и проблемы заканчиваются не окончательными ответами, а очередными вопросами и новыми проблемами.

«Знание своего незнания» может быть выражено различным образом. Здесь, в частности, нельзя не упомянуть дополняющие друг друга идеи Шпенглера и Фуко. Первый утверждал, что невозможно познать культуру (эпоху) извне (правда, с исключением для себя самого), второй говорил о невозможности понять культуру (эпоху) изнутри (с тем же исключением). Действительно, первый парадокс объясним ограниченностью самого тонкого вживания и пределами языкового выражения при реальной неисчерпаемости смысла. Второй подтверждается известной теоремой Гёделя о неполноте формальных систем. В герменевтике (по Гадамеру) речь должна идти не о механической «разборке» объекта (в равной мере – и не подчинение факту и не насилие над ним), а о «встрече» интерпретации с интерпретируемым. Здесь имеет место бесконечный процесс конкретизации. Понимание состоит в постоянном взаимном сближении. Традиция (т.е. система традиционной культуры, как некое духовное «тело») в качестве подобного объекта столь же исторична, сколь и мифологична. И сам научный опыт историчен, зависит от предыдущего опыта, и мифологичность, как форма сознания, имеет свою объективную историю. А так как наше знание есть результат ответов на наши вопросы, то какие вопросы мы себе задали, таков в принципе будет и ответ.

Научные революции то и дело пытаются начать с «чистого листа», пересматривая устоявшиеся каноны, а «реакции» раз за разом соединяют «распавшуюся нить времен». После Декарта и Гегеля проблема метода как такового была переосмыслена историками XIX-го – начала XX-го вв.: с необходимым противопоставлением точных

¹² Мифология возводила все сущее к началу начал – происхождению мира, вселенной, и наоборот – разворачивало из «первоточки» все богатство жизни и культуры, разводя эволюцию по периодам, циклам, завершавшимся космическими катастрофами. Хронология занялась более прозаическим делом, попутно создав абстрактную сетку для наложения событий и линейный вектор их движения вдоль этой шкалы.

наук и наук, имеющих дело с индивидуальным, где любовь к культуре, одаренность и «знаточество» мастера играют первостепенную роль. С этим последним аспектом были связаны нескончаемые рассуждения о примате оценочной интерпретации, которая понималась еще во многом метафизически. Но уже довольно скоро в исторической науке заявила о себе очередная эпоха Sturm&Drang'a, чьи апологеты попытались (и небезуспешно) покончить с устоявшейся «благостной» картиной, когда научный авторитет, молящийся на голые факты и впадающий в позитивистский транс, пророчествует о «священной корове» прошлого, вразумляя подрастающие поколения.

Р.Дж. Коллингвуд (изд. 1980 г.) ратует за познание, которое есть проигрывание и переосмысливание заново чужого опыта; он саркастически именует своих предшественников «историками ножниц и клея» и утверждает, что история это не хронология событий, а «история мысли». Марк Блок (1986, с 79) упрекает исследователей типа Пауля Ранке за недостаток критицизма в отборе фактов и за пассивное преклонение перед ними. Наконец, Люсьен Февр (1991), главный идеолог нового подхода, критикуя наивный реализм постижения фактов «как они происходили», заявляет обновленную научную парадигму противопоставления «механическому труду» «творческого порыва»: историк «сам создает объекты своего наблюдения»; «каждая наука творит свои объекты»; «историк, проповедующий слепое... подчинение... фактам... может считаться разве что подмастерьем, пусть даже превосходным... звания историка он не заслуживает». И постоянным рефреном звучит у Февра выражение: «пора со всем этим кончать».

Как тут не вспомнить футуризм и всех предшествующих и последующих ниспровергателей, а также древнейшую концепцию мира «как моего представления», от античных скептиков до копенгагенских физиков и французских постмодернистов. Не столь уж анекдотичным выглядит в сравнении с последними подход Дюма-отца и солидаризировавшегося с ним бергсонянца Э. Леруа: «история – это гвоздь, на который я вешаю свою картину».

Разумеется, новые историки не ограничивались лишь разрушением, но писали фундаментальные труды, создавали научные школы, воспитывали учеников, а меч критики использовался не столько для отмены законов, сколько для лучшего их исполнения. Тот же Февр ратовал за «целостную историю», а Марк Блок, отвергавший «идол источников», не забывал подчеркнуть, что причины надо искать, а не выдвигать как нечто само собой разумеющееся.

В целом, из декларативной части новой исторической науки можно вышелушить одно ценное зерно: постоянное самопонукание историзма – «не спать! больше критики!». В то же время ратовать за «отбор фактов» значит ломиться в открытую дверь. Не столь, может быть, явно проговаривая подобные мысли, «отцы истории» были вполне согласны с ними на практике. Риккерт говорил о «руководящем принципе выбора», Э. Мейер основывал последний на «историческом интересе», Дройзен призывал – «исследуя, понимать». И Дройзен и Ранке встали в свое время в интеллектуальную оппозицию к гегельянству за его понимание истории как орудия неких высших сил. Поэтому говорить о «пассивности» научного подхода Ранке можно лишь с определенными коррективами поскольку для него сознание историка есть вершина человеческого самосознания, а миссия историка, глобальная и «богоподобная», сравнима только с миссией религиозного деятеля.¹³

Но в реальности «пассивная» позиция в науке невозможна, другое дело, что теоретические установки могут быть не всегда четко прописаны. Эрнст Трёльч (1994, с 450) писал: «История не может передать бесконечности и нагромождения действительных процессов... история – это отбор, конденсация, сокращение, дополнение, толкование». Но такова же, добавим мы, и любая абстрактная модель. Т.е. проблема состоит не в отборе фактов как таковом, а в принципах его построения. Не прошла мимо этих вопросов и российская мысль. Вот, что говорится, к примеру, в «Философии истории» Льва Карсавина (1993, с 33): «Даже допустив возможности различения фактов на «важные» и «неважные», никак нельзя столкнуться: какие именно относятся к первой категории», «всякий факт важен и причинно связан со всеми прочими».

Немногом сложнее обстоит дело с лозунгом Р.Дж. Коллингвуда о «перемысливании» чужого опыта, о познавательном «вживании». Не зря народная мудрость говорит, что чужая душа – потемки. Трёльч (ук. соч., сс 522-523), ставя в центр «вопрос о познании чужой души», напоминает о дискуссионности критериев общезначимости и о том, что психологическое своеобразие чужого мышления часто не принималось во внимание, и в то же время в результате т.н. «вчувствования» обычно «не узнавали ничего нового и повторяли всегда только самих себя». Х. Г. Гадамер (ук. соч., с 436 и сл.), упоминая «идею истории» Коллингвуда, указывает на частое несовпадение найденных им

¹³ А это в свою очередь вызывало обвинение в излишних претензиях на абсолютную объективность, что Ранке перед тем адресовал гегельянству.

субъективных помыслов исторических персонажей с объективным ходом истории. Но еще раньше Карсавин подверг критике само основание теорий, подобных коллингвудовской, подчеркнув тот факт, что «в исторической сфере сознательное воздействие на природу занимает очень скромное место», а «наиболее важные «факторы» являются процессами накопления бесконечно малых величин».

Последние десятилетия XX-го века ознаменовались окончательным торжеством научного метода, в результате чего сегодня можно говорить о существовании «тотальной» исторической дисциплины, изучающей уже не субъекты и объекты, события и периоды, а структуры и функции, менталитет и социальную деятельность народов.¹⁴ В плане равноценных составляющих для исторического исследования сюда относятся такие вещи как сельские праздники, этнография детства, болезни и неврозы, сновидения, библиотечное дело, инструментарий алхимика (палача, акушерки, цирюльника), моды, колебания цен, реестры, переписи населения, бухгалтерский учет, эпитафии, жаргон, устный фольклор и т.д. и т.п. Перефразируя Гамлета, можно сказать, что «Цезарь» ныне не более ценен, чем «затычка», на которую пошел его прах.

Однако, несмотря на явный интеллектуальный рывок и прогресс, любая революция всегда найдет себе предтечу, если хорошенько поищет. Во всяком случае, сразу приходят на ум эрудиты и филологи поздней античности: Плиний Старший, Страбон, Павсаний, Каллимах, Гесихий, Варрон, Сервий, Дионисий Галикарнасский, Марциан Капелла, Атеней, Авл Геллий и ряд других.

В каком-то смысле указанный «тотальный метод» можно считать развернутым ответом на призыв Ранке «описывать факты, как они происходили», хотя изначально к этому стремились и Тацит, и Геродот, и многие другие. Более того, некоторые простейшие, «стихийные» и чисто интуитивные, казалось бы, положения древних историков во многом предваряют новейшие теории. Уж на что само собой разумеющимся выглядит стремление Геродота описывать всю известную ему ойкумену, но на деле оно явилось раздражающим по

¹⁴ Примером того как историческое исследование предстает в виде точной науки может служить работа Ф. Симиана и Э. Лабрусса, где математическими методами проанализирована статистика производства, цен и заработной платы для выявления циклических закономерностей. К этой же области отнесем выявление экономических циклов и трендов Н. Кондратьева, Ф. Броделя и Э. Валлерстайна, а концепция демографических циклов давно уже стала хрестоматийной.

своей революционности вызовом культуре «грекоцентризма» и побудило патриотически настроенного Плутарха к написанию трактата «О злонамеренности Геродота». А установка Тацита не на «славы» и моральные поучения, а на работу «без гнева и пристрастия» никогда не потеряет актуальность, но всегда останется скорее чаемой, нежели реально бытующей нормой.¹⁵

В исторической перспективе не столь уж банально звучат высказывания об «основательной проверке» (Фукидид), о поиске «смысла и причин» внешнего течения событий (Тацит). Полибий называл свою историю «прагматической», и в ней действительно заметны зачатки научного подхода (в частности, идея формирования индивидуума исторической средой). И это вовсе не мешало ему учитывать системность и диалектику исторического процесса¹⁶ в положении о смене политических форм. Посидоний отстаивал значение географического детерминизма и зависимость характера исторического субъекта от местных климатических условий. Не слишком отставал и Восток: сравним тезис знаменитого историка Сыма Цяня о смене духовных принципов государственности, а геополитический фактор, важность которого теоретически обосновал Ибн-Халдун, едва ли не в тех же самых терминах используется сегодняшними идеологами.

Однако в реальности современное положение исторических наук выглядит далеко не столь безоблачным и «прогрессивным» как может показаться исходя из картины множества научных школ, дисциплин и вовсе несчислимого количества научных публикаций. Системный, «тотальный», подход, основанный на строгих научных критериях, никоим образом не мог осветить всё многообразие открывающейся реальности, что инициировало возникновение локальных исследовательских школ и проектов с их интересом ко всяческому уникальным и экзотическим моментам, к частностям и подтекстам, вплоть до форм языка и мышления самих историков. Для таких ученых как М. Оукшотт, К. Гинзбург, Дж. Леви, Р. Дарнтон, П. Джойс,

¹⁵ Вот, можно сказать, клятва Гиппократ в историософском варианте, равноценное «не навреди!», поскольку объективный историк тот же хирург в своей работе по рассечению и сшиванию смыслов, фактов и виртуальных пространств.

¹⁶ См. указание Полибия (III, 1) на «наилучший двоякий способ изложения»: «ознакомление с целым много помогает уразумению частей; с другой стороны, знакомство с частностями много содействует пониманию целого»

Гринблатт и др., не глобальный Метанарратив и поиск общих структур, а «нормальное исключение» есть главный объект изучения. Карло Гинзбург признал, что тем самым история возвращается к тому, с чего начиналась в античные времена – «к событиям и индивидам», только обогащенная горьким знанием «об обманчивой натуре большого исторического нарратива» и «пониманием фрагментарности доступного знания».

Критицизм и индивидуализм Школы Анналов в эпоху ПМ стал казаться уже вполне архаичным. Прошрое, говорили новейшие критики, это «инаковость», сама его понятность есть результат наивного субъективного взгляда. Прошлого вообще не существует, возражали суперновые, есть только некое информационное поле, присутствующее в настоящем. (Хотя и «присутствие» в терминологии постструктурализма, приобрело репрессивный характер). Более мягко прозвучало мнение о том, что история это роман, основанный на реальных событиях (эдакое интеллигентное возражение Волаанда против теории всеобщего «отсутствия»). Этапной в данном аспекте стала книга Хейдена Уайта «Метаистория». Основной ее вывод: обычный человеческий язык не может избежать образности, фигуративности, поэтому любая реальность есть модель реальности в форме того или иного риторического/поэтического тропа, метафоры.

Короче, распрягайте, хлопцы, коней, да лягайте почивать. Это многих шокировало, но и многим понравилось. Поль Вен в книге «Как пишут историю. Опыт эпистемологии» (М., Научный мир. 2003) на 350 страницах доказывает, что истории с большой буквы более не существует, она есть то, чем делают ее без нашего ведома условности жанра. С ним согласен Мишель де Серто: прошлое это место «интереса-удовольствия», это сцена, где историк разыгрывает роль специалиста. Подобные высказывания легко умножить, но наука все-таки не готова до конца раствориться в литературе. Всегда есть надежда, что придет некий умник и вновь расставит фигуры на доске, даст всем сестрам по серьгам, а дуракам по шее. Есть не только гиганты академического корпения над материалом, вроде Фернана Броделя, но и трезвые оценщики оного, наподобие Фрэнка Анкерсмита¹⁷.

Собственно, последний ничего не добавил к Уайту, Вону, де Серто, и не опроверг их положений. Зато он поступил как опытный и

¹⁷ Автора переведенных на русский язык книг «Нарративная логика», «История и тропология: взлет и падение метафоры» и «Возвышенный исторический опыт».

мудрый врач-психотерапевт: всем всё объяснил, уточнил, успокоил и острые проблемы, как говорится, «перетёр». Если до этого стояла проблема с положением ПМ, то после этого ПМ остался, а проблема уже не стоит. Не все удовлетворены, но все спокойны. (Дедушка Фрейд прослезился б от счастья). Когда проблема («травма») со всех сторон рассмотрена и все вопросы выговорены, она уже перестает быть проблемой, а становится незаметной частью реального «пейзажа», и даже те, кто лишь о ней и думает, делает это уже по-другому. С чувством эстетического удовольствия и высокого морального удовлетворения. Если раньше кто-то вздрагивал от фразы, что «нет ничего, кроме текста», то теперь он знает, что сам текст не столь уж важен в сравнении с его интерпретацией, каковая тоже лишь повод для дальнейшей войны интерпретаций внутри ученого сообщества. Сообщество растет, информация множится, лавина мнений погребает под собой ничтожное количество установленных фактов. «Выдающиеся работы по истории..., – пишет Анкерсмит, – Токвиля, Маркса, Буркхарта, Вебера, Хейзинги, Броделя... являются наиболее мощными стимулами для появления новой волны публикаций, вместо того, чтобы положить конец информационному потоку, как было бы в случае, если бы какая-либо проблема была ими решена раз и навсегда...».

Плохо ли это? Оказывается, не совсем. «Любой человек, кто знает только одну интерпретацию, например, «холодной войны», не знает вообще никакой интерпретации этого феномена». Но в то же время это и не совсем хорошо. «Чем более высококачественные интерпретации мы имеем, тем более скомпрометированным становится идеал «правильной» интерпретации». Что остается? Угадали: «радость текста». Язык прошлого – язык исторического нарратива. Читайте! А если можете – интерпретируйте.

Ну вот, и тациты целы, и февры с уайтами сыты. Всё, что произошло, уже проинтерпретировано (не успели? присоединяйтесь!), а то, что произойдет, никуда не денется от интерпретации. Последним – методологическим – словом в данной ситуации стало пожелание Пьера Бурдьё историкам «подвергнуть историзации самих себя». Врачу: исцелился сам! Это, конечно, не так уж и просто, как во времена Гиппократы. Легче дело обстоит с массовым потребителем исторической «материи» (повествований и фактов). Как верно заметил Г. Люббе, данный материал становится консервативным средством компенсации и релаксации в ответ на ускорение прогресса. Причем, более старое является и более ценным, т.к. оно устаревает не так быстро, как – вчера еще – новое. А вот попробуйте выполнить наказ

мэтра Бурдые, когда любая рефлексия трансформируется средствами массмедиа, а всякий рефлексант потерял общественное доверие и сам уже не способен к консенсусу!.. Последняя открывшаяся истина это понимание того, что нет никакой последней истины. Это на сцене МХАТа можно было сказать – «верю!»/«не верю!», а на сегодняшней исторической сцене совершенно неясно, верю ли я в то, что ни во что не верю, или всё как раз наоборот, т.е. иначе, чем может быть?.. Вот, в чём вопрос! А вы всё – «Гамлет, Гамлет!»...

После ряда революционных «поворотов» – позитивистского, социологического, антропологического, лингвистического, после «уклонов» в макро- и микроисторизмы, аналитику и синтез, риторику и психологию, политику и гендерный вопрос историки вновь оказались на перепутье с разбитыми скрижалями в руках.

Весьма характерными и символическими, по отзывам журналистов, представляются итоги 19-го исторического «Конгресса Тысячелетия», прошедшего в 2000 году в Осло, на котором присутствовали более 2500 историков из более чем 70 стран мира. Среди выступавших – лидеры историографии, Хэйдэн Уайт, Фрэнк Анкерсмит, Эрик Хобсбоум, Ханс Келлнер, Георг Иггерс, Натали Земон Дэвис, Энн Ригни, Йорн Рюзен, Александр Логунов и многие другие светила мировой науки. Да и темы докладов впечатляют широтой охвата – от «универсальной истории континентов» до «культурной истории суицида в Венгрии».

И что же? Какие «ц.у.» оставили гуманитариям всего мира лучшие их представители? На чем сердце успокоится у рядового любителя истории? Вкратце о главном. Пытаясь деконструировать «репрессивные модели исторического знания», исследователи пришли к неутешительным выводам. «В большинстве дискуссий на теоретические темы муссировалась мысль о невозможности истории в качестве цельного интеллектуального проекта, который бы помог понять современным исследователям мировые процессы и тенденции».¹⁸

¹⁸ А с литературой того не легче. Модернистский роман, а la Джойс, давно стал классическим, читай – «репрессивным», т.н. «новый» (Натали Саррот, Ален Роб-Грийе) – давно устарел. Постмодернисты и концептуалисты, вдоволь насмеявшись над избитыми формами репрезентаций, сами незаметно погрязли в оных, ибо нельзя рожденному в болоте репрезентаций вытащить себя за волосы, как некогда пропагандировали сторонники нового мира – Карл Призрак, Максимильян Буревестник, Кремлевский Мюнхаузен и прочие сектанты-шестидесятники.

А если еще конкретнее? Будьте любезны: в докладе Йорна Рюзена об изучении глобальной истории в глобализирующемся мире сама суть одного концепта была поставлена под сомнение в связи с теоретической и прагматической пристрастностью исследователя, отражающего не столько «глобальную историю», сколько глобальные представления собственной личности.

Грустно, но хотя бы честно. Но не один Рюзен был столь объективен в этой области субъективных наук. Патрик О'Брайен пожаловался на «ограниченность европоцентризма». Лейла Рапп – на устаревшие понятия о половых и этнических различиях. Наконец, Моше Циммерман недвусмысленно дал понять, что главная проблема не в личных пристрастиях и узком кругозоре: многие ученые, к сожалению, демонстрируют яркие образцы того, как исследователь способен манипулировать исторической памятью в интересах какого-либо слоя общества или государства.

Если б только интересы! Большинство участников Конгресса было признано, что индивидуальное исследование не может объяснить причины, содержание и перспективы развития обществ, государств, континентов. И. Рюзен, Х. Уайт, Х. Келлинер, Э. Ригни, Ф. Анкерсмит и другие мэтры научноисторического дискурса признали не только конструируемость исторического сознания и неспособность рационально проинтерпретировать новейшие кризисы XX века, но и пришли к утверждению об отсутствии закономерности в появлении самих исторических событий. Таким образом, «конструируемость», разнородность и несоизмеримость исторического опыта была объявлена единственной общечеловеческой универсалией. Что же остается на долю историка? Энн Ригни предложила ограничиться «эстетическим любованием» и «позитивным волнением» при встрече с «принципиально необработываемым событием», а каково оно само по себе, не столь важно. Лучше того: в согласованном резюме прозвучало, что единственной мотивацией историка остается любовь к «своему ремеслу», как таковая. То есть – любительство(!). Весьма показательный исторический итог тысячелетий. Но не вешаться же теперь, тем более, что оставлена такая приятная коммунистическая лазейка, уравнивавшая в правах профи и профана. Впрочем, вряд ли «кающиеся дворяне» научного дискурса и впрямь поделятся грантами и кафедрой с дилетантами. В лучшем случае ограничатся совместным эстетическим волнением...

Как же дошли мы до жизни такой? Я говорю «мы», потому что дело вовсе не касается одного только Запада. Вот, к примеру, высказывание отечественного историка Д.М. Володихина (отметившегося между прочим серьезной критической работой на тему псевдоисторизма): «Дороги не видно, указатели сошли с ума, колея упирается в темный лес»¹⁹. И провозглашает (хочется верить, не без иронии) единственно возможный для истории способ самосохранения – превращение ее... в отрасль шоу-бизнеса.

Вспоминается здесь даже не столько закат античной Европы, сколько нечто более древнее – доисторическая эпоха мифосознания, анимизма, природных стихий, время Ананкэ-Судьбы и глобального фатума-рока. Кто сказал, что циклизм остался в далеком прошлом? Это понятие «прогресса» выглядит сейчас немного неприлично. И вновь могут понадобиться сократы и тациты, полибии и даже геродоты. Об ибн-халдунах уж и не говорю.

Ну а пока с тацитами еще решают, геродотов путают с геростратами, а полибии не могут ни о чем между собой договориться, всюю «гуляют по буфету» отвязные любители и активные старатели, ниспровергатели и «идефиксеры». Барашков-Асов, он же – Бус Кресень («потомок волхвов по линии Велеса»), Фоменко Неверующий («все врут календари!»), Носовский Отмороженный (последователь Николая Морозова), Петухов Илионский, по совместительству Критянин и Троерусский Патриот, Мулдашев Пещерный, прозревший глубинное знание (закопанное атлантами в Шамбале), Гриневич, Герменевт и Толковин (читает по-русски этрусков), Дёмин Гипербореец (борец за Заполярную Родину), Шилов Заднепровский, атаман шумеро-казацкой веданты и другие титаны паранауки. Подвиги этих гигантов отёчной отеческой мысли уже были рассмотрены в моей предыдущей работе (см. «История нетрадиционной ориентации. Легенды и мифы всемирной истории». М., Яуза. 2006. Серия «Мифы без грифа»), но за героями-одиночками идет плотная рать их последователей. Трепещите, жалкие профи! Вы сами вызвали этот вал...

¹⁹ Володихин Д.М. «Призрак третьей книги». Методологический монизм и «глобальная архаизация» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 9. М., 2002, с. 66.

Часть II. Слово о полку потешном и серьезных пацанах

II.1. Херъ с большой буки, или Научим Родину любить!

Естественным результатом стресса и шока от современной реальности и постмодернистской атмосферы стал регрессивный ответ в виде поиска успокоительных духовных основ и национальной идентичности в Светлом Прошлом, которое для этого соответственно препарируется (т.к. с научно преподаанным прошлым подобная работа затруднена). И это лишь часть общего ухода в Иное. Типологически сходны с этим модные «регрессы» в виртуальный мир эзотерики и фэнтэзи, но наукоподобие как-то лучше греет бывшего сотрудника умственного труда.

Для истинных патриот-интеллигентов Николай Бердяев, Павел Флоренский, или Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров не примеры, на них они не ссылаются и их трудами не интересуются. Даже те из современных авторов, которые любят цитировать научные источники (как Мих. Задорнов и пр.), все же предпочитают маргинальных ученых, видя в них свое отражение. По-своему, они правы, т.к. их собственные книги, созданные методом «как можно проще и звонче», находят немалое количество читателей-«образованцев» (по известному выражению Солженицына), и потому хорошо окупаются. Такой патриотизм не требует особых интеллектуальных затрат, но сам ответно хорошо поддержан рублем. Здесь имеется и чисто психологический, скорее даже – психиатрический – момент, поскольку маргиналы всегда легко замечают друг друга и тянутся к своим. Что уже немало. Агрессивное полужнание – это сила. Тут и к Бэкону не ходи.

Но еще раз укажем на определенную объективность и неизбежность подобных процессов. В эпоху постидеологическую понятна тяга к возрождению мифологии, пускай доморощенной. Духовное разложение «в усмерть» зарефлексирующей гуманитаристики вызвало эту «природную» ответную реакцию. После путаницы хочется ясности, после признаний в бессилии науки хочется первобытной силы, после «чернухи» – красоты. И потребитель готов к потреблению, смешно было бы предлагать ему занудных, усыпляющих академиков, тем более, разную одуряющую «дериду».

Ну и научные формы и методы создаются тут заново, как в старину – синкретически. Логика, цифры, факты – сегодня, в эпоху новой мифологии, это чисто технический инструмент для внутреннего пользования, а в идеологической (демагогической) полемике это признак слабости, наивного и устаревшего интеллигентничанья. Хотя

совсем не тривиально выглядит сложное смешение обиды за Родину, конспиративизма (борьба с мировым заговором) и романтической любви ко всему тайному и таинственному в истории.

Легко потеряться и утонуть в море подобных публикаций, сумасшедших идей и безапелляционных мнений. Националисты-провинциалы отвечают на вызов глобализма возрождением несуществующих, и кардинальной переделкой реальных, культурных корней. Племя древних укров становится альтернативой обидному для самостийного сознания понятию Украина. Фоменковцы устраивают загонную облаву на Скалигера: скалигеровцы, т.е. остальное человечество, разделяющее привычный исторический календарь, в их глазах есть враждебная партия, узурпировавшая духовную власть, и против нее всё дозволено. Патриоты доисторической истории колдуют над новоязом; неоязычество требует нового языка. И так далее. Но есть немалые различия в подходах. Кто-то просто развлекается. Например, поэт и языческий философ-эзотерик, Евгений Головин, автор книги «География магического мира», с некоторой ленцой сказочного Емели эпатирует обывателя высказываниями наподобие следующего: «Только слабость и ограниченность наших органов чувств заставляют нас замкнуть Мать-Землю Гею в какой-то шар, который непонятно зачем крутится вокруг какого-то Солнца. Всегда поражает невероятная бессмыслица научных перспектив».

Но это высказывание-дразнилка пресыщенного постмодерниста из гламурной тусовки, своего рода искусство для искусства. Другое дело идейно заряженные подходы людей неравнодушных. Их выстрелы, хотя и холостые с научной точки зрения, но зато в меру громкие и с заявленной целью. Пр процитирую положения достаточно характерные для общей тенденции.

Балтика – международный журнал русских литераторов.
<http://www.baltwillinfo.com/baltika-4/baltika-6.htm>:

«Я хочу, чтобы русский читатель задумался над нашими общими истоками, и [хочу] напомнить ему, что человеческие гены, передаваясь из поколения в поколение, живут тысячелетиями. Но зов крови, самое сильное, что есть в человеке, можно заглушить. Если отнять у него историческую память и знания, накопленные предшествующими поколениями... тогда на смену духовности приходят низменные инстинкты... Те, кто бездумно твердит о тысячелетней культуре и государственности Руси, вольно или невольно способствуют этому. А остальные тысячелетия куда девались? Ведь по меньшей мере еще три более ранних тысячелетия наши пращуры документировали письменно...

...троянцы у россиян позаимствовали и азбуку и первоначальный характер письма. А затем уже у этрусков и троянцев (и тех и других, как и россиян, называли еще "пеласгами") переняли фонетическое письмо все остальные. Это нам, темным, наши профессора толкуют, что шестистопный дактиль – детище гения эллинов... сами-то эллины, надо думать, не забыли, что поэтический гекзаметр подарили им затворенные в Дельфах пифии, борисфенские прорицательницы, то есть женщины россиян...».

Непонятно, зачем нынешняя профессура покрывает древних воришек, но, видимо, есть у них свой местечковый интерес.

Не менее категоричен писатель Владимир Белинский в своем «антимоскальском» романе «Страна Моксель». Откуда есть-пошла Москва- Московия. http://www.ukrlife.org/main/evshan/moxel_23.htm:

«...только с появлением на Русском престоле Екатерины II... правящей элите удалось загнать сюжет Московской истории в заданное проимперское русло, своровав у Киевской Руси ее законное название «Русь», приписав это имя финно-татарскому этносу Московии. Все было обосновано «по-потребе»: 1) Лживо облагородили Александра, так называемого Невского; 2) Сочинили миф о Москве, скрыв правду о ее татаро-монгольских прародителях; 3) Вернейшего защитника единства Золотой Орды Дмитрия Донского превратили в защитника «независимости Московии»».

Воруют, да-с. Не соврал имперский мифотворец Карамзин... Однако подобные перлы это всего лишь эмоции, эмоциональные интерпретации событий, гораздо более остро выглядят «откровения», полностью переворачивающие общеизвестные исторические факты.

Интервью Ярослава Кеслера «Экспресс газете» 13 марта 2003 г. <http://www.eg.ru/Print.mhtml?PubID=4115&Part=10>. Статья под названием «Херъ - значит божественный».

Вопрос журналиста Олега Гончарова:

«Что же это за суперимперия?

Кеслер: Конечно же, это не империя в современном понятии. Я бы назвал ее Византийской Организацией Объединенных Наций или Ордой. Со столицей Царь-градом, затем переименованной в Константинополь <...> слово «орда» означало «порядок». Однокоренным является и слово «род» <...>. Национальные языки – это не что иное, как порождение криптограмм-шифровок, которые рассылались во все концы империи с гонцами. [Весело. 30 000 одних курьеров! – В.Л.] Именно из зашифрованных депеш и родились многочисленные языки. <...>. Если из строителей получились турки,

из пастухов – скифы, то из бухгалтеров – евреи. Еврейская письменность, придуманная специально для бухгалтерских дел, предназначалась для кодирования учетных данных по собранной дани. И хорошо послужила развитию теневой экономики...: открытая информация записывалась праславянской азбукой и была доступна многим, а закрытая только избранным, то есть евреям.

Блеск. «Афтар жжот». Трудно остаться равнодушным. Никаких половинчатых «может» и «если», а сразу быка за рога и под топор. Видно, что автор не из тех, кто будет толкаться в передней у отморозенных «фольк-хисториков», он сам себе народоволец и может депеши рассылать.

Из интернет-откликов на статью: «Полная бредятина, еще круче, чем у Фоменко...». Другой отзыв: «Не там поместили, надо было в истории болезни». Но вот совсем иная реакция. Там же, некая Катя 17 лет: «Очень интересная статья. В истории столько надувательства, что неудивительно что два предыдущих оппонента высказались столь иронично. Да и не один еще так выскажется. С большим интересом почитала бы еще работы этого человека». Вот оно! Вокруг циники, насмешники, постмодернисты, ничего святого, а автор такой одинокий, непонятый, как Печорин, или Нестор, или Феодосий Печерский... его все обижают... Байронично-героические «кеслеры» и нестойкие «кати»... Раскрыта еще одна тайна новой «хренологии». Но вернемся к тайнам, раскрываемым в интернете сотнями.

<http://tayni.boom.ru/stat.htm>:

«До настоящего времени остаётся не выявленным авторство рукописи «Слова...». Наши исследования показывают, что рукопись появилась после смерти Игоря. Как и конструктор автоматического оружия генерал В.Г. Фёдоров, мы тоже считаем, что одним из авторов являлся тысяцкий Рагуил. Оказывается, что Рагуил привлёк к написанию произведения талантливому барда из рода жрецов, которому было около 40 лет. Рагуил жил и захоронен восточнее г. Любич в с. Павловка, а бард жил в соседнем селе Берёзово, в котором и захоронен. Третьим автором был приближенный Игоря и Ярославны, захороненный у с. Духново недалеко от могилы Ярославны, к западу от Трубчевска, Брянской области. В исследованиях, при уточнении ряда проблемных вопросов использовались экстрасенсорные и ясновидческие способности одарённых специалистов».

Это заметно, рядовые «паранормалы» вряд ли бы справились. А вот еще более оригинальный персонаж – очередной стихийный лидер ратного новояза, гражданин Минин Ю.П., мечтающий изгнать супостатов, засевших в столичных ученых кремлях. Человек постиг

сущность бытия в целом и родного языка в частности без помощи экстрасенсорики, одной только силой патриотической мысли.

<http://www.svoboda.ru/library/minin.htm#1>:

«Л-Ю-БОВ-Ь (людские-свойства у-буки-о-веди-приятные). КРЕЩЕНИЕ – к-радению-есть-приобщение. У-Л-Ы-Б-КА (у-людей-бессловесное-буки-естественное) – один из первых знаков любви. РУССКИЙ – радеющий-у-Слова-слов-плотских потребностей-и-свойства (соответствующие). Таким его сделала его история, его предки. И только такими могут быть его потомки, иначе вымрут как римляне или динозавры. Быть русским – это награда за дела предков или расплата потомками за дела современников. МУДРОСТЬ – мыслете-у-добра-радения-о-слове-твердом-приятно. Создатели Библии владели русским языком, по крайней мере, Иоанн Креститель и Иоанн Евангелист. ИОАНН – по-русски Иван, то есть, «который-зов-к-ведению-наш»; Почему второго брата звали АВЕЛЬ? Потому что «первый призыв (А)-ведения,-свойственного-людям-мягким», был от него. Так можно рассмотреть многие (если не все) библейские притчи, улавливая их сокровенный смысл. Во всяком случае, это не противоречит ни здравому смыслу, ни современной науке. Для грамотного читателя каждая буква была словом. Оказывается, что генетические коды «написаны», если не на русском, то, по крайней мере, на человеческом языке... Г.Г. Длясину удалось показать соответствие между знаками-аминокислотами генетических кодов и знаками-буквами русской азбуки, опирающееся на общечеловеческий праалфавит. Напр., К (како) – Asp (аспарагиновая кислота) – реализация телесных вещественно-энергетических потребностей. И (иже) – ile (изолейцин) – логическая связь ИЛИ частей процесса, его условий и т. п.; М (мыслите) – Lys (лизин) – информационные процессы необходимые для получения добра. Х (хер), Ф (ферт) – Туг (тирозин) – порождающее начало. [В.Л.: в другом месте у Минина чуть иная расшифровка: «хер-есть-радение (радость)». Смысл Х — порождение, оплодотворение]. Цель автора настоящей работы – дать СВОИМ близким (и дальним) нечто, чтобы хоть немного повысило их ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ и количество полученного СЧАСТЬЯ. У автора нет возможности обеспечить своих потомков материально. ...автор – мастер спорта по альпинизму, неоднократный рекордсмен, чемпион СССР, Москвы, почти 25 лет готовил спортсменов одного из крупнейших вузов культивировавших альпинизм. При сопоставимых исходных данных число несчастных случаев в альпинистской секции этого вуза было в десять раз меньше, чем у других. ...Забота о ВЫЖИВАЕМОСТИ дала СЧАСТЬЕ. Автор сорок лет занимался

разработкой информационных систем ракетных комплексов ПВО типа С-300, остающихся лучшими в мире... Жизнь контролировала слишком строго, чтобы позволять себе расслабляться на ошибки. Таковы гарантии автора, хотя от ошибок никто не застрахован полностью. Нет ложных теорий. Если они написаны, то бывают для кого-то полезными, а для кого-то – вредными».

Да, это от души. Нужно быть совсем черствым сухарем, чтобы из соображений чистоты и строгости науки насмеяться над таким человеком. А дали б вам (нам) гаечный ключ и пустили бы покрутить в ракетном комплексе?.. Много бы накрутили на радость врагу?.. Опять же, как «мене, текел, упарсин», реют в воздухе огненные речения постмодернистов о релятивной истинности всех речений.

Однако мало пользы от уединенной кабинетной игры в слова, нужно влиять на массы, и начинать следует с нежного возраста. А мастера у нас всегда найдутся.

РОССИЙСКАЯ НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. Историко-культурное объединение «РОДИНА». Союз патриотических организаций Урала и Сибири. Липатниковский православный казачий круг. Русское освободительное движение (РОД). Международная ассоциация психоаналитиков. Средняя общеобразовательная муниципальная школа № 52.

ГЛАГОЛЫ РУССКИХ МУДРЕЦОВ. Учебник-хрестоматия по истории, для учащихся 5 - 11 классов Средних Общеобразовательных Школ, а так же их Родителей. С приложением и объяснением сокровенных тайн Русского Языка и последующих Языков Рода Человеческого, открытых и составленных Платоном Лукашевичем.²⁰

Составитель: А.А. Шаршин – школьный учитель.

Рецензент: академик Михаил Петрович Щетинин.

[в редколлегии, среди прочих]: Белякова Галина Сергеевна – доктор исторических наук. Москва.

Баженов Александр Васильевич – кандидат медицинских наук. Омск.

Гриневич Геннадий Станиславович – ст. научный сотрудник РФО. Москва.

²⁰ Платон Лукашевич (1809-1887) – украинский фольклорист, знакомый Гоголя по Нежинской гимназии, автор книги «Чаромутие или священный язык магов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем» (СПб., 1846).

Доронин Анатолий Иванович – создатель музея К. Васильева. Москва.

Клюев Владимир Михайлович – директор клуба. Москва

Суздальев Геннадий Матвеевич – русский поэт. Челябинск.

Сергеев Юрий Васильевич – русский писатель. Москва.

Шилов Юрий Сергеевич – академик украинской АН. Киев.

Изд-во «Околица», Челябинск, 2002.

Авторское право на сей труд принадлежит Русскому Народу.

ОГЛАВЛЕНИЕ (сокр.):

ПРОВЕДЕНИЕ.

ГЛАГОЛ 1.

История языка – история народа.

Речение 1. Очаровательный дар Слова.

Речение 2. Воины Света.

Речение 5. Дорога в будущее, лишь чрез покаяние и исправление ошибок прошлого.

ГЛАГОЛ 2.

Мифы Народа о возникновении Мира и Человека.

Речение 1. Песни птицы Гамаюн.

Речение 3. Яйцо Кощея.

Речение 4. Русский миф «О потопе».

ГЛАГОЛ 3.

Древнейшие царства-государства.

Речение 1. Шорох Вещего Леса.

Речение 2. Загадочная Атлантида.

Речение 3. Гипербореи – повелители ветров.

Речение 4. Солнечная Аратта.

Речение 5. Аркаим – страна городов.

ГЛАГОЛ 7.

Русь Богоносная, Светлая.

Речение 1. Миллионлетние исторические корни.

Речение 2. Венчание Православной Руси и Церкви Христовой.

Речение 3. Тайна обретения, сожжения и возрождения «Слова».

Речение 4. Вставайте Люди Русские.

Составители хрестоматии лишь собрали в единое целое, маленькую часть тысячелетнего Труда Могучего Русского Народа, давным-давно уже сказавшего Миру все самое Важное! <...> Запомни: в книге нет ни одного случайного знака, поставленного просто так. <...>

На этом трудном тернистом пути твоим проводником будет Школьный Учитель... Каждая эпоха, каждый народ имеют своих

учителей – великих и незаметных, но всегда Мудрых и великодушных... А оценивать твои промахи и победы будут суровые судьи, древние Мудрые Боги: Бабушка Яга, Дедушка Велес, Рада и Мезень. ...БАБУШКА ЯГА – БОГИНЯ МЫСЛИ. Сама Буря Яга владеет мудростью всей Земли, и когда она ещё в девицах ходила, то зарок себе дала, что станет женой того, лишь кто её в Чистом Поле силою разума одолеет. И никто не мог, ни на земле, ни под землёй поразить дивчину. ...Некоторые литературные переводы ведических текстов «Влесовой Книги», сокрытых в «Слове о полку Игореве», первом источнике «Живой Воды». КОРНЕСЛОВ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА, составленный Платоном Лукашевичем. Киев 1869г. Из Памяти Народа было стёрто имя Платона Лукашевича, его книги были спрятаны в самых недоступных хранилищах библиотек. Из Русского языка изъяли несколько очень значительных букв и тебя приучили изучать в школе, обрезанный Русский язык. Тень знала, что надо делать. Чем же так сильно напугал Тень, Платон Лукашевич? Он постиг закон образования всех языков Народов Мира и тайны чисел... Изучив более 40 языков, сравнив и осознав их и мировую историю... он пришёл к неопровержимым выводам: 1. От сотворения Мира Род Человеческий имел единый всеобщий язык - ИСТОТНЫЙ. 2. Со временем по разным причинам из него образовались иные языки - ЧАРОМУТНЫЕ. ...ИЗ СЛОВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ ПУТЕМ ЧАРОМУТИЯ ОБРАЗОВАЛИСЬ ГЛАВНЫЕ ЧАРОМУТНЫЕ ЯЗЫКИ. НАРОДЫ, очаромутившие Истоту, стали называться: ТАР-ТАРЫ либо ВАР-ВАРЫ. Главных чаромутных языков было гораздо меньше, нежели почаромутных, они занимали огромнейшие пространства земного шара и делились: 1. На собственно-Славянские или несовершенно чаромутные. К ним принадлежали Языки: Европы, Малой Азии, Сирии, Персии, всей Индии, Аравии, Египта, Нубии, Абиссинии, Северной Африки. Во всей этой темной и таинственной истории вновь просматривается невидимая рука нашей старой знакомой-изменницы, жадной Тени. Тень предощущала скрытую в «Слове» угрозу Света и предприняла очень жесткие и жестокие меры для своей защиты. К тайному советнику графу Мусину-Пушкину был направлен английский посол, который настойчиво пытался выкупить рукопись «Слова» за любые деньги. Получив жесткий отказ, жадная Тень не успокоилась, собрав несметные полчища во главе со своим поделщиком Наполеоном, она ринулась на захват Москвы. Москву, конечно, Наполеону удержать не удалось, но в московском пожаре 1812 года сгорел дом А.И. Мусина-Пушкина... с древним оригиналом «Слова о полку Игореве».

«ЧЬЯ ТЕНЬ СТОИТ ЗА РАССТРЕЛОМ ПУШКИНА ?» (Журнал «Русская Мысль» № 1-6 за 1994 г. В.А. ЗРЕЛКИН): «Смерть А. С. Пушкина последовала вскоре после того, как он стал готовить критическое издание к «Песне о полку Игореве». Тогда кто же он, Жорж Шарль Дантес, барон Геккерен, – обиженный Гением щеголь или наемный убийца? И что послужило сигналом для возобновления им ухаживаний за женой Пушкина? Не похожее ли на масонский донос письмо А. Н. Тургенева, посланное им в декабре 1836 года государственному преступнику, приговоренному в России к пожизненной каторге, своему брату Н. И. Тургеневу: «Я зашел к Пушкину справиться о «Песне о полку Игореве», коей он приготавливает критическое издание...».

ЗРИМ В КОРЕНЬ. Записываем по слогам в одну строку и свиваем Слово старое и новое: НЫ. НА. ПО ГА НЫ Ъ. ПЪ ЛЪ КЫ. КЪ НЯ ЗЕ МЪ. СЪ ЛА ВА. А. ДЪ РУ ЖИ НЪ. А МИ НЪ. НЪ МИ А НЪ ЖИ РУ ДЪ А ВА ЛА СЪ МЪ ЗЕ НЯ КЪ КЫ ЛЬ ПЪ Ъ НЫ ГА ПО НА НЫ... Разбиваем на Слова: НЪМИ-А НЕЖИ: РУДЪА, ВАЛАСЬ, МЕЗЕНЯКЪ, КЫЛЫПЪ ЪНЫГА ПОНАНЫ... Получается: Нами – а нежи: Рада, Велес, Мезеняк, Вьюга Яга поныне... Разбиваем весь текст Екатерининского списка «Слова» по Слогам, берем каждый седьмой Слог, соединяем их и разбиваем на Слова: СЕРЫМ ВОЛКОМ ПО ЗЕМЛЕ. СИ СЫВГО БЯНАС, НЫОВЪСТ, ИНИГО ПОБОВЪХО ВО КАЮМ ЪМ ЛОКЫРЕ РЕТОІ. ТА ТО. Ты сего понял, не ожидал, иного побивало, не видать им, лодырям, полета...

Запомни: ЧАРНАЯ ИСТОТЬ – ПРОЧТЕНИЕ ИСТОТНЫХ СЛОВ СЛОГАМИ, ВНУТРЬ И ОТВНЕ. Попробуй записать Чарной Истотью и понять предназначение и сокровенный смысл Своего Имени, Имени Родителей, своего Учителя, Президента страны... Наш современник Геннадий Станиславович Гриневич – Воин Света с Большого Числа. Человек, сумевший заставить заговорить древнейшие письмена, приоткрывший Миру двери в прошлое и в будущее России. Учёный, неоспоримо доказавший Человечеству, общность Русских родовых корней с древнейшими народами: этрусками, критянами, протоиндийцами».²¹

²¹ Еще раз сошлюсь на свою работу 2006 года, где среди прочих рассматриваются и «открытия» Геннадия Гриневича. Но не совсем мне понятно, кто это «зрит в корень»? Лукашевич, Пушкин, Гриневич, Прутков, или все-таки Зрелкин? А детишек жалко, не видать им, лодырям, полёта.

Круто. Особенно мне нравится щедрое использование заглавных и «caps lock» в целях наилучшего психологического проникновения. Несколько странно, правда, наряду с терминологической романтикой «Воинов Света» обнаружить «подельника», хотя без обрезанных масонов и поруганных наполеонов труднее «ошетинить» детей и подготовить их к жизни в современном мире. «Ни одного случайного знака»! Видимо, и сами «Глаголы Мудрецов» объективно противостоят «Протоколам» большей истотностью своего чароумия...

Только вот «тартары-варвары» тоже не желают прохладиться «в тени» истории, а прут напролом с чингизовой прямоотой. Кто там не спрятался?.. Грядущий хан не виноват!..

Академик, специализирующийся по татарскому синтаксису, М. Закиев ищет и находит примеры языкового, культурного и м.б. этнического влияния татар на обширной территории Евразии. Чем, скажем, плохо сравнение города Самары с древним Шумером? Или Казани с древним народом кушанов?..²² Особенно продуктивен оказался этноним «ас», напоминающий о древних племенах асов-ясов, первоначально – ираноязычных алан. Тюркское родовое имя «ашина» (трактующееся рядом ученых как «волк») не избегает сравнения с «ас», как и молдавский топоним Яссы и столица Казахстана Астана. Дальше – больше. И боги древних скандинавов, Асы, по Закиеву, происходят от тюрков-асов, а вот название «Исландия» немного попортилось со временем, хотя, в принципе, и так сойдет – страна тюрков-исов. Потомки древних шумеров до ледовых широт поднялись!

Тут, конечно, возможны и некоторые коррективы. Жадность первородства до добра не доведет, лучше бы взять этих шумеров, да поделить! Башкирский писатель С. Галлямов в книге «Великий Хау Вен» (Уфа, 1997) считает, что шумеры – это древние башкиры, давшие миру династию персидских царей Ахеменидов, а курды – это оставшиеся на далекой прародине «малые курды», в отличие от великих – «баш-курдов» Башкортостана.

Что ж, делить, так по-честному! Чувашский краевед-любитель Геннадий Егоров в своей книге «Воскресение шумеров» настаивает на том, что с одиннадцатого до третьего тысячелетия до н.э. «только один народ жил во всей Месопотамии» – «прото-чуваши». Восемь тысяч лет жили себе – не тужили, и так бы и по сю пору, но не вечен рай земной.

²² См. И.Л. Измайлов. «Звезда Поволжья» №№ 17-21, апрель-май 2003 г. «Незаконнорожденные дети господ журналистов, или о навязчивом шумеро-булгаризаторстве истории татар». <http://tatarica.narod.ru/history/index.html>.

Налетели на них безжалостные семиты, и одна группа шумеров, «низовых чувашей», мигрировала к восточному Средиземноморью и затем в Юго-Восточную Европу, где продолжала пользоваться клинообразной письменностью, найденной сравнительно недавно в Румынии. А та часть шумеров, которая осталась, была позже изгнана из Месопотамии новой семитской волной, народом аккадцев, в Центральную Азию, после чего оказалась в Поволжье, где «воскресла» под именем «верховых чувашей».

Впрочем, не Шумером единым!.. Писатель Н. Фаттах, ранее прочитавший знаменитый Фестский диск на мишарском диалекте татарского языка, обнаружил, что древние египтяне и греки были татарами, да не простыми, а вполне конкретными выходцами из... Нижегородской губернии! (Эх, лишь бы не прознал про то «Воин Света» Геннадий Гриневич!). По мнению Фаттаха, греческое слово «театр» происходит от татарского «ти-э-тор» (продолжай смотреть), «Аполлон» – от «Аб/об-алла» (бог-прародитель), «Зевс» – от «Йэфес» (библейский пророк) или «жэфес» (бог-нить), «хаос» – от «хава» (воздух), «Троя» от «тэрэ», миф об Одиссее прямо восходит к татарской сказке «Шурале». В общем, «тартары», «тартары», кругом одни «тартары»...

Не отстает от указанных авторов и преподаватель казанского вуза Р. Набиев, в чьей книге раннесредневековый народ булгар открывает Северный морской путь в Скандинавию. Кстати, и создатели славянской письменности Кирилл и Мефодий (имена которых, по мнению Набиева, неизвестны в христианском именнике) говорили потюркски. Естественно, славянский алфавит был создан на основе булгарских рун, а все русские летописи – это всего лишь «поповские легенды XVII - XVIII вв.». Ко всему прочему название Варшавы происходит от маньчжурского варшань – «западная», Суздаль – от сэмэ далань – «вонючая запруда», Киев – от китайского кяо – «мост», Палестина означает Баллы-стан – «Медовая страна», а Кордова – кар-ява – «снег идет»... (Ох, горячо!).

А вот новая книга журналиста А. Айзахметова «Рождение тюркского мира». Как и в предыдущей книге – «Колыбель царей человечества» – автор, на основе известных только ему археологических и лингвистических данных о морских народах далекого прошлого, доказывает (то бишь – клянется своим честным словом), что древние цивилизации Микен, Крита и Трои создали... ну не собственно турки, коих в классическом виде тогда еще не было, но – тогда – прототурки! (См. Асылбек Бисенбаев «Другая Центральная

Азия». Онлайн-версия книги изд. г. Алматы в 2003 г. <http://www.kyrgyz.ru/?page=172>).

Другой автор, Ш. Куанганов, не сомневается, что прототюрки достигли Западной Европы и «создали здесь свою государственность, стали аристократической правящей элитой. На Пиренейском полуострове они основали процветающие государства Куртобе (Куртоба), Татос (Тартос). Фольклорные Аргыны в качестве аргонавтов напоминают старую притчу о казахах-мореплавателях, которые основали Аргентину (землю аргынов), Конго (землю тюркского народа канглы), Саксонию (земля саков, родичей скифов) и т.д. (Куанганов Ш. «Арий-гун» сквозь века и пространство: свидетельства, топонимы». Алматы, «Билим», 1999).

И наконец, самый «звездный» и «чингизоидный» из неотюркофилов, местный Фоменко – Мурад Аджи. Оказывается, тюрки-кипчаки, и прочие половцы с кумыками, дали Европе и культуру, и технологии, и язык, и религию (христианство это переделанный культ Тенгри). Как пишет Аджи, «Границы Великой Степи до сих пор видны в Англии. Там они – память об англосаксонских походах, которые в V-VI веках возглавили, естественно, тюрки. Разгромив местных жителей, они основали свое «островное» государство со столицей в городе Кент (по-тюркски – «крепость из камня»), который дал название юрту, затем и королевству. А на противоположном берегу пролива Ла-Манш воздвигли город Кале («Кала» – по-тюркски «крепость»). Кстати, «Инг» в древнетюркском означает «добыча», так не отсюда ли название «Инглэнд», т.е. «Добытая земля»?..²³ (Журнал «Евразия». №1-2, 2001 г.)

Нет, что за прелесть эти сказки! Они самодостаточны, говорят сами за себя и не нуждаются в критике. К сожалению, нет такой чаромути, которая не нашла бы рьяных сторонников-неофитов и прочих «зачморенных» странников духа. Но не стоит уподобляться им и их излишней серьезности. Словами Энн Ригни (см. выше), такие

²³ В Интернете, как и в бумажных публикациях, можно отыскать еще множество подобных псевдоэтимологизаций. Дилетанты, не имеющие никакого представления об истории языка, о законах его эволюции, о строении слов и многом прочем, удовлетворяются простейшими – вневременными – созвучиями. И более того: нередко развеселые авторы доводят свои гипотезы до полного абсурда. Один пример: на сайте Mesogaya-Sarmatia некто Мариан Беленький трактует как иудео-хазарские топонимы – не поверите – Ленинград (lehengarten – «сад льна» на идише), Уренгой, Лондон, Париж, Нью-Йорк и т.п.

тексты необрабатываемы и ими можно эстетически наслаждаться, не задумываясь о негативе.

Сакраментальный вопрос: что находится посередине между фанатическим идиотизмом и циническим постмодернизмом? Каким термином обозначить мейнстрим?.. Коммерциализм, Виктор Олегович! Особенно востребован – патриотически направленный (а желательно еще и задорный)...

Видов и подвидов кабинетного патриотизма не сосчитать. Линии расходятся и пересекаются, контрасты переходят друг в друга, оттенки меняются, партии распадаются, пузыри надуваются и лопаются в бульоне концептов... Православные ортодоксы, империалисты глобалистского и антиглобалистского толка, язычники, метафизики, мистики, либеральные консерваторы, консервативные революционеры. А против них (а также вместе, под ними, над ними) демократы, космополиты, сектанты, сексменьшинства, опять же мистики и традиционалисты неисчислимых традиций. А ведь и в одной личности могут счастливо сочетаться взаимоисключающие идеи! Однако всё становится не так уж потешно и задорно,²⁴ когда слово превращается в дело и когда идейные споры разрешают весьма серьезные пацаны.

Но это уже совсем другая история.

II.2. Союз мутанта и химеры.

Как можно объединить или даже синтезировать таких на первый взгляд непримиримых противников, как два различных типа этномудрецов? Легко. И сделано это было намного раньше, чем сами эти мудрецы появились на свет. Евразийство – вот ответ на еще не заданный вопрос.

Классическое евразийство еще «при жизни» было расколото, раскритиковано (на что горько жаловался Н. Трубецкой), потерпело идейно-политический крах (как течение), а те из адептов, кто заигрывал с большевизмом, сами были репрессированы. Но сохранилась общая идея, идущая от славянофилов, Леонтьева, Данилевского и далее, в которой помимо утопических надежд есть и некий элемент духовной истины. Г. Флоровский писал: «Судьба евразийства – история духовной неудачи... это правда вопросов..., правда проблем, а не

²⁴ Кстати, в своей «исторической» книге про Рюрика юморист-сатирик Михаил Задорнов от всей души поносит вражью стаю норманнофилов и примкнувших к ней «дурашиков».

решений»²⁵. А. Кизеветтер (там же, с 266): «Евразийство есть настроение, вообразившее себя системой».

Пора однако разобраться со взглядами основоположников, без сомнения людей искренних и честных, беззаветно преданных родине (даже на чужбине). И начать, конечно, следует с евразийца «наибэ ван».

Н.С. Трубецкой «О туранском элементе в русской культуре»²⁶. Автор размышлял следующим образом: Простота, душевная ясность, устойчивое равновесие мысли, языка и культуры тюрка. Семит с удовольствием выискивает и казуистически разрешает противоречия, любит «ворошиться в... запутанных тонкостях», «семит делает за тюрка ту работу, на которую сам тюрк не способен». «Единый туранский этнопсихологический тип» с оттенками (монгол, тюрк, угрофинн) исторически стал частью русского нацхарактера. «Беспрекословное подчинение есть основа туранской государственности», но и сам правитель подчинен верховному принципу (с 71) – у нас – православие. Русская государственность, выйдя из татарской, «оправославилась» (сс 72-73). Наше православие, в отличие от греческого, далеко от богословских абстракций.

Бердяев на это в свое время заметил, что «Чингисхан им дороже Платона». В общем, туранская роль положительна, а вот романо-германское «иго» это Петр и большевики.

В статье «Мы и другие» (там же: РмЕиА, сс 77-89) говорится: евразийство против казенного православия и признает только такую монархию, которая бы была органическим следствием национальной культуры (с 81). Имперство Романовых, народничество, большевизм – результат романо-германской культуры. Народники также выбирали из народной культуры лишь близкое западным идеям социализма.

В статье «Общевразийский национализм» (Париж, 1927; РмЕиА, сс 90-99): ныне крайний русский национализм фактор антигосударственный, сепаратистский. В СССР одного идеала соцсправедливости недостаточно для национального мира между народами... нацсубстратом м.б. теперь только совокупная многонародность со своим национализмом – евразийским. С 97 – Евразийский народ это «расширение» национализма каждого, «симфоническое (хоровое) единство» (ср. еще «симфоническую

²⁵ Цит. по «Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология». Наука. М., 1993, с 237.

²⁶ «Евразийский временник». Берлин, 1925. Цит. по «Россия между Европой и Азией», 1993, с 65 и сл.

соборную личность» Льва Карсавина. – В.Л.) и общность исторических судеб, чего нет в панславизме и панисламизме.

Во всем этом была, разумеется, своя, частная и избирательная, интеллигентская, правда (а у кого ее нет?), но – несмотря на вселенские претензии – недостаточная для влияния на геополитику в первую очередь из-за неискоренимого интеллигентского утопизма и несовпадения с реальными идеологическими трендами того времени.

Согласно П.Н. Савицкому (там же, сс 100-160) – [Россия] степная цивилизация; русская культура получила от нее «скелет». Византия и эллинизм тоже по-своему евразийские культуры. Славянофильство устарело (провинциально и «домашне»). Европоцентризм придает универсальное значение делению народов по культурности/дикости, плюс его «воинствующий экономизм», материализм-атеизм (сейчас – либерализм. В.Л.). Всему этому нужно объявить религиозную войну. «Верующая личность должна быть соборна». Евразийская религиозность безразлична к прикладным формам практики (левая, консервативная и т.п.). «Без «татарщины» не было бы России» (с 123). Дотатарская Киевская русь – удельный хаос, упадок культуры... после – сила, государственность, «ощущение континента» на фоне «западно-европейского ощущения моря». В горниле «ига» выковалось русское духовное своеобразие и благочестие, космизм и духовность истинного, «хозяйского», экономизма. Но человек и хозяйственный субъект несовершенен и требует «державное иго», но не социалистический коллективизм, а хозяйственная соборность...

Как хорошо, что они не попробовали осуществить это на практике в качестве правящей партии! Ср. там же, с 172 (1927 г.) у Н.Н. Алексеева: «мы не хотим, чтобы избирателю его мнимые интересы вколачивала партия». Лев Карсавин (там же, сс 174-216): «Демотическое» государство должно быть единой и сильной идеократией, многопартийность изначально невозможна...».

Да уж! Поневоле задумаешься: большевизм шел не только от радикализованных низов и профессиональных революционеров.

В программном документе евразийцев 1927 года содержался призыв к народам СССР довершить революцию, укрепив и преобразовав советский строй, убрав интернационализм и западнизм. Евразизм выступает как третье решение между капитализмом и коммунизмом (с 220). Бердяев отмечает: «Восток Ксеркса» их пленяет, они не могут его победить в себе и не хотят его победить в русском народе» (там же, с 297). О том же Г. Флоровский (с 237): «...в пределы Евразии вводится слишком много Азии. Всегда есть пафос отвращения к Европе и крен в Азию. О родстве с Азией, и кровном и духовном,

евразийцы говорят всегда с подъемом и даже упоением, и в этом подъеме тонут и русские, и православные черты».

В конечном результате не помогли ни деньги неопита, английского миллионера Сполдинга, ни заигрывание с большевиками. Итог красноречив. Карсавин погиб в советском концлагере, не выдержав реальных условий господства «идеократии».²⁷ Петр Савицкий отсидел десять лет, репрессированы Д. Святополк-Мирский²⁸ и «чистый агент» Советов Сергей Эфрон, муж Цветаевой.

Критики евразийства обвиняли его адептов в «чингиз-хамстве», но к дворянским интеллектуалам сие, конечно, относится в гораздо меньшей степени, нежели к их сегодняшним продолжателям. Наш современник не просто принимает от классиков евразийства эстафету, но творчески развивает учение путем ужесточения ряда акцентов.

Консервативный романтик и эзотерик Александр Дугин глаголет: «Мы, русские, живем под сенью Чингисхана. Он принес нам не только иго с Востока, но и свободу от ярма Запада. Он распластал нас под своим владычеством, но научил нас бороться и побеждать. Он не просто организовал железной дланью континентальную административную машину... но передал нам основы государственного аппарата... Он... дал нам через свою кровь степную ярость и великую энергию пространства... Русские до Чингисхана и русские после Чингисхана – это два разных народа, две разные идеи, две расы, две миссии. Русские до Чингисхана – периферия Византии и Европы. Русские после Чингисхана – оплот Вселенской Империи, новая Византия, последний Рим, абсолютный центр геополитической битвы за судьбы мира. Чингисхану мы обязаны всем. ...Орды Темучина несут в себе универсальную весть. Они не просто уничтожают противника, завоевывают народы и государства... они предлагают... новый евразийский порядок. ...«Белое Царство» Сарая стало матрицей русской государственности в ее московском облике. ...И встал Третий Рим, Русь Монгольская, несущая народам и царствам «Белый Завет», новую этику, новую весть, новый порядок».

В принципе, об ордыно-московском порядке, правда, с противоположной этической оценкой, много писали и раньше. Но здесь необходимы некоторые уточнения. Согласно более серьезному, чем Дугин, историку, С. Нефедову, ордынцы ввели на Руси фактически китайскую (а со времени принятия ислама – арабо-персидскую) форму управления. Ведь сделал татаро-монголов государством «эффективный

²⁷ За что пострадал человек в сталинские годы?!. Ясно, что не за мысль.

²⁸ Не помогло и вступление в компартию после реэмиграции.

китайский менеджер» Елюй Чуцай. Более того, вряд ли евразийцам понравилось бы то историко-культурное значение Востока, которое отметил Нефедов. Здесь и языковые, и культурные, и хозяйственные, и военные заимствования. Все это вместе немного оставляет от исконной русско-славянской самобытности, которая тоже, по мнению Нефедова, не слишком-то была славянская и не джоже самобытная.²⁹

Но евразийцы выдерживают собственную «процентную норму» в данном вопросе: иностранного (и в дурном и в хорошем смысле) бывает всегда лишь столько, сколько необходимо для доказательства выношенной идеологии. Ориенталистские увлечения не мешают (скорее, помогают) Дугину восхвалять историческую и проповедовать новую внутреннюю опричнину, а также естественность экспансионистских религиозных войн «за веру, царя и отечество». Однако ср. у Хантингтона: «По мере того как мир уходит от господства Запада, сходят на нет идеологии, олицетворяющие позднюю западную цивилизацию, и на их место приходят религиозные и другие культурные формы идентификации». И – «Глобальное религиозное возрождение, возвращение к святыням, является ответом на тенденцию восприятия мира как единого целого». А также – «демократия по своей сути является процессом, ведущим к защите местнических интересов, а не к космополитизации».

Т.е. духовный регресс Запада и технологический прогресс Востока это в определенной мере общий духовный регресс (при некоторой «пассионарности» этого регрессивного духа).

В качестве небольшого комментария следует сказать, что Киевская Русь эпохи междоусобиц не была каким-то культурным деградантом и политическим изолятом. Напротив, как в последствии и раздробленная ренессансная Италия, она бурно развивалась. И развивалась не по единому лекалу. У той Руси были все шансы не отстать в культурном и политическом отношении от европейского Запада. Если бы не катастрофа батыева завоевания...

²⁹ «После завоевания Руси монголами началось становление нового общества и нового государства. Нашествие разорвало связь с прошлым, с эпохой былинной Киевской Руси – эпохой работорговли и варварского господства варягов... В конечном счете, Россия стала восточным государством с мощной царской властью и разветвленной административной системой. Именно этой власти и этой организации Россия обязана своим великодержавием, тем, что ее владения распространились на половину Евразии». См. сборник «Урал индустриальный». Екатеринбург, 2001.

Однако человеку чисто психологически свойственно выбирать из двух зол меньшее, и наоборот. То есть, из двух «добр» выбирается большее. Что лучше: жить в маленькой, не богатой и не могучей стране, которая может похвастать одним-двумя историческими героями и знаменитыми культурными деятелями, да урожаем тюльпанов либо кишмиша, или быть жителем великой империи? Великой во всем, даже в злодействах? Ну, конечно, всегда найдутся «ботаники», которые предпочтут тюльпаны в шампанском, но их можно не принимать в расчет.

Блеск Империи застит глаза и смущает разум наших сограждан. Пепел былого могущества, славы и классических декораций стучит в сердце идеального патриота... Но, разумеется, всяк имперец видит свою картинку: одни не могут обойтись без мистических загогулин, попрятавшихся в темных аллеях национальной глубинки, другие согласны обойтись более пресной моделью околосоветского типа.

Согласно новейшим – синергетическим – исследованиям, на границе существования и взаимодействия различных (здесь – этносоциальных) структур возможно образование новой стабильной структуры, т.е. сама граница культурных контактов, сама маргинальность, может превратиться в самостоятельную систему. Понятно, что в первую очередь речь идет о России.³⁰ В этом плане любопытна геральдическая семантика двуглавого орла. Этот образ возник уже в неолите, военное значение принял у хеттов в Малой Азии, затем использовался в качестве эмблемы власти Византией и, наконец, ее духовной наследницей, Россией.

Это может быть случайностью, а может быть – чистой интуицией, но так или иначе символ воспринимается как пространственная метафора; ведь упомянутые земли находились в положении между Западом и Востоком, позднее – между латинством и исламом. «Нормальный» орел западных империй четко соответствует их активному цивилизационному статусу и культу рации, некоторой духовной прямолинейности и механистичности. Что до архетипики Древнего Востока, то последнему была присуща семантика многоголовых химер, отражающая космизм слабо дифференцированного мифологического мира. Трудно в таком сопоставлении культур не заметить некую историческую динамику, эволюционный вектор во времени и пространстве.

³⁰ См. Басина Г.И., Басин М.А. «Синергетика. Эволюция и ритмы человечества». Норма, СПб., 2003, сс 48, 133-134.

Двуликость, «двухголовость», отечественных теоретиков и практиков рационально труднообъяснима. В стране, «натурально-конкретно» идущей по пути присоединения к глобальному технологическому сообществу, без стеснения используют примитивную риторику, направленную на борьбу с виртуальными диссидентами и агентами иновлияния. Иначе говоря, идут задом наперед, в новые «мехи» вливая старое имперское «вино», уже превратившееся в уксус. Другой вопрос, есть ли этому альтернатива. На нынешнем уровне «практической» культуры, может быть, и нет: приватизировать, распределить «кормящие точки», развесив по периметру рекламную «клюкву» слоганов, много легче, чем создать что-то действительно новое и жизнеспособное.

Никита Михалков ратует в более прекраснотушных, чем Дугин, тонах за то же имперство с почитанием «Правды и Права» (а конкретнее – вертикали власти и ранга) под именем «просвещенного консерватизма». Очередная порция духовных советов («как нам обустроить Россию» столь же утопична как и все предыдущие: несмотря на признаки злободневной риторики, философская часть манифеста еще более архаична, чем цитируемые классики консерватизма. Симфония динамики и стабильности, новаций и традиций, свободы и послушания, хозяев и рабочих, церкви и науки, а также многого прочего навевает нам привычный сон золотой. Гораздо более адекватно выглядит сочинение на сходную тему старшего брата из знаменитой семейки – Андрона. Он справедливо укоряет современных философов в благодушии и в уходе от вопроса о проблеме религиозно-крестьянской ментальности у народов 3-го мира, включая Россию. Однако постановка вопроса (не столь уж новаторская, надо признать) сама по себе еще не ответ, поэтому претензии автора к философскому обществу остаются в пространстве риторики.

В чем специфика российского имперства? У Византии перенята идея высочайшего духовного и земного верховенства царя, как защитника православия, а сама страна считается единственно христианской. А хорошо разработанное в Византии римское право осталось невостребованным. Законы же социальной реальности были переняты, скорее, у Золотой Орды, хотя и здесь остались невостребованными народные обычаи взаимоотношений свободных кочевников (востребованы разве что казачеством). Но здесь важны не столько детали, сколько общая тенденция к самобытности. Мы всё заимствуем, но и всё преобразуем. Проблема не в том, что перенято, а в том, как освоено. И социализм и капитализм получились у нас специфично российскими, как нынче принято говорить – «суверенными».

Что касается контекста, в который помещаются гендерные характеристики России, то ему свойственны общие закономерности отношения к Иному: феминная инаковость способствует возникновению как русофильских, так и русофобских представлений.

Наша гендерность тоже суверенна. Женщина как Иное – и святая, и блудница... Гитлеровский спец по культурам (получивший, кстати, образование в России), Альфред Розенберг, в своей книжке «Миф XX века» писал, что в основе арийской культуры лежат мужественные ценности, аполлоническое начало, в то время как в основе культуры неарийской – женственное, дионисийское (с 48-50); ярким примером арийской маскулинной активности он называет культурутрегерскую деятельность варягов на Руси (с 102-104). И согласно мнению А. Гитлера, организующее, оформляющее, начало в России – это всегда немцы (с 556), а в его речах мужественные германцы противопоставлены женственным славянам.

Конечно, фюрер не сам до этого додумался. См. вполне сходные мысли у А. Риан и М. Гимбутас, а еще ранее – у Бердяева,³¹ что свидетельствует только об определенной истинности данной теории. В целом далеко не случаен тот факт, что успешными управленцами, продюсерами, менеджерами, у нас являются иностранцы (в первую очередь, немцы, или хотя бы у немцев учившиеся, как Ломоносов). Русский народ не приспособлен к господству, это и хорошо и плохо, или не хорошо и не плохо, а просто порода такая. Все же исторический опыт что-то да значит, и у каждого народа он специфичен. Евреи, армяне и греки лучше приспособлены к торговле, а вот земледельцы и коннозаводчики из них никакие. Индивидуально натренированный и специально воспитанный китаец, араб, тюрк, японец, афроамериканец, грек, испанец не уступит в занятиях математикой, физикой или классической музыкой немцу, но в массе соревнование наций здесь

³¹ Бердяев немало страниц посвятил русской ментальности, говоря о разорванности и стихийности, о внутреннем языческом дионизизме и восточноазиатском характере русской души. Прочитируем здесь только несколько слов из «Философии неравенства» («Русское зарубежье», Лениздат, 1991, сс 19-22): «женственная и пассивная душа русского народа», «исключительное развитие начала бюрократического и было недостатком мужественности в народе», «православное религиозное воспитание не давало того закала личности..., которое давало на Западе католическое», «мужественный германский дух давно уже ставил себе задачей цивилизовать женственную русскую землю...». И т.п.

бесперспективно. Российский, или польский, помещик вовсе не комплексовал по поводу отсутствия деловой жилки, а нанимал немца, или еврея, или старообрядца-скопца управляющим и не ощущал от того своей рабской, «склавенской», природы. С другой стороны, вышедший из народа же в начальство, будь он хоть из бояр, хоть из мурз, также проявит себя и в начальствовании. Т.е. если и будет любим, то уж никак не за умелый профессионализм, а за что-то другое. Подобных этнокультурных примеров можно привести еще очень много и самого разнообразного свойства, но не будем этим чересчур увлекаться в виду большой непопулярности таких упражнений в нынешнем политкорректном (т.е. признающем англосаксонскую мораль) мире.

Здесь однако возникает весьма тонкая ситуация. Понятие национальной и культурной идентичности, как самопонимание и как вектор самоустроения, не полностью совпадает с идентификацией, данной со стороны, в частности, со стороны «объективного» наблюдателя. Чаще всего первое более идеалистично и комплиментарно.³² Желаемое всегда превосходит действительное (что вовсе не является чем-то изначально позорным, а, напротив, может служить задачей и целью, без которой смирение с неприятной реальностью привело бы только к распаду). С другой стороны, приятность уже обретенного образа греет душу и успокаивает сознание («умный в гору не пойдет»).

Об этом довольно остроумно высказался Василий Черепанин (<http://www.zerkalo-nedeli.com/ie/archiv/509>): «поиск идентичности – побочный продукт глобализации... Самоопределение всегда сплавлено с идентификацией с кем-то другим. Общим местом в социальной психологии (и не только) стало представление о том, что все мы носим маски, принимаем идентичности, скрывающие наше «настоящее Я»... Но наивно считать, что наш образ только видимость, за которой скрыта истинная сущность; как раз наоборот: единственная реальность – это маска. Возможно, в ней больше истины, чем в том, что мы принимаем за наше «настоящее Я»... И если идентичность ищут, разве уже это не свидетельствует об ее отсутствии?..».

³² Хотя последнее не так уж обязательно: мы вполне можем и недостатки свои представить как достоинства, что не раз и делали. Конечно, «пассивность» сюда никак не входит, а вот та или иная форма «мачизма», переходящая все границы, запросто. Понятно, что сама запредельность подобного выражения уже негласно апеллирует к фрейдистской «компенсации».

В определенном плане образ и миф могут оказаться гораздо более эффективными социальными и политическими «энергетиками», чем какая-то рациональная картина бытия. Женственность вовсе не препятствует патриотизму и даже мессианизму нации, рассматривающей окружающий мир как «павший» и потому требующий иного устройства. А уж если такая мысль станет продекларированным трендом... Поберегись!..

Вначале было слово, потом – дело. Потом, возможно, «слово и дело» в духе времен Анны Иоанновны и товарища Сталина, лучшего друга советских физкультурников... Тренды рулят. Дайте мне фонарь, поднимите мне веки! Ищу человека – не патриота! Нет таковых. Все, поголовно все – патриоты, кого ни возьми. Кто и когда говорил о своей нелюбви к Родине? Напротив, чиновник и уголовник, партиец любой партии, левый и правый, блондин и шатен, клянутся по матери и землю едят. Даже жгучий брюнет с римским носом и тот может быть русским патриотом! Уж если либерастичный Анатолий Чубайс некогда говорил о возрождении империи, то куда же осталось идти со своим фонарем «диогену»?..

«Страсть к Империи» можно отнести к неким надвременным психологическим архетипам. Правда, общая канва этого чувства прошита тонкими нитями различной и противоречивой расцветки. Так, современные правые ностальгируют по СССР, как державе, но искренне презирают тех, кто эту державу воссоздал – коммунисты, чиновники либерального направления, некие конкретные деятели не приветствуются. Здесь все очень специфично: Сталин, конечно же – «да», но Ленин, Берия, Хрущев – «нет». Жуков – «да», Тухачевский – «нет» и т.д. Сами наследники коммунистов стараются обходить слишком монархически значимых деятелей, пусть и не отрицая их полностью (Столыпин). Витте нравится лишь либералам (вне зависимости от имперскости их взглядов). Т.е. «подозрительных» фигур в нашей истории остается очень и очень много. В определенной степени эта имперская страсть сходна с правопатриотической формой современного православия: библейская сторона христианства обходится, а то и отрицается (в ценностном смысле), западное христианство в лучшем случае «не приветствуется» и не может ценностно соперничать ни с исламом, ни даже с язычеством.

Имперство правопатриотов, ненавидящих имперство коммунистов-интернационалистов, это чистый (и политически главенствующий) национализм, расширенный на территорию прочих (подчиненных) народностей. Т.е. это не имперство в его беспримесном виде, всегда немного глобалистское и наднациональное, а гораздо

более архаическое чувство. (В современном мире наиболее востребуемы два типа концептуального понимания Империи – классическая парадигма москво-ордынской вертикали, а ля Дугин-Проханов, и сетевая Империя по Хардту-Негри).

Существует некая общая концептуальная «переходность» – этноцентризм-национализм в формах малого, локально изолированного, и большого, металокального, образования (от гетто до всемирной империи). В последнем случае имеется своя шкала градуальности – 1) империализм как таковой, с переходностью от предыдущего «большого национализма» до многоэтничной мозаики под руководством верховной власти, каковая тоже может быть политически и социально различной по шкале репрессивности и унитарности и 2) «сетевая» структура глобализма (тут тоже своя внутренняя переходность по линии унитарности-вертикали – свободы-сети).

В иных масштабах и в иной плоскости можно с этим сравнить психологическую ситуацию культурной ассимиляции или изоляции. В идейно-политическом (и одновременно эмоциональном) плане здесь борются две тенденции: к растворению в «высшем» уровне (например, в «европействе»), либо к этнокультурному (социальному, религиозному) противостоянию (где тоже возможны различные масштабы – от экспансии исламизма, объединяющего во всемирный халифат целые нации и государства, до какого-нибудь локального ваххабизма, негритюда и т.п.). Заметим также, что чисто сетевая структура политкорректно возрождает локальности, между которыми естественным образом возникает конкуренция по силе, величине и влиянию, а «чистый» национализм неизбежно подразделяется внутри себя самого на «чистых и сильных» и тех, кто «послабей, погрязней» с соответствующими последствиями для каждого слоя.

И что есть истинный патриотизм? С какой такой квасной стати евразиец патриотичнее человека склонного к европейской культуре? Вы любите Ивана IV-го больше Петра I-го? Или наоборот? Ваше право. А я люблю больше картошку, чем репу. Ну и что? В исторических культурах вполне позволительно и «репу чесать» и картошку окучивать. И если серьезно, то мы столь же вправе запутаться в историко-культурных нюансах безбрежного патриотизма. Чем лучше монархист православного толка евразийца-республиканца или сторонника вечевоего правления? И между ними еще масса всяких оттенков. У каждого свое зернышко истины и свой пышный «колос» абсурда. Неоязычник обиделся на христианство (не будем перечислять длинный перечень претензий) и тяготеет к

арийству, к расовому чувству, и по этой причине, а также из эстетического пристрастия к романтическим «фенечкам» и диванному «гиперборейству», тянется к формам германского фашизма, перелагая оный на «язык родных осин».

В определенной степени, с исторической точки зрения, госнационализм, эволюция национального самосознания, это результат исторического, технологического и даже языкового развития³³. Хотя и здесь не все просто: есть давние родовые и мифорелигиозные понятия, этноконфессиональные привычки, формы хозяйствования, древнейшее различие «свои-чужие», а на другой стороне – труды леннротов, ломоносовых, гриммов, библии на родных языках, наконец, разномастные бисмарки, победоносцевы, леонтьевы, вирты и барашковы-асовы.

Обоюдоострая проблема империализма как такового: создание служилого класса из элиты покоренных народов и одновременно – класса открытых (либо потенциальных) врагов из низших сословий (с определенными исключениями в каждом случае). У Российской империи – кавказские князья со своими отрядами – в армии, остзейские бароны – в царской администрации, плюс украинские помещики, еврейские финансисты и т.д. Вместе с этим империя получила массу сознательных врагов – революционеры, представители еврейского и кавказских народов, латышские стрелки, украинские националисты и анархисты. Евреи, будучи самым бесправным нацменьшинством, но одновременно наиболее грамотным, дали и наибольший процент революционеров. Всё логично и во многом неизбежно. Отрицательный ответ на вопрос, «можно ли избежать такой ситуации?», по-моему, очевиден. Но если европейские страны колонизовали народы далекие географически и все конфликты развивались вне территории метрополии, то у нас, понятно, всё по-другому...³⁴

Менталитет народа увязывали с природными условиями уже в античной, и средневековой, греческой и арабской «теории климатов». Далее можно упомянуть мнения Илловайского и Н.Я. Данилевского. Уже Василий Ключевский указывал на то, что природно-географическая среда оказывает прямое воздействие на «духовный склад людей» и «народный темперамент». Современные ученые продолжили тему. Акад. С.Ф. Гребенниченко утверждает, что при всей

³³ См. работу «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона, рус. пер. 2001.

³⁴ Подобная тема рассмотрена в новой книге Александра Эткина «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России».

своей многомерности ментальные признаки российского крестьянства (и тех, кто вышел из его среды) относительно устойчивы, что, кстати, позволяет власти использовать менталитет в нужном этой власти направлении. В работах историка Л.В. Милова также показано, что природно-климатический фактор оказал существенное воздействие на формирование в России особенностей развития экономики и политической жизни, культуры. Здесь можно уже говорить о модном историософском тренде. Д.ф.н. В.А. Щученко пишет: «особенности природно-климатического характера прямо сопряжены с особенностями социально-экономической, политической и культурной жизни России..., они сказались и на формировании ментальных характеристик не только крестьян, но и русских в целом. Во-первых, это способность собрать на определенный, достаточно продолжительный период все свои физические и духовные силы, сконцентрироваться на решении жизненно важного вопроса, способность к сверхнапряжению».

Возможна ли имперская структура, устраивающая всех? В.Л. Махнач (православный публицист и сторонник гуманного восстановления империи) писал: «Правильная» империя не просто покоряет и эксплуатирует народы, а присоединяет и цивилизует их. Импульс к созданию Российской империи... был привнесен извне – не из Орды, не из Византии, а из кругов вселенской православной Церкви. Наше имперское сознание должно питаться идеями восточного христианства. Но русский народ (согласно теории Л. Гумилева) находясь на этапе этнического «надлома», уклонился в итоге от имперских обязанностей...

Ну, а на мой взгляд, идеальных империй просто не бывает: идеальная империя это абстрактная идея. Языческий Рим не полон, а христианский не долговечен, Византия слишком декадентна внутри и слаба снаружи, Британия – чистый колонизатор, в России – «стержневой» народ всегда крепостной,³⁵ а «гражданин» – помещик, чиновник, интеллигент (другой народ), хотя тоже вечно не спокойный за свою возможную участь. Красивая символика освящает «небесным» вполне земное, возникающее согласно реальным земным условиям и интересам. (Кстати, оборончество и культурный изоляционизм присущи реальным империям, вопреки лозунгам бардов-идеологов, не менее, чем экспансионизм). А одна из основных реалий

³⁵ Джеффри Хоскинг считает, что строительство империи повредило эволюции русской нации. Если не проставлять здесь оценки, что лучше, а что хуже, то в «техническом» смысле с ним можно согласиться.

строительства государства «сверху» это, согласно теории Ч. Тилли, рэкёт и «крышевание» производительного и торгового населения некой дружинной (т.е. военной) корпорацией, а попросту – мафией. Это было ясно уже Нестору, ответившему на идеологический заказ классической теорией того времени – «призванием благородного правящего рода».

Имперство, как необходимость цементирования огромной многонациональной территории, и регулярно разрушающееся имперство (феодално-царское, коммунистическое, либеральное; еще быстрее разрушилось фашистское). Т.е. многонациональность и полиментальность и требуют имперства и разрушают его. Причины и условия краха не полностью одинаковы.

Диалектика идеальных схем: устав от государственной деспотии люди бросаются в направлении максимальной личной свободы («феодалная раздробленность»), а затем постепенно приходят к мысли о необходимости политической консолидации (капитализм), что, в свою очередь приводит их к жесткой централизованной системе. Круг замыкается, вернее, история проходит очередной полный виток спирали.

В смутное «вакуумное время» в одной из бифуркаций возникает новая система – центростремительный аттрактор. При победе этого властного имперского Центра над разнородной Периферией процесс централизации продолжается и дальше, согласно административно-бюрократической логике. «Вертикализация» и централизация, не смягчаемая – у нас – демократическими традициями, идет, не останавливаясь на достигнутом, до предела (империализуется и идеологизируется до самодержавного принципа Уварова), когда уже, подчинив всё и вся, начинает пожирать самое себя и приводит к кризису и развалу социально-государственного механизма и новой смуте. Кроме того, как нет традиционных сдержек в процессе империализации и стандартизации, также нет традиций для самодостаточного – в условиях взаимовыгодного хозяйственного и культурного обмена – существования и развития локальных государственно-социальных систем. Они заново начинают (неразрешенные при прошлой смуте) внутренние конфликты и вынуждены притом опираться на внешнего сильного союзника, встав к нему в вассальное отношение.

То, что происходит сегодня и то, о чем говорят нынешние наши государственники, хорошо знакомо по 20-м гг. XX века. Современные политики невольно, но совершенно буквально, повторяют слова Сталина 1920 года (собр. соч. 4, с 351-363): «Так называемая

независимость так называемых независимых Грузии, Армении, Польши... и т.д. есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную зависимость этих, с позволения сказать, государств от той или иной группы империалистов». Сегодня, впрочем, после падения интернационалистской риторики коммунизма, собственный империализм уже не скрывается.

Нельзя не отметить, что набившее оскомину народолобство теоретиков руководствуется расхожими мифами и плохо сочетается с действительностью. Евразиец Александр Панарин – донкихот, воюющий с ветряными враждебными мельницами индивидуализма за «дульсинею» национальной коллективистской идентичности. Впрочем, если религиозный миссионизм и инфантильный имперский патриотизм американцев ни для кого уже не секрет (в отличие от этоса европейцев, которым, по мнению Джанни Ваттимо, свойственны атеизм и социалистические устремления), то россиянам коллективизм инкриминируется по-старинке. Примеров индивидуализма на любом социальном уровне (и не только в нынешние времена) более чем достаточно и игнорировать реальное положение дел могут лишь идеологи. Как ни странно, но осознанный эгоизм даже полезен, по-своему, для национальной идентичности и солидарности. Сколько народ ни клянет чиновников и депутатов, воров и ментов, торговцев и инородцев, интеллигентов и олигархов, но по существу это вполне объяснимое отношение человека к своему соседу, более ловко устроившемуся. Большинство знает, что на месте последнего будет действовать точно также.³⁶

«Рынок» ли нам истинный враг, или, быть может, «казарма»? Да ни то, ни другое. Суть в положении, в личном статусе индивида на этом рынке и в этой казарме.

Для любого общества наибольшую опасность представляют его лидеры. Хороших реформ не бывает. Восходящие и нисходящие волны общественного развития объективно неизбежны, но разумный человек

³⁶ Менталитет – бесконечная тема и схем разного рода можно привести сколько угодно. Например, в социально-психологическом разрезе мы можем заметить сходные реакции взаимопомощи и сопереживания у разных народов при экстремальном внешнем воздействии. Со своей стороны, у людей, занимающихся организаторской деятельностью, вырабатывается («форматируется») определенная душевная механистичность, прикрываемая имитационностью чувств; такие типы («профи») легче понимают друг друга (сквозь границы и континенты), нежели население собственных стран.

знает, что нельзя подталкивать бегущего – он непременно упадет, и нельзя удерживать лежащего – он начнет шевелиться. Коммунизм рухнул, а СССР распался, не потому, что его хотели уничтожить (здесь бы он оказал – и оказывал! – самое мощное сопротивление), а потому, что его хотели улучшить. Сегодня изменение картины мира происходит на таких скоростях, что любые планы устаревают еще до их возникновения. В таких условиях стремление к искусственному порядку, как и любое иное системное движение, легко может стать дополнительным фактором беспорядка. Это не означает, что вообще ничего делать не нужно, проповедовать вегетарианство и даосское недеяние, но стоит помнить идеальную тактику толстовского Михаила Кутузова.

Кажется, незаметно для самих себя, мы повернулись лицом к востоку. Интересно, что предлагал в качестве плана спасения Александр Панарин. Фактически он мечется между идеей противопоставления сверхдержав и идеей противопоставления империи Запада Интернационала обездоленных «третьего мира». Соответственно и в самой форме «ответа на вызов» он пытается увязать «трепетную лань» с бестрепетным «динозавром» – «невидимую» империю «нищих духом» с теократической империей, Священным Царством.

Утопия Интернационала наиболее уязвимый момент панаринских рассуждений. Он не учитывает ни этнокультурных, цивилизационных, несводимостей, ни неравномерности развития, ни межгосударственных тайных интриг, и, наконец, самого главного – того, что чаемый «договор» – как всегда – будет заключен между официальными элитами и/или скрытыми мафиозными кланами, а «нищим духом» останется вновь уповать на воздаяние в Царстве не от мира сего. Более того: кто еще может воспользоваться панаринскими инициативами, как не сама, критикуемая, власть? Естественно, воспользоваться для дальнейшего изощрения методов управления массами, для перенятия подходящей евразийской риторики и разного рода идеологических прикрытий и имитаций.

Пресловутый наш «Хартленд» действительно находится не в самом лучшем гео- и биополитическом положении. И вряд ли это положение может в обозримое время намного улучшиться. Россия уже жертва интернационала париев в той же степени, как и жертва мондиализма избранных. Что еще хуже, ситуация столкновения цивилизаций имеет свое внутреннее социальное продолжение, дополнительный конфликт, а мирное население оказывается

заложником этого конфликта. В подобной ситуации даже высокий рейтинг политиков это результат своего рода «стокгольмского синдрома». Хартленд – территория перманентного стеноза.

Ведь что из себя представляют поиски т. н. «национальной идеи»? Попытки обеспечить условия для победы одной тенденции над всеми прочими, стремление уничтожить системную диалектику и, следовательно, искомую идентичность. Победа прекратит, конечно, страдания, но вместе с существованием организма. Да – Химера. Не медведь, не койот, не Хомяков и не Герцен. Вопрос лишь в эстетике, в мере «звериности» лика, в том, будут ли еще продолжаться споры западников и почвенников, или проблему решат хирургически...

II.3. Меж двух фронтов, или Гориллы против бонобо.

Георгий Федотов в статье «Трагедия интеллигенции»³⁷ писал: «русская интеллигенция есть группа, движение и традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей». А так же:

«Нельзя забыть, в оценке русской интеллигенции, что... она целый век шла с царем против народа, прежде чем пойти против царя и народа (1825-1881) и, наконец, с народом против царя (1905-1917)... С одной стороны, революция... привила ему [народу]... основы интеллигентской веры... С другой, – едва почувствовав себя хозяином жизни, народ принялся яростно истреблять интеллигенцию, наплевал на свободу и демократию... и успокоился только в новом, едва ли не тяжелейшем рабстве... А в статье «Судьба империй» 1952 года (сб. «Новый град». Нью-Йорк) Федотов уже предрекал неизбежный распад СССР.

Столь созвучная сегодняшним патриотам правоземлигрантская идея описывает набор свойств, присущих интеллигенции: вольтерьянство, прогрессизм, либерализм, еврейство, космополитизм, социализм, беспочвенность, радикализм, атеизм, нигилизм. Ну и, конечно же, эпикурейство. Куда без него!?

Но не вся интеллигенция. И не полностью. Такой прямолинейный подход нуждается в коррективе хотя бы бердяевской: универсализм и всечеловечность (в космополитизме); религиозность русского нигилизма, анархизма и коммунизма; революционность Достоевского в его соборном социализме и нигилизм Победоносцева в его неверии

³⁷ Г.П. Федотов. «Судьба и грехи России». Т1. СПб., София, 1991.

ни в личность, ни в церковную иерархию; влияние германской философии и еврейского мессианизма на возникновение идейного русского национализма. Противоположные, разно устремленные, национализмы и культурные менталитеты структурно идентичны, универсальны в своей особенности. Их разделяют только историческая специфика имен и названий и чисто физическая привязка по месту и времени. Хотя по большому счету, если интеллигенция это не функциональная чиновничья прослойка с табелью номенклатурных рангов, а нечто большее, то неизбежны в ее среде группки, течения, индивидуализмы и «еретизмы».

С интеллигенцией все же, не смотря на «иеремизмы» Федотова и Солженицына, произошла определенная инволюция. Интеллигенция в начале и в конце XX-го века легко различима: но то ли внешние условия так сближают «прослойку», то ли она сама так единообразно воздействует на окружающую действительность... Тогда, в начале прошлого века, наблюдался больший разрыв с народом (сословно-кастовое, можно сказать – этнографическое противостояние), но зато имели место социально-экономическая самодостаточность, утопизм, сознательное народничество и долг служения. Старая интеллигенция не так сильно зависела от властей, рынка и медийной атмосферы. То, что раньше называлось продажностью и лакейством, сегодня, в век Постмодерна (ПМ), называется реальным взглядом на вещи и профессионализмом. Но та интеллигенция пошла, в основном, под нож, а нынешняя в основе своей сама из народа и ее разрыв с ним это результат внутренней дифференциации современного ПМ-общества. Т.е. дело не только в «падении нравов», но и в усложнении-изменении самого мира.

Опять же и в истории новой интеллигенции есть свои взлёты, падения и перепады. В пресловутую «эпоху застоя» она очень даже недурственно украсила общественное бытие. Сегодня любят вспоминать о былом чувстве «ущемленности» интеллигенции. Разумеется, интеллигенция совершенно справедливо считала себя ущемленной, недооцененной, обиженной и т.д. Это не только не противоречит ситуации ее высочайшего культурного взлета, но и является одной из основных побудительных причин такового. Ей исключительно – исторически – повезло, что ее немножечко (т.е. не тотально, а избирательно) ущемляли. Кстати, в 37-м году интеллигенция никак не могла пожаловаться на какое-то там избирательное ущемление (разве что гениталий под сапогом).

При индустриально слаборазвитой культуре китча духовную атмосферу определял пласт культуры, произведенной интеллигентами

и для интеллигентов. Причем, это действительно была высоко профессиональная и качественная культура. Кинематограф, театр, поэзия, песни бардов, гуманитарные исследования. Взлет жанрового мастерства и оазисы «карманных» фиговых деревьев. Интеллигенция пестовала самое себя, доводила «лица необщее выраженье» до маски идеальной, чистой, красоты. В кино и театре работали блестящие профессионалы, которым интеллигенция доверяла нести свой облик в массы: Мягков, Смоктуновский, Янковский, Басилашвили, Даль, Юрский, Смехов, Баталов, Стриженов, Солоницын, Богатырев (Демидова, Купченко, Терехова). И не только интеллигенты в узком смысле слова. Здесь-и-тогда были воссозданы, без преувеличения, лучшие в мире кинематографические мушкетеры, гусары, шпионы, сыщики, комиссары и белогвардейцы. (И наверное не стоит отделять это от тогдашних международных побед на спортивных и ракетно-балетных площадках).

Над сельхоз-, пром-, запрет- и просто зонами, над казармами, тюремными и колхозными бараками интеллигенция выстраивала свой воздушный сказочный, уже не коммунистический, но все еще коммунальный, замок. Задолго до эпохи принудительной «изофилии» виртуальных пространств интеллигенция (а за ней весь народ) жили в мире воплощенных идей и образов-символов.

Как известно, лучшее – враг хорошего, но еще более – самого себя. Уровень культуры, достигнутый за четверть века, к середине 80-х в принципе подошел к своему мыслимому пределу (в плане формального прогресса и индивидуального мастерства), стал пробуксовывать на месте, повторяться. Уже чисто физически невозможно было сыграть лучше, тоньше, виртуознее, остроумнее... Ну, не будет, не будет уже более смешного Бабса Баберлея-Калягина и Паниковского-Гердта, не будет и более милого Ватсона, более «русского» Верещагина-Луспекаева//Жеглова-Высоцкого, более виртуозного Владимира Чекакина, более импозантной Плисецкой, более «правозащитного» Сахарова, более «разоблачительного» Александра Зиновьева и т.д.!

Власть и общество являли собою взаимодополнительную систему, составляли своего рода «фразу», уравнивающую два антитетичных высказывания: каждое из них признавало только собственную правду и пыталось дезавуировать «противного» двойника. И более того, взаимные разоблачения, оттачиваемые приемы противоборства, подогревают интерес, стимулируют развитие сюжета, поддерживают сам неспешный цикл диалектических отношений; неожиданная встречающая любовь и всепрощение нарушили бы

естественный ход событий и привели бы к коллапсу. Последнее в конце концов и случилось, но исключительно по вине власти. Общество приноровилось к жизни советского образца с ловкостью млекопитающих в эпоху гегемонии динозавров. При всех трудностях система как-то крутилась. Когда все держится «на соплях», главное, ничего не трогать, но «динозавры» решили «улучшить» систему, они захотели и сами стать чуть поменьше, да поизящней и от млекопитающих потребовать не рептильной мимикрии, а «чистой любви». Результат известен: неверным «соплям» уже не место в современном мегаполисе, вместе с классической литературой они канули на дно архивов.

Пропускаем здесь хорошо известную (хотя и до конца не отрефлексированную) историю ельцинской России и переходим сразу к периоду консервативного реванша. Если тренд-тенденция..., если «процесс пошел», то остановить его без помощи танков весьма затруднительно. Да и с танками не всегда получалось. Тут пробуждаются и малые сии, которые молчали бы еще тысячу лет, но раз уж все... И доходит дело и «до мышей», до философии мелких дел, до тотально-тоталитарного преобразования социального бытия. Т.е. ни школа, ни детский сад уже не отсилятся в теньке. Собственно, так было и в эпоху либеральных перемен, но о колесе Джаггернаута, то бишь циклизме российской истории, мы поговорим в дальнейшем, а сейчас несколько слов о педагогике. Возьмем для примера один современный учебник истории.

К.Р. Конюхов, Д.О. Чураков, И.А. Воронин «Между конъюнктурой и исторической истиной».

«Историческое образование – это всегда внедрение в головы учеников определенной идеологии... Настало время ответить, кто мы, где наше место в современном мире... Подготовить к решению этих вопросов на научном уровне должен учебник истории... Внеценностной науки не существует!.. Наша страна все еще меряется на «европейский аршин»... именно это является главной причиной... концептуальной убогости современных «цивилизаторов»... Еще одним положением, составляющим идейную базу учебника, является утверждение открытости остальному миру... Но во-первых, Россия никогда не была наглухо закрыта..., а во-вторых, современное положение нашей страны диктует ей не расширять, а, наоборот, радикально и разумно ограничивать эту самую открытость».

Т.е.: я ваш кувшин не брала, да и он все равно уже был разбитый. В принципе, этой логике нечего противопоставить, также как бессмысленно ждать разумного ответа на сентенцию «дурак!», кроме

аналогичного «от дурака слышу!»). Поэтому либералы (в терминологии их противников – «либерасты») особо и не заморачиваются, а гнут свою линию, немногим менее криволинейную, привычно отмахиваясь от «педриотов». Упомянем здесь популярную писательницу Фаину Гримберг, автора книги «Две династии. Вольные исторические беседы» (М., Когелет, 2000).

Рецензенты указывают, что Фаина Гримберг существует в различных ипостасях – как поэт, прозаик (несколько ее исторических романов печатались под псевдонимами Катарины Фукс и Жанны Бернар) и, наконец, как историк и филолог-славист. Книга «Две династии» посвящена Рюриковичам и Романовым и охватывает временной промежуток более чем в тысячу лет. Основная ее установка – развенчание любых некритически воспринятых представлений о русской истории, сокрушение мифов и идеологий (что официальных, что диссидентских). Гримберг пишет: на сегодняшний день мы имеем одну-единственную концепцию русской истории – Романовскую. Это «русская история, в которой все оценено и интерпретировано с точки зрения правящей династии Романовых»; от этого взгляда на исторический процесс недалеко отошли и советские учебники. «Такие предметы, как история Бориса и Глеба и их гибели, обречены всегда оставаться не более чем версиями. Никто и никогда не узнает, был ли это один человек или двое, или их вообще не было, кем они являлись – болгарскими заложниками или кем-то еще? Все версии – всего лишь варианты анализа немногих известных источников – без доказательств».

Не обошла Гримберг и проблему подлинности «Слова о полку Игореве»: вслед за Андре Мазоном и А.А. Зиминим, она настаивает на том, что это всего лишь мистификация, а на самом деле «Слово» было создано в окружении Мусина-Пушкина, первооткрывателя памятника. Петр III у Гримберг предстает реформатором, продолжателем Петра I, а не дебильным любителем игры в солдатики, как следует из учебников и хрестоматий. Александр Невский в первую голову ответственен за будущую изоляцию России от Запада (что, в принципе, недалеко от истины, но дело ведь не столько в фактах, сколько в их интерпретациях!). Здесь автор «Двух династий» полемизирует со Львом Гумилевым, обвиняя его в шарлатанстве, хотя о проордынской линии Александра Гумилев говорил задолго до нее. Гримберг считает основной исторической проблемой России изоляционизм, в чем ей трудно возразить, но в качестве одной из причин подобного положения она называет принятие на Руси кириллицы. По Гримберг, существуют алфавиты «универсальные» (латиница) и «изолятные» (арабский,

греческий); к последним относится и кириллица, отгородившая русскую культуру от европейской.

Тем не менее, Гримберг старается избегать окончательных оценок, основная интонация книги интеллигентно-вопросительная; автор как бы и не настаивает, а всего лишь вопрошает: «Может быть, на самом деле было не так и так, а иначе, например, этак?». На эту манеру указывает рецензент «Родины»: «Чуть ли не каждый факт сопровождается словами "кажется" и "по-видимому"». Впрочем, часто это тоже писательский прием. Например: "Убийство Александра II, кажется, было осуществлено членами организации "Народная воля". У читателя создается впечатление, что вся русская история – сплошное зыбкое болото, из которого может вывести только надежный поводырь в лице Фаины Ионтевной»...

Что тут скажешь? Улыбайтесь, вас зомбируют! Два типа манихейского сознания – консервативного и либерального, два типа утопии, экстра- и интравертная психология. Центробежная и центростремительная философия. Середина неустойчива. Просвещение, «Ауфклярung», промывка мозгов – не вчера возникли, а сегодня профессиональные либералы искренне (а не только за деньги!) пытаются внедрить просвещение, «размывая» общественное сознание свободой, сомнением, космополитическими вкусами. Внушая политкорректную толерантность к ограниченному только модой разнообразию в искусстве, сексе, развлечениях, к разнообразию сект, национальностей, взглядов. Развращая, поучать! Не в последнюю очередь заботясь о безопасности и свободе собственного существования и по-марксистски приучая массы к главенствованию унитарного финансово-экономического принципа.

В этом серьезное отличие наших политических словоблудов от западных. У последних уже давно главенствуют принципы экологизма и политкорректности. На фоне стандартизации и глобализации приветствуются уникальные ценности локальных – в том числе этнических – групп. Наши, пуганные историей, западники гораздо «глобалистичней» своих зарубежных коллег. Они видят в национализме не культурно-этнографический заповедник, а агрессию темных сил и главную опасность для самих себя.

В свою очередь «центростремительная» философия жизни противопоставляет свободной игре инстинктов ползучий инстинкт страха. Вокруг враги. Заговор. Космополиты и жидомасоны, глобалисты-индивидуалисты, «духовные кочевники» (см. труды Панарина, Дугина и т.п.), у которых нет ничего святого, покушаются на почвенность, державность, соборность. За улыбку – нож, за

блестящей оберткой – отравя. Чтоб не пропасть по-одиночке, держитесь купно. Патриоты-начальники выведут вас куда надо.

Истина, как известно, конкретна, т.е. это истина определенной партии. Какая истина победила – смотри на итоги партийных схваток. Конечно, это уже вчерашний день – искренний фанатизм партийной линии. Не по-нашему, не по постмодерну. Но не все пока «догоняют». По-простому можно и так.

Типы современных патриотов довольно разнообразны и политически их разъединяет не меньше, чем объединяет. Тем более, что объединяют общие и абстрактные «любови» и «ненависти», а разделяет конкретика. Изменяются типы также и во времени.

Мало что общего можно найти между современными патриотами-державниками и народниками XIX века. Однако и с государственниками-консерваторами той же эпохи их трудно сравнивать, если учесть англоманство и европеизм многих из них. А уж говорить о таких вещах, некогда столь популярных, как «хождение в народ», «ученье у народа», «поиски духовных истоков» и тому подобном, даже не смешно. Для современного патриота-«народника» народ – быдло. Если он и заигрывает с массой, то это игра на низменных животных инстинктах. В этом с ним схож и его записной противник, либерал-западник. Просвещать народ либерал предпочитает путем привития оному толерантности и психоустойчивости к порнографии, гомосексуализму, эксгибиционизму, иным конфессиям и народностям. В целом, когда инстинкты народа находятся в спокойном состоянии, он привычно именует своих учителей-защитников педриотами, дерьмократами и либерастами.

Патриот-демагог – самая «брендовая» фигура на начало третьего тысячелетия. Хотя типы современного российского либерала не менее яркие, а подчас даже более разнообразны, чем типы патриотов.

«Собчак» (эпоха «штурм унд дранга», вальжный либерализм во власти), «сванидзе-борщевский» (искусство казаться борцом за истину и справедливость, но так, чтоб не обидеть начальство), «новодворская» (профессиональный и неизлечимый элитарный маргинализм при полной человеческой безжалостности: идея – всё, остальные – никто и ничто).

Следует, правда, учесть существование современного синтеза, контаминации «ультралиберализма» и неоконсерватизма с их рыночной и глобалистской философией. В нашей, отечественной, конкретике это выражается хотя бы в том, что у серьезных представителей рассмотренных конфессий нередко и дачи стоят рядом

в элитном кооперативе, и недвижимость на Западе может оказаться по соседству, и акции в одной «нефтянке», а счета в одном оффшоре, и детки учатся в Кембридже. Ну все люди, все человеки...

Но попробуем все же отвлечься от не совсем качественного человеческого фактора и обратим внимание на общие понятия и абстрактные моменты. Нет и не может быть вечно правой (в смысле – правильной) стороны, любая тенденция чревата добром и злом. Это – азы, понятные даже младенцу, хотя далеко не всегда понятные признанным интеллектуалам. Диалектику в плане «вреда-пользы» неплохо показал в своей ранней книге «Россия после Путина» Михаил Делягин (тогда еще искренне мнивший себя жестким критиком властной системы).

Либералов, с их пунктиком прав человека и частной собственности, справедливо укоряют в непонимании ценностей соборности, коллективизма, социализма (и, одновременно – аристократизма!), забывая, что любые позитивные начала имеют свою теневую сторону. В частности, противоположный набор ценностей также историчен, как и европейский (с его долгой историей цехов, судопроизводства, борьбы за городское право и т.д. и т.п.). Коллективистская культура народной общины имеет свою антагонистическую связку с культурой помещичьей, сословной, феодально-аристократической. Как писал о России еще в 1784 году собеседник Екатерины II, Уильям Кокс, «общее усовершенствование немислимо, пока существует крепостное право; какие-либо существенные перемены в нравах и обычаях народа невозможны без полной безопасности личности и имущества».

В этом плане мало что изменилось в России до сего дня. Ссылаются на ментальность... Однако, в чем объективно и бессознательно сходятся все социотипы – различные формы эксплуатации и власти, борьбы за власть, делегирование и перенятие прав, формы репрессий и формы зомбирования не отменяют важности и неизбежности самой эксплуатации и воли к социальной власти. Вечная борьба за право «решать и вязать» свою паству. Меняются только «моды», формы, пристрастия самой паствы, историческая специфика того или иного места и времени, наконец, циклы, волнообразность любого процесса, связанная среди прочего с естественной природной «усталостью материала». Формы этой эволюции в определенной степени неизбежны, фатальны, если хотите.

Еще в тридцатые годы прошлого века Карл Манхейм охарактеризовал причины кризиса либерального общества, употребляя

такие термины как «негативный либерализм» и «негативная демократизация». Он обратил внимание на то, что благие тенденции либерализации, развитию коих способствовали создающие культуру элиты, вследствие массовизации общества переходят в свою противоположность. Растущее многообразие культурных и социальных форм жизни и «массовая индивидуализация» приводят к взаимной нейтрализации и премешиванию множющихся элитных групп, а также к размытости критериев и общему понижению духовного уровня. На фоне этой беспомощности диктаторские группы получают хороший шанс на победу. К этому можно было бы еще немало добавить: и о заворуженности либеральных декадентствующих «бандерлогов» духовной простотой и силой правящей Реакции, и о многом другом.

В трактовке Юргена Хабермаса современным консерватором может быть лишь тот, кто, ограничиваясь идеологическим требованием в области культурных символов, соглашается и примиряется с господством либерализма в социально-экономической сфере. Но что немцу здорово, то русскому смерть.

Патернализм и вертикализация власти, от царской до президентской, не результат холопского менталитета, а итог менталитета индивидуалистического и анархического. Подемократически не выходит, т.к. при равных силах никогда не уступят и не договорятся, а при неравных всегда останется несправедливость и рентессимент. Поэтому нужен третейский судья, имеющий власть: варяг, царь, вождь. Пусть тиран, но – один, и тиран для всех. Когда придворная камарилья явно затмевает ослабевшего тирана, то народ готов к революции.

Известный историк и социолог, Александр Ахиезер, в ряде своих работах писал, что государство необходимо в той степени, в какой граждане не хотят и не могут решить задачу интеграции в масштабе общества в интересах всей страны, замыкаются в своих локальных мирах, преследуют свои узкие цели. Но при этом они могут делегировать первому лицу, бюрократии, возможность управлять обществом. Неспособность разрешить социокультурное противоречие между потребностью в социальной организации большого общества и сложившимся господствующим соборным идеалом явились причиной национальной катастрофы. Завоевание земель Киевской Руси Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским было лишь следствием этого...

Т.е. локальная вечевая демократия не справилась с вызовами времени.

Согласно Ахиезеру, на Руси господствовала манихейская схема развития, гипертрофирование крайних форм и слабость средних форм, как и срединной культуры вообще. (Здесь можно вспомнить и Аристотеля с идеей «золотой середины»).

Весьма жестко о современном либерализме высказывается экономист Михаил Делягин: Ненависть «либеральных фундаменталистов» неразвитых стран к бедным своего собственного общества столь экстремальна и бесчеловечна во многом потому, что ее классовый характер усиливается цивилизационным. ...Естественно, что они искренне не понимают своих сограждан, отождествляющих себя с «этой страной», а не с получением «гринкарты» или на худой конец западных грантов. А цивилизационное непонимание при взаимодействии в едином финансовом и культурно-информационном поле, естественно, рождает сильнейшую враждебность. Но и это не ново: вся история крепостной России сюда подходит вполне, включая и потуги демократов XIX-го века и безуспешный антисталинизм сегодняшней либеральной интеллигенции, наткнувшийся на абсолютную непробиваемость масс.

Классиком теории консерватизма можно назвать Рассела Амоса Кирка (1918-94), автора книги «Консервативный разум: от Бёрка к Сантаяне». Широкому читателю у нас он практически неизвестен, но специалисты, историки и социологи, цитируют его уважительно (см., в частности, статью Д.А. Коцюбинского).³⁸ Согласно американскому ученому, политический консерватизм как целостное мировоззрение впервые обнаружил себя в 1790-м году, когда были опубликованы «Впечатления от революции во Франции» Эдмунда Бёрка. Рассел Кирк насчитывает шесть принципов «английского консерватизма»: 1. Вера в трансцендентность законов, управляющих обществом, и в изначальную ограниченность человеческой способности их постичь; 2. Культ жизни такой, как она есть; ставка на углубление социального разнообразия, противостоящего узкому уравнительству; 3. Вера в необходимость деления общества на классы и соблюдения равенства лишь перед судом закона или Судом Божьим; 4. Убеждение в том, что «свобода и собственность тесно связаны: отделите имущество от частного владения, и Левиафан станет хозяином всего»; 5. Вера в традицию и недоверие к «софистам», которые берутся переустроить

³⁸ «Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)». Сб. статей. Вып. 1. Под ред. Ю.Н. Солонина. СПб., издание госуниверситета, 2004; <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/conserv/index.html>.

общество по абстрактному плану; 6. Признание того, что любая реформа должна быть прежде всего благоразумной...

Шести принципам консерватизма Кирк противопоставляет пять принципов радикализма: 1. Вера в неограниченный прогресс и улучшение человека и общества посредством позитивного законодательства; отрицание греховной природы человека; 2. Неуважение к традиции, вера в разум и материалистический детерминизм; 3. Политическое уравнительство, отрицание привилегий; 4. Экономическое уравнительство; 5. Отношение к государству у различных радикалов одинаково лишь в отрицании государства как божественного установления...

Это – вкратце. Однако данное перечисление признаков можно сократить еще более и противопоставить только два, самых простых и примитивных, момента – власть и традиционное устройство мира от Бога, или «всё во власти человека».

Консерватизм, по Расселу Кирку, утверждает свободу следовать общественной традиции, а радикализм – свободу добиваться различных социальных инноваций. И тот, и другой подход, в зависимости от конкретной ситуации, могут оказаться как «либеральными» (т.е. охраняющими права и свободы личности), так и «антилиберальными» (т.е. направленными на их прямую или косвенную узурпацию).

С тех, классических, пор многое изменилось. Признаки, описанные Расселом Кирком, это еще свойственное XIX веку «остаточное» противостояние церковного мировоззрения и мировоззрения светского. Первое (вернее, его политическое наследие) еще цепляется за «пирамидальное» статическое (во всех формах, от «социалки» до национальных, культурных и семейных отношений) устройство вселенной, второе – динамично и способно в равной мере быть выражено экономическим, анархическим, социалистическим и т.п. образом.

«Либерал» в данном случае понятие весьма размытое. Под эту схему подойдут, вполне в реальности различающиеся, ученый, банкир, художник, революционер, учитель, пролетарий, дипломат, торговец, моряк, профессиональный спортсмен, журналист и т.д. Сегодняшний консерватор может быть как внешне религиозным, так и скрыто атеистически настроенным человеком. Он вполне поддерживает капиталистические отношения (в широком и узком смыслах), частную собственность, конкуренцию и т.п. В наших условиях (на начало XXI в.) консерватор это тот, кто положительно говорит (не обязательно делает нечто большее!) о роли государства и нации, религии и

традиций, а главное, видит внутри страны и вокруг нее массу врагов (которые только и виновны в том, что народ наш живет тяжело). Т.н. либерал тоже не слишком-то противоречит словам консерватора, практически во всем с ним соглашаясь. Его главная, отличительная, «фишка» в акцентах: еще более должна быть священна частная собственность, еще шире должны быть границы и возможности частной инициативы, еще меньше влияние государства и чиновничества. Глобализм и космополитизм – это да, а вот профсоюзы и социальные обязательства – это уже от лукавого.

Приятно ощущать, что ты еще нужен кому-то. Твой голос и твой карман это в конечном итоге их карман и их рейтинг. Справа тебя подначивают, слева пугают, в том числе пугают друг дружкой, а сами демагоги после насыщенного – тобою, электорат! – трудового дня будут вместе дружно «оттягиваться» в элитных клубах. Впрочем, не стоит обольщаться: кабинетные и салонные патриоты обычно ленятся повести свой народ даже в болото или на минное поле, поскольку лишь былым коммунистам так необходимы были местные рабочие руки и ударный труд. Это в прошлом. Как и манок рынка в руках либералов; сегодня последних волнуют лишь ситуации, чреватые опасностью погромов.

Любопытна, однако, и социальная составляющая: чем дальше от реальной власти, тем радикальнее взгляды, и напротив – чем выше по социальной лестнице (ближе к верхам, либо зависимей от них), тем более сглажена идеология противных сторон, вплоть до полного их слияния. (Борьба в самом верху, конечно, не исчезает, но идет по иным правилам, в русле интересов никак не связанных с популистской риторикой).

Повторюсь, что не следует преувеличивать собственное значение и думать, что либерализм и консерватизм изобрели специально для того, чтобы нас здесь половчей обдурить.

Рассматривая идеологическую картину мира, и сегодня и в прошлом, можно обнаружить простые (но надежные) схемы и вполне очевидные аналогии. В том числе следующие.

Тернарность – по Фрейду – Сверх-Я Запада, Эго(изм) современной России (элит) и Оно масс и 3-го мира. Оно также – консерватизм, правополушарность, природность/экологизм, биологизм, женственность, интуиционизм, имажинизм/клиповость, суеверность (при недоверчивости ко всему абстрактному, как свойство консервативности), мифологизм, аполитичность, коллективизм, зооморфизм, милленаристский утопизм и т.п. Эго – индивидуализм, индустриализм, цинизм, антропоморфизм, вербальность,

левополушарность, рационализм, идеологизм и атеизм, техницизм, политичность, рефлексия, утопизм идеологический и т.п. Супер-эго – законничество, сутяжничество, формализм, либерализм, политкорректность, имитационизм, постмодернизм и т.п. Все они – с подтипами и переходными моментами.

Марксизм, национализм-консерватизм и либеральная демократия – разные формы (и в разной степени) подавления и Я и Общества. От имени Я (идея Я), от имени Идеи (в первую очередь социальной), от имени рода (тоже идея). Улыбайтесь – вы обмануты! Эгоизм европейского либерализма вырос на общественном «юридизме» и им корректируется. Общественный эгоизм (везде, но особо в коллективистских странах) зависим от степени личного эгоизма верхов. Парадокс либерализма (в отличие от консерватизма): природа человека зла, но человек главная ценность. Консерватизм в принципе признает абсолютный эгоизм нации и государства (не общества) не только над человеком, но и над иными нациями и государствами. Идея общества это уже шаг к индивидуальному. Позднесоветское «сложное» общество идейно и психологически переросло марксизм. Марксизм в его советском варианте стал концептуальным жупелом. Какой же произошел чудовищный парадокс, когда в 90-е годы основные положения марксизма (при внешнем его крахе) – в первую очередь, о примате экономических интересов – нагляднейшим образом проявились в реальной жизни! Стяжание действительно оказалось первичным и базисным элементом новой культуры и социума! Разумеется, сам марксизм не стал – вдруг! – правильнее или, наоборот, ошибочнее: его безусловные истины говорили прежде всего о том, что наше общество вновь примитивизировалось. И только.

После очередного провала и саморазоблачения либерализма, мы логически неизбежно приходим к откровенному имперству, самодержавию и духовному черносотенству. Похоже, на нашей почве любая западная идея искажается до неузнаваемости. Но в любом случае приходится признать определенный формализм либерализма, абстрактность его постулатов, что в реальной жизни приводит к последствиям не лучшим, чем последствия самодержавного волюнтаризма.³⁹ Не стоило бы кичиться своим презрением к понятиям

³⁹ Ср. т.н. «железный закон олигархии» Р. Михельса, гласящий, что даже партии и другие политические движения, стремящиеся к эгалитарным (раннехристианским, социалистическим, коммунистическим) целям и идеалам, формируют все более жесткие бюрократизирующиеся иерархии в процессе собственного развития. («Социально-экономические и правовые

законности, прав человека, свободы совести и прессы и т.п., хотя в наших условиях они приобретали вполне партийный, ограниченный, характер. Не будем забывать, что у родоначальников российского либерализма, кадетов, в программе наряду с этим упоминались и такие вещи как страхование рабочих, право на забастовки и т.д. Современные либералы больше думают о правах частной собственности и это не осталось незамеченным (хуже того: в 90-е гг. явно и ярко проявился «рентессимент» – злорадная мелкая месть бывшего нищего «НИИшного» интеллигента в отношении бывшего «гегемона»).

Антропологи-эволюционисты утверждают, что приматы различаются по социальному устройству: низшие обезьяны в основном тяготеют к жёстким иерархиям доминирования-подчинения, а человекообразные – к более рыхлым и эгалитарным социальным системам. (Это любопытно: Аракчеевы и Кропоткины старше Адама и Евы!). В тоже время замечено, что либерально-сетевая культура бонобо (карликовых шимпанзе) и строгая иерархия горилл менее способны к эволюции, чем смешанная культура шимпанзе, социально наиболее родственная человеку.⁴⁰ Также и строгие системы (и крайние формы) либерализма и консерватизма, индивидуализма и коллективизма, альтруизма и эгоизма, социализма и капитализма, авторитарности/тоталитарности и анархии эволюционно ограничены, не диалектичны, в конечном итоге подрывают сами себя.

Мир поистине диалектичен: прямого прогресса от обезьяны к человеку не наблюдается, наблюдаются, скорее, витки, спираль эволюции. Человеческое общество дает примеры иерархических типов общества и типов анархических, и всякого рода вариаций. Здесь целый, трудно подсчитываемый, ряд местных условий диктует возможный результат. Тоже и у приматов. Известно, что шимпанзе склонны в условиях вольеров создавать жёсткие иерархии, хотя на воле для них более характерен рыхло-эгалитарный социальный уклад. С другой стороны, даже жестко-иерархические виды приматов имеют свои «молодежные клубы» с почти полным уравниванием социальных рангов.

основы сохранения биоразнообразия». Колл. авторов. М., Изд. Научного и учебно-методического центра, 2002).

⁴⁰ Бонобо представляют собой прообраз идеальной коммуны или сообщества хиппи с их лозунгом «Занимайтесь любовью, а не войной!». Развиваться, эволюционировать подобному обществу уже больше некуда, да и незачем. А классические шимпанзе, в свою очередь, наиболее близки человеку по набору генов.

Таким образом, несмотря на формальное усложнение социальных структур и взаимоотношений, современное общество никуда особо далеко не отошло от древнейших архетипов. И, со своей стороны, также очевидны уходящие в историю животного мира корни авторитарности и свободы, либерализма и консерватизма. Как пишут известные этологи, Джек и Линда Палмер: «Шимпанзе-самцы живут в мире политических интриг, которые произвели бы впечатление на самого Макиавелли хитростью, предательством и безжалостным стремлением к достижению и сохранению власти».⁴¹ Опять же, аристотелевская золотая середина вырисовывается, мейнстрим, так сказать...

С биополитикой солидарна и неполиткорректная расовая теория, которая у нас тоже нашла немало сторонников из патриотического лагеря. Если либеральные историки акцентируют архаичность восточного менталитета с его аграрным и магическим мышлением, то соответственно их противники упирают на моменты соборности и духовной целостности, на метафизику и мистику, противостоящих западной резиньяции ценностей.⁴²

Однако данная теория, на наш взгляд, смотрится все же несколько механистично. Гораздо корректнее кажется упомянутая уже теория географизма. Правда, из этого не следует делать столь далеко идущих и упрощенных выводов, как это делает, например, Александр Паршев. Проблема глубже, если взглянуть на нее с исторической точки зрения. Для понимания этого достаточно обратиться хотя бы к работам Фернана Броделя о развитии капитализма. В частности, обратим внимание на важное историческое наблюдение: так называемое «вторичное закрепощение» в Восточной Европе Бродель связывает с процессами сходными с современной

⁴¹ См. Палмер Дж., Палмер Л. «Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens». СПб., Прайм-Еврознак, 2003.

⁴² Владимир Авдеев, <http://rodnoverije.com/antrop/biopolitical.html>, «внутряной» спец по национализму и «здоровому» расизму, не боится широких обобщений: Биограмма человека... представляет собой врожденный репертуар поведения, матрицу с закодированными в ней модусами социальных реакций, духовных предпочтений и подсознательных инстинктов, передающихся из поколения в поколение представителям одной расы. Группы индивидов одной расы... соединяют свои биограммы в одну коллективную, которая и придает характерный неповторимый облик данной расовой культуре.

глобализацией, где экономическая конвергенция происходит наряду с дивергенцией духовно-политического плана. Бродель пишет в книге «Игры обмена» (М., Прогресс, 1988): ««вторичное закрепощение» было оборотной стороной торгового капитализма, который в положении на Востоке Европы находил свою выгоду... Крупный земельный собственник не был капиталистом, но он был на службе у капитализма амстердамского, или какого другого, орудием и соратником. Он составлял часть системы».

Но – есть реальная непростота реальных менталитетов. Крестьянский аграрный менталитет связан изначально (по исторической «вертикали») с глобальным общинно-родовым сознанием в целом. А «по горизонтали» российский крестьянский менталитет связан с другими аграрными менталитетами Запада и Востока. Причем, гораздо сильнее, чем с городским и дворянским менталитетом своей собственной страны. Те же горизонтальные сходства есть и у городской ментальности.

«Психограмма» свои-чужие имеет древнейшее животное происхождение, эволюционно развивавшееся у приматов. Животное происхождение и у многих других социальных отношений: доминирование и подчинение, клановость, патриотизм, консерватизм и либерализм.

В менталитете Запада есть парадигма «культурная ойкумена – варвары» с эволюцией отношений, от колониализма, миссионерства и прочих «кафолических» и элитных моментов до культов экзотического, мод на ориентализмы и политкорректности; между «покорять» и «покоряться». В менталитете России – манихейская парадигма «свои-чужие» (о чем писал Ахиезер), с большей самодостаточностью и автаркией и, соответственно, меньшей агрессией вовне, но и с меньшим идеологическимприятием чужого, несмотря на реальность сильных западнических заимствований (здесь и ярые западники сами часто считали себя самобытниками).

Ахиезер и его источники хорошо показывают культурно-психологический разрыв между крестьянством и властью, разрыв, который власть тщетно пыталась преодолеть, «культуризуя» народную жизнь и вводя посреднические, «огосударствливающие», структуры типа земств, волостного управления, колхозов. Но традиционное крестьянство по духу своему анархично и все идущее от структурирования сверху для него только повинность. Реформы Александра II, Столыпина, Сталина, Хрущева, Горбачева в равной

мере есть насилие, на которое у крестьянина есть один ответ – неприятие (в зависимости от возможностей – скрытое или открытое). Центральный момент этой психологии, сохраняющийся по сей день – «Они» нас давят, «Мы» исхитряемся сопротивляться-выживать-приспосабливаться любыми способами.

Это вечная война, сколько бы она не прикрывалась всенародным «одобрямсом». И здесь нельзя путать государство и империю. Государство всегда враг, потому что это реальность чиновной эксплуатации, а империя есть нечто факультативное, идеологически-эстетическое, своего рода культурно-психологическая компенсация за социально-экономическую реальность. Если правильно понимать подобное положение, то тогда уже не должен возникать вопрос о том, каким образом сочетается у русского народа культ «царя-батюшки» с ненавистью к «боярам» и власти вообще, а политическая индифферентность и авторитаризм с беспощадностью революционного бунта.

Несколько забегая вперед, можно также сказать, что современная наша ментальность нередко ищет (и находит) в прошлом сплошные заговоры. Однако внимательное исследование источников находит там гораздо больше случайностей, мелкие интриги и значительный бардак.

Запад и Восток это, в первую очередь, ментальные сущности, художественные метафоры и интеллектуальные концепты. Американский историк Ларри Вульф, автор книги «Изобретая Восточную Европу» (М., 2003), в своих рассуждениях (в том числе – в переписке с историком Александром Яновым; НЗ, №6, 2002) напоминает, что «Запад» и «Восток», «Европа» и «Россия» это прежде всего понятийные конструкции, созданные интеллектуалами. Некие идеальные (со знаком плюс или минус) стереотипы, а не реальность, сложная и неоднозначная. Поэтому ни противники, как Востока, так и Запада, ни сторонники, не сообразуясь с этой реальностью, неизбежно попадают впросак.⁴³

⁴³ В то же время, нам не стоит забывать, что ментальные стереотипы экономят живым существам время и энергию для обработки информации. Так, гуси уже в молодом возрасте знают, что всё рыжее, большое и пушистое очень опасно. Также человек узнает своего знакомого, несмотря на перемену им одежды или прически, а предмет, несмотря на то, что он перенесен в иное окружение.

Монетизация социальной жизни это такой образ человеческого бытия, который очень плохо поддается откату назад в психологическом смысле. Это как потеря невинности. Здесь элита задает правила, а народ приспосабливается. Можно говорить также о влиянии рыночных отношений при капитализме, которые стирают национальные различия и специфику менталитета. Т.е. при всех моментах типологических «перекличек» в истории момент эволюции социально-общественной жизни тоже невозможно отрицать. Указанные ранее рядом мыслителей черты «русского характера», в том числе патриархальность, коллективизм, «женственность», «разорванность» души, полностью не исчезают, но заметно модифицируются и придают глобальным эволюционным изменениям некоторую местную окраску. С одной стороны качественный разрыв между элитой и обществом снижается за счет глобальных изменений (хотя и восстанавливается в количественном плане, в виду большой разницы в доходах и социальных возможностях), с другой возникает иная линия разрыва в общей ментальности из-за все большего несоответствия между прокламируемым мифом нации о самой себе и реальным положением дел.

Изменяются формы внутренних противоречий, но противоречивость как таковая остается. Специфику основного противоречия русского бытия наверное можно охарактеризовать как контраст восточноазиатского, патриархально-коллективистского, менталитета и западнорыночного образа жизни с присущей ему атомизацией общества. Что на сегодня нельзя не заметить как одно из глобальнейших изменений в нашей исторической жизни? В первую очередь это практическое исчезновение былой крестьянской идеи: «землю народу!» На этой идее прежде держалась вся история России, и большинство конфликтов возникало именно в данной области. На Западе также отошла в прошлое и почил в бозе марксистская теория о пролетариате и борьбе классов.

ЧАСТЬ III.
ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ.

III.1. Заговор серых кардиналов.

Весь мир – театр военных действий, и одновременно – театр марионеток и теней, за кулисой прячутся таинственные кукловоды (куклы – мы с вами),демиурги невидимого фронта... Это очень древняя идея, не российская и даже не античная. И, похоже, бессмертная. Во всяком случае – остро современная.

Любите ли вы конспирологию, как люблю ее я?..

Самый общий характер конспирации и конспирологии обнимает собой всю социальную и культурную историю человечества, эволюционируя в разных своих формах от первобытности до современности, чему соответствует также и развитие личности от детского возраста до «академического». Само мышление и язык, способность к символизации и к поиску значений, наделение явлений смыслом это уже поле для потенциальной конспирологии. Иррациональность и радио это не абсолютные антонимы, всегда возможны (а скорее неизбежны) те или иные конфигурации их симбиоза.⁴⁴

Никуда не денешь и древнейшие формы социальной психологии: боязнь хаоса и всего незнакомого, вера и недоверие, эгоизм и кооперация, воля к власти и успеху, искусство манипуляции и имитации и т.д. И одно из главнейших и старейших (вечных) понятий: «свой и чужие». А также – чуть изощреннее – свои среди чужих и чужие среди своих.

Примитивизм почти животных ощущений легко и органично соседствует с изобретательными мировоззренческими и историософскими системами. Деятельный субъект-манипулятор, «конспиратор» (как личность, так и общество), может одновременно быть и объектом манипуляции и исследователем оной, «конспирологом». Перечисление возможных форм проявления подобных тенденций просто технически невозможно. Вариации психотипов и социально-политических оттенков уходят в бесконечность.

На заре человечества мы имеем виртуальный (но сильнодействующий) мир божественной воли, управляющей известной нам вселенной, и/или миры богов, демонов, природных сил, олицетворенных, либо концептуализированных, особыми именами

⁴⁴ С.Н. Булгаков (1990, с 22): «жизнь есть конкретное, неразложимое единство логического и алогического, ...даже в нашем самосознании мы находим этот же самый живой синтез».

и/или терминами. С виртуальным миром неразрывно связан мир материальный – с тайными обществами поколенческого, гендерного или профессионального свойства. С реальными шаманами, жрецами, кузнецами, охотниками, пастухами и мифологизированными первопредками.⁴⁵

По Максу Веберу, движение в сторону рационализации суть исторического процесса. Согласиться с данной теорией в определенной степени необходимо: рост уровней абстракции (тот же торговый чек или акция в отношении к наличным деньгам) давно стал бытовой реальностью, а ведь Вебер еще не дождался до «киберпространства»! Проблема в другом: даже если общество действительно развивается в сторону главенства левополушарного мышления, тем легче члены общества срываются в компенсирующую авербальность, асоциальность и мистику (в итоге – дурная бесконечность взаимной акцентуации, «сила действия и сила противодействия», «великий мудрец» и «великий разбойник» древнекитайских трактатов...).

Современный исследователь конспирологии М.В. Хлебников («Теория заговора», М., 2014) критикует мифогенный и, особенно, неофрейдистский, подход к проблеме, утверждая в данном случае примат чисто рационального, интеллигентского (во многом – компенсаторного) истока. И это, по-моему, само по себе имеет конспирологическую подкладку: ничто не случайно для зоркого конспиролога, везде кроется тайный (и, разумеется, совсем не добрый!) смысл. Символический смысл тотален и неистребим сам по себе, но нам здесь интересны спецификумы... Некий смысл, или даже идею, можно найти везде и во всем, что не мешает ей (конкретной специфической идее) возбуждать (и перевозбуждать!) широкую – во все времена – сеть фриков, фанатов и сумасшедших...

Помимо того, религия «Прогресса и Разума» не столько отрицает, сколько покрывает абсурд. Абсурд может оправдываться фактами

⁴⁵ Т.н. анимизм и его овеществление в ритуализме, фетишизме и идолопоклонстве только по историческим формам своим, а не по сути, может быть отнесен к навсегда ушедшему прошлому. Суть остается все той же. Мирча Элиаде был совершенно прав, говоря, что «даже самая примитивная религия – это прежде всего онтология» (1994, с 130). Но именно поэтому оппозиция «сакрального» и «профанного», на которой настаивал тот же автор, не столь уж и оппозиционна. Как писал наш отечественный мэтр по исследованию античной культуры, А.Ф. Лосев, «миф есть субстанциальное (то есть буквальное) тождество идеи и материи» (ИАЭ, 1988, 2, сс 163-164).

успешного праксиса, окрашиваться в цвета традиционных конфессий, подпитываться «духом народа» и харизмой вождей. В некотором, весьма значительном, плане абсурд становится реально успешным и в этом отношении – рациональным (отсюда недалеко и до его санкционирования). И наоборот – рациональность, доведенная до абсурда, это уже паранойя.

Возможно, что и мистиков следует поделить на «левых» (они же – «грешники», либералы, авангардисты-абстракционисты и, по незабвенному выражению Никиты Хрущева, «пидарасы») и «правых» (консерваторы-архаисты, фанаты-сектанты, романтики, фигуративисты, «сексисты»). Эти две идеологии, консервативная (со спиритуалистическим уклоном) и социалистическая (с культом «земного Града») сосуществуют веками в разных формах и с различным успехом влияния на умы.

Современные дилетанты без труда находят предшественников, солидаризируются друг с другом и ссылаются на фундаментальные исследования, находя там удобные для своих построений цитаты.

Очевидно все дело в степени: следует по возможности отличать нормальное выдвижение рабочих гипотез от «идеи фикс» и поэтических озарений, подчас граничащих с паранойей или с провокациями постмодернистов. Понятное желание «себя показать» здесь далеко не главное, главное все же сводится к проблеме «восстановления исторической справедливости». Вот здесь чувство личной неустроенности уже неотрывно от принятого на себя чувства национальной униженности. Возникают особые миры – миры особых историй, идеологические дискурсы. «Русский»/«славянский» мир (он же – «антинорманский»), «германский» (он же – «нордический»), «пантюркистский», «еврейский» – каждый из них требует полнейшего превосходства над прочими, неопровержимого опровержения инаких идей и их носителей. Маргинальная наука обычно отмечена тотальностью обобщений и апокалиптическим ожиданием будущего торжества Истины.

Александр Асов, он же – Бус Кресень (наст. фамилия – Барашков), спец по влосознанию и гамаюноведенью, утверждает: «Тайный же смысл этого Знания был понятен и в прошлом, и в настоящем лишь – посвященным... Силы Тьмы, Нави, приложили огромные усилия для того, чтобы уничтожить это Знание...».

Конечно, далеко не всё можно объяснить паранойей, фрейдовскими комплексами или желанием прославиться. Воля к знанию в целом, и к тайным знаниям в особенности, органично свойственна интеллигенции. Отечественные энтузиасты пишут книги,

издают журналы, создают сайты и организуют исторические экспедиции. Опираясь на известия Авесты, Асгард, город богов, ищет под Томском энтузиаст гиперборейской теории, краевед Н.С.Новгородов, руководитель общественной организации «Гиперборея – Сибирская Прародина». (Правда, конкурирующая организация омских исследователей считает древним Асгардом современный Омск!). А где-то совсем рядом, в Томском Приобье, должно было располагаться и царство пресвитера Иоанна... Ну, сколько можно копаться в скучных научных материях, когда в мире столько всего непознанного и интересного!.. И перечислить последнее нет никакой возможности. Атланты и гипербореи, йети и пришельцы из космоса, наконец, вполне реальные иезуиты, масоны, спецслужбы и еврейские финансисты, а уж тем более – виртуальное Мировое правительство...

Интересное, по мнению философа Михаила Эпштейна, категория, которая «не только противостоит истине, но и соединяет в себе истинное и достоверное, с одной стороны, и невероятное и чудесное – с другой. ...Степень интересности обратно пропорциональна вероятности выдвинутых тезисов и прямо пропорциональна достоверности их доказательств... “Интересное” находится между двух взаимно исключающих и равно необходимых аспектов явления». За всем этим проглядывает – как и у позднего Бахтина – метафизика, которая не столько близка Платону, Марксу и Канту, сколько христианизации Аристотеля в работах Св. Фомы Аквинского. Онтология томизма постулирует, что каждый вопрос, поставленный наукой или философией, имеет две стороны: это и проблема, и тайна. Проблема – дело эмпирики, эта загадка решается ученым. Тайна же – это область веры и интуиции, так что лишь убежденная вера ищущего может выявить ее сущность...

Сегодня возрождение таких мифов связано не только с неоязыческим ренессансом, мистикой и конспирологией, но и с вечным чувством любви к игре и развлечению, что находит свое выражение в фильмах и компьютерных квестах. (Не говоря уже об экономической составляющей – реклама, товарные бренды и т.п.).

Нет-нет, не только на дилетантах держится конспирология. А.А.Клёсов (руспатриот, 30 лет проживший в США, автор ДНК-генеалогии, созданной им в противовес широко распространенной популяционной генетике) нашел главную, причину (= «пружину») мировой истории в Y-хромосомном разделении между двумя важнейшими историческими гаплогруппами, R1a1 (собственно арии, индоевропейцы) и R1b (предки западноевропейцев). Он пишет:

«Похоже, что разная история ариев и эрбинов может объяснить и особенности их ментальности. Потомкам эрбинов в настоящее время свойственна рациональность, стремление следовать четким юридическим положениям, разработанным ими же. Потомкам ариев свойственно стремление к справедливости, зачастую в иррациональной манере, «по понятиям». Не случайно потомки ариев в Индии и прилегающих территориях (Тибет) разработали целую систему размышлений, самосозерцаний, углублений в себя, не свойственную потомкам эрбинов. Вот эта «евразийскость» в понятиях и поступках характерна для большинства этнических русских, отсюда – и две головы национального символа, развернутые на запад и восток. Относительно недавняя история Европы, 19-го и 20-го веков, не была исключением в отношении нашествия потомков эрбинов на славянские земли. Поход Наполеона на Россию, война на Кавказе первой половины 19-го века, в которой большую роль играли английские дипломаты и разведчики, крымская война, обе мировых войны 20-го века – тому трагические примеры. Но каждый раз упомянутую границу между потомками ариев и эрбинов удавалось удерживать. И сейчас – противостояние продолжается, порой доходя до опасной черты».

Глубоковастенько получилось у автора. Мы попробуем попроще и ближе к злым умыслам врагов человечества.⁴⁶

Согласно библии современных параноиков и конспирологов, книге Джона Колемана «Комитет 300» (М., Витязь, 2000 и др. изд.), тайное мировое правительство управляет местными властями, банками и корпорациями, научными, общественными и религиозными организациями, сознанием людей и всеми значимыми событиями. Для уничтожения человечества оно использует такие ударные средства как свободный секс, религиозные культы и колдовство, йогу и дзэн, движения «зеленых», битников и хиппи, молодежную преступность, иммиграцию, аборт, интернет и прочие наркотики. От Колемана, единственного, устоявшего перед этим зомбированием, супермена, мы узнаем чудовищные секреты, вроде того, что «грязную музыку» Битлз и всех прочих рок-групп («маргинальный бред уличных клоунов»)

⁴⁶ Как сказал современный политолог Валерий Соловей, «не ищите коварных планов и злого умысла там, где действуют банальная глупость, жадность и трусость». Но всегда ли последнее исключает первое? Особо жадные могут использовать совсем даже небанальные способы одурачивания как простых народных масс, так и своих элитных конкурентов. В том числе различные формы конспирологии, для тех и других.

написал еврейский философ Теодор Адорно (ум. в 1969), или, что президент Франклин Рузвельт спровоцировал нападение японцев на Перл-Харбор по приказу «Комитета 300», наконец, что британско-одесский шпион Сидней Рэйли курировал деятельность своего собутыльника Феликса Дзержинского, на основе человеко-ненавистнической философии которого и вырабатывались решения Мирового правительства...

Ну, очень страшное кино!

Другой авторитетный конспиролог, Дуглас Рид, в книге «Грандиозный план XX-го столетия» (Дольфин Пресс ЛТД. Юж. Африка. 1977) утверждает: «Орудие захвата власти готово: мафиозная структура в Нью-Йорке, называемая ООН, была создана для того чтобы разрушить нации, объединённой организацией которых она якобы является. Заговор настолько древен сам по себе, что следы его теряются в столетиях, а главным зачинщиком является сам дьявол» (Sic! – В.Л.).

Вот-вот! Никуда без лукавого!.. Но что по данному поводу говорит нам наука? Наука, в частности, фольклористика и нарратология, тоже утверждает, что речь здесь идет о центральном сюжете традиционной культуры. Фундаментальный закон мифодрамы как таковой: акт «вредительства» и создания ситуации культурной «недостачи», похищение «блага», нарушение «завета» и социального равновесия. Да вся мировая культура выросла из этого корня, включая ее мутационный дичок – скучное научное рацио.

Современный историзм терпит неизбежное поражение на конкурентном поле в борьбе со структурой манихейского мифосюжета с ее удобопонятным разделением добра и зла и четким распределением ролей и функций. В отличие от дискуссионных положений науки, логика мифа безупречна: напору фактов и игре случая она противопоставляет обезоруживающее своей простотой социально-психологическое объяснение. Любопытно, однако, другое: конспирология однобока, она видит только темную сторону мифонаррации – сторону онтологического зла, сторону «Ангроманью», но вот светлый, устрояющий мир, «Ахурамазда» ее не интересует. (Ну почему ж так?..).

Криптоистория – древнейшая структура, вариация сакрального тайного знания, присутствовавшая уже в дописьменную эпоху. Далее на эволюционном пути – жреческая, философская, герметическая, гностическая и сектантская литература (сюда же отнесем и новонайденное «Евангелие от Иуды»). Но еще интересней идея претворения мистического герметизма в реальную жизнь. Реально

нелегкую, и – явно неспроста... Здесь российский «подозреватель» не окажется последним, и найдет достойный ответ масонским марксам-шмаркам, даст дустом по серьгам всем мудрецам-обамам, обоим клинтонам, и прочим сионским чемберленам...

Впрочем, не мистикой единой... Современные интеллектуалы творят криптоисторию из ничего, точнее – из всего. Годится любое событие. И это уже говорит о высоком классе виртуалистики, тем более, когда за это платят вполне реальными деньгами. Да уж, всё совсем не так, как на самом деле!..

Нет, настоящие заговоры тоже, конечно, реальность, особенно когда это касается дворцовых переворотов или революционного подполья. Но это совсем скучная история, о которой, в принципе, все уже известно. Ну, может быть, остались некоторые неясности и спорные моменты, но не криптоисторикам же копать в мелочах, когда апокалипсис вечно маячит на горизонте!..

Но вот что нельзя не отметить: козни, казус белли, кви про кво, или парадокс... В общем, чудовищные «непонятки» и «путанные рамсы» европейской культуры. Люди, ставившие себе целью свет знания и просвещение народов, оказались в итоге, и, так сказать, в «протоколе», вечным пугалом и грозным символом закулисных темных сил. Всякий «ангроманю» мнит себя «ахурамаздой», но не у всякого это удачно заканчивается, и на каждую победу прогрессистов всегда находился консервативный реванш.

Масонам (если брать их в широком плане, не различая бесчисленных лож и толков), в принципе, есть чем (и кем!) похвастаться. Масонами были французские просветители и деятели ВФРеволюции, американские отцы-основатели, президенты XX века и даже астронавты. Среди масонов были декабристы, республиканцы и социалисты, а также Моцарт, Гайдн, Паганини, Бетховен, Бэкон, Лаплас, Гете, Лессинг, Фихте, Мадзини, Гарибальди, Киплинг, Уайлд, Тагор, изобретатель пенициллина А. Флеминг, полярник Р. Пири, физик Ферми... Впрочем, достоверность списка не стопроцентна.

Некоторых знаменитостей масоны себе явно присваивают (Леонардо, Шекспир, Наполеон), либо просто славословят и награждают (А. Швейцер). В этом им со своей стороны помогают праворадикалы, виталкивающие в масонство всех подозрительных и нелюбимых (например, Милокова, Родзянко и кн. Г. Львова). Хотя даже реальное членство подчас обладает нулевой значимостью, как в случае с Вольтером, принятым в братья на 84-м году жизни, незадолго до своей кончины. А если прибавить к масонам купно всех либералов

и гуманистов, а также представителей неортодоксальных религиозных течений и политических партий (от квакеров и толстовцев до анархистов и «зеленых»), то немасонская часть человечества (во всяком случае, в активной его части) стягивается как шагреновая кожа в какой-то кружок по интересам (точнее, без гуманистических интересов!).

Правда, сами эти интересы доказывают прежде всего, что человек – «символическое животное», не способное прожить «интересную» жизнь без романтических ритуалов. То, что таких людей не удовлетворяют обряды ортодоксальных учений, объясняется рядом взаимосвязанных моментов – отсутствием в ортодоксии «сладостного» конспиративизма, недостатком личной свободы, игрового (и реформаторского) начала. Это вечная и чисто психологическая проблема: в современном культурном контексте всякий «масонствующий» немного «штирлиц» и немного «манилов»⁴⁷. Этим он выгодно, с моральной точки зрения, отличен от тех, кто уходит в «профи» – в иезуиты, в спецслужбы, в мафию... Хотя иногда их можно спутать.

По мнению современного историка Р. Козеллека, первым разработал волюнтаристскую (т.е. чисто либеральную) философию истории Адам Вейсгаупт (XVIII в.). Последний, принявший имя героя антиримского восстания, Спартака, утверждал, что его политический проект – постепенно разложить государство и сделать его ненужным – есть не что иное, как вердикт самой истории, который рано или поздно будет осуществлен. Охотнее всего к тезису о подвластности истории человеку, отмечает Козеллек, прибегают представители наиболее активных, и новаторских по духу, социальных групп. Но в итоге Вейсгаупт потерпел поражение из-за реакции баварских курфюрстов и неизбежных внутренних противоречий в среде своих сторонников.

Вейсгаупт исповедовал деизм и использовал структуру ордена иезуитов, запрещенных римским Папой. Он был сторонником руссоистской философии естественного человека, был, естественно, романтиком и франкмасоном, но созданный им иллюминатский орден разрушили внутренние дрязги. Вейсгаупта можно было бы даже считать провозвестником глобализма, если бы его идеи антинационального и антиклерикального толка не являлись фактическим слепком с идей религиозных сектантов.

⁴⁷ А кое-кто и «ноздрёв». Недаром масонами были Казанова и Калиостро.

Консерваторы тоже не спали. Специалист по истории мирового заговора, Дж. Энтин, рассказывает в своей статье⁴⁸ об аббате Огюстен де Баррюле, бывшем иезуите, который спасался от Французской революции в Англии. В конце XVIII века он написал четырехтомную историю тайных обществ – франкмасонов, иллюминатов – которых он связал с якобинцами и объяснил французскую революцию результатом заговора. К 1812 году его труд был уже переведен на девять языков (в том числе на русский) и еще не раз переиздавался. У него появилось немало сторонников, в частности, итальянский офицер, Дж.Б. Симонини, который заявлял, что именно евреи вызвали французскую революцию, с чем сразу же согласился Баррюль: в их, евреев, планы безусловно входило уничтожение христианства и создание всемирного правительства. Он заявлял также, что заговор существует со времен манихейства, а в свое время его участниками были рыцари-тамплиеры. Идеи Баррюля были поддержаны многими другими консерваторами, включая знаменитого Жозефа де Местра, который, в свою очередь, не преминул поделиться ими с русским царем.

Консерваторам, пишет Энтин, всюду мерещились тайные общества, а радикалы реагировали на их страхи тем, что организовывались именно в такие общества. Т.е. страхи правых стали самореализовавшимся пророчеством – случай, когда жизнь имитирует искусство.

Историк Даниэль Пайпс (См. «Новое литературное обозрение» М., 2000 г.) указывает на многочисленные случаи, когда конспирологические страхи приводили к реальным и весьма печальным политическим и социальным последствиям. Это и история репрессий в СССР, и маккартизм, и методы спецслужб, и некоторые психологические причины развязывания холодной войны. Действие рождает противодействие, а корни первопричин действительно уходят за горизонты логики. В 1950-е годы в США появилось т.н. Общество Джона Бёрча, которое объявило даже президента Дуайта Эйзенхауэра агентом коммунистического заговора.

Американский профессор Ричард Хофштадтер («Параноидальный стиль в американской политике», 1965): «Сама история является заговором, составленным демоническими силами... и чтобы нанести им поражение, нужны не обычные политические компромиссы, а всеобщий крестовый поход. Писатель-параноик рассматривает судьбу

⁴⁸ «Теории заговоров и конспиративистский менталитет». – Новая и новейшая история, №1, 2000.

такого заговора в апокалиптических терминах... Он всегда на баррикадах цивилизации».

Мирные годы на Востоке и на Западе особенно характерны усилением конспирологических идей.

Интеллектуальный «торг» между врагами неуместен и бесполезен: политическая паранойя всегда выше и важнее любой исторической конкретики. Вспомним, хотя бы, что в эпоху появления рок-н-ролла советские охранители считали его тайным оружием американского капитала, а американские – подрывным методом со стороны коммунистов.

А вот ранний Дугин (www.acrtogaia.com. 1990 г.), который еще пытается выглядеть объективным, но уже заявляет о своих правах духовно «вязать» паству:

если существует вера в заговор, то не так важно, существует ли он на деле. Такая вера свидетельствует об устойчивых бессознательных архетипах, ее чрезмерность и упрощенность суть знаки соответствия каким-то архаическим пластам, которые не могут до конца быть просветлены рациональностью. Все это лишний раз доказывает укорененность проблемы «заговора» в самых базовых уровнях человеческой и социальной психики...

Заботу о народной душе и нравственности никто не отменял, но если отбросить мистику, то народ воспринимает интеллектуальные усилия интеллигенции как способ очередного использования масс в корыстных целях. Ну, а если с «мистикой», то сатанинские силы есть лучший способ упрощенного объяснения мира зла и страданий. И для тех и для других.

Практически все исследователи отмечают эволюцию субъектов заговора: от вольных каменщиков и иудеев к Бейдельбергскому, или Римскому, клубу, коммунистам, банкирам, ЮНЕСКО, спецслужбам, мондиалистам и даже уфологам («тарелочникам»). Некоторые группы вполне комплиментарны и могут быть сведены в единый глобалистский тип. Другие требуют различения: так, ранний большевизм еще полон интернационализма и левого, революционного, еврейства; пройдя через государственное горнило сталинизма, он превратился уже в некое дугинско-панаринско-прохановское чингизханство, духовную «Азиопу». Соединить западных правых с сионистами, леваками и либералами-технократами также не просто, но объективность не самая важная вещь в конспирологии. Любопытен еще один парадоксальный момент: в связи с сильной струей юдофобии, на первый взгляд неожиданно, возникают антихристианские мотивы со стороны самих конспирологов. Факт зарождения христианства в лоне

иудейской религии делает его подозрительным в глазах конспирологов и правых националистов. Возникает вывод, что «христианство это мина, заложенная евреями для разрушения арийских народов».

Но в России наибольшее подозрение всегда вызывала свободно мыслящая интеллигенция. Борис Башилов⁴⁹ писал о «масонствующем Ордене Российской Интеллигенции». Собственные политические взгляды этого борца с масонством и еврейством ярко характеризуются такими выражениями как «клеветнические слухи о Распутине», «провокационная деятельность Земского Союза» и осуждением «выдачи Азефа». Странно, что приводимые им факты создания Папюсом в Царском Селе масонской ложи с участием царской семьи и высших придворных почему-то не отнесены к «клеветническим слухам» об их связи с интеллигенцией. Но подобная мировоззренческая партийность всегда чревата последующей эволюцией, которая, конечно, никогда не заставляет себя ждать.

Здесь, на месте таких авторов как Башилов, трудно удержаться на уровне холодного исторического отношения к подобным вопросам и не перейти к усилению и даже к «психической атаке» по линиям марксистской, фашистской, ортодоксально церковной, линии неоязыческого патриотизма, антиимпериалистического интернационализма и т.п. Каждая из этих линий может иметь индивидуальные и локально-исторические особенности. Например, эмигрант-монархист (В.Ф. Иванов) валит все на безбожных интеллигентов-социалистов, марксист сталинской эпохи говорит о троцкистско-фашистско-бухаринской шпионской организации на деньги буржуазии. Коммунистический идеолог «закатных лет» коммунизма (Н. Боголюбов) пишет о том, что «СПИД и другие страшные заболевания разработаны в лабораториях ЦРУ и ими специально заражено население ряда стран, что голод, революции, наркомания, гомосексуализм, аборт специально культивируются среди населения».

Современный правый культуролог (В. Карпец) опубликовал в Интернете следующий философский перл: «Русская власть... становится подлинно движущей силой страны и получает массовую поддержку собственного народа, "большого народа", только тогда,

⁴⁹ Он же – Борис Норд, Поморцев, Тамарцев (наст. фам. Юркевич). Журналист, полярник, писатель, попал в немецкий плен, был сотрудником НТС, эмигрировал в Аргентину, где сблизился с Иваном Солоневичем и написал 9-томный труд о масонстве. См. Башилов Б. «История русского масонства». М., 2003.

когда она "попирает" принципы и отстаивающее их меньшинство, "малый народ", причем, чем более она их "попирает", тем больше ее актуальная поддержка "большим народом"... "Попирание принципов" всегда есть выражение живой стихии жизни...». Ну а современный интеллеktуал постмодернистского толка (имя подберите сами) суммирует и обыгрывает данные всех разнородных источников, не слишком утруждая себя их проверкой, и зарабатывает себе скандальное имя и легкие деньги.

Интересно, как одна и та же «сила», в данном случае – капиталисты, может выглядеть жупелом в совершенно противоположных теориях заговора. Первая и самая избитая – коммунистическая: «буржуины» против пролетариата. Вторая, более экзотическая, принадлежит американскому профессору Энтони Саттону (чья книга опубликована в 1974 году и выпущена у нас изд-м «Русская идея»⁵⁰), активно поддержана нашими правыми: большевики победили благодаря помощи капиталистов, в первую очередь, американско-еврейских банкиров (что, правда, не помешало Америке оказать помощь и антибольшевистским силам, особенно после международной критики сепаратной миссии Буллита, посланника президента Вильсона). Собственно, реальная основа здесь не нова, это известная еврейская составляющая в российском революционном движении, и сочувствие, которое она вызывала у некоторых кругов, марксистских и еврейских, на Западе.

Другой момент, также не являющийся ни для кого секретом, это практицизм политических и меркантильность финансовых кругов, и тогда и теперь не желающих терять возможности использования российского рынка. Сами коммунисты, надо признать, изначально все же чаще использовали деньги для целей идеологических, и лишь со временем более популярной стала практика использования идеологии для личных корыстных целей. Следует также сказать, что финансовая подпитка «мировой революции» со стороны большевиков уж никак не уступала инвестициям в большевизм, и скорее всего значительно превосходила таковую. А в целом теория Саттона вполне успешно опровергается им же самим. Единственным исключением я бы назвал любопытное, хотя и несколько экзотическое, авторское сопоставление

⁵⁰ Э. Саттон также автор целого ряда подобного рода книг, в частности, работы с критикой лендлиза – «Национальное самоубийство – военная помощь Советскому Союзу». Наши новейшие патриоты пишут историософию с чистого листа и в своем выборе источников они столь же циничны, сколь непредсказуемы.

глобального революционного интернационализма Троцкого с идеями глобализма у западных финансистов, при совместном их недоверии к свободе личности для «простых людей». Впрочем, если откинуть либеральные сетования, свойственные интеллигенции по любую сторону океана, то идея клановой власти стара как мир. Тут главное не путать власть реальную и воображаемую, что дело, конечно же, непростое...

Но наиболее интересной мне кажется книга американского политолога Ральфа Эпперсона «Невидимая рука. (Введение во взгляд на Историю как на Заговор)». ⁵¹ Во всяком случае ему нельзя отказать, ни в экономических знаниях, ни в парадоксальном остроумии. Как истинный конспиролог он не останавливается на видимой стороне вещей, а ищет «где глубже». Коммунизм не есть бунт «бедных», но тайный заговор «богатых», пишет Эпперсон, а «первой задачей заговора является убеждение народа в том, что заговора не существует». Практически верно, хотя логически слегка параноидально: ведь если все «чисто и светло», то это уже само по себе подозрительно?..

Эпперсон, как убежденный правый, руководствующийся чисто формальной логикой, приходит к соответствующим логическим выводам. Например, политика правительств и центральных банков по перераспределению доходов, полученных от налогов (обыденная на сегодня практика любого государства) представляется им как воплощение в жизнь коммунистических, фашистских и масонских идеологем. Инфляция, отражающаяся в первую очередь на положении среднего класса (ведущая, стало быть, к «уничтожению» оногo), социальная помощь («отнять и поделить») и любые действия, ограничивающие свободу, рыночную конкуренцию и частную собственность, это тайное оружие против общества. Оно выгодно коммунистам, фашистам, капиталистам-монополистам, подкупленным политикам и стоящим за их спинами иллюминатам-масонам (они же клика международных банкиров).

Ну не иначе как из внутренней ненависти к обществу классического капитализма масонские банкиры не захотели в свое время скинуться хотя бы на достойное обеспечение западных разведок, боровшихся по мере своих слабых сил с коммунизмом и фашизмом! Автор книги «Шпионы XX века», Филип Найтли, ⁵² передает

⁵¹ Первое издание в США – 1985 г.; <http://www.vodaspb.ru/russian/indexrus.html>.

⁵² Найтли Ф. «Шпионы XX века». М., изд. Республика, 1994.

следующий факт из истории знаменитой Интеллиндженс Сервис: «в 30-е годы количество сотрудников, работающих в штате постоянно, не превышало 30 человек и никогда больше шести сотрудников одновременно не работали на одном континенте... кадры 30-х годов состояли из второразрядных низкооплачиваемых сотрудников, работавших за границей и покупавших малозначительные обрывки информации от ненадежных агентов».

В той же книге немало и других любопытных фактов, показывающих истинное – весьма жалкое, в сравнении с НКВД-ГРУ – лицо и реальные возможности западных спецслужб. Можно даже сказать, что если бы не своевременные «бонусы» со стороны советских перебежчиков, эти службы – и тогда и в более поздние годы – следовало бы считать местными филиалами нашей разведки. Миф о профессионализме и коварстве той же СИС успешно использовался в СССР и в гитлеровской Германии для выбивания фондов.

Правда, создается впечатление, что «мировой заговор» у Эпперсона это, скорее, яркая метафора, позволяющая нагляднее представить и прокламировать классические ценности западного мира (в понимании Адама Смита, Ф. Хайека и фон Мизеса, но ни в коем случае – Кейнса или Гэлбрайта!). Только вот реклама эта похожа на ностальгию по ушедшему «золотому веку» классического капитализма, которому уже нет и не будет места в век революционных технологий, в том числе технологий информационных и управленческих. С другой стороны, из книги самого Эпперсона как раз вытекает, что и сам этот «золотой век» был наполнен самым настоящим беспределом финансистов, политиков, революционеров, так что прокламируемые ценности Эпперсона напоминают абстрактные же ценности противников свободного рынка. Тем самым критика со стороны крайне правых и крайне левых отличается только в «наказуемых» терминах. Любой мало-мальски грамотный социалист и марксист без особого труда докажет, что буквально все «преступления» монополистов и «тайного правительства», подробно расписанные Эпперсоном, это и есть основной, неотъемлемый признак капитализма как такового, а его излюбленные герои, вроде сенаторов Маккарти и Голдуотера, вовсе не были моральной антитезой Рокфеллеру и Ротшильду.

Едва ли не единственное различие этих двух критик состоит в том, что в социалистическом взгляде на историю революция является все же результатом стихийного движения масс, а не элитного заговора. Хотя различие это вполне может быть устранено путем небольшой перестановки акцентов: положение бедняков и так и так ведь обязано

политике богатеев, остается только договориться, конкретно кому (и в какой степени) из руководителей революций можно инкриминировать изначальный тайный союз с «буржуинами», а кого можно оставить в ряду жертв этой интриги, использованных «в темную». Здесь в который раз возникает неразрешимый спор о первенстве объективных (надличных) и субъективных (сознательных) факторов в историческом процессе. Однако, несмотря на определенную специфику и некоторую предвзятость идей, книга Эпперсона интересна и полезна в плане изучения истории банковского капитала и может в критическом аспекте заменить на сегодня «Капитал» Карла Маркса (тоже наследника иллюминатов, по Эпперсону), а в плане позитивных идей – книги упертых сторонников свободного предпринимательства (того же Гайдара или Ясина).

Ну, а о том, насколько точные представления у Эпперсона о российской истории можно судить по следующей цитате: «Ленин предпочитал прибегнуть к революционному насилию, чтобы получить контроль над Россией, а Троцкий предпочитал ненасильственный метод. Сторонники Ленина получили большинство при обсуждении этого вопроса и стали известны как Большевики, а сторонники Троцкого оказались в меньшинстве и были известны как Меньшевики».

Просто супер! Еще замечательнее трактовка убийства нигилистами Александра II-го как мести международных банкиров за его содействие Линкольну. Я уж не говорю о признании Эпперсоном шпиона-перебежчика Голониевского царевичем Алексеем и объяснением логики официального непризнания последнего по причине нежелания банковских кругов делиться с «наследником» царскими капиталами. Ну и последний изыск автора – трактовка снятия Хрущева. Оказывается, его «уволит»... Рокфеллер («Председатель правления» выгнал с работы «Управляющего филиалом»).

Во всем этом присутствует еще момент индивидуальности, личных пристрастий и идиосинкразии, о которых, как известно, не спорят. Что, например, можно возразить на эпперсоновскую контаминацию песен битлов с марксизмом и сатанизмом, и далее по тексту «заговора»? Правда, можно заметить, что благодаря какой-то странной случайности именно среди правых, типа Эпперсона, наблюдается наибольшее количество противников идей эволюции и законов генетики (в частности, происхождения человека) и, с другой стороны, приверженцев НЛО, Шамбалы, Атлантиды (и всяких «зеленых человечков»).

Перейдем теперь к отечественным титанам мысли.

О.А. Платонов. «Почему погибнет Америка. Конец империи зла».⁵³

Из оглавления: Возникновение США как империи зла. США – олицетворение зла иудейско-масонской цивилизации. Апогей экономического паразитирования. Вампир на теле человечества. Великая масонская сверхдержава. Официальная поддержка сатанизма.

«Соединенные Штаты Америки возникли как эпицентр иудейско-масонской цивилизации. Эта страна сложилась, главным образом, под влиянием еврейских элементов...

Русский народ героической борьбой против фашизма сумел пресечь продвижение иудейско-масонской цивилизации на территорию России, однако он не мог остановить процессы углубления и укоренения этой цивилизации в США и Западной Европе... Злокачественная опухоль иудаизма и масонства уничтожила все жизненно важные центры бывшего христианского мира...

Сформировалось одномерное общество (наш привет Маркузе! – В.Л.), в котором фактически отсутствует механизм свободного духовного выбора. Каждому американцу разрешено выбирать только в рамках ценностей иудейско-масонской цивилизации. «Шаг вправо» и «шаг влево» означает для него потерю общественного положения, денег, карьеры, социальный остракизм... Общественно-политическая система США представляет собой крайнюю форму тоталитаризма, более абсолютного и опасного, чем, например, тоталитаризм фашистской Германии...

Американский ГУЛАГ, т.е. десятки миллионов убитых и замученных индейцев и негров, стал фундаментом культуры американизма, на 90 процентов своих образцов ориентированной на культ богатства и стяжательства, восхищение насилием, вседозволенность сильного и богатого, прикрываемые лицемерными рассуждениями о демократии и справедливости... (Почему-то кажется, что начинал О.П. как типичный советский журналист-международник⁵⁴).

Американские масоны стремятся установить свою власть не только в США и на Земле, но даже и в космосе. Значительная часть американских космонавтов являются членами масонских лож. В Великой ложе Техаса, в городе Далласе, в помещении темпла, я видел

⁵³ Русский Вестник. №11-13, 1998 г. Специальный выпуск: <http://lib.web-malina.com/viewbooks.php?gid=18&author=1523>.

⁵⁴ Малость не угадал: автор работал научным сотрудником в Институте Госкомтруда СССР.

картины, изображающие американских космонавтов, совершающих масонские ритуалы на Луне. Американский космонавт, масон Эдвин Олдрин, оставил на Луне знак – флаг сатанинского Ордена рыцарей-тамплиеров. Кроме того, он положил на поверхность Луны два золотых кольца, назначение которых отказался объяснить. Позднее журналистам удалось узнать, что сатанисты рассматривали эти кольца как способ установления оккультной связи с духами (демонами) Луны...

Немногочисленные общины истинных, православных христиан в современной Америке живут подобно христианам языческого Рима, в условиях гонений и преследований... Американские православные христиане давно уже... ожидают конца света, который связывается у них с понятием «нового мирового порядка и такими личностями апокалипсического толка, как «Михаил меченый». (Олег Платонов отмечает, что «у Горбачева контакт с масонством произошел, по-видимому, во время его отдыха в Италии в 1971 году, где тогда напористо и очень инициативно действовали подконтрольные ЦРУ масонские ложи...»).

«Антисемитизм» в современной Америке является формой противостояния растленной и античеловеческой иудейско-масонской цивилизации...

В течение ближайших десятилетий США прекратят свое существование как целостная территория и консолидированное население. Если это будет пущено на самотек, то разрушение Америки может быть трагично для нашей Земли. Нашпигованная ядерным оружием и сатанинской злобой ко всему человечеству, Америка может увлечь в свою бездну весь мир... Вопрос лишь в характере, комбинации и эффективности инструментов регулирования, которые мы выберем. Регулирование будет осуществляться через воздействие на слабые точки империи зла... Практическая работа должна вестись путем создания, обучения, финансирования групп сопротивления из числа местных жителей, воспитания лидеров освободительных движений на национальных и оккупированных Америкой территориях. В частности, на Аляске необходимо формирование политического движения за освобождение от американской оккупации и придание ей статуса самостоятельного государства, дружественного России. Настало время для создания на территории Америки ряда национальных индейских республик... Правомерны и справедливы создание и поддержка повстанческих движений из мексиканцев за возвращение в состав Мексики ее северных территорий...».

О. Платонов также естественно убежден, что «Протоколы

сионских мудрецов» – подлинные. Его единомышленник, Сергей Кара-Мурза, написал однажды: «Не так важно, подлинны «Протоколы» или фальшивы – для нас гораздо важнее, сбывается предначертанное в них либо нет». Ср. слова С. Нилуса, одного из публикаторов «Протоколов» в царской России в пересказе его знакомого, дю Шайла (цит. по Норману Кону⁵⁵): «Положим, что "Протоколы" подложны. Не может ли Бог и через них раскрыть готовящееся беззаконие? Ведь пророчествовала же Валаамова ослица! Веры нашей ради Бог может превращать собачьи кости в чудотворные мощи; может Он и лжеца заставить возвещать правду...».

Его же – о руси и «неруси», о «жизни за царя» Распутина, убитого, естественно, жидомасонами (последние это в.кн. Дмитрий Павлович, кн. Юсупов и Пуришкевич! – В.Л.), о «терновом венце России», словарь о масонах (включая Горбачева с Ельциным) и т.д. Замечательно, что родственные патриотические издания печатают труды О. Платонова наряду с трудами западных правых, где (в частности, у Эпперсона) мы находим перечисления тех же самых страшных опасностей: социалисты, коммунисты, хиппи, наркоманы и рок-музыканты, индейцы и негритянские националисты, эволюционисты и гуманисты, генетики, экологи, еврейские банкиры, либеральная профессура – вот угроза существованию Америки! Но дадим слово самим издателям, патриотам нового «замеса».

В послесловии к изданию книги Эпперсона говорится: «Это издание делает бессмысленным дальнейшее рефлексивное инферно бездумного сравнения формально разных, но содержательно одинаковых общественных систем (капитализм-социализм)... "Марксизму-ленинизму" и прочим либерально демократическим учениям не по зубам объяснение этих фактов, ибо они отрицают управление в глобальной истории, приписывают все "случаю" как некой анонимной "объективности"...».

Но, разумеется, наши идут дальше и копают глубже в сравнении с Эпперсоном, «рабом Библии»: «в его истории мирового Заговора полного "черных дыр" умолчаний: он в упор не видит сионо-масонства... для него не существует цивилизованного своеобразия России, которая первой среди региональных цивилизаций человечества восстала против доктрины Второзакония-Исайи. Не осмысляя этих явлений, Эпперсон превращает свою историю Заговора в существенную часть самого Заговора...». («Наши» стараются не

⁵⁵ Норман Кон «Благословение на геноцид» - <http://school.ort.spb.ru/library/torah/lessons10/protokoly1.htm>.

отставать от прогресса): «Резко возросла скорость внегенетической информации – базовые технологии в производстве обновляются каждые 5-7 лет... Динамика социальной жизни обусловила смену стереотипов (логики) социального поведения – рушится библейская толпо-элитарная пирамида глобальной власти».

Но не все еще столь продвинуты на путях прогресса.

<http://www.rv.ru/index.php> 18.04.2005: Вот «Обращение Московского комитета по правам человека по поводу преследования православного ученого и писателя О.А. Платонова. Московский комитет по правам человека информирует российскую общественность и компетентные органы о противоправных действиях еврейских экстремистских (в том числе международных) кругов в отношении православного ученого и писателя Олега Платонова. Платонов – духовный ученик великого христианского подвижника и богослова, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), благословившего его на создание и публикацию трудов, разоблачающих тайную войну иудаизма и масонства против христианской цивилизации... Московский комитет по правам человека готовит экстренные меры по защите Олега Платонова от незаконных преследований со стороны распоясавшихся антирусских экстремистов».

Не молчит и патристический Интернет – <http://ns1.pravda.info/forum/>: «О чем говорить, если эта сионо-масонская сволочь развелась уже в руководстве форума КПРФ... корень у них ОДИН – на который указывал Достоевский, а до него Иосиф Волоцкий – ЖИДОВСТВУЮЩИЕ. Рекомендую всем почитать очередную вышедшую в свет книгу Олега Платонова "Святая русь и окаянная нерусь", где он описывает на протяжении всей тысячелетней истории эту свору».

Каждый солдат знает свой маневр. Есть наука и «наука».

Станислав Тарасов. «Родная Газета», № 20, 12 сентября 2003 г. (www.rodgaz.ru):

«Вето накладывалось и на научные знания, и потому на нашей планете всегда существовала двухуровневая наука и политика – элитарная и «ширпотребовская». Причем отставание «массовой» политики, науки и техники от секретных разработок тайных обществ, по оценкам некоторых экспертов, составляло и составляет от 30 до 80 и более лет. Так, существует достаточно обоснованное предположение, что радио было известно тайным обществам еще во времена А.С. Пушкина... Есть версия и о том, что антигравитационные двигатели, к созданию которых только сегодня подбираются ученые,

были известны уже в конце прошлого века. О финансовой подоплеке сокрытия новейших технологий можно догадываться...

Начиная с середины XIX и первой половины XX столетия целые страны и народы уже не могли с точностью сказать, кто ими правит... Именно тогда, как предполагает Дэвид Айк, стали выявляться основные очертания мирового правительства. Тайные общества иллюминатов Великобритании и США в 1919 году объединили свои усилия в структуре под названием «Круглый стол»... С этого момента американским президентом мог стать только «посвященный»... (единственным исключением был Джон Кеннеди, что, видимо, и предопределило его судьбу). В 1954 году консолидация мировой политической, финансовой, промышленной элиты привела к созданию нового поколения тайного правительства, известного как Бильдербергский клуб. В 1973 году появилась его очередная модификация – так называемая Трехсторонняя комиссия, призванная уже обеспечивать планетарный контроль со стороны США, Англии и Японии. Дэвид Айк считает, что элита, находящаяся на вершине этой пирамиды, сегодня уже способна манипулировать таким образом, чтобы в верхние эшелоны власти в разных странах проходили свои люди...

Германский диктатор нарушает подписанный со Сталиным пакт о ненападении и вводит свои войска на территорию СССР. Сталин не мог в это поверить. Однако, высказывает предположение Донаджело, Гитлер подчинился влиянию масонской ложи «Золотая Заря», поддерживавшей крепкие связи с немецкими розенкрейцерами, членами «Общества Туле» и «Анненербе», которые в свою очередь были связаны с мировым правительством. В последующие годы властвовали не столько политические элиты США и СССР, сколько международная финансовая олигархия. В конце 40-х годов был подготовлен американский план «ПЛ-8690». В нем прописывался сценарий действий по отношению к Москве. Первый этап – расчленение страны на 16 независимых государств. Второй этап – поддержка и привод к власти в России тех сил, которые, как большевики, мыслят категориями «разрушить все до основания», чтобы в очередной раз толкнуть развитие страны на «догоняющую колею». У истоков этого плана стояли У. Доннован – руководитель управления стратегических служб США, А. Даллес – директор ЦРУ США, Д. Реттингер – высокопоставленный сотрудник американской разведки...

Мне (В.Л.) однако кажется, что такая политика разрушения коммунизма противоречит политике его создания по Дугласу Риду (во

всяком случае, требует пояснений), который писал о «катастрофических» годах правления Рузвельта, нанятого полковником Хаузом и тайными «спонсорами». Согласно их инструкциям Рузвельт «сразу наладил дипломатические отношения с Советской Сионистской Диктатурой и возобновил финансирование советского режима, которое начал ещё Вильсон». Такими же марионетками были и Трумен с Эйзенхауэром, единственно сенатор Маккарти пытался противостоять мировому сионистскому заговору, но силенок не хватило.

Вообще-то проблема «века железного» существует и источник тревоги вполне реален, но на Западе и на Востоке его могут понимать по-разному. О Патрике Бьюкенене (Столяров): «для объяснения причин происходящих событий автор обращается не к закономерностям исторического развития, что, вероятно, ему просто в голову не приходит, а в полном соответствии с психологией экстремального патриотизма создает образ внешнего и внутреннего врага. Только если российские патриоты крайнего толка объясняют бедствия современной России происками глобализма, масонства и сионизма, пытающихся подчинить себе весь мир, то Патрик Бьюкенен, будучи стопроцентным американцем, напротив, обнаруживает грандиозный марксистский заговор, который уже много десятилетий пронизывает Соединенные Штаты».

Но если бы дело было только в коммунистах и капиталистах (т.е. – в евреях)!.. Дальше – больше:

Цитируемый выше Дэвид Айк:⁵⁶

«Рептилии и подобные им манипуляторы обитают на грани частотного спектра, воспринимаемом нашими физическими чувствами. Они не обладают физической формой и не могут размножаться. Поэтому они стремятся вселяться в человеческую форму и использовать ее для осуществления контроля в этом измерении. Они выбрали Землю, потому что она вибрационно больше всего напоминает им их родину... Их цель в данный момент состоит в том, чтобы остановить Землю и воплощенное человечество от вибрационного сдвига из плотной физической тюрьмы в многомерный рай».

Из Комментария к статье Д. Айка: «Эти негативные вибрации направлены на основные массы человечества посредством техники на

⁵⁶<http://www.livespace.narod.ru/>.

См. также

<http://www.davidicke.com/russian/articles/>

reptilianobsession.html;

<http://www.davidicke.com/russian/>.

Земле и в космосе. Существо, давшее послание, заявило, что программа по клонированию предназначена для фабрикации тел для этих рептилий из промежуточного мира, что позволит им обойтись без вселения в уже воплощенные существа».

<http://www.aferizm.ru/> (Материалы, приведенные без ссылок на другие издания – из практики личной работы автора в правоохранительных органах. – Замечательное признание! – В.Л.).

Итак, Правый Интернационал существует! Ср. специфический конспирологизм академика Фоменко: «Масштабы глобальной программы XVII века по написанию искусственной истории прошлого мы начинаем понимать только теперь. Не следует удивляться согласованности действий по подделке истории в различных странах. В соответствии с нашей реконструкцией до конца XVI века почти все европейские и азиатские страны входили в состав единой Империи - Руси = Орды, поэтому все их правители были из одного круга чиновников Империи».⁵⁷

Лень искать – есть ли у Фоменко и С° сведение скалигеровцев к иллюминатам и жидомасонам? Если нет, то это довольно странное упущение, которое следовало бы исправить для усиления впечатления (можно подключить сюда и тамплиеров с катарами, и Ватикан, и Ротшильда, и сионских мудрецов, и ЦРУ с Комитетом 300, и агентов влияния в России, не упустив, поименно, всех «подголосков», поднявших руку на святое!). Понятно также, что бессмысленно пытаться воздействовать на параноидальный бред с помощью обычной логики. Ну например: от кого же скрывали правду и на кого хотели воздействовать эти чиновники (по предложенному условию фоменковской игры – элита мира)? Тут, видимо, надо уже вводить в действие марсиан... Впрочем, стоит ли повторяться? Нет такого вопроса на который бы не нашлось ответа у... но не будем переходить на ярлыки и оскорбления.

Еще один «простой солдат» мистически ориентированного национализма. Очень своевременно вмешался: валить всё только на евреев, это для некоторых «рептилий» хорошая уловка, чтобы самим остаться незамеченными.

Александр Елисеев (<http://www.nationalism.org/>): «Арийское" руководство подрывных сил».

«Заговором против христианства и арийских народов руководят вовсе не евреи, а сами арийцы. Вернее, та их часть, которая предала

⁵⁷ Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. "Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю?" Том 3, 241-246.

свою Кровь и ее священное господство. Те, кто стали белыми предателями на службе у князя мира сего. ...инорасовые элементы – големы, умело управляемые их черномагическими создателями – арийцами, полностью реализовавшими свой темный аспект... Заговор начался во времена Атлантиды... Именно туда мигрировала часть гипербореев-ариев, спасавшихся от величайшей катастрофы, сокрушившей нордический пра-материк – Гиперборею. Атлантида была матриархальной, западной демократией, почитающей водную стихию. Не удивительно, что этот гигантский остров (прообраз нынешних Сатанинских Штатов Америки...) погряз в черной магии... Сходство с XX в. просто бросается в глаза. ...атланты перестроили свои колонии по принципам коммунизма (демократические ценности были недоступны аборигенам). Так же и в уходящем веке либерал-демократические жрецы незримо управляли красными фараонами и их рабочими отрядами, подготавливая триумф демократии».

Ну, нет пределов поэтической фантазии у русского человека! Все дозволено, но иногда, согласно пожеланию одного из героев Достоевского, невольно хочется «сузить».

Сторонники теории заговора по-своему оптимисты, т.к. по-старинке верят в значимость и силу человеческой личности. Оставим в стороне историю вопроса о происхождении и текстологии т.н. «Протоколов сионских мудрецов», а перейдем сразу к заложенной в них концепции. С чего она, собственно, начинается? С ностальгии по «золотому веку» (мол, когда у власти находилась аристократия, и свобода была в ее руках, она пользовалась ею для общего блага), а также с циничной, макиавеллиевской, констатации реального факта, что только тиран способен навести порядок в обществе. И более того, поскольку в мире больше порочных, чем добропорядочных людей, сила остается единственным приемлемым средством правления; сила всегда права, а в современном мире основой такой силы является капитал. Сегодня в мире правит золото... (Ну и далее следует развертывание тезиса путем перечисления всех известных язв жизни общества).

Звучит по-прежнему злободневно. Исходя из такой теории, оставалось только «перевести стрелки» и найти нужного, специфического, врага. Мол, на протяжении столетий существует заговор с целью концентрации всей политической власти в руках тех, кто способен правильно ее использовать, – то есть в руках сионских мудрецов. Из этого логически вытекает, что главный враг не тот, кто является видимым эксплуататором, а некто, стоящий за его спиной и им управляющий. Опять же, отвлекаясь от истории с «Протоколами»,

а сосредоточившись только на идее «кукловодов», нельзя не заметить, что истинная социально-историческая трагедия состоит, напротив, в том, что за спиной власти – тирана, партии, олигархата, бюрократии – прячутся не столько конкретные личности (которых в принципе не так уж и невозможно обнаружить, когда б они были), но безличные социальные силы, проклятые объективные закономерности. К последним относится и определенный психотип людей с «волей к власти», и психологическая потребность к персонификации врага и психологическое же оправдание его ненаказуемости в виду особой хитрости и скрытности. Вообще теория «мировой закулисы», с ее персонификацией объективных процессов, суть мания величия самих теоретиков, из которой рождается сюжет космической борьбы титанов, пронизывающий потусторонней иглой ткань профанной истории.

В социально-политическом и этнологическом плане невиновных просто не остается: финансисты «Золотого миллиарда» и изгой-мигранты Третьего мира объединяются с революционерами, педофилами и наркоманами-геями, с исламистами и спецслужбами в своем сознательном, либо бессознательном, сокрушении классических империй и культурного общества, ну, в общем, всего святого. Несмотря на гротесковость подобного подхода, ситуация совсем не смешная. В философском плане также возникает трудность фиксации «узловой точки»: и человек как таковой виновен в существующих условиях бытия, и конкретная локальная история много чего определяет у нас, и вполне реальные люди ответственны – здесь и сейчас – за конкретные действия (или бездействие) и злоупотребления. Вечная – не только русская – проблема: кто виноват и что делать. Она отражается в логике постепенного перехода от фатализма и пассивности мудреца, через те или иные формы социальной работы к легкости нахождения решения всех вопросов в создании образа врага. Образы эти весьма разнятся по эпохам и странам, от локально-экзотических до более-менее привычных и популярных типов-клише, имеющих длинную историю психосоциальной маргинальности.

Помимо теории заговора, и критики таинственных сил, идущей снизу, существуют реальные силы, управляющие миром. Эти силы мы наблюдаем и испытываем их влияние на себе ежедневно – реальные правительства, парламенты, лидеры государств, крупные промышленники, финансисты, руководители СМИ всего мира и родной «зомбоящик». Лидерам свойственно входить в реальные союзы, устраивать встречи на высшем уровне и т.п. Это будни политической жизни. Но поскольку везде живые люди, понятно и то, что несмотря на частую смену правительств и лидеров, элитам хочется

какого-то постоянства в отношениях, и не только в среде неизбежных политических и экономических отношений между странами, но и в области личных связей. Элиты для этого создают неформальные организации и неформальные встречи «без галстуков». Такие встречи становятся традиционными и приобретают некий ценностный статус, участие в таких форумах становится престижным. Сняв путы подростковой ритуалистики и мистики масонства и иллюминатства, элита проводит реалистическую и прагматическую политику взаимоотношений и поиск согласия в спорных вопросах. Странно было бы против этого протестовать (не говоря уж о том, что бесполезно). Другое дело, что тем самым возник новый фактор – существование своего рода престижного неформального клуба формальных элит. Происходит естественная селекция и оценка на уровне европейских моральных постулатов, кто может входить в этот престижный круг, а кто – нет. Факт вхождения или невхождения в признанный международный круг элиты красноречив сам по себе и каждый новый лидер поневоле становится здесь перед неизбежным выбором. Если для Кастро, или северокорейского лидера, выбор один, то для правителей России конца XX-го века он был другим. Вхождение в этот круг вовсе не означает забвения государственных интересов, но означает требование согласовывать оные с мировыми, глобальными, т.е. предусматривает сложную дипломатическую игру. И это, в принципе, нормально, т.к. иная политика ведет к неминуемой конфронтации.

На этом фоне всякие разоблачения тайных иллюминатских и сатанинских происков элементарным, но весьма ловким, образом отводят внимание простого обывателя от факта полной и надежной закрытости от него внутривластной кухни принятия решений реальными властями. Поневоле хочется спросить: а с кем вы, на самом-то деле, уважаемые мастера борьбы с иллюминатами?..

А теперь, в качестве лабораторного занятия и закрепления усвоенного материала, представим такую тему: Защита Грозного, или Как написать криптоисторию по Фроянову.

Речь И.Я. Фроянова «Глобализм и судьбы России». - "Русская Линия", 27.01.2002.⁵⁸

«Мы знаем, что создание мирового правительства, единого общества землян, относится к главнейшим задачам глобализации. Но именно эту задачу ставили тайные организации прошлого, в частности, тайные организации XVIII века. В качестве примера можно назвать орден иллюминатов, основанный в Баварии 1 мая 1676 года Адамом

⁵⁸ http://www.rusk.ru/News/02/1/new27_01b.htm

Вейсгауптом... (На самом деле в 1776-м. – В.Л.). Конечная цель иллюминатов – установление власти мирового правительства над всеми народами мира... И надо сказать, эти люди умели терпеливо работать долгие годы, десятилетия и даже столетия. Это вот такое у них качество, которому можно позавидовать». (Правильнее было бы начать с учения Иисуса Христа и проповеди Св. Павла: «Нет ни эллина, ни иудея». Но не менее религии виновата наука. – В.Л.). «Большую услугу здесь устроителям нового мирового порядка оказали выдающиеся открытия в области науки и техники, преодолевшие пространственные и иные барьеры, существовавшие между странами и народами». «Судя по всему, (это глобалистское «по всему» просто изумительно! – В.Л.) мировой закулисой был разработан и план подчинения мира... Номенклатура всегда имела тенденцию к перерождению, потому что располагала властью и была близка к собственности, а человеческая природа такова, что стремится овладеть собственностью. Поэтому, да простят меня присутствующие, с точки зрения исторической науки чистки и репрессии, которые проводил Сталин, – это являлось своеобразной защитой той системы, которая существовала – мобилизационной системы» (Наши аплодисменты! – В.Л.).

«Сталину удалось сделать то, о чем мечтал Данилевский». Интервью И.Я. Фроянова сетевому журналу «Полярная звезда» (под ред. А. Дугина):

«С точки зрения жизни отдельного человека, репрессии были страшной и безобразной практикой. Но есть еще один аспект измерения. Этот аспект связан, прежде всего, с нуждами и потребностями общества в целом, страны в целом. Если принимать тезис о том, что мобилизационное общество не могло быть создано без потерь, без жертв, которые приняли форму репрессий, то мы, тем самым, должны будем признать в определенной степени историческую обусловленность этих репрессий. ...Русский народ более других европейских народов предрасположен к социалистической форме бытия, но его надо вести. А вела всегда в русской истории власть. ...нельзя отлучать Сталина от Православия, потому что по конечному характеру своей деятельности, связанной с его значением в истории России, его можно считать православным человеком. ...Космополитизм это гражданство мира, неотъемлемый признак масонского мышления. Сталин знал, что масонские организации нацелены на уничтожение России... В начале XX века была поставлена уже конкретная историческая задача уничтожения России через ее расчленение. Поэтому борьба с космополитизмом была своеобразной

формой самообороны. Борьба с космополитизмом была борьбой за Россию».⁵⁹

Его же – «Сталин и Грозный – исторические параллели». Интервью газете «Советская Россия». № 84 (12699), 23 июня 2005 г.:

«...в исторической науке, как ни в какой другой, так много клеветы, наветов и злобных вымыслов, изготовленных под сиюминутный политический заказ. Особенно, на мой взгляд, не повезло двум крупнейшим фигурам русской истории: Иосифу Сталину и Ивану Грозному. Именно по отношению к ним потомки оказались столь же невежественны, сколь и неблагодарны. Между тем заслуги этих людей просто неоценимы. Я утверждаю, что если Сталин трижды спас Россию, то Иван Грозный в свое время спас Россию в трех ее ипостасях. ...И даже родственные чувства не заслоняли этого принципа, государи русские в первую очередь думали о благе подданных, а не об интересах своих близких. Таков был царь Иван, таков был и Сталин. ...Сталин продолжал традицию жертвенного служения России, заложенную еще царем Иваном Грозным. ...Они были оклеветаны и оболганы впоследствии историками либерально-западного толка...

Грозный и Сталин – это два маяка русской истории... в 1471 году в Новгород по приглашению новгородцев прибыл на княжение... литовско-русский князь Михаил Олелькович. В его свите находился некий Схария. Вслед за Схарией приехали в Новгород и его единомышленники (Моисей Хануш, Иосиф Шмойло и пр.). Вот эти люди и посеяли в Новгороде еретическое учение, которое... получило название «ереси жидовствующих»... Эта ересь уже через несколько лет стала серьезной угрозой для всего российского государства. ...приемы идеологической войны мало изменились за последние 500 лет. Вот и тогда, пять веков назад, проповедники ереси в первую очередь стремились распространить свое учение среди духовенства – идеологических, так сказать, работников средневековой Руси... Оказалось, что ересь уже успела пустить глубокие корни в московских верхах. Сам великий князь Иван III сочувствовал еретикам. Он даже перевел в Москву из Новгорода двух основных проповедников ереси,

⁵⁹ Эх, «карлымарлы» на вас нет! Сопромат, диалектику и 3-й закон Ньютона пока еще никто не отменял. Маркс, в свою очередь, писал в работе по истории дипломатии, что именно российские правители, начиная с Ивана Калиты, конспирологически действовали против Европы. А чтобы он сказал сегодня, особенно по прочтении книг Вальтера Кривицкого, Виктора Суворова, Олега Гордиевского и Кирилла Хенкина?..

и, как сказали бы сегодня, назначил их на ответственные посты в центральном идеологическом аппарате: протопопа Алексея сделал протопопом Успенского собора – главного тогда, митрополичьего храма Кремля, а Дениса – протопопом другого кремлевского собора – Архангельского... В это время в среде высшей кремлевской бюрократии уже образовалось целое еретическое сообщество под покровительством самого великого князя... Эта группа еретиков вынашивала планы захвата власти, для чего они собирались посадить на престол Дмитрия – сына Елены Волошанки и покойного Ивана Молодого... И «ересь жидовствующих», на мой взгляд, была первым опытом информационно-психологической агрессии против нашей страны. Скажу больше, то была первая попытка взорвать Россию изнутри. К счастью, в конце XV- начале XVI века еретиков удалось подавить. ...Попутно тогда удалось разрешить и еще один важный для русского общества вопрос: какие меры использовать для борьбы с ересью? Мнения по этому поводу тогда разделились. Так крупный духовный авторитет Нил Сорский призывал вступать с ними в диалог и увещевать исключительно словом. Иной позиции в отношении еретиков придерживался архиепископ Геннадий, он требовал: «Только жечь и вешать!» После долгих колебаний Иван III поддержал последнюю точку зрения. Таким образом, впервые на Руси был осуществлен принцип, что «ересь должна подавляться не словом, а силой». Словом с ней мало что можно было поделаться, поскольку еретики очень искусно маскировались под православных...

– Однако окончательно ересь на Руси так и не удалось вывести? (Спрашивает интервьюер).

– Увы, этот идейный вирус оказался очень живучим, а русский человек – доверчивым. И хотя в начале XVI века главные еретики были казнены, но с самой ересью отнюдь не удалось покончить. Еще очень много скрытых приверженцев ереси оставалось в высших эшелонах власти... Вскоре после этого очередного разгрома ереси Василий III скончался, причем при загадочных обстоятельствах... Его стали лечить иностранные лекари и «залечили» до смерти. ...были загадочные смерти, «странные» случаи... Иван Молодой (сын Ивана III) страдал ногами. Лечить его взялся иностранный лекарь, некий «мистро Леон». После каких-то примочек Иван Молодой умер. Кому это было выгодно? Это было выгодно еретической партии Елены Волошанки, поскольку открывалась возможность посадить на престол сына Волошанки – юного Дмитрия. Василия III, как мы уже говорили, похоже, тоже кто-то намеренно отправил на тот свет. Кому это было выгодно? Это было выгодно удельным князьям, которых

поддерживали еретики. Мало кто сомневается в том, что мать Ивана Грозного Елена Глинская была отравлена. Кому это было выгодно? Это было выгодно Владимиру Старицкому и его матери, которые дружили с еретиками. Летом 1553 года произошла новая «случайность»: нянька уронила в реку первенца Грозного – младенца Дмитрия, и он захлебнулся. Выгодно это было врагам Грозного. А дальше все та же история: жена Ивана Грозного Анастасия отравлена, сам Грозный тоже, скорее всего, был отравлен (после его смерти ходили такие слухи), царевич Дмитрий погиб в Угличе при странных обстоятельствах... Не слишком ли много «случайностей»? ...После венчания Ивана IV на царство в Москве последовали пожары, и есть свидетельства, что причиной их были поджоги... Но вопреки распространенному историческому мифу юный царь не ожесточился и не озлобился... Иван Грозный был глубоко религиозным человеком и, исповедуя принцип христианского всепрощения... А карал он отнюдь не по личной злобе, а по суровой государственной необходимости. В это время рядом с царским тронном вновь поднимает голову ересь, своим происхождением связанная с «ересью жидовствующих».

Именно с этой опасностью, помимо прочего, была связана и карательная экспедиция Ивана в Новгород... И его репрессии, и учреждение опричнины невозможно понять, если не принимать во внимание борьбу Ивана Грозного за чистоту веры, за укрепление самодержавного, то есть независимого и суверенного государства, борьбу царя Ивана за Святую Русь.

Интервьюер – Какая-то на Руси сложилась печальная закономерность: как ни начнут у нас укреплять государственность, так непременно закончат опричниной и массовыми казнями.

– Введение опричнины было обусловлено тем, что царю пришлось бороться против разветвленного заговора, который пустил корни во многие поры русского общества. Особенно вовлечена в него была боярская верхушка и высшая московская служилая бюрократия. В этих условиях царю Ивану требовался охранный корпус, не зараженный ересью. Что же касается масштабов «ивановских репрессий», то современные исследователи, исходя из «синодика опальных», сделали подсчет, и оказалось, что в «годы массового террора» было казнено около 3-4 тысяч человек. ...Видоизменяясь и приспособливаясь, ересь, как антирусская идеология, затаилась в теле России и следы ее можно заметить и в последующие времена: и в Смутное время, и в окружении Петра I, и при дворе Александра I, и позже. Только если в XV веке это было «вольномыслие под еретическим соусом», то с XVIII – уже под

масонским соусом. Россия и до сих пор еще не наелась этим варевом...».

Однако (в работе о Грозном) в своем интуитивно-постмодернистском рвении поиска «следов» и «складок» Фроянов не заметил очевидного: именно самому Грозному легко можно инкриминировать чудовищную русофобию... Здесь мы, конечно, приходим к несколько отличным от фрояновских выводам, но плох тот ученик, кто не пытается превзойти учителя!..

Борьба с внутренним врагом не может быть оторвана от конфронтации с врагом внешним, это две стороны одной медали. Зрелый Дугин здесь лучший из «кургинянов» в аспекте историософского оправдания этой борьбы.

«Метафизика Опричнины». Тезисы выступления Александра Дугина в рамках «Нового Университета». (Александровская слобода, дворец Ивана Грозного, 26 февраля 2005):

Опричники – в архетипическом смысле – служат некоей параллельной сакральности, в нашем случае Грозной сакральности, воплощенной в царе и в новой онтологии царства, создаваемой Иваном Грозным. Эта сакральность не метафора, а вполне конкретная реальность, имеющая самую тесную связь с тайной – парадигмальной – логикой русской истории. Эта «грозная сакральность» – с инициатической киноцефалией и андрогинной темой – является одной из тайных печатей Руси...

Иван Грозный был царем евразийцем. Он бился с Ливонией – тогдашним аналогом НАТО и ассимилировал Восток – татар и кавказцев-кабардинцев... Он не стал бороться за Крым с Высокой Портой, но с Ливонией воевал фундаментально...

Грозный стал реализовывать в полной мере русский византизм в сочетании с ордынским заветом имперостроительства Чингизхана. Он модернизировал Русь, но это была модернизация без вестернизации. Русь распалась бы под давлением Запада, если бы Грозный не выстроил фундаментальную вертикаль в империи. Опричнина была этапом в создании этой вертикали.

Опричнина в этом смысле была аккордом ротации элиты в русском обществе...⁶⁰ Здесь снова напрашивается параллель со Сталиным (см. статью «Иосиф Сталин – великое да бытия» – А. Дугин «Русская вещь»).

⁶⁰ Ср. слова присяги опричников: «доносить на изменников, не дружить с земскими... не водить с ними хлеба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя». – В.Л.

Неоопричина – евразийская консервативная революция..., метафизически неоопричина должна иметь своим центром... «грозную сакральность» и восстановление ее задача вполне реальная... в духе Ивана Грозного мы должны объединять во имя укрепления России всех пассионариев... неоопричина – это требование революции, ротации элит, освобождения пути во власть для лучших детей России. (Себя, конечно, в первую голову. – В.Л.).

Видя, как не чешется современная власть даже перед откровенными вызовами, возникает ощущение, что без «искусства репрессий», увы, не обойтись. Но осуществлять их должны избранные по настоящему «чистые» и «безупречные», «лучшие из лучших».

(Неужто самому так хочется пострелять? Или все же доверит «чистую работу» молодым? Увы, ничего лучшего, чем сакрально «объевразить» Грозного и Сталина – т.е. мистифицировать в согласии со своим кругом идей – для нового патриотизма Дугин придумать не способен. Но для него важна не столько позитивная ценность этих ПМ-экзерсисов, сколько яростное противостояние либеральным идеям. Тут «благая» цель оправдывает любые средства. – В.Л.).

Итак (продолжает Дугин), «неоопричина это современная модель русской евразийской консервативной революции с опорой на прецедент русской истории... Неоопричина должна служить не людям и не режиму, а принципу, а так как на нашу страну надвигаются тяжелые времена, то это служение – это борьба псов Великой Идеи с волками и лисицами, нападающими на Святую Русь...».

Вполне исчерпывающе. Ради этой дугинской «святости» опричники зверски убивали церковных иерархов и топили грудных младенцев. Не говоря уж обо всех прочих. А сам Грозный в письмах яростно оправдывал абсолютный царский произвол, неподвластный советам церковных деятелей. Весьма специфическая форма «сакральности»! Да и «патриотический» уровень самого царя, сначала издевавшегося над «девицей» Елизаветой, чья власть ограничена парламентом, а позже искавшим у нее возможности прибежища, также специфичен. И была бы понятнее строящаяся на подобном фундаменте философия, когда бы Дугин не знаком был с историческими фактами, но ведь подчинение «примитивной» фактологии – это нонсенс для «шибко грамотных» постмодернистов. «Тем хуже для фактов!» (И патриотизм вполне способен быть постмодернистским! И наоборот: ПМ – препатриотским; ср. новейшие экзерсисы а-ля «дубовицкий»).

Но савонароло-ленинская (грозно-сталинская) жилка свойственна если не всем, то многим самобытным идеологам и претендентам на духовную власть («лучшим из лучших»). Возможно, что кое-кто

испытывает некое сексуальное возбуждение, воображая картины массовых садистских издевательств.

Погодите, скажут мне, с Дугиным-то ясно, но ведь Фроянова никак нельзя записать в постмодернисты! Верно. Но тут как раз все гораздо проще, никаких изысков, никакого фрейдизма, а самое настоящее, простое и, если желаете, здоровое (в биологическом смысле) чувство... И следует также признать, что подобные чувства не результат воздействия космических лучей, но объективный, постоянно возрождаемый на нашей почве факт. Медицинский и одновременно – исторический; сочетание специфическое. Один-другой параноик – это природная аномалия и ничего тут не попишешь. Но если не аномалии, а «соль земли русской», «гиганты мысли» отечественной? И вообще, не одиночки и не клуб по интересам, но представители весьма значительной части населения: тут классики и постмодернисты, патриоты в штатском и байкеры в наколках, профессура и соседи по лестничной площадке в спальном районе, идеологи на зарплате и свободные плователи по волнам инет-форумов. Да, мусью Горацио, загадки нашей славянской души и не снились вашим политкорректным мудрецам!..

А если строго по кровнорасовому вопросу, то последние Романовы это уже чистокровные немцы на троне. И не случайно значительнейшая часть высшей элиты в XIX-м веке были немецкого и остзейского происхождения. Так что революционная борьба с ними в этом плане никак не походит на этническую антирусскую борьбу. Если же считать более важным воспитание и культуру, то и тогда на обеих сторонах мы опять же имеем противостояние вовсе не кровнорасовое. Западничество по большей части также не являлось антирусским – те же Петр I и Александр II, Милюков и Гучков (и сотни-тысячи других) вовсе не желали растворения и гибели своей державы. Даже Петр III не только Фридриха II обожал, у коего провел свое детство, но и вольности русским дворянам давал (а не закабалял, как следовало бы явному врагу отечества), и Ленин был пораженцем лишь до определенного момента, пока сам не получил власть над страной. Все это азбучные истины (хотя и не для всех). И масонство, и социализм, и либерализм (в разных своих республиканских, конституционных и парламентских формах) – результат западничества. Но это западничество в широком смысле. Можно бороться с его уродливыми формами, но вполне адресно, а иначе, согласно объективной логике, безумные фанатики как раз и доведут до полного абсурда.

Нет такого народа и страны, которые придумали у себя всё. И Кремль построил Фиораванти, и порох выдумали китайцы (а

практическое применение нашел немецкий монах), и т.д. и т.п. Строгий почвенник обязан снять с себя брюки и есть руками, причем, без гарнира из риса, картошки и помидоров (и сами эти слова запретить). Что уж говорить о культуре в целом и прочих «виндоузах» в частности?!. Окна закрой!..

Можно также осудить любое историческое явление, не отвечающее национальной автаркии как таковой, хоть русской, хоть немецкой. Например, социализм, капитализм, христианство. До этого, конечно, мало кто доходит (хотя, и здесь не без уродов). Более сложен (и в то же время – прост) вопрос о масонстве. Масонство начала XIX-го века вообще выпадает из каких-либо культурно-политических противопоставлений, если не считать чисто социальной оппозиции крестьян и бар; тогда масонствовала вся отечественная элита. Но и век спустя ситуация не слишком сильно изменилась. Изменился сам мир, в плане общего индустриального, технологического и информационного развития. А на общую картину накладывалась новая историческая специфика, исторические детали создания Тройственного союза Антанты, т.е. союз с республиканской Францией и парламентской Англией, эволюция капитализма, рождение нового общественного слоя и расслоение старых сословий. Бурные социально-экономические процессы обостряли и усложняли все застарелые проблемы, в том числе в противостоянии левых и правых.

Февраль «делали» не просто масоны, но масоны весьма конкретные – вполне открыто настроенные политически (в отличие от обычного масонского аполитизма), люди широко известные, с четкими конституционными и теоретическими воззрениями и с практическим оппозиционно-парламентским опытом. Среди их врагов также было немало масонов – и в правом и в левом лагере. Да и между собой эти «верные друзья» со временем обнаружили немало непримиримых политических разногласий. Разумеется, историческая истина не является, и никогда не являлась, предметом поиска для сторонников простых и «окончательных» решений. По-мазохистски упоенные любители жидомасонского заговора⁶¹ все равно не сойдут со своей

⁶¹ Опять же, следуя чисто формальной логике, это как раз русские люди – Гучков, Милоков, Львов, Некрасов, Терещенко, Шингарев, Коновалов, Кокошкин, Набоков – противостояли немецкой династии и сановникам немецкого происхождения! Но, как известно, логика в таких случаях не работает. И попробуйте хоть что-то логически доказать параноика, скорее сами свихнетесь. Здесь можно упомянуть о широко распространенных в интернете материалах, включая всю пену сетевых форумов. Там можно

«намоленной» жердочки. Но это – уже неизбежный процент, неустранимая никаким просветительством часть населения, как неустраним в любом человеческом обществе процент параноиков и шизофреников, даунов и сексуальных маньяков.

Вся наша история – история гражданских войн, ярких и тлеющих. Торжество принципа уробороса, змея пожирающего свой хвост. Бунты внизу и революции сверху. Внутренняя борьба за ресурсы (в отличие от внешнего колониационного менталитета Запада, связанного не в последнюю очередь с культом индивидуализма, личности, прав – европейского – человека). Это цивилизационные различия менталитетов.

В ряде случаев власть просто не уверена в своей легитимности (потому ли, что она сама откуда-то со стороны, либо пришла к власти нелегитимно, либо п.ч. сама вышла из народа – не важно) и убирает всех потенциальных противников, для чего необходимо идеологическое обеспечение, т.е. разъяснение внутреннего врага (который, естественно, должен быть связан с врагом внешним). Опричнина тоже гражданская война. Самая народная революция – революция 1905 года; возможно поэтому она и проиграла Николаю Второму и С°. Главная основа революции 17-го это его человеческая (она же – мифологическая) составляющая. Грубо говоря, ненависть к Гучкову, к Думе, к «буржуям», представление их опасными монстрами, вызвала к жизни настоящих монстров. Вместо единственной возможности плавной эволюции власти – миллионы погибшего народа и подвал ипатьевского дома. Крах можно было, пусть не предотвратить, но оттянуть и весьма значительно смягчить, но для этого нужен был если не Наполеон, то хотя бы живой Столыпин. Итог нам известен.

Голод начала 30-х гг. тоже вариант гражданской войны. Крестьянство уже показало свою силу, когда вынудило беков перейти к НЭПу. Но через 10 лет экономика, власть, армия, репрессивные органы настолько окрепли, что могли продолжить революцию, уничтожив крестьянство как класс, а оставшихся вновь превратить в

отыскать таких реципиентов «мирового зла», для которых жидомасонами являются среди прочего и английские короли, и римские папы. Сложнее с китайцами, неграми и чукчами. Хотя с чукчами-то все давно ясно, а негры как-никак этнологически принадлежат к семито-хамитской языковой семье. Остаются китайцы, но есть надежда, что и они недолго простоят в стороне. Я бы даже указал всем «неровно дышащим» на странную созвучность «син» и «сим».

бесправных рабов. Объективная логика ситуации – в тенденции к индустриализации страны, а чисто российская логика – в миллениаристской психологии «большого скачка». Конец 20-го века – объективная логика перехода к глобалистскому миру и новому типу цивилизации (см. работы Тоффлера, Фукуямы, Делягина и др.). Но объективно же на пути у нового образованного класса, пребывающего – не по заслугам – в нищете, стояли маразматика-рамолики коммуноидеологии и более-менее превратившийся в средний класс «гегемон»-пролетариат. Очередной большой скачок был вызван необходимостью как можно скорее сломать «гегемона» и вновь загнать его в стойло. А наилучшим идеологическим обеспечением этого была теория (во многом правдивая, но не полная), что именно сейчас бедняга-гегемон находится «в стойле», а некто «образованный и интеллигентный» более всего на свете желает его освобождения. Из данной ситуации казалось бы прямым образом вновь выплывает теория заговора, но я еще раз подчеркну объективную логику процессов, за которой всегда с опозданием и с путаницей в головах идут доморощенные идеологи.

Мифопарадигма теории заговора также имеет объективное происхождение. Другое дело, что в «нормальном» своем состоянии криптологическая подозрительность пребывает в виртуальной форме, в мозгах и высказываниях отдельных представителей интеллектуальной элиты, в форме вечно тлеющих, негасимых, но и не возгорающихся «угольков». Однако в любой момент возможна «квантовая флуктуация», энергетический толчок, воплощающий виртуальное, и переводящий его в социально-политическую плоскость. Если, к примеру, верховная власть вдруг прислушается к «стонам народа» (точнее, к идеологам-«трансформаторам»), то может возникнуть определенный политический тренд, который, в свою очередь, способен стать самоэволюционирующей системой. И здесь невозможно будет избежать опаснейших конфронтаций и репрессий как на внутреннем, так и на внешнем фронте. И никакие трезвые призывы к сохранению мира уже не помогут (скорей, раззадорят).

А счастье было так возможно!..⁶²

⁶² Конечно, не является счастливой альтернативой «революции сверху» и левая революционная «флуктуация». Леваки («спартаки-вейсгаупты») представляют собой чисто гендерно-поколенческий вариант социального метаморфоза. Это вечный конфликт отцов и детей. В случае поражения они могут стать завязшими в междоусобных дрязгах мизантропами, а в случае победы – дать следующие формы авторитарного подавления (по принципу древнекитайской притчи о победителе дракона).

III.2. История, которую мы потеряли.

Еще английский историк Гиббон, писал, что если бы Карл Мартелл в битве под Туром не остановил мавров, в Оксфорде изучали бы Коран. Победа арабов – возможный захват ими Италии и – не будет церковного раскола и католицизма, крестовых походов, тевтонского ордена, Реформации, Ренессанса, запоздание с великими географическими открытиями и с промышленной революцией. Тюркский вариант – при победе гуннов и авар, кипчаков и татаромонгол (поход 1242 г. не прерван)... Китайский вариант – продолжение морской экспансии. Замедление эволюционно-исторического процесса в определенных моментах, но зато не будет и многих внутриевропейских диссонансов – религиозные войны, иезуиты, папство, инквизиция... Арнольд Тойнби также в свое время отдал дань альтернативной истории, написав несколько статей, в частности, на тему возможности долгой жизни Александра Македонского.

Альтернативная история, от научных расчетов до чистой фантастики и художественного фантазирования, это и необходимый момент нормальной науки (концептуализм), и контридеология (оппозиция культурной политике), и чисто игровая фантазия – легкий духовный наркотик и «сон золотой». В последнем случае альтернативщики сходятся с геймерами и с постмодернистами (с их «вечным рейхом» интеллектуальной игры и цитации).

Вместе с новой модой возникают и новые, или чуть подновленные, понятия: «многовариантность истории», «альтернативность развития», «ретроальтернативистика», «ретропрогностика», «виртуальная история», «несостоявшаяся история», «контрфактическое моделирование».

В контексте многофакторного причинно-аналитического исследования продуктивно рассматривать и то, что произошло, и то, чего не случилось. Это и есть наука в отличие от простой хроники событий, считал Макс Вебер. При изучении альтернативности истории для ее понимания используются два приема, разработанные М. Вебером – моделирования возможного развития событий (предположение иного исторического результата) и приема моделирующего вычитания (ирреальной реконструкции деталей), т.е.

мысленного построения того, чего могло бы не быть. Раймон Арон:⁶³ «действительная каузальность определяется только путем сопоставления с возможностями. Всякий историк, чтобы объяснить то, что было, задается вопросом о том, что могло бы быть».

И дело не только в «праздном» любопытстве историков.

И.В. Бестужев-Лада («Вопросы философии» 1997, №8):

«...без сослагательного наклонения любое осмысление будет изначально ущербным, исключаящим усвоение уроков истории... И если то или иное событие могло произойти только так, как произошло – то какой отсюда урок? Например, если дикие злодеяния Ивана Грозного или Сталина, дикий волонтаризм Петра III, Павла I или Хрущева не имели никаких реальных альтернатив, – то какие отсюда можно вывести уроки, кроме тех, что если появятся новые Сталин или Хрущев, то новых злодеяний или волонтаризма все равно не избежать?... С этой позиции будущее предстает таким же фатальным, жестко детерминированным, как и прошлое. ...ретроальтернативистика способна, по нашему мнению, развить теорию упущенных возможностей... явные просчеты дают порой более выгодные результаты, чем самые продуманные расчеты».

Далее автор развивает свою концепцию.

«Если подходить к ретроальтернативистике... как к действенному инструменту философии истории, то придется сосредоточить первостепенное внимание на четырех методологических проблемах....: 1. Критерий реальности виртуальных сценариев, позволяющий провести рубеж между реально возможными и явно фантастическими допущениями. 2. Критерий логичности виртуальных сценариев, позволяющий установить непротиворечивость причинно-следственных связей в их построении. 3. Критерий сопоставимости виртуальных сценариев между собой и с исторической действительностью, позволяющий сравнивать только сравнимое, сопоставлять только сопоставимое. 4. Критерий оптимальности виртуальных сценариев, позволяющий извлекать из них уроки на будущее... При решении такого рода проблем..., целесообразно обращение к инструментарию современной прогностики в возможно более широком диапазоне (анализ и оптимизация трендов, включая реверсивные: опрос экспертов, сценарное и матричное моделирование и т.д.)».

⁶³ Арон Р. «Избранное: Введение в философию истории». М.-СПб., Университетская книга, 2000, с 354.

Что такое альтернативное моделирование? Это варианты истории, имевшие реальные шансы для осуществления. При АМ в точке бифуркации действуют некие силы (влиятельные личности, организации, социальные группы), выступающие за альтернативный ход событий либо признающие его возможность, но при этом отсутствуют объективные факторы, делающие подобный ход событий невозможным. Например, некоторые сценарии триумфа Наполеона или более долгой/короткой жизни Александра Македонского.

В данном аспекте можно упомянуть многочисленные модели, касающиеся триумфа Наполеона после выигранной им битвы при Ватерлоо. Наполеон вполне мог победить в этой битве, однако, по ряду объективных причин, особой пользы это бы ему не принесло, лишь продлило бы агонию Империи, в результате чего историки изучали бы не период «100 дней», а, скажем, 150 или 200. В аспекте вероятности сценариев должна также предполагаться множественность путей развития и внутри альтернативного потока событий.

Здесь мы уже весьма далеко уходим от маниловских мечтаний, рассуждений «пикейных жилетов» и постмодернистской игротеки. В дело вступают математика, статистика, и новая наука – клиометрия. Хотя и подходы фольк-хистори рано списывать со счетов, они, как и человеческие эмоции, как и любая партийность, никогда не сойдут со сцены.

По материалам сайта "Правда.ру" <http://www.inventors.ru/>:

Информацию о «вратах времени» предоставил «компетентный источник из Белого дома», пожелавший остаться неизвестным... Однако доктору Маклейну удалось выяснить, что изучение необычного явления идет полным ходом и вихревая воронка над Южным полюсом – не что иное, как тоннель, позволяющий проникнуть в прошлое и будущее. Более того, начата программа по подготовке запуска человека в иные времена. А ЦРУ и ФБР ведут ожесточенную борьбу за контроль над проектом, который позволит изменить историю. «Можете выкинуть все учебники истории – мир, каким мы его знаем, станет неузнаваемым, как только человек начнет путешествовать в прошлое, – заявляет доктор Маклейн. – Достаточно изменить один важный факт истории, и все ее развитие пойдет в другом направлении. Опасность состоит в том, что в результате наша жизнь может стать значительно хуже. Один неверный шаг, и Адольф Гитлер победит во второй мировой войне, а «холодная война» перерастет в ядерную...».

А вот проповедник Энтони Делгато из Денвера придерживается иной точки зрения: «Если бы Господь хотел, чтобы человек попал в

прошлое, Он бы давно уже дал ему этот шанс. Я уверен, что, сделав шаг во врата времени, мы совершим страшный грех и все будем гореть в аду... Искушение изменить историю очень велико. Но вправе ли мы предотвратить смерть Иисуса Христа на кресте? Вправе ли помешать совершению греха Адамом и Евой в райском саду? Все, что происходит во Вселенной, творится по воле Всевышнего, и не нам изменять то, что уже свершилось в соответствии с ней»...

Однако, вернемся к науке. Контрфактическое моделирование – анализ сценариев, которые не могли осуществиться в принципе. При КМ отсутствуют всякие данные, что кто-либо из современников бифуркации предлагал практическую реализацию варианта событий, отличного от состоявшегося либо попытка такой реализации по объективным причинам была невозможной. Например, «Америка XIX века без железных дорог», по Фогелю. Хотя не было никаких объективных причин, которые помешали бы американцам вместо железных дорог строить пароходы и дилижансы, нет данных, что подобная идея приходила кому-либо в голову. Нобелевский лауреат 1993 года, Роберт Уильям Фогель – один из основоположников «клиометрии», или «новой экономической истории», применения статистических методов к анализу и предсказанию исторических событий.

Д.С. Скуайр еще в 1931 г. выпустил первый такого рода сборник научно-популярных очерков «If It had Happened Otherwise», среди авторов которого отметились Г.К. Честертон и У. Черчилль. Сборник научно-исторических альтернатив «А что, если бы?» под редакцией Роберта Коули, написанных видными американскими учеными и повествующих о ключевых моментах истории – от античности до современности. Также в издательстве АСТ в серии «Военно-историческая библиотека» выходили коллективный сборник «Наполеоновские войны: Что, если?», сборники военно-исторических АИ-эссе Э. Дуршмида «Победы, которых могло не быть» и К. Макси «Упущенные возможности Гитлера». Выходило и много авторских работ, например, «Виртуальная история: альтернативы и предположения» (М., 2019) Н. Фергюсона, «If the South had Won the Civil War» (1960) М. Кантора, «If Hitler had Won World War II» (1961) У. Ширера и ряд других.

В 1980-е годы стала складываться руководимая академиком И. Ковальченко отечественная школа клиометристов. В статье «Возможное и действительное и проблемы альтернативности в

историческом развитии» («История СССР», 1986, №4; см. также Ковальченко И. Д. «Методы исторического исследования». М., 1987) автор дал определение альтернативных ситуаций в истории, отметив, что игнорирование таких моментов обедняет наше представление об исторической реальности. Однако, собственно к АИ-моделированию исторических процессов, основоположник российской клиометрии относился довольно прохладно, резко критикуя Р. Фогеля и его последователей, хотя при этом и не отрицая принципиальной возможности построения таких моделей. (Здесь, конечно, сказалось влияние истмата, хотя взгляды основоположников в плане логики вытекают еще из гегелевской философии о Мировом Духе).

Важнейшим концептуальным подходом является также Общая Теория Систем. В частности, ОТС выявила характер т.н. принципа Ле-Шателье – Брауна, гласящего, что любое изменение состояния системы, вызванное как внешними, так и внутренними причинами, порождает в системе процессы, направленные на компенсацию этого изменения. Анализ фазовых переходов в гомеостатических системах привел к новому пониманию роли флуктуаций в таких переходах и показал неразрывную связь фазовых преобразований с изменениями симметрии системы. После каждой бифуркации альтернативы начинают ветвиться и образуется много различных вариантов событий. Собственно говоря, почти любой значимый момент в истории можно считать бифуркацией и соответственно предполагать те или иные альтернативы.

Среди известных предположений есть, к примеру, такое, что в случае полного краха Иудейского царства в 701 году до н.э., под ударами ассирийцев, религия иудаизма могла пропасть втуне, сделав невозможным возникновение дочерних религий – христианства и ислама...

Можно было сколько угодно открывать новый континент, Америку, что, вероятно, и делалось (теми же скандинавами), но это не меняло историю до того времени, когда европейские страны получили не только реальную возможность, но и необходимость в колониях, и тогда географические открытия сыграли свою историческую роль.

Альтернативных вариантов истории на сегодняшнее, фантазийно-урожайное время, – вагон и маленькая тележка.

Самая главная, близкая и понятная нам, альтернатива лежит на поверхности. Если бы еще до октября успело приступить к работе Учредительное Собрание, то власть бы досталась блоку умеренных

социалистов. Большевики, после капитуляции Германии и демобилизации армии, не могут уже рассчитывать на поддержку дезертиров и вынуждены перейти к парламентским формам борьбы. В двадцатые годы Россия, забывшая о лозунге «мир без аннексий и контрибуций», получает свою долю как участник Антанты, экономически обустроивается (на фоне ослабевшего германского соседа) и осваивает новые рынки. Сельское хозяйство (и в основной реальности сумевшее на какое-то время накормить страну) соревнуется в развитии с промышленностью. Естественно, что лучшие умы и таланты не покидают родину, и в итоге мы имеем научно-технический, культурный и демографический взрыв...

Ну, а ежели по-чапаевски размахнуться по языкам, временам, народам да всеям?..

Юрий Никитин представляет. Если бы Владимир Святой выбрал ислам: то не турки захватили бы Константинополь, а внуки князя Владимира, и столица Московского царства переносится в Царьград. А потом, когда началась экспансия ислама, Европа пала как спелый плод!.. Русское знамя ислама взвилось над Берлином, Веной, Парижем... Всего через десять лет после начала захвата Европы, наши корабли высадили на берега Британии войска, где образовался Великий Русский Халифат, а южная часть планеты – нынешние Бразилия, Гватемала и «прочие Уругвай» стали арабскими.

О сходных вариантах см. Андрей Буровский – «Несбывшаяся Россия». М., Яуза.-Эксмо. 2007; Шевелев В.Н. «Все могло быть иначе: альтернативы в истории России» М., 2009; Поликарпов В.С. «Если бы... Исторические версии». «Феникс», Ростов-на-Дону, 1995 ([http://www.gumer.info/bibliotek Buks/History/polik/ index.php](http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/History/polik/index.php)).

Интересные размышления встречаем у автора книг в стиле фэнтэзи Владимира Лещенко (наст. фам. Станкович), см. «Ветвящееся время: История, которой не было». М., 2003. По его мнению, любая развилка истории приводит в нашей Реальности к результату заведомо худшему, чем это могло произойти в Реальности альтернативной. Предположим: не Рим победил Карфаген в Пунических войнах, а наоборот. И вот расцветает могучая Карфагенская империя, под гегемонией которой благополучно существуют державы галлов, даков, фракийцев, и все вместе они дают отпор гуннам, готам, франкам и вандалам, так что последствия Великого переселения народов «не были бы столь катастрофическими, как в реальности, когда цивилизация в Европе

была практически сметена». (С формальной стороны не исключено, конечно, но совершенно бездоказательно. – В.Л.). Если бы не удалась перевороты Петра I и у власти остались царевна Софья или Анна Леопольдовна с Иоанном Антоновичем, если бы Россия капитулировала перед Францией в 1812 году, если бы, наконец, победили декабристы, то виртуальное будущее России были бы куда как лучше, чем сейчас: мы не обезьянничали бы перед Западом, взяв при этом у заграницы самое лучшее, у нас было бы раньше, чем у прочих, отменено крепостное право и мы имели бы вполне демократическую конституцию...

Далее: Россия не потеряла бы Аляску, а, напротив, распространилась до Калифорнии... Наука и культура достигли бы невиданных высот, в том числе и потому, что еще в начале 60-х годов позапрошлого века «живы и Пушкин, чей убийца даже не попал в Россию (с какой это стати принимать на службу в русскую гвардию нищего французского эмигранта с сомнительными сексуальными наклонностями?), и Лермонтов, не сосланный на Кавказ и стяжавший себе славу русского Байрона». Словом, по выражению В. Лещенко, «подлинно Золотой век». И все это без жутких потрясений, без «радикальных реформ». Прекрасное будущее было возможно не единожды, но каждый раз что-то не получалось. (Весьма прекраснотушно и очень гадательно. Отгородиться, но, тем не менее, развить науку, взять «лучшее» у Запада, избежав «обезьянничанья», задачка непростая. – В.Л.).

Во время Второй мировой войны СССР выступает союзником нацистской Германии против западных «гнилых демократий»... После победы – конечно же, не демократий – «Советский Союз не понес тех колоссальных потерь, которыми обернулось для нашей страны нападение гитлеровской Германии. Не погибли 27 миллионов человек, неразрушенными остались 1410 больших и малых городов и десятки тысяч сел и деревень».

А если бы после смерти Сталина к власти пришел Берия, то никаких непродуманных амнистий, никакого волюнтаризма в сельском хозяйстве. Правда, «МГБ беспощадно подавляет в конце 50-х – начале 60-х первые проявления антисоветских тенденций в среде интеллигенции... И в дальнейшем все реальные антикоммунистические силы просто уничтожаются всемогущим МГБ на ранней стадии». Но, может быть, это не так уж плохо? (На первый взгляд, это в чем-то ближе к «реально возможному», но Берия, поставшим теперь известными данным, во многом шел гораздо дальше

Хрущева и здесь как раз сам социализм мог оказаться под ударом. М.б. это действительно не так уж плохо? – В.Л.). Ведь «в середине шестидесятых годов советский корабль с человеком на борту совершает облет Луны. Несколько позже, незначительно опередив американцев, именно советский космонавт впервые высаживается на поверхности естественного спутника Земли». Вот какого прекрасного будущего лишил нас «внутрипартийный переворот», организованный Хрущевым...

Как-то не очень понятно, почему у Берии, Маленкова, Молотова «лунный проект» должен был быть в большем фаворе, чем у того же Никиты. Что же касается событий наших дней, то В. Лещенко не жалеет гнева и сарказма по адресу «прорабов перестройки». Он признает, что в иной, неперестроечной, Реальности могло произойти определенное «закручивание гаек» («диссидентов на свободе почти не остается»): «Подобные действия встречают... одобрение абсолютного большинства населения». ...«Подведем итог, какой могла бы быть жизнь у всех нас, включая читателей этой книги, в данной ветви истории, в начале XXI в. То была бы, думается, обычная жизнь, весьма похожая на ту, что имела место в 70-е и 80-е гг. ...с цензурой, с полными холодильниками и не очень – полками магазинов. С дешевыми билетами на поезда и самолеты, дешевой водкой, колбасой и дорогими „Жигулями“. С иномарками, редкими, как белые вороны. С Афганистаном и политзаключенными. С ВЛКСМ, пионерской организацией и с единой страной безо всяких границ и таможен от Кушки до Владивостока. Без Интернета, НТВ, „макдоналдсов“... Без организованной преступности, замерзающих городов... наркомафии... СПИДа. ...с мирными Карабахом, Ферганой, Тбилиси и неразрушенным Грозным». А вместо этой – пусть и не райской, но вполне приличной – жизни настал у нас... «полный армагеддец и апокалипсец».

Но вот что любопытно: это апокалиптическое и «армагеддическое» видение реализовавшихся вариантов истории касается почти исключительно нашего Отечества. Нет, конечно, Лещенко признает, что на Западе не всё и не всегда идет по оптимальному пути... Вот монголы доходят до «последнего моря» и покоряют Европу. «В Париже, Милане, Риме, Геттингене, Тулузе и Мюнхене самовластно распоряжаются ордынские баскаки, выколачивая плетью и саблями дань из оставшихся в живых... В пепел обратились библиотеки... Прервались традиции

университетского образования, архитектурных и художественных школ... А ныне, в XXI в., Европа только-только направляет на звезды первые телескопы, спускает на воду первые неуклюжие пароходы, дивится первым опытам с электричеством, робко запускает в небо первые воздушные шары». Реальность, в которой СССР вместе с державами «оси Берлин-Рим-Токио» покоряет Европу, ужасна для побежденных. «Европа, жестоко истерзанная, растоптанная, медленно умирает. По-прежнему дымят трубы крематориев в гитлеровских лагерях смерти... Искореняется высокая европейская культура... Уничтожены все европейские университеты, а тех, кто осмеливается тайно преподавать и учиться, ждет концлагерь». И т.д. «Как видится автору, события в этом случае могли развиваться по двум направлениям – плохому и очень плохому».

...Но ведь ничего из вышеописанного на Западе не произошло. И получается, что все реализовавшиеся варианты исторического развития были неблагоприятны для нашего Отечества, а для Запада – наоборот. У них – «все к лучшему в этом лучшем из миров», у нас – «все к худшему в этом худшем из миров».

А. Оболонский, явный идейный антипод В. Лещенко, в книге «Драма российской политической истории: система против личности» также скорбит об упущенных возможностях и также утверждает, что история России пошла по наихудшему из возможных путей. А вот на Западе приверженцы альтернативной истории настроены куда оптимистичнее. В сборнике трудов американских военных историков «А что, если бы?.. Альтернативная история» рассматривается поражение римских войск от рук варваров-германцев в 9 году н.э. в Тевтобургском лесу. Это поражение привело к тому, что Германия освободилась от римского владычества и никогда более под него не попадала. «А ведь если представить себе, что осенью девятого года обстоятельства сложились бы по-иному, то, может быть, Гитлер не отплясывал бы победную джигу весной 1940 года. Возможно, мы лишились бы лютеранской Библии, но зато не познакомились бы и с гестаповской униформой...

Если бы Августу удалось насадить сады вплоть до Берлина..., империя в будущем, возможно, дала бы отпор монголам, Москва стала бы столь же свободной, как и Рим, а эквивалент ЕВРО появился бы на несколько веков раньше». И все же даже тяжкие беды могут принести добрые плоды... Предположим: Западная Римская империя не погибла в 476 году, а выжила и обновилась. Или: арабы победили бы в той битве в 732 году и создали Европейский халифат... «Ирония

истории заключается в том, что... блестящее будущее стало возможно благодаря Темным векам. Европейский халифат после 732 г. или обновленная Западно-Римская империя после 476 г., гарантируя континенту стабильность и процветание, подавляли бы попытки демократизации и каких-либо изменений еще в зародыше. Ни халифат, ни империя не допустили бы разгула неумной свободы, приведшего в конечном счете Европу к ее возвышению. Темные века стали для Европы подобием болезненной операции, едва не убившей больного, но в конце концов сделавшей его крепче.

См. еще интересную мысль Алексея Миллера (из лекции и дебатов 31 марта 2005 года в рамках проекта «Публичные лекции» на сайте Полит.ру):

«...представьте себе, что не было разделов Польши... был бы осуществлен русификаторский проект на левом берегу Днепра, на территории Гетманщины... и не возникли бы украинцы и белорусы...».

Действительно, случайности в самом, первоначальном, возникновении наций естественны и неизбежны. Украинской народности вполне могло бы не и быть – были бы русские Московского царства и славяне Речи Посполитой. Но столь же проблемно возникновение многих других народов. Праславяне чисто теоретически могли распределиться по венедам, антам, балтам, фракийцам, германцам, добавив к ним родственные и.-с. диалекты. В свою очередь, этруски полностью подчинили бы себе Италию (прощай, Римская империя!), а кельтские бритты не допустили бы на свой остров германских англов и саксов (и гимн «Правь, Британия, морями!» имел бы несколько иное содержание)... Продолжать можно бесконечно.

Серьезные ученые тоже не хотят отдавать историю на откуп мастерам фольк-хистори. Довольно удачной можно считать попытку своеобразного учебника группы нижепоименованных авторов, хотя и она получила известную дозу критики и добрых советов.

См.: Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М., КоЛибри, 2005.

Главная мысль книги звучит следующим образом: «Урок истории – это урок свободы», «никакая последовательность исторических событий не представляет собой «процесса»,

подчиняющегося закономерности, которая хотя бы отдаленно напоминала законы, действующие в природе».

Из комментариев к книге: «Альтернативность» понимается авторами в том смысле, что в ключевые моменты российской истории существовали «исторические развилки» – ситуации выбора из нескольких возможных путей развития. К сожалению, почти всегда это выбор делался не в пользу эмансипации личности, развития институтов демократии... 862-й год – легендарная дата... по данным новейших исследований, исторический Рюрик... появился в будущем Новгороде лет на 50 пораньше, и отнюдь не в результате «призвания», а точно так же, как появлялись норманны во всех странах Европы... первой достоверной датой русской истории следовало бы считать 839 год... Раз слово «Русь», происходившее от древнескандинавского слова, обозначавшего «гребцы, участники похода на гребных судах», превратилось уже в этноним и политоним, значит, первые норманны пришли в будущие Новгород и Киев лет на 20-30 раньше... При этом периоды истории, далеко отстоящие от этих «развилкок», оказываются в книге совершенно не отраженными... «дат-развилкок» авторы насчитывают 24. Последняя из них – 1997 год, когда рассыпался в прах «союз олигархов», обеспечивший переизбрание Бориса Ельцина... Отсутствие согласия между олигархами и породило Владимира Путина с его программой борьбы с «плохими» олигархами и их заменой на «хороших»...

Никита Соколов, автор книги «Выбирая свою историю»:

«В умах широкой публики и даже в головах либералов намертво сидит представление, что история имеет тотальное устремление. А между тем это представление на уровне средневековья. По тем представлениям всех нас ждет царствие божие. В советские времена нам вдалбливали в голову, что всех нас ждет торжество коммунизма. История идет закономерно, как паровоз, прет и сама знает куда, а людей не спрашивает. Мы попытались в книге сковырнуть это представление и донести другую идею, что историю делают люди, и в большой степени по собственному произволу». (Грани.Ру., 09.09.2005).

Игорь Данилевский, замдиректора Института Всеобщей истории РАН: «...нас сейчас опять пытаются обязать гордиться историей нашей страны. Но история разная. За какие-то вещи гордиться можно, но за некоторые можно покаяться. Сегодня идет борьба с терроризмом, но мы сами в советское время называли улицы именами

террористов. Наши национальные герои – это либо деспоты, либо военачальники. Эта книга показывает, что у России были возможности другого пути развития». (Грани.Ру., 09.09.2005).

Андрей Немзер <http://cultura.yaroslavl.ru/modules.php?name=Pages&go=page&pid=51>: «Выбор между ордой и орденом (долгие колебания «прагматика» Александра Невского и стратегии иных князей), расхождение Руси Московской и Руси Литовской (одна из самых ярких глав, важная и отходом от привычно односторонней – «московской» – версии, и проницательной характеристикой исторической судьбы наших соседей-братьев-врагов), возможность «новгородского» пути (глава «Самоубийство средневековой демократии» – самоубийство это предшествовало карательным актам Ивана III и во многом обусловило их успех), противоборство Дмитрия Шемяки и Василия Темного, повысившее на Руси «градус несвободы», садистический (но по-своему осмысленный – если в будущее не заглядывать!) «опричный» эксперимент Грозного, Смута, парадоксально поднявшая роль земства, и способствовавшая централизации-бюрократизации при новой династии... И более близкие контрверзы: петровская крепостническая модернизация, крах «затейки» верховников по ограничению самодержавства, изгибы реформаторских устремлений всех российских государей от Екатерины II до Александра III и трагическое размежевание власти и общества (радикализация «русского социализма»... точно соотнесена с оправданием присяжными Веры Засулич)... упущенные возможности вовсе не всегда заведомо лучше случившегося, но их выявление и анализ позволяют понять и логику произошедшего, и цену, которой пройденный путь оплачен...

...Труд требует продолжения. ...развилки времен Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева необходимо подвергнуть такому же анализу...».

Важные мысли можно, как всегда, найти у Александра Ахиезера:

В истории, пишет он, трудно назвать какое-то отдельное событие, которое само по себе изменило бы весь ее последующий ход. Отдельные события могли произойти как-то иначе или не произойти совсем, но ход истории определяется в конечном счете не ими, а деятельностью миллионов. Можно предположить, что Керенский попытался бы заключить мир с Германией. Но для этого ему пришлось бы порвать со своим окружением, т.е. сделать шаг к большевикам и силам, стоящим за ними. Можно даже предположить, что это помогло бы ему удержать власть. Но инверсионная волна

требовала бы от него все новых и новых уступок, до тех пор пока он не стал бы на точку зрения борца за землю и волю, за народную Правду. В конечном итоге ему пришлось бы максимально приблизить свою позицию к ленинской. Иначе говоря, можно предположить, что те или иные действия Керенского спасли бы правительство, но нет основания предполагать, что это изменило бы направленность дальнейшей истории. Не следует вообще забывать, что история высшей власти в России – это сплошная цепь крушения иллюзий, проявлений неспособности существенно изменить положение, воплотить в жизнь альтернативу сложившейся циклической динамике без массовой конструктивной поддержки. Не в деятельности вереницы неудачников, возглавлявших страну, следует искать глубокие причины важнейших событий истории...

История России сложилась таким образом, что она уже перестала быть страной чисто традиционного типа и одновременно не стала страной либерального типа. Можно сказать, что здесь сложилась особая промежуточная цивилизация. Раскол не позволяет обществу ни перейти к либеральной суперцивилизации, ни вернуться к традиционной. Отсюда постоянные мучительные пароксизмы, постоянные шараханья между попытками приобщения к ценностям, нашедшим высшее воплощение в либеральной суперцивилизации (наука, техника, развитый рынок и т. д.), и попытками приобщения к ценностям традиционной суперцивилизации – уравнительности, локализму.

Это альтернативщики чисто либерального, а отчасти даже постмодернистского (правда, еще неосознанного) склада. Причем, их либерализм весьма зависим от институтско-интеллигентского воспитания. Они показывают (несколько избирательно и неполно) «нелиберализм» событий российской истории, но им не хватает наглости фантастов, фоменковцев и неоязычников более выпукло, подробно и четко обрисовать возможные варианты, рассмотреть саму их физическую возможность и далеко идущие, не слишком ясные, результаты. Давления объективных условий они, конечно, не отрицают, но трактуют опять же с либеральных позиций, т.е. с оптимистической верой в возможности человека, хотя своей же работой «тотально» опровергают такой оптимизм. Сами альтернативы неотрывны от реалий, к которым они альтернативны, поэтому все время приходится указывать на «неразумность» и «недочеты» исторических деятелей. Такой альтернативизм беспочвенен и парадоксален изначально, он отрицает свободу и доказывает ее

одновременно (то же и с детерминизмом). Да, можно было лучше (но можно в равной мере и хуже – «широк человек!»), однако почему-то этот «лучший» вариант никогда не выбирается. Само понимание «лучшего» альтернативщики привносят извне, поэтому рассматривать проблемы следует в более широком, системном, контексте, а не только в аспекте либеральной морали.

Есть личность – есть проблема, и наоборот. Гений и дурак во власти мало различимы и значимы на фоне объективных процессов, но не потому, что личность совершенно бессильна, а в том числе потому, что итоговый результат всегда отличен от задуманного. Значимое изменение может произойти и в результате личной ошибки, и в результате «недеяния» (мог/должен был сделать – не сделал, т.е. не помешал). Существует проблема личности в истории, но ее нельзя понимать в духе традиционного положения «герой и толпа». От «ничтожества» (как и от пустяковой случайности) ситуация иногда может больше зависеть, чем от безуспешных стараний «сверхчеловека».

Несколько слов о 1-й Мировой. В апреле 1918 г. немецкие войска захватили Крым, в мае – Грузию, в сентябре турецкие войска взяли Баку. А на захваченной территории общей площадью свыше 1 млн. кв. км, где проживало 65-67 млн. человек, был установлен жесткий оккупационный режим, который обеспечивала оккупационная германо-австро-турецкая армия численностью в 0,8-1,5 млн. человек, хотя именно этого количества войск весной-летом 1918 г. не хватило германскому командованию для разгрома англо-франко-американских армий в ходе трех провалившихся наступательных операций на Западном фронте. Но: если бы немцы отдали бы Восточный фронт, то он бы и не развалился со стороны России и тем самым общая картина для Германии вряд ли бы улучшилась...

И лучший вариант для Германии во 2-ю Мировую: если бы отказались от строгой расовой, хотя бы антиславянской, политики (ср. у Бажанова). Гитлер мог бы легко победить, если бы действительно воевал против Сталина и большевиков, а не против России. Но в таком случае это уже был бы не Гитлер. Сформировавшийся идеолог при любом уровне интеллекта является рабом собственных обобщений. В данном случае – политологических и расовых. В то же время, не будь его мировоззрение столь экстремистским, он затерялся бы среди прочих политиков Веймарской Германии и не стал бы фюрером. Т.е. куда ни кинь...

В рассуждениях об альтернативности никогда нельзя забывать о важнейшем постулате формальной логики: «если..., то...». Проблема в его правильном применении. Одно из главных концептуальных затруднений подстерегает нас в вопросе о выборе атомарного «актанта» исторического процесса. Что, собственно, влияет? Предположим, мы нащупали ответственный за изменение узел, но ведь он не существует в вакууме, а является частью исторического («хронотопического») поля. Триггер, приведший к изменению ситуации, может не работать «вне цепочки», без содействия других, соседних, триггеров, а последние сами зависимы от окружающего контекста и, в целом, от Универсума с его материальными ограничениями. Здесь невозможно сказать, что совершенно точно не влияет на исторический процесс, и где заканчиваются влияющие и начинаются нейтральные элементы.

Отречению Николая и окончательному падению царского режима поспособствовала, в узком смысле, паника Родзянки – эдакий возглас «Пожар!» в переполненном императорском театре. Но сам по себе этот толчок еще не был фатальным: ген. Алексеев мог не среагировать на телеграммы Родзянко, как не реагировал до поры Николай. Поверив лидеру Думы (о чем он горько потом сожалел), Алексеев помимо воли выстроил «кумулятивную цепочку», в свою очередь повлияв на мнения командующих фронтами, а телеграмма царя с приказом не совершать до приезда царя никаких действий, в догонку карательному отряду И. Иванова, отправленного в революционный Петроград, довершила дело.

Решить любую проблему исключительно сознательным действием, продуманным сценарием, далеко не всегда удастся. Возьмем план покушения на Гитлера: в принципе сценарий Штауфенберга идеален, никак нельзя сказать, что он был неудачен в планировании и даже в процессе осуществления. Напротив, его физически вряд ли можно было улучшить. Если бы, конечно, дуб стола и череп фюрера оказались чуть менее крепкими..., то сохранились бы несколько сот тысяч человеческих жизней, а конец 2-й Мировой был бы весьма схож с окончанием 1-й.

Сегодняшними «ремонтниками истории» проблема 17-го года решена была бы очень просто: где-нибудь весной – в начале лета Ленина, Троцкого (а заодно и Сталина, в счет будущих деяний) легко бы отследили и пристрелили без всякого суда присяжных и лишнего шума. И всё. И никакой душевной достоевщины. Окончательное решение российского вопроса! Какая удобная мишень была во время

речи с балкона дома Кшесинской! А хороший стрелок-киллер на месте близорукой Фани Каплан (если вообще она была «при делах»)?.. Сегодня и самый завалящий «топтун» легко выследил бы курьеров в Разлив. А то, что не хватило взрывчатки для поезда Троцкого – это просто стыдоба!

Своевременное изъятие Ленина; удача корниловского путча летом 17-го; удача заговора Муравьева на Волжском фронте; удача на Урале армии Колчака, когда в военном смысле все еще качалось на весах; если бы английский флот решился помочь восставшим против красных фортам на побережье Финского залива (а Колчак не отверг бы предложения Маннергейма)... Но и противоположные возможности: своевременный разгром Добармии на Дону еще в начале ее формирования при более «деликатной» политике в отношении казаков. В этом случае казаки были бы с красными на 99%. И тут уже совсем не фантастической кажется удачный революционный поход в Европу. И даже позднее вполне вероятно военная удача красных в Польше (когда бы Сталин, Ворошилов и Буденный не «зациклились» на стремлении во что бы то ни стало взять Львов)...

Опередить «беков» в завершении войны на Восточном фронте в 17-м году психологически было вполне возможно. Ср. у Зинаиды Гиппиус: «Наше военное положение отнюдь не таково, чтобы мы могли диктовать Германии условия мира, куда там! И однако мы должны бы решиться на нечто вроде этого... Всякий день, не уставая, пусть хоть полу-официально, твердить о наших условиях мира. В сговоре с союзниками (вдолбить им, что нельзя упустить этой минуты...)... диктовать Германии условия приемлемого мира. Это должно делать почти грубо, чтобы было понятно всем (всем – только грубое и понятно). ...выражать денно и ночью согласие на немедленный, справедливый и бескорыстный мир... Орать на весь фронт и тыл, что если час пришел и мира нет – то лишь потому, что Германия на мир не соглашается, не хочет мира, и все равно ползет на нас. И тогда все равно не будет мира, а будет война...».

Если бы эсеры приняли предложение Спиридоновой установить диктатуру своей партии, как наиболее сильной и многочисленной на тот момент, до того, как она и ее сторонники раскололи партию и на время отошли к Ленину. Правда, с подобным левым составом эта диктатура немногим была бы лучше большевистской.

По М. Вишняку: «Думали придти на помощь Учредительному Собранию Преображенский и Семеновский полки. Даже определенно

обещали, как нас заверяли лица, связанные с военной комиссией ЦК. Но и эти полки поставили свой приход в зависимость от предварительного прихода к ним броневых машин. Но в ночь перед открытием Учредительного Собрания большевистские агенты в ремонтных мастерских имобилизовали машины... Не пришли броневики, не пришли и полки».

Если бы Борис Бажанов стал наследником Сталина, а не отказался от этой мысли и не бежал за границу... См. Бажанов Б. «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». Всемирное слово, СПб., 1992, с 210: «Что же я могу сделать? Только одно – продолжать скрывать мои взгляды и продолжать делать большевистскую карьеру с надеждой стать наследником Сталина и тогда все повернуть. Дальнейшее показало, что это совсем не фикция: Маленков, заняв после меня место секретаря Политбюро, именно это и проделывает: то есть проделывает первую часть программы – нормально выходит в наследники Сталина (к смерти Сталина – он второй человек в стране, первый секретарь ЦК и председатель Совета Министров); наоборот, будучи достойным учеником Сталина и сталинцем, совершенно чужд второй части моей программы – заняв место Сталина, все повернуть». Для этого надо было избежать расстрела, что не просто, но Маленкову повезло. Также повезло и самому Бажанову: чудом избежать поимки и смерти при покушении, хотя из его воспоминаний видно, что наряду с везением пригодился и интеллект, которого не было у Маленкова. Так что не столь уж невероятна ситуация с перерождением коммунизма и десталинизацией уже в 50-е годы, во главе с Бажановым и Берией, и «примкнувшим к ним» Хрущевым...

Важность субъективного фактора: если бы среди большевиков победили бы «большевики», т.е. возобладало бы мнение большинства, а не лидера, то не было бы ни октябрьского переворота, ни Брестского мира (во всяком случае, мира на немецких условиях). Брестский мир одна из основных причин поражения германской революции (что отмечено уже К. Либкнехтом) и, соответственно, причина «не возникновения» Мировой, «перманентной». Но он спас собственный режим Ленина. Без немедленного мира его свергли бы или дезертиры или немцы. Правда, немцами и до и после переговоров серьезно рассматривался вопрос о возможном взятии Петрограда и свержении коммунистов,⁶⁴ однако право на «аннексии и

⁶⁴ Уже руководители латышских стрелков, включая Вацетиса, зондировали почву в германском представительстве в Москве и выражали

контрибуции» (против которых еще недавно с пеной у рта выступали большевики) вполне устроило Германию и ввязываться в дополнительные военные действия, при крахе фронта на Западе, они уже не стали. Тем более, что неустойчивость тогдашней власти большевиков в такой же степени устраивала немцев, в какой не устраивал патриотизм их противников – эсеров, кадетов и монархистов. Можно спорить, удержались ли бы большевики без германской помощи. Судя по переписке немецких политиков, вряд ли. Однако ситуация была гораздо запутаннее, чем может показаться, если судить по мнениям лишь одной стороны.

Политическая ситуация осложнялась массой факторов: свою, прогерманскую, линию вели представители Украинской Рады; Троцкий, в ожидании германской революции и свержения Рады, затягивал переговоры, а в большевистской верхушке шел бесконечный перебор вариантов, что выгоднее делать и, одновременно, как повыгодней выглядеть в глазах мирового пролетариата. В один узел завязались интересы (и разногласия) двух революций и двух правящих режимов, идеологический и политический факторы, реальные военно-экономические возможности и характеры участников, и все это на фоне продолжающейся Мировой и начинающейся Гражданской войны.⁶⁵

готовность на определенных условиях поддержать немцев в свержении Ленина и С^о (сов-историки представили это позже как чекистскую игру, а как было на самом деле, мы уже не узнаем). Одновременно с этим большевики приглашали немцев выступить против белых сторонников Антанты на юге и давали им карт-бланш выдвинуться к Мурманску против англичан, тем самым не «занимая», а прикрывая своими войсками Петроград. Тогдашних немцев, в отличие от немцев 1940-х гг., от принятия плана Людендорфа по взятию Петрограда удерживала «неизбежная необходимость» кормить местное население.

⁶⁵ Причем события в Бресте развивались так, что для принятия тех или иных, противоположных, решений у обеих сторон счет шел – в буквальном смысле – на часы. Например, глава германской делегации Кюльман давал Кайзеру четыре часа на ответ, грозя своей отставкой, а Троцкий требовал по телеграфу до пяти вечера принять соответствующие меры и сообщить ему о смене власти в Киеве. О необыкновенной сложности происходящего говорит и то, что на совете большевистской верхушки дважды с перевесом в один голос проваливалось предложение Ленина о продолжении мирных переговоров, пока на третий раз его не поддержал, ранее голосовавший против, Троцкий. Более того, принятие дипломатами Центральных держав

Эти события весьма наглядно показывают всю тонкость грани, отделяющей победу от поражения. И даже не всегда понятно, что именно следует называть «победой», а что – «поражением». Так, отстаиваемый Лениным, Брестский мир оказался по всем слагаемым более вредным, нежели полезным для новой власти. Рассматривая общую картину, сложившуюся вокруг Брестского мира, можно лишь удивляться тому, что Ленин удержал власть в условиях столь явного противодействия его политике со всех мыслимых сторон, включая членов его собственной партии. Даже невозможно перечислить количество случаев, когда власть и первенство висели на волоске. Троцкий (и большинство партийцев с ним в этом было согласно) признавал, что они «уже фактически покойники..., дело за гробовщиком».

И какой же вывод? «Чудо», «случай», «везение»?.. Безусловно. Но не было согласия между потенциальными «гробовщиками», и не было последовательного, и одновременно сильного, «гробовщика», не было лидера и консолидатора в хаосе разнородных сил. И в среде самих большевиков не находилось последовательного противовеса Ленину и его политике. Ему везло, но везло не так уж и случайно. Ленинская политика это упорное «долбание» в одну точку, и авторитет, наработанный этим «долбанием», какового не было у остальных партийцев, что сами они хорошо понимали. А везет чаще тому, кто «везёт», кто постоянно в игре и уверенно держит удар, а не тому, кто паникует или ждет «денежек с неба». (Фактологию революции и гражданской войны мы еще рассмотрим подробнее в другой части книги).

Еще о значении персонального участия и выбора в нелинейных исторических процессах и бифуркациях, в частности, в переломных событиях гражданской войны. См. Троцкий «Моя жизнь»: «Здесь, под Казанью, можно было на небольшом пространстве обозреть многообразие факторов человеческой истории и почерпать аргументы против трусливого исторического фатализма, который во всех конкретных и частных вопросах прикрывается пассивной закономерностью, обходя ее важнейшую пружину: живого и действующего человека. Многого ли в те дни не хватало для того, чтобы опрокинуть революцию? Ее территория сузилась до размеров

условий Троцкого в качестве основы для мира послужило для военных поводом для продолжения войны, а о формуле Троцкого «ни мира, ни войны» и до сих пор ведут споры историки.

старого московского княжества. У нее почти не было армии. Враги облегали ее со всех сторон... Судьба революции решалась на этот раз под Свияжском. А здесь она в наиболее критические моменты зависела от одного батальона, от одной роты, от стойкости одного комиссара, т. е. висела на волоске». Троцкий употребил для этого те самые методы (расстрелы), на которые так и не решились либералы и демократы («К загнившей ране было приложено каленое железо». – «Моя жизнь»). Вспомним и постоянные призывы и приказы Ильича к «расширению» репрессий – без этих приказов (и их выполнения) было бы меньше страха и, соответственно, больше сопротивления.

Но не единими расстрелами выживал большевизм. «После поражений и отступлений рыхлая, панически настроенная масса превращалась в две-три недели в боеспособные части. Что для этого нужно было?.. Дать хороших командиров... десяток самоотверженных коммунистов, добыть босым сапоги, устроить баню, провести энергичную агитационную кампанию, накормить, дать белья, табаку и спичек.⁶⁶ Всем этим занимался поезд... Непосредственные материальные ресурсы поезда были, разумеется, незначительны по сравнению с нуждами армии. Но они постоянно обновлялись. А главное, они десятки и сотни раз играли роль той лопатки угля, которая необходима в данный момент, чтоб не дать потухнуть огню в камине... (И еще об этом же): «При неустойчивом равновесии весов решает небольшая гирилка. Такой гирилкой поезду и его отрядам приходилось быть за два с половиною года многие десятки, если не сотни раз» (там же).

Троцкий еще не читал Пригожина и Переслегина, но он, как и многие другие удачливые деятели прошлого, был хорошим диалектиком (тем более, что и сам марксизм был классической диалектической системой).

Кстати, главная причина, почему именно за «беками» и за Лениным пошла в свое время революционная молодежь⁶⁷,

⁶⁶ Воспоминания об отряде В.О. Каппеля (взявшего, но позднее оставившего, Казань) на Восточном антибольшевистском фронте рисуют нам военные части Комуца в обносках и солдат, месяцами мечтающих об отдыхе и бане...

⁶⁷ А ведь немалое значение имел предшествовавший революции демографический взрыв. Массы молодежи, уже вооруженной и – по рождению – «неурбанистичной», сыграли в последующих столичных событиях важнейшую роль.

исчерпывающе растолкована Н. Валентиновым. Правоверные марксисты (меньшевики) исходили из фаталистической теории, что покуда не разовьется настоящий капитализм, «с самодержавия и волос не упадет» и социалистическая революция невозможна, но в таком случае молодежь оставалась без дела – только «ждать» и «способствовать», а Ленин еретически провозгласил: «Дайте мне организацию профессиональных революционеров и мы перевернем Россию!». И бунтарство не только обрело исторический смысл: бунтари были вовлечены в интереснейшую и опаснейшую игру по созданию всесильного потайного ордена «суперменов». И в эпоху Февраля интеллигенты-схоласты не желали торопить объективный исторический процесс, а Ленин, опять же, привлекал к себе всех нетерпеливых.⁶⁸ Произошел естественный партийный отбор, деление на революционных фарисеев и zelотов.

Меньшевики слишком буквально поняли историческую объективность, удалив из нее все факторы бифуркации и неравновесности. За что дорого заплатились.

Ленин оказался недостающей «гирькой» на весах самой возможности октябрьского переворота,⁶⁹ а Троцкий с Тухачевским – на весах противостояния в гражданской войне. Может возникнуть вопрос: а почему Керенский, при всей его энергии, нисколько не уступающей пассионарности Троцкого, не стал подобным спасением для демократов? Не углубляясь в подробности, заметим только, что без энергии, без энтузиазма этого «актера» и «наполеончика», Временное правительство вряд ли дожило бы даже до июля 17-го года.⁷⁰ А какого реального чуда вообще можно требовать от любого правительства в условиях войны, развала и двоевластия, да еще за

⁶⁸ Психология «нетерпеливцев» на уровне темных низов, строящих рай Хрустального Града, хорошо показана у Андрея Платонова – «Чевенгур», «Котлован».

⁶⁹ Хотя, будучи талантливым тактиком, он был плохим стратегом и пророком – шел за обстоятельствами. Ни успеха 1-й Думы, ни войны, ни революции, ни крестьянских восстаний, приведших к политике НЭПа, он не предвидел. Другое дело, что его противники не умели приспосабливаться к обстоятельствам, т.е. были тактиками совсем никудышными.

⁷⁰ Ведь Керенский постоянно твердил принародно, что демократическая власть «не проливает крови», а указ о смертной казни, подписанный в конце его правления, остался бессильной бумажкой. Ср. с этим методический террор «беков».

период каких-то жалких восьми месяцев?.. Вопрос риторический. Можно еще набрать немало «мелочей», которые оказались бы ко времени и к месту. Например, исполкомовцы, надавив на Керенского, изъяли из списка его последнего состава правительства имена уже согласившихся принять посты Плеханова и Брешко-Брешковской, чьи имена были самыми уважаемыми среди всех имен революционеров. Их участие в правительстве вполне могло послужить той, хоть и абстрактной, но важной, «гирькой», которая перевесила бы на совете «беков» мнение Ленина о восстании и тем сыграла бы свою роль в общем раскладе сил!

А в 23 году, если бы не простуда Троцкого (пускай, «политическая»), он мог бы свалить клику Сталина и история партии пошла бы по несколько иному пути (см. Н. Валентинов «Наследники Ленина»).

И, наконец, если бы Берия победил в схватке за власть с остальными наследниками Сталина, то – после его совершенно революционных планов по десталинизации, несравнимых с последующими хрущевскими полумерами, – мы бы жили в совершенно другой стране. И будущую историю этой страны просто невозможно себе представить.

Хотя, почему невозможно? Ставшие сегодня известными высказывания Маленкова, и особенно Берии, свидетельствуют о том, что политическая деятельность Сталина после войны даже в глазах его соратников казалась полностью пережившей свое время. С их стороны это была не какая-то доморощенная, либо тайно выношенная, любовь к демократии, а нормальная прагматика. Десталинизация была неизбежной, вопрос в том, насколько она могла быть радикальной. Если бы не «тормозящая» линия Хрущева,⁷¹ то к концу 50-х годов мы уже имели бы ситуацию конца 80-х. В результате чего комм-империя развалилась бы на 30 лет раньше. Но и преграды на пути к подобным изменениям были вполне серьезные.

⁷¹ Понятна позиция сына Берии, когда он пишет уже после падения СССР: «Знаю, что отец очень интересовался идеями Столыпина, сторонника фермерских хозяйств. Опираясь на цифры из архивных источников, отец доказывал, что повторение обильных урожаев начала века вполне возможно, надо лишь не бояться использовать опыт Столыпина и решиться, наконец, на столь же серьезные реформы». Ср. в мемуарах Н. Хрущева: «Я считал, что могла произойти утрата всех завоеваний революции, так как Берия повернет развитие с социалистического на капиталистический путь».

III.3. За циклом – цирк, или Пифагор, пожирающий свой хвост.

Что на сегодня мы знаем о функционировании систем, в первую очередь – природных и биологических, а также сравниваемых с ними социальных? Здесь придется привести большую, но необходимую цитату (точнее, выдержку из популярной книги Фритьофа Капры, «Поворотный пункт». М., 2005).

«...объекты являются сетями взаимоотношений, включенными в более обширные сети... Различные явления могут принадлежать к различным системным уровням, но ни один из этих уровней не фундаментальнее остальных... Поскольку все природные явления в конечном счете взаимосвязаны, то для того, чтобы объяснить любое из них, нам придется понять и все остальные, что очевидно невозможно. ...Наука никогда не сможет обеспечить полного и окончательного понимания... Деятельность систем включает в себя процесс, известный как транзакция – одновременное и взаимозависимое взаимодействие между множеством их компонент... природа целого всегда отличается от простой суммы его частей... ...функционирование организмов управляется циклическими схемами информационных потоков, известными как циклы обратной связи... Когда такая система разрушается, поломка обычно вызвана многими факторами, которые могут усиливать друг друга через взаимосвязанные циклы обратной связи. Который из этих факторов был начальной причиной сбоя, часто несущественно... Два главных динамических явления самоорганизации: самовосстановление, т.е. способность живых систем непрерывно обновлять и повторно использовать свои компоненты при поддержании целостности их общей структуры, и самопреодоление (self-transcendence), т.е. способность творчески выходить за свои физические и интеллектуальные пределы в процессе обучения, развития и эволюции... живые организмы – это открытые системы, которые постоянно действуют вдали от равновесия...; система непрерывно находится под воздействием флуктуаций даже в отсутствии каких-либо возмущений. Такое состояние известно как гомеостазис... При появлении какого-либо возмущения организм стремится возвратиться к первоначальному состоянию и делает это, адаптируясь различными способами к изменениям среды... Посредством генотипных изменений вид приспосабливается к окружающей среде... Когда система нарушена, начнут появляться случаи экспоненциального «взрывного роста»... Внутреннее

усиление флуктуаций... может происходить случайно и непредсказуемо, но как только такая критическая точка достигнута, система вынуждена эволюционировать в новую структуру. ...случайность и необходимость... действуют как дополнительные принципы... Чем дальше система отклонилась от равновесия, тем больше будет доступных возможностей выбора... Организм, который мыслит только в терминах собственного выживания, неизменно разрушит окружающую среду... ...ментальность, являясь динамикой самоорганизации, представляет собой организацию всех функций и, таким образом, является метафункцией... процесс и стабильность совместимы, только если процессы формируют ритмические модели – флуктуации, колебания, вибрации, волны... В живом мире они являются основой порядка: упорядоченные структуры возникают из ритмических паттернов...».

Историзм сродни органичной интуиции и художественному «вживанию» (не отрицая фактологию и пр.). И формализм и диалектика ограничены, формалист в диалектике ошибочен, лучшее из возможного – использование диалектиком формализма. Т.е. и узлы и значимые события существуют (головной мозг и спинной в одном организме все же иерархичны, а корни отличаются от семян), но и «развилки» тоже. Тем не менее, выбор ограничен возможностями объекта и среды (условий). Ср. у Ф. Капры: «Редукционизм и холизм, анализ и синтез, являются дополнительными подходами», и – «Стремление живых систем формировать многоуровневые структуры... носит всеобъемлющий характер и должно рассматриваться как основной принцип самоорганизации»; а также – «Каждая подсистема это относительно автономный организм, являющийся, в то же время, компонентой большего организма». Система и случай: от «необходимого, но отсутствующего, гвоздя» до случайности уровня таланта полководца.

Согласно подсчетам А.Г. Франка и Б. Гиллса, только с 3000 г. до н.э. по 1600 г. н.э. сменяющих друг друга периодов подъема и спада в истории Евразийской цивилизации было 21 (11 первых и 10 вторых). Все это выглядит весьма субъективно, поскольку вопрос о качественной оценке многих исторических событий есть вечное место для споров, хотя сам факт «волнообразности» возражений обычно не вызывает.

Отметим два типа цикличности (линейная-нелинейная): колебательные процессы вокруг точек равновесия и катастрофы-новоустойчивости (крах систем – хаос – новые системы). Давно исследованы циклы колебаний демографического процесса (Бродель,

Гольц, Р. Пирл, С. Нефедов и др.⁷²), зависимого (в первую очередь) от ресурсов среды. Также экономические циклы (Кондратьев, Бродель, Валлерстайн). (См. еще работы Д. Вико, О. Шпенглера, А. Тойнби, А. Шубина, М. Шильмана, В. Пантина, В. Феллера, А. Степанова, П. Сорокина). Чем сложнее рассматриваемые системы, тем больше факторов и величин, влияющих на процессы (и/или вызванных этими процессами). Колебания (и пертурбации) происходят и в области культуры, менталитета, интеллектуальных концептов, политических и всех прочих тенденций. В том числе в таких конкретных областях и понятиях как поиск национальной идентичности, социально-политический пиар, академизм/ новаторство в науке (и моде), открытость-изоляция, свобода-порядок, план-рынок и т.п. Отсюда и все «повторизмы» (где наиболее спорными выглядят параллельные сравнения индивидов и точечных событий).

По Валлерстайну, в момент перехода в исторической системе появляется свобода выбора, которой нет в стационарном состоянии. Указанный переход есть не «закономерная смена» формаций или цивилизаций, а момент исторического выбора. Валлерстайн не согласен с линейной трактовкой исторического развития как обязательного прогресса. Само понятие «прогресс» слишком неопределенно, речь должна идти о возможных вариантах прогресса как реализации определенных планов кумулятивного характера – стрелы времени. Валлерстайн разделяет исторический мир-систему на мир-империи и мир-экономики и доказывает, что в XIX веке капиталистическая мир-экономика поглотила мир-империи и поэтому только она одна и существует сегодня. А расширяется она в первую очередь за счет технологических инноваций.

Аналогичные процессы, как считают ученые-биологи, происходят в истории биоэволюции: каждая новая биосистема в результате мутации (изменения) и селекции (отбора) в своей индивидуальной

⁷² «В конечном счете, перенаселение приводило к голоду, восстаниям и социальным революциям. В результате революций часто происходили экспроприация имений помещиков и передел..., голод, эпидемии и гражданские войны приводили к гибели большей части населения и появлению свободных земель... Но затем население вновь начинало расти, появлялось перенаселение и наступало время голода и революций. История развивалась в ритме демографических циклов. ...Аграрный кризис привел к социальной революции и возникновению Советского Союза». – В. В. Алексеев, С. А. Нефедов «Общественные науки и современность», 2002, № 6.

структуре является неопределённой, в то время как результирующий процесс ее эволюции принудителен и становится законом. Процесс эволюции, тем самым, неизбежен, однако выбор индивидуального пути жестко не детерминирован.

Все исследователи процессов линейности/нелинейности, порядка/хаоса указывают на то, что некое новообразование можно получить только путем разрушения прежней структуры, нарушив внутрисистемные связи. Там, где масса флуктуаций выходит за критическую черту, соразмерность нарушается и масштабы разрушения начинают превышать масштабы созидания. Среди продуктов распада прежней структуры подавляющая масса отбрасывается эволюцией, но случайно появившийся элемент, способный к само-стоятельному потреблению негэнтропийного ресурса (как более устойчивый), сохраняется. Т.е. новый порядок возникает из беспорядка, в котором оказался предыдущий, исчерпавший себя, порядок.

В реальном человеческом мире интересна и важна также ситуация внутри процесса. Социальный хаос – индивиды, процессы, структуры, события, отклики – сам существует по каким-то своим внутренним законам и в определенной, специфической, среде.⁷³ Ср. у Леонида Бляхера (old.russ.ru – «Нестабильные социальные состояния»). Русский журнал. 14.03.2005): «социальный хаос не простое отсутствие организации, а совместное, но не со-организованное бытие людей. В нем актуализируются... особые, виртуальные социальные образования... "Наталкиваясь" в ходе коммуникации друг на друга, совмещаясь друг с другом, осколки былой интересубъективности... порождают некоторый "третий" образ социального мира ("мировую линию" в терминологии Я. Хинтикки), на мгновение обеспечивающий возможность социального контакта... Такую "мировую линию", возникшую как случайное пересечение идеалов, мы и назвали... виртуальной стратой. Исследование виртуальных страт и даст нам возможность выделить "силовые линии", вдоль которых формируются варианты будущей стабильности... Ведь какие-то смыслы в

73 И законы эти хорошо известны. Речь идет о социально-психологических и физиологических факторах, присущих не только хомо сапиенсу, но и приматам: страх и агрессия, голод и секс, жадность и зависть, эгоизм и стадность. А современность обогатила эти основы такими «понятиями» как откат и халява, разводка и подстава, понты, наезд и рейдерский захват, а также фейк, треш и хайп, ну и подобные им определения бытия нашего сознания!

социальном хаосе имманентно присутствуют и как-то, пусть абсурдно, сцепляются. В этих сцеплениях при соответствующих условиях... возникают новые смыслы, новые социальные идеи».

Т.е. есть порядок (и негэнтропия) и в хаосе, и присутствует хаос (и энтропия) в т.н. порядке. А также разность углов зрения и масштабности: что есть что. Можно еще употребить такие метафоры: соц-гос-порядок это Большой Нарратив, логическое высказывание, метафора, пафос, а беспорядок – постмодернизм, ирония, пастиш, игра слов, оксюморон и т.п.

Выбор пути организации разворачивается по определенному сценарию: что-то реализуется, а что-то отбрасывается. Это раздвоение траекторий развития происходит в точке наименьшей устойчивости, а затем множественные нелинейные эффекты и возникшие в результате новые аттракторы не позволяют развитию вернуться в исходную точку.

Согласно теории Э. Гидденса, социальные структуры понимаются как складывающаяся совокупность правил, ролей, отношений и значений, которые рождаются и создаются, воспроизводятся и преобразуются мыслью и действием конкретных носителей. Именно люди, а не общество, порождают структуры и иницируют изменения, но их креативная деятельность и инициатива являются социально вынужденными.

По известному выражению Маркса, история это в первый раз трагедия, а во второй – фарс. Т.е. «цирк» как второй «цикл». Кстати, оба термина этимологически означают «круг», «колесо». Подверстывая сюда Пифагора, упомянем не только пресловутые пифагоровы «штаны», которые «на все стороны равны», но и теорию «вечного возвращения» исторических эпох, «эонов», миров. Правда, пифагорейцы представляли эти повторы совершенно идентичными и симметричными друг другу. Это уже гностическая мистика, близкая также древнему мифологическому учению орфиков. Не менее древним является образ змея-уробороса, заглатывающего собственный хвост. Это одновременно и абстрактный символ вечности и живой символ эволюции. Не «чистая» и мертвая окружность, не одномерные «штаны», но качественно неоднородная спираль. Не математика, а биология, а также социальная антропология, и, значит – История. Но в истории есть не только повторы, но и уникалии, а кроме того – некие

смешанные (иногда – смешные) вещи, например, так называемые «псевдоморфозы», о которых писал Шпенглер.⁷⁴

Тема не подвержена моде, ученые с древнейших времен и до наших дней захвачены ею: Полибий и Сыма Цянь, Ибн Халдун и Дж. Вико, Гегель и Гердер, Н. Данилевский и О. Шпенглер, и т.д.

Сразу перейдем к отечественной истории. Из повторяющихся циклов отметим в первую очередь, конечно, революции 17-18-го и 91-93-го гг. XX-го века. Эволюция и различия не отрицают «повторизмов», типологических сходств: ср. у П. Сорокина (ук. соч., с 272-294) и у М. Палеолога сравнения с ВФР;⁷⁵ сюда же – сходства 17 года с 90-ми. В первую очередь, это бездарность и слабость администрации, разврат правящей верхушки и в целом аристократии, подавление инстинктов общества, плюс, очень часто, неудачная война. Ср. еще гайдаровско-адамсмитовскую политику самонастраивающегося рынка («невидимая рука») с тем, что происходило в предыдущем, Февральском, дем-цикле. Как пишет Ахиезер, мнения, «что частная инициатива сама по себе установит в обществе хозяйственную гармонию, имели место при Временном правительстве».

Возможны типологические (молярные) и даже прямые сравнения России с Испанией: дух Империи, декадентство, религиозность, отсталое крестьянство, гемофилия инфанта Альфонсито и падение династии, Гражданская война, долгий период диктатуры, перестройка (с попыткой путча-реванша), местные этно-террористы.

Некоторые исторические параллели просто поражают своим сходством, но в общем неудивительны: Людовик XVI и Мария-

74 Сопоставление сегодняшних реалий с элементами из периода эпохи советского «железного занавеса» допустимо лишь в самых общих чертах: нельзя войти в один и тот же «совок» дважды! В любом случае, даже такие типические «псевдоморфозы» как институты имитационной демократии современной России являются действующими аттракторами социальной жизни, формами, чье прямое влияние на жизнь населения страны имеет необратимые последствия. И виртуальное чеховское «ружье», и «голимый» постмодерный симулякр, могут довести вас до летального исхода.

75 В своих мемуарах французский посол Морис Палеолог отмечает (в записи от 15 янв. 1917 г.) такой прецедент как высылку 19 ноября 1787 года Людовиком XVI герцога Орлеанского в его имение, сравнив это с высылкой вел. кн. Николая Михайловича. Палеолог восклицает: «Так неужели Россия дошла до 1787 г.? – Нет!.. Она зашла уже гораздо дальше».

Антуанетта – Ники и Аликс, Тюрго – Витте, а также – распутинщина, горемыкины и протопоповы, поражения на фронте, голод, непоследовательные уступки и репрессии, нерешенность земельного вопроса и т.п. Нетрудно подметить и сходства между политическими партиями (что легко объяснимо с социальной точки зрения): например, между кадетами и «Яблоком», октябристами и СПС, Союзом Русского Народа и ЛДПР. Не говоря уж о таких одиозных параллелях как скандал с Пуришкевичем, бросившим на заседании стакан с водой в Милюкова с криком: «Мерзавец!» (Хотя, конечно, повторы подобного рода нередко делаются вполне сознательно и символически грамотно, с хорошим знанием прецедента).

Многие западные историки (Крейн Бринтон, Тэда Скочпол, Бейли Стоун, Джек Голдстоун и др.) справедливо указывают на теорию стадий или «жизненного цикла» революций вообще и русской революции в частности, но встают в тупик при объяснении сталинского периода. Они либо вовсе выкидывают его из этой схемы, либо, напротив, объясняют всю историю СССР как одну большую революцию. Но и стадильность и диалектика общественных отношений известны еще со времен мыслителей Древней Греции. В любой исторической катастрофе можно найти места и моменты покоя/застоя, а в эпоху стабильности – разнонаправленные процессы, сдвиги и микрореволюции.

По мнению ряда современных ученых, посткоммунистическая система проходит те же стадии эволюции, что и коммунизм. Первая фаза – героический период разрушения, время бури и натиска – Ленина и Ельцина. Вторая фаза – период консолидации, связанный с установлением стабильности – время Сталина и Путина. Лидер, действующий в условиях второго этапа, объединяет тех, кто уцелел в горниле начального этапа революции и сохранил веру в ее ценности, и противников революции, которым претит анархическая атмосфера. В истории России XIX века можно найти бесчисленное количество типологически сходных моментов с веком XX-м и с эпохой от конца 1980-х гг. до наших дней. Это касается в равной мере как периодов «Оттепели», так и периодов «Подморозки». Многие сходства «оттепельных» моментов уже зацитированы донельзя.

Это имело бы чисто теоретический интерес, если бы не момент не совсем приятного предсказания в виде довольно скоро, возможно, надвигающегося События. А именно: в нашем нынешнем идеологическом (и не только) застое, когда интеллектуалы уверены, что народ не готов к революции, вполне вероятно где-то уже «зреет»

Ульянов-Ленин, который сможет объединить сегодняшних националистов и радикалов с технократами и силовиками... Вовсе не обязательно, что это тот, о ком вы сразу подумали. Впрочем, у многих из нас есть все шансы дожить до момента сверки предсказания с жизнью...

Коснемся еще периода, противоположного Оттепели. Читаем у Степняка-Кравчинского (1880-е гг.) в книге «Россия под властью царей» (изд-во Мысль, М., 1965): «В банковских аферах местные и центральные власти действовали лишь как сообщники и укрыватели краденного»; «своими драконовскими законами и административными мерами правительство отстранило от участия в государственных делах лучших людей нашего общества по подозрению их в либеральных взглядах, и их место заняли хищники и лихоимцы»; «бесчестность – самый верный залог того, что человек чужд порочных идей и проявит себя надежным поборником существующего строя»; «странное зрелище! Перед нами государство... называющее себя национальным, патриотическим, но оно неуклонно... совершает то, что мог бы совершать лишь самый варварский завоеватель»; «теперь всем вершат чиновники. Современный царь лично никого не трогает... он служит ширмой для преступлений своих придворных»; «тысячи жалоб и протестов от имени самых уважаемых граждан России не удостоиваются ответа... большее впечатление производит европейская молва... Английскую печать обвиняют в том, что она... приобрела привычку основывать свое мнение о России на пристрастных сочинениях... эмигрировавших нигилистов» (ук. соч., сс 348 – 350, 356, 365). Ничто не ново, даже в деталях. Ну, просто «ужас-ужас-ужас»!⁷⁶

Логические сходства неизбежны и в эволюционных этапах революции: политическое разделение соучастников, неизбежная реакция и репрессии, новое закабаление, определенное успокоение общества в неких социальных реформах.

76 Но нет, подождите ужасаться, не будем доводить идею до полного абсурда. Различия есть всегда и везде, даже у однояйцевых близнецов! И многие различия вполне себе заслуживают рассмотрения историков и социологов. Например, тема «власть и народ» порождает массу «подтем», в частности, интересно как власть «работает» с народной моралью. Можно отметить определенные народнические иллюзии у правящих элит царской России; стремление к жесткой «прогрессистской» морализации у власти советской (во многом оправданное и вынужденное реальным положением дел); ну и прямое использование регрессивных психологических тенденций властью нынешней.

У консерватизма также есть своя логика и своя историческая психология. А ничего нам не напоминает давняя история «Третьей Думы», когда тасовались избирательные коллегии и нежелательные элементы не допускались к выборам, но – поскольку «для полноты» требовалась легальная оппозиция – в парламент были допущены «прогрессисты» и «мирно-обновленцы»?.. Как писал о думском большинстве Милюков, «из русского «национализма», русских «национально-исторических» начал большинство этой Думы делало себе политическую рекламу, слепо готовя России рост сепаратистских стремлений» (Милюков П.Н. «Воспоминания». Политиздат, М., 1991, с 325).

И о «главном» не забыть бы! «Жидомасонская» формула была уже тогда в обороте, и кадеты были фактически официально объявлены «жидо-масонами» (там же, с 328). Сюда же и «наезды» на школьное просвещение: в частности, муссировалась мысль отдать народную школу под контроль Св. Синода (со схожим последовавшим затем сопротивлением светских представителей). Ну просто «железные законы олигархии» какие-то! Что до психологии народных низов, неожиданно и мгновенно перешедших из состояния тотального подчинения в состояние непривычной свободы, то мемуаристы Февраля отмечали такие весьма частые явления как доноительство, самовольные аресты и реквизиции...

И все же наиболее важным здесь представляется неизменное отношение народа к интеллигенции. Народ может ненадолго увлечься красивыми лозунгами и обещаниями, но полюбить способен только жесткую патриархальную власть. Ср. отношение к «кадетской» Добровольческой армии в самом начале ее создания на Дону. Ген. Богаевский передает в своих записках ответ крестьянина, на вопрос, за кого он: «Кто победит, за того и будем!». Деникин, между тем, отмечал сочувствие к белым зажиточной и образованной части населения, при недоверии или прямой враждебности простонародья (см. также у Р. Пайпса). Разумеется, все это естественный итог многовековой социальной истории России, но в целом мало что изменилось в данном смысле и сегодня.

Не стоит, однако, доводить идеи циклизма и аналогий до историософского идиотизма. В последние годы появилось немало авторов, предлагающих свои наукообразные (с подробными графиками) расчеты повторяющихся циклов. А поскольку «пустых» времен в последние, хорошо задокументированные, века не наблюдалось, то циклы могут быть самых разных размеров. Например,

в «Карте истории» О.П. Александрова читаем: «Циклы могут быть образованы разными способами. Внутри 64-летнего цикла проявляются циклы 24 и 28 лет. Цикл 24 года образован двумя 12-летними циклами, а цикл 28 лет – 12-летним и 16-летним циклами (12+16). 16-летний цикл с одной стороны является кратным 64-летнему (64/4), с другой образован двумя 12-летними циклами». Он предлагает также циклы в 134, 192, 256, 448 лет и т.д., но более других автору нравятся циклы в 128 лет («цикл социальных тенденций») и 12 («цикл политических переломов»). Какие же события обязаны их подтвердить? Среди прочих, такие:

1) 1789 (Великая французская революция)+128=1917 (революция в России); 2) 1801 (дворцовый переворот в России)+128=1929 («Великий перелом», смена власти в России); 3) 1812 (Отечественная война 1812 г. в России)+129=1941 (Великая отечественная война); 4) 1825 (смена правителей в России, начало реформ)+128=1953 (смена правителей и начало реформ в России); 5) 1837 (начало государственной реформы деревни в России)+128=1965 (хозяйственная реформа в России); 6) 1861 (начало буржуазных реформ в России)+127=1988 (то же при Горбачеве).

Ну, и что из этого списка следует? В первую очередь, то, что связываются события истории совершенно различных стран, как действительно важные, так и условные (см. выше пункт 5). Но, главное, подход к самим событиям абсолютно формальный, нисколько не учитывающий реальности, тем более, исторический контекст. Сопоставления изначально некорректны: например, сравниваются события, привязанные к некой точной начальной дате и события растянутые во времени. А что означает сопоставление двух Отечественных войн в России? Это могло бы означать ссылку, пусть на мифическую, но все же некую внутреннюю динамику русской истории, если бы речь шла об экспансии России, а не об агрессии со стороны разных европейских стран. Также ничего общего нет между удушением Павла I-го и «удушением» политики НЭПа. Все это чистейший волюнтаризм, мало прощительный даже для нынешних школьников.

Несколько более адекватна теория Пантина (Пантин В. И. «Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении». М., 2003). Он говорит о 500-летних циклах дифференциации и интеграции в рамках всемирной глобализации, которые, в свою очередь, коррелируют (и усиливаются) природными циклами потепления/похолодания. Здесь мы имеем своеобразный синтез идеи «осевого времени» К. Ясперса с идеями Дж. Модельски (о

цивилизационном центре и периферии), Ф. Броделя («долговременные тренды» и становление мирового рынка), К. Юнга и С. Грофа («синхроничность» и «холотропная динамика»), Т. де Шардена и т.п. Правда, помимо красоты общей картинки при взгляде сверху, решений конкретных проблем маловато. Особенно учитывая реальную неоднозначность едва ли не каждой исторической ситуации, что постоянно демонстрируют т.н. «микроисторики» (здесь я имею в виду авторов типа Карло Гинзбурга).

Наиболее популярным циклом в отечественной истории считается 12-летка. Она отталкивается от циклов солнечной активности, по Чижевскому, и наиболее очевидно представлена в работе К.А. Пензева (на сайте «Ритмы истории» – <http://www.xrh.ru/>).⁷⁷

Правда, в XIX веке схема 12-леток почему-то перестает работать, также как и в истории других стран и периодов. Получается, что солнце всем светит по-разному.

Некоторые рьяные исследователи, толкуя исторические циклы, в механическом угаре доходят до мистики и торжества фантазмов.⁷⁸

Цифра здесь уже подавляет реальную эвристическую (и прогностическую) силу аналогии и символа. Ведь важны не только и не столько формальные «повторизмы», но их конкретика, живое содержание, смысл. Различия и специфика исторических ситуаций уходят на задний план и наука превращается в астрологию и нумерологию. И в первую очередь здесь страдает само понимание сходства. Когда мы поражаемся историческому повтору в той или иной конкретной ситуации, мы поражены сходством в условиях несходства (и/или неопределенности), а вовсе не автоматизму происходящих событий. Нас не удивляет, когда, нажав на клавишу, мы получаем банан, дернув кошку за хвост, слышим вопль, а стукнувшись лбом о дверной косяк, чувствуем боль. (Противоположный исход мог бы стать поводом для исследования, но к данной проблеме отношения он не имеет).

⁷⁷ «Очевидной» кажется схема «1905 – 1917 – 1929 (отмена НЭПа) – 1941 – 1953 – 1965 (послехрущевский период) – 1977 (эта дата несколько выпадает из значимого ряда) – 1989 – 2001. С остальными указанными датами все ясно.

⁷⁸ Один из таких авторов на том же сайте (<http://www.xrh.ru/>), прослеживает «зеркальную» сущность советской истории, взяв за точку отсчета 1962-й год. Он пишет: «Не исключено, что зеркальные свойства российской истории распространяются только на период с 1917 по 2006-07 годы, что почти мистическим образом подчёркивается зеркальным написанием названия Российского государства – РСФСР».

С историческим повтором мы наблюдаем ту же ситуацию, что и в случае с эстетическим (либо психологическим) символом, метафорой и т.п. Сходство в несходстве, узнавание в ином контексте, старое в новом, «вечное» (сущность) во временном (в проявлении, воплощении, манифестации). Здесь – диалектика и системность, а не формальная логика. Родство индивидуальных событий, субъектов, реакций, а не безликий ряд стандартных клише.

Есть немало и иных авторских подходов. Исторические науки не спят. Историки, философы, социологи, политологи изобретают все новые ключи и отмычки к старым проблемам. Упомянем еще об историко-философских системах Александра Степанова и Виктора Феллера. На мой взгляд, достоинства и недостатки их теорий заключаются в слишком большой «точности» и, соответственно, в натяжках, т.е. условных и волюнтаристских подстановках. (Вспомним классику: «Числа правят миром!»). Легко возможны и иные подстановки, частные трактовки событий и их характеристик, иной масштабный подход. Хромает именно механическая жесткость схем, опирающаяся на условность сравнений и трактовок фактологии. Например, понятие «логического бессознательного» у Александра Степанова, противопоставленного бифуркационным процессам в естественной физической среде. У него это удобное метафорическое понятие, просто маркирующее (психо)социальную среду как таковую. Но спекуляции по поводу его реальной значимости представляются мне беспочвенными. Все «убедительные» рефлексии и идеологические объяснения даются постфактум («после этого, значит, по причине этого!»), а в моменты самого Процесса идеологемы и желания могут обманывать его участников («мы строим настоящее общество без эксплуатации!»), и «мы лишь под давлением обстоятельств непреодолимой силы уничтожаем/экспроприируем/, вынужденно разрываем/заключаем союз» и т.п.).

То, что происходит в реальности, не руководствуется благами пожеланиями, а культурная память о былых традициях и катастрофах плохой советчик. По-настоящему важны как раз самые простые, естественные, физические процессы: усиление, ослабление, точка насыщения, разрежение, перегрев и кипение, кристаллизация, выпадение в осадок и т.п. (см. у П. Сорокина, Кожаринова, Шубина и др.). Идеологическое сознание (а тем более, бессознательное) не может им противостоять в виде несокрушимого утеса. Если не брать сейчас во внимание (конечно, важную, саму по себе) внутреннюю сложность

и разномасштабность процессов и множеств, то сами по себе глобальные сдвиги весьма просты – это все те же привычные «циклы», «кванты», «волны», «подъемы и спады», «кривые», «спирали» и «синусоиды» (о чем талдычили еще философы античности).

Согласно сорокинской схеме трех стадий (впрочем, еще раньше писал об этом Карлейль – о том, что задумывают революцию утописты, осуществляют фанатики, а пользуются ею мерзавцы), мы имеем в ВФР, в начале XX в. и на грани XX-XXI следующий расклад: мягкий период после краха предыдущего режима, когда силы революции еще едины (Жиронда; Февраль и керенщина; горбачевская Перестройка), репрессивно-революционную политику (якобинство; Ленин и Гражданская война; Ельцин и передел собственности – эпоха «беспредела»); новый упорядоченный строй с реанимацией ряда дореволюционных структур (Термидор/Директории/император Бонапарт/ Реставрация; Сталин; Путин). К этому же отнесем и более «рыхлые» периоды (эпоха после репрессий Грозного – Смута – Романовы) и микроисторические, редуцированные (Хрущев-освободитель – Хрущев-подавитель/Новочеркасск, выставка в Манеже/, и Хрущев-волюнтарист/кукуруза, слияние обкомов/ – брежневский застой).

Уникальная специфика условий и субъектов социальной истории, разумеется, неповторима, но в молярных, крупных, структурах параллели неизбежно напрашиваются. Сравним Веймарскую республику с нашими девяностыми: тут вам и гиперинфляция, и культура, «не видящая берегов» морали, и правый поворот, как вполне логичная реакция на разложение и анархию общества.

В увлечении сходством форм нельзя забывать об изменении содержания, хотя нередко оно само напоминает о себе. Питирим Сорокин, сосредоточенный на функционировании социально-экономических и политических институтов, в общем вполне справедливо говорит о «ненаправленном цикле истории». Но направленность не обязательно следует понимать как Божественное Провидение. Существуют совершенно объективные, невозвратные, моменты технического прогресса и накопления информации с соответствующими обратными связями, приводящими к определенным (и неизбежным) революционным «скачкам». Появились и новые тенденции: помимо повторяющихся в каждой революции стадийальных моментов (см. о них у Сорокина), это все же не столько равнозначный цикл, но – «спираль», когда субъекты начинают

использовать новые знания и технические наработки (в том числе – в области пропаганды) для достижения традиционных целей.

С гегелевской широтой подошел к вопросу Ю.В. Яковец, автор книг «Циклы. Кризисы. Прогнозы», М., 1999, и «История цивилизаций», М., 1995.

У него речь идет о совокупном взаимодействии демографических, научно-технических, геоклиматических и прочих циклов, которые порождают новое качество – ритм развития общества в целом, и которое уже, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на ход каждого из частных циклических процессов. «Широта» здесь еще в том, что цикл у Яковца это историческая жизнь системы, а внутри этого цикла различаются фазы. Хотя в другом месте автор относит к циклам практически любые временные изменения, от самых минимальных до тысячелетних цивилизационных, и даже отмечает циклы вовсе без изменений. Он пишет: «История полициклическа: друг на друга накладываются, взаимодействуя, исторические циклы разной глубины и длительности. Каждый исторический цикл имеет свою траекторию движения; но одновременно он несет на себе отпечаток циклов других временных горизонтов».

В общем, Яковец ничего (из науки) не забывает и никого (из ученых) не обижает: в его теории нашлось место и Чижевскому с его циклами солнечной активности, и Броделю с Кондратьевым (долгие экономические тренды), и Тойнби, и Тоффлеру («три волны»), и Ясперсу («осевое время»), и даже Льву Гумилеву (с классической идеей органицизма).

Подобный основательный подход к проблеме диктует и определенную логику понимания событий, определенные объективные моменты структурного свойства. Их трудно и даже бессмысленно отрицать. В частности, Яковец совершенно правильно говорит о переходных периодах, о неравномерности и индивидуальности протекания времени исторических циклов, а также об ускорении темпов развития. Безусловно, на автора и его теорию немалое влияние оказали события 1990-х годов, не случайно он говорит о «совпадении во времени нисходящих фаз цивилизационного и кондратьевского циклов в 80-90-х годах XX в.», что сделало переживаемый в России кризис особенно затяжным и мучительным. (Ох, оказались мы с вами не в том месте и не в то время, а вот ежели бы фаза была восходящей, то-то попиروвали бы россияне! Впрочем, те, кому сейчас и так неплохо, возможно, что на повышающей стадии оказались бы как раз внизу).

Не забыл автор и прогрессивных «развивателей» гегелевского метода (точнее, не забыл того, чему его учили в советских

образовательных учреждениях). Так, он пишет, что история «должна стать подлинно демографической наукой, вооружающей людей силой научного предвидения и тем самым позволяющей им избежать многих бед и препятствий на пути исторического прогресса». Знакомо, не правда ли? (Кто забыл, кто не застал, но я еще помню). Здесь следует отметить определенное совпадение с марксовым «прогрессизмом» современного взгляда на историю как на смену цивилизационных «эпицентров» (с опоздальными отзвуками периферии). То есть речь в конечном итоге идет о теории глобализации, в той или иной мере разделяемой научным сообществом. В этом свете Яковец рассматривает и судьбу России, отмечая ее эволюционные «рывки», «регресс» и «простой» в зависимости от близости к эпицентрам мирового прогресса.

Учтем еще такой, хорошо известный (от Книги Перемен до Гегеля и Маркса), но довольно любопытный момент: каждая повышающая волна, или цикл-тенденция, уже содержит в себе своего «могильщика», свое отрицание. Интересно здесь то, что в идеальном виде эта ситуация напоминает нам парадокс как таковой, как жанр. Или просто пословицу-поговорку. Или даже оксюморон. «Богатство – бедность», «гордыня – унижение», «чем лучше, тем хуже», и наоборот. И реальных примеров более, чем достаточно. Испания, «затоваренная» золотом и серебром из Нового Света, неизбежно нищает. Дорогие товары (зерно, нефть, металл), принося огромный доход, перенасыщают мировой рынок, создают инфляцию и способствуют будущему разорению экспортера. «Тучные» годы содействуют демографическому взрыву, который – с железной логикой – приводит к перенаселению и голоду. И т.д. и т.п.

Даже при самом критичном отношении к математическому методу в истории экономики и демографии, от Мальтуса до Турчина и Коротаева с партнерами, нельзя отрицать указанный ряд жестких закономерностей. (См. А.В. Коротаев, А.С. Малков, Д.А. Халтурина. «Законы истории. Компактные макромоделли эволюции мир-системы». РГУ-РАН. М., 2004).

Роман Вишневский в статье, опубликованной в материалах V кондратьевских чтений («Теория предвидения и будущее России». М., 1997 г., с 167-173) утверждает (как сказано в аннотации), что в российской истории можно выделить три типологически сходных модернизационных цикла: период со времени царствования Иоанна Грозного до Лжедмитрия; от Алексея Михайловича до поражения в Крымской войне, и период с начала НЭПа до распада СССР. «Все три цикла... проходили одинаковые этапы развития и заканчивались

проявлением социально-экономической системой своей неконкурентоспособности в сравнении с социально-экономическими системами передовых стран мира... Всякий новый модернизационный цикл начинался тогда, когда правящей элите становилось очевидным военно-техническое отставание России от стран, угрожавших ее национальным интересам... Так, в экономике возникал модернизационный уклад. Сначала удавалось добиться некоторого эффекта, но затем выяснялось, что примененная модель модернизации не жизнеспособна. Между традиционным и модернизационным укладами возникал конфликт за ресурсы, причем, под угрозой оказывалось само существование модернизационного уклада».

С такими выводами трудно спорить по причине их очевидности и даже банальности. К сожалению, история наша несколько сложнее описанной Вишневым, поэтому и сами, выделенные им, столь крупные временные отрезки выглядят недостаточно убедительно.

Причины «повторизмов» в нашей истории – логические (объективная логика событий), физические (объективность материальных условий российского региона, социальных, этнических, географических, экономических), психологические (утопизм и болтология интеллигентов, корысть и манипуляторство властей, примитивизм и иждивенчество масс). Неизменность интеллигентской психологии – страсть к переименованиям после падения старого режима, к перемене символов. Люди Слова, одно слово! Ну, и наивные надежды, что от этого непременно улучшится политическое, экономическое, нравственное состояние страны: в 1917-м это надежды, что сейчас «удвоятся силы» армии, усилятся дисциплина рабочих и т.д. К счастью (уже прошедшему), интеллигенты хотя бы не участвовали в разграблении своей страны. Однако, поддержи их власть в нищете 70 лет, то было бы и это...

С другой стороны, при всем «уникализме» каждого исторического момента нетрудно провести типологические параллели между эпохами перемен.⁷⁹

79 Я не рассматриваю здесь такие частные моменты, когда прошлые ситуации воспроизводятся вполне сознательно, т.е. когда речь идет об использовании былого опыта, ошибок и достижений, в политике, военных действиях и т.п. Кстати, в данном аспекте можно было бы рассмотреть уничтожение Ник. Ежова. Сталин, как известно, был почитателем труда Ник. Макиавелли, где среди прочего описана ситуация с Цезарем Борджиа и его не в меру ретивым вассалом, Рамиром Д' Орко. Последний, своими кровавыми действиями, бросил слишком мрачную тень на Хозяина, и, по политическим соображениям, его решили убрать.

Достаточно сравнить потери населения, особенно в провинциях и сельской местности. Здесь важен сам факт демографической убыли, а не та или иная идеология и оправдания объективными трудностями. В конечном итоге безразлично, что тут послужило причиной – социалистическая индустриализация или издержки строительства капитализма. А уж поиски врагов и психология масс влиянию времени неподвластны. Можно во многом согласиться с высказываниями Ричарда Спенса (цит. по Радио Свобода): «одним из самых главных занятий Сергея Витте и его преемников на посту министра финансов конца царской эпохи была погоня за инвестициями. Нечто похожее происходит и сегодня, в наши дни <...> Посмотрите на отношения между западным капиталом и советским режимом начиная с 17 года и в течение 20-х годов. В Нью-Йорке, Лондоне и других местах было множество людей, которые... стремились делать бизнес с Россией. И на самом деле их не волновало, что за режим в России до тех пор, пока они могли делать деньги на сотрудничестве с этим режимом. Если взглянуть на мир сегодня, можно обнаружить аналогичную ситуацию – всегда найдутся люди, которых не заботит характер режима, лишь бы он не препятствовал бизнесу».

С другой стороны, Спенс явно переживает в своей оценке прагматизма героев тех лет и «железной» логики событий, а по причине избыточной рационализации парадоксальным путем скатывается к банальной теории мирового заговора (во всяком случае дает определенный материал в руки сторонников последнего).

«Повторизмы» комбинируются в различных сочетаниях: современный либерализм более глобалистичен, прозападен и капиталистичен, а авторитарная власть сочетает внешние либеральные формы, капитализацию и зомбирование населения с реанимацией уваровской идеи «самодержавие/ православие/народность». В итоге, при всех частных «повторизмах», возникла уникальная ситуация двойного зомбирования: и западным («шоусферным»), и восточным (почвенническим), методом.

Технологии, в т.ч. политические, конечно, сильно изменили не только материальный мир, но и психологию. А цивилизационная оболочка весьма тонка: в странах 3-го мира «калаш» и «мобильник» не мешают, а помогают проявлениям племенной вражды. В данном контексте неудивительна и отечественная ситуация с ее патриархальной психологией, когда народ убежден, что это «плохие бояре» извращают благие пожелания доброго царя. Мало что здесь изменилось со времён Романовых (ср. у М. Палеолога, 1991, с 91).

Тут есть еще один «технологический» момент. Согласно теории Е.А. Седова [1988, 1993], в сложной, иерархически организованной,

системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации. Отсюда, как считает философ-историк А.П. Назаретян (<http://gosprav.ru/nazaretyan/crises/>), если, к примеру, ослабевают социально-политические ограничения, а разнообразие «несущих уровней» растет, то случаются революции и старая система может погибнуть. Действительно, примитивизм системы царской власти к 1917 году несравним с многообразием политических взглядов, несопоставимых желаний и встречных «идиосинкразий» тогдашнего общества и народов империи в целом. В то же время, по мнению Назаретяна, маргинальные элементы системы выходят наверх и «с изменением условий становятся доминирующими и обеспечивают образование новой, иногда более высокоорганизованной системы-наследницы». Это с полным правом можно отнести к факту последующего возникновения советской империи. Правда, такая схема перемен в общих чертах была известна и Гераклиту и создателям китайской мантики («И Цзин») и многим другим древним мудрецам. Вспомним, хотя бы, историю возникновения и победы христианства. Острота проблемы не в том, что мы не знаем, как происходит эволюция различных систем, или возникают трудности в определении циклических процессов в человеческой истории. Вопрос в том, почему именно наши исторические циклы столь проблемны?..

Причину трагизма российской истории Ахизер находит уже в древнейших временах. Первичным источником трагедии оказывается «манихейский дуализм», неспособный к умиротворению, синтезу, медиации конфликтующих начал (в нашем случае, и в первую очередь – Правды и Кривды социально-космических отношений). Вовсе не отрицая присутствия «манихейского момента», отметим, что при желании, покопавшись в источниках, его не трудно будет адресовать любой исторической культуре. Что до конкретных доказательств автора, то они подчас выглядят немного легковесно: он смешивает в одну кучу родовую первобытность, вечевое общество, тотемизм и выдуманный лично им «антитотемизм». Всеобщее (на определенном этнопсихологическом уровне) разделение «мы – они» также не является исключительным признаком восточных славян (и русских – в частности). Все этносы возникают в поле типологически сходных причин и условий, а искомые проблемы продиктованы исторической спецификой и эволюцией каждого из них.

Понимание изначальной двойственности российского менталитета и политической культуры присуще и Александру Янову, автору ряда книг о русской истории. Он пишет: «в самой основе русской

политической культуры не одна, а две одинаково древние и легитимные традиции – европейская и патерналистская. И непримиримая их борьба исключает общенациональный консенсус...». Но единственное решение проблемы и избавление от драмы «вечного возвращения» для Янова – победа европейской тенденции. Однако критики Янова указывают на то, что он слишком упрощает образ Европы и не замечает, что целый ряд весьма «неромантических» эксцессов российской истории связан как раз с прозападными формами эксплуатации и стандартизации социальных отношений.

В работах политологов Лапкина и Пантина по теме циклов реформ-контрреформ в России говорится следующее: «Модернизация посредством "революции сверху" не учитывает социокультурную специфику страны... В модернизационных усилиях государства общество, хозяйственный строй, культура и т.п. всякий раз выступают лишь в качестве объекта преобразования <...> Накопленные за предшествующий период культурные и экономические силы общества отрицаются как ненужные... можно утверждать, что государство само удерживает общество в своеобразном переходном состоянии от традиции к современности. <...> Из-за неравности гражданского общества и исключительной роли государства в России, широкие общественные преобразования постоянно подменяются модернизацией самого государства <...> В итоге задачи форсированной военно-индустриальной модернизации... часто решаются за счет контрмодернизации и даже частичной "архаизации" общества как такового внедрение современных и даже наукоемких производств <...> может происходить за счет восстановления тотального коллективизма и деиндивидуализации социума».⁸⁰

Они также констатируют «две преобладающие тенденции: радикальный «либерализм», защищающий права и свободы человека, но игнорирующий социальные проблемы большинства населения, и не менее радикальный «государственный патернализм»... якобы покровительствующий «маленькому человеку», однако пренебрегающий... правами и свободами граждан и не позволяющий вырваться гражданскому обществу в целом». Все это в целом настолько очевидно, что в особых доказательствах не нуждается. Что же до «субъективного

80 Ср. с высказыванием Ахиезера по поводу реформ XIX - начала XX вв.: «Очевидно, что реформы не ослабили, а скорее усилили... массовое стремление вернуться к архаичным локальным формам жизни, основанным на натуральных отношениях, вернуться к миру без начальства». – «Россия: критика исторического опыта». Т.1. Ч.1. Гл. VII, с 293.

фактора» и фактора «случайных» внешних условий, то здесь можно отметить их наличие в неровном временном порядке, когда цикл может длиться десятилетиями, а может уложиться в один год. Нельзя не согласиться с авторами, что позитивные результаты реформ несопоставимы с огромными издержками на пути прогрессивной эволюции России, которая, по мнению авторов, все-таки существует. Тут можно и поспорить: определенный технологический прогресс и социальные изменения неизбежны были даже в античную эпоху, потому странно было бы, если бы в результате реформ не происходило ничего. Тем более, что в результате контрреформ изменений ничуть не меньше, в том числе и объективно «прогрессивного» свойства.

Ольга Крыштановская «Теория российских элит» (<http://lib.rus.ec/b/187639>): «Периоды жестких авторитарных режимов наступали всегда после экономических периодов, когда государство ослабляло контроль над экономикой и в стране появлялся относительно независимый от власти класс собственников... Подобно маятнику, Россия, освобождая рынок от государственного контроля, затем спохватывалась, что народившаяся буржуазия станет угрожать целостности государства. Чем дальше заходил процесс экономизации, тем сильнее потом был «термидор».

Работы сибирского историка и философа Николая Розова на фоне современной научной литературы кажутся наиболее продуманными и объективными. Вот как Розов рассматривает проблему эволюционных волн русской истории: Реформы понимаются как целенаправленная либерализация в политической, правовой, экономической и культурной сферах. Напротив, контрреформы – это целенаправленное движение в сторону более авторитарной политики, огосударствления экономики, большего контроля над идеологией, религией и культурой. (Sic! Но при такой трактовке Петр I проводил не реформы, а контрреформы!). За последние 200 лет главными “пиками” либерализации были: ранние реформы Александра I (1801 – 1811 гг.), реформы Александра II (1859 – 1874 гг.), Октябрьский манифест (1905 г.), Февральская революция (1917 г.), НЭП (1922 – 1927 гг.), оттепель (1956 – 1968 гг.), перестройка и постперестройка (1986 – 1998 гг.). Основные “пики” авторитаризма и репрессивных режимов: контрреформы Александра I и николаевщина (1814 – 1854 гг.), реакция при Александре III (1881 – 1894 гг.), военный коммунизм (1919 – 1922 гг.), сталинский режим (1927 – 1953 гг.), “заморозки” и “застой” 1970-х – начала 1980-х годов. (Плюс, конечно, реалии нулевых-десятих 21-го века).

Далее: «Каждый долгий цикл модернизации начинался как контрреформа (ограничение или подавление свобод, огосударствление экономики), поддерживаемая расширяющимся кругом нового

“служилого класса”. Каждый созданный контрреформами мобилизационный режим проходил через несколько коротких циклов реформ-контрреформ... все они начинались “сверху”, чаще всего как реакция на геополитический провал (поражения в северной, крымской, русско-японской, афганской войнах) либо на требования государственного класса ослабить репрессивный характер режима (отсюда, например, хрущевская “оттепель”). Ни одна либеральная реформа в России не привела к долговременному общепризнанному успеху; всякий раз за ней следовали острые конфликты, недовольство многих групп и слоев населения вплоть до бунтов и терроризма, сепаратистские движения в провинциях, что в скором времени приводило к... контрреформам. Несмотря на три успешные контрреформы (“революции служилого класса”, положившие начало долгим модернизационным циклам), многие контрреформы либо оказывались “фальстартами” (попытки “наведения порядка” Петром III и Павлом I, репрессивная политика Столыпина, военный коммунизм, репрессивно-мобилизационный курс Андропова, ГКЧП), либо “замораживали” общественно-политическую ситуацию на одно-два десятилетия с обязательными последующими провалами (реакция при Александре III, неосталинизм и “застой” при Брежневле).

«Обобщение условий свертывания либеральных реформ (1801 – 1811 гг., 1874 – 1881 гг., 1906 – 1911 гг., 1927 – 1929 гг., 1968 – 1971 гг., 1998 – 2004 гг.) дает следующие результаты:

Каждый раз на момент начала либеральных реформ основные скрепы... российского общества... держались на принуждении... При ослаблении принудительных отношений... резко возростала социально-экономическая дифференциация, что приводило к недовольству ущемленных слоев населения и дискредитации реформ (планы либеральных реформ Александра I и Сперанского вызвали недовольство бюрократии; реформой 1861 г. были недовольны и крестьяне, и помещики; НЭП повлек за собой сбои в снабжении городов продовольствием; гайдаровские реформы обернулись массовым обнищанием...). С ослаблением принудительных отношений начинались мятежи и сепаратистские движения... (кавказские войны, польские восстания первой половины XIX в., мятежи моджахедов в Средней Азии в 1920-х – 1930-х годах, венгерский мятеж 1956 г. и “пражская весна” 1968 г., “бархатные революции” в Центральной Европе и столкновения в Тбилиси, Баку, Вильнюсе в конце 1980-х...). Падение геополитического престижа и необходимость военно-политической мобилизации дискредитировали либеральные реформы».

Розов об имперской психологии (картине мира): «военный и геополитический успех неизменно воспринимается в России как достаточное оправдание авторитарного государства и мобилизационного режима. Соответственно, военный и геополитический провал дискредитирует то и другое».

И наконец психологический вывод на уровне геополитики: «Подобные шараханья сильно напоминают поведение подростка в период личностной ломки при переходе от детства к юношеству. Отрицание всех авторитетов, уверенность, что он является самым умным человеком на Земле, сменяется подавленностью, неспособностью принимать ответственные решения... Поскольку Россия уже более 300 лет никак не может выйти из этого неравновесного состояния, соответствующий синдром правомерно назвать хронической геокультурной пубертатностью... Так ведут себя невротики. Соответственно, в политической культуре России обнаруживается синдром геополитического невроза». (В.Л.: Признаки такого невроза, в том числе в форме настоящего маниакально-депрессивного психоза, мы в огромном количестве наблюдали с начала 2000-х гг., и наблюдаем до сих пор, в том числе по российским телеканалам).

«Две главные установки, продолжает автор, – “бежать” и “не пущать” – уживаются в одной политической культуре и даже в одном индивидуальном сознании. По-русски такой синдром называется “державно-беглое расщепление психики”, а при использовании латинских и греческих корней – “этатистско-эскапистская шизофрения”».

«Для преодоления болезненных российских циклов необходимо существенно модифицировать внутренний механизм, порождающий эти циклы... Пока подросток выясняет со взрослым, “кто главнее”, пока невротик наедине со всем миром мечется от самовозвеличивания к самоуничтожению, шансы на взросление и выздоровление почти нулевые. Ситуация кардинально меняется, если человека удастся вовлечь в солидарное партнерское сообщество, занимающееся общим делом». (Но кто ж на это способен?.. – В.Л.).

Не забудем упомянуть еще об одном нюансе. «Официально» страна может находиться в периоде либеральных реформ, а в реальности торжествуют силы вовсе не либеральные. Вот что Ахиезер пишет о России после эпохи реформ Александра II: «Страна раздиралась явными и скрытыми противоречиями. С одной стороны, общество пыталось идти вперед, развивая либеральные политические формы, пытаясь стимулировать частную инициативу, экономическое развитие. Но, с другой стороны, социальная расстановка сил менялась в пользу противоположных сил, что проявлялось в двойственности

самой политики правящей элиты, в хромающих решениях, в шараханье от одной политики к противоположной, в попытках совместить несовместимое, продолжать Великие реформы и одновременно идти путем контрреформ» (Ахиезер, там же, с 305).

Ахиезер признает, что «раскол» и есть наша «самобытность». Россия тем самым представляет собой «промежуточную цивилизацию»,⁸¹ между традиционным обществом и обществом либеральным, отсюда все ее шараханья и пароксизмы. Неустойчивое балансирование в пространстве и времени как привычное, «вечное» состояние.

На это следует еще наложить оппозиции «Восток – Запад» и «Север – Юг». Правда, сами понятия традиционного и либерального обществ в отношении России требуют специфических и подробных уточнений, поскольку сами они есть неоднозначные исторические понятия.

И Розов и Ахиезер, тем не менее, после всех «критик», склонны к медиативному («договорному») и сублимативному («цивилизаторская миссия») разрешению противоречий. Тем самым – объективно – мы имеем недооценку глубины и серьезности конфликта (при всех авторских оговорках). В чем-то розовское решение перекликается с просвещенным, умеренно евразийским⁸² (только без линии православно-имперского устройства). Логика такого (как «светского», так и церковного) конструктивного подхода почти безупречна, но напоминает идеальные схемы всех прочих реформаторов: всякий раз забывается об «оврагах», «человеческом факторе», «сиюминутных (вечных!) корыстных интересах». В современном российском обществе практически уже не осталось «котов леопольдов». Более-менее реальным «общественный договор» мог бы возникнуть (и некогда возникал) в случае тотальной внешней агрессии. Но только на срок отражения оной.

Возвращаясь к медицинской парадигме можно еще много добавить, в частности, тот момент, что наш больной при всех «переломных» случаях остается все-таки жив, а при всех видах лечения – болен.

81 Ср. термин Б. Кагарлицкого: «Периферийная империя».

82 Бинарность и тернарность могут переходить друг в друга. Здесь важен угол зрения и предустановки, оценки. Евразийство «снимает» в себе (и собою) западное с восточным, тем самым предполагая все же их реальную оппозицию. И наоборот, если, подобно Янову, сделать акцент на расколе и драматическом конфликте этих начал в одном государстве, то, несмотря на полагание все же того, что такая, особенная, цивилизация существует, евразийский оптимизм уже не работает.

Часть IV. КОТЛЫ И КЛЕЩИ.

IV.1. Февраль. Достать чернил и плакать... (Могло ли быть иначе?..)

IV.1.0. А с историками особая история.

1917-й... Не поленюсь повторить, что это важнейшая дата русской истории, в этой точке сошлись все стороны и нюансы жизни страны и населяющих ее народов. Здесь мы видим плоды правления Романовых и наследие царской России, возможности российского капитализма и либерализма, проблемы и слабости демократии, ментальность масс, «беспредел» революции. Все проблемы, все ошибки, все возможные ходы-выходы сосредоточились вокруг этой даты, и следствие событий прошлых веков и прообразы будущих (и недавних) событий...

Стараясь – посылно – соблюдать историческую объективность и диалектику реальной жизни, отметим и недостатки героев и достоинства антигероев, изъяны благих намерений и жесткую логику злодеяний. Рассказать обо всем, учесть все невозможно, но попытаемся отметить то, что кажется наиболее важным.

Несколько слов о концептуальном качестве источников. Скажем, в мемуаре Питирима Сорокина помимо ситуаций, увиденных напрямую, мы находим обобщения, информацию со стороны (включая слухи), политическую полемику, и реконструкцию монологов (ясное дело, не по магнитофонным записям). Т.е., несмотря на наше высокое доверие к источнику и его соответствие во многих чертах общей, восстановленной, картине, явно и наличие ряда «неточностей».⁸³

И мемуары и исторические труды вольно и невольно разделяются по политическим и чисто человеческим пристрастиям. Стремление у мемуаристов оправдать (и оправдаться) или задним числом свести

⁸³ Лучшим комментарием к мемуаристике того периода можно считать классический труд С.П. Мельгунова («Мартовские дни 1917 года», Париж, 1961), наглядно показавший как зарождались революционные легенды и гиперболы. В частности, интересно сравнить лексику правого монархиста В. Шульгина, писавшего в двадцатые годы об уличной «сволочи» и социалистических «мерзавцах», с его же мартовским поведением, вполне вписывавшимся в общую атмосферу революционного карнавала и сенти-ментально-романтических братаний на «празднике непослушания».

счета, в принципе, не является непроходимым препятствием для объективного (пусть даже – попытке) взгляда со стороны. И, напротив, академически объективный тон стороннего исследователя вовсе не исключает внутренних предпочтений. В этом смысле определенный интерес (не только к эпохе, но и к самому автору) вызывает многотомный труд британского историка Эдварда Карра (типичного интеллигента-аристократа и либерала, клюнувшего – как очень многие – на достижения «народной власти» в условиях собственной жизни в «мире чистогана»). При всем внешнем объективизме (за который – во всяком случае, формально – его охаивали советские историки), автор не только толерантен к большевизму, но не устает восхищаться «гениальной» политикой Ленина-Сталина и оправдывать необходимостью любой акт сов-власти.

Другой, любопытный на сегодня, исторический обзор это вышедший у нас в 90-е годы трехтомник итальянского журналиста-советолога и историка-коммуниста Джузеппе Боффа. Первый том, написанный автором еще в брежневскую эпоху (1974), дает пример ныне уже забытого «либерального» («с человеческим лицом») подхода. Хотя Боффа мало использует небольшевистскую литературу (а источники, толерантные к белым, не использует вовсе), его труд стал бы кладезем информации для диссидентствующего советского интеллигента, попади он к нему вовремя. Здесь упомянуты все «скользские» вопросы и события, затушеванные в тогдашней официальной литературе, мягко признаются «трудности» и репрессии ленинской эпохи (хотя и оправдываются действиями врагов), отдается дань значению замолчанных Троцкого, Бухарина, левых эсеров и с искренним гневом честного коммуниста, интернационалиста и горбачевца, описаны репрессии Сталина (см. «История Советского Союза», Т.1, Международные отношения. М., 1994).

На противоположном фланге можно отметить собственно белых эмигрантов, мемуары генерала Спиридовича и Воейкова,⁸⁴ особенно последнего. Воейков опубликовал свои воспоминания довольно поздно и потому учитывал уже известные материалы, а потому прямой лжи не допускал. Однако и взгляды свои, личные и классовые, нисколько не скрывал. И надо сказать, что сегодня у его историософии, крайне

⁸⁴ Воейков В.Н. «С царем и без царя». Воениздат. М., 1995. Спиридович А.И. «Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг.». Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960-62.

правого и открыто антисемитского толка,⁸⁵ появились многочисленные последователи.

Где-то посередине протекает река окололиберального историзма (из наиболее известных – Адам Улам, Ричард Пайпс, Михаил Геллер). В каждом конкретном случае могут возникнуть конкретные претензии к трактовкам исследователя. Иногда совершенно очевидны чисто политические пристрастия, мешающие автору увидеть некоторые позитивные стороны в критикуемом им событии или персонаже. А иногда парадоксальным образом кажется (например, в случае с Уламом), что академически «холодный» взгляд ученого невольно(?) становится формой объективистского оправдания преступлений режима. Иными словами, некоторая доля человеческих эмоций не всегда вредна для науки. В частности, Ричард Пайпс откровенно признается, что в ту эпоху был бы «октябристом». Тем не менее, его последний трехтомник («Русская революция». М., 2005) с учетом «либерально-консервативной» авторской тенденции, выглядит достаточно объективным, хотя временами немного раздражает тон учителя, знающего окончательные ответы на все вопросы, сколь бы дискуссионными и спорными они не были по сих пор.⁸⁶

Тема Февраля-Октября отражена в тысячах книг и статей, от академических до популярных, поэтому нетрудно в этом море публикаций найти любую мыслимую (и немыслимую) трактовку событий. На безумные теории (также как и на продукцию советского

⁸⁵ Воейков даже энтузиазм Думы при объявлении войны считал фальшью и «нравственной мишурой». В мемуарах он открыто сводил счеты с Брусиловым и вел. кн. Ник. Николаевичем, а также же всюду искал – и находил! – жидомасонскую интригу. Даже в случае с обер-прокурором Св. Синода Самариным, сыном известного славянофила, что уж говорить о Керенском, которого он называл не иначе, как «урожденный Аарон Кирбиц».

⁸⁶ Учебно-просветительская и энциклопедическая направленность его труда обращена в первую очередь к западному читателю, но справедливо будет отметить целый ряд безусловно верных выводов и наблюдений. В частности, Пайпс обратил внимание на психологию крестьянства, сыгравшую столь значительную роль и в русской истории в целом и в распределении сил во время революции и Гражданской войны. См. ук. соч., Т. 1, гл. 3: для общинного, чуждого всякому «юридизму», сознания «правительство не может быть плохим или хорошим, оно может быть только сильным или слабым... При слабом правлении создавались предпосылки возврата к примитивной воле, понимаемой как право делать, что вздумается».

Агитпропа, хотя из последнего нельзя не упомянуть подробное исследование академика Минца) не станем тратить время, но некоторые, не всегда удачные, выводы авторов современных, и на первый взгляд адекватных, можно вкратце упомянуть. Так, только любовью к литературному блеску можно объяснить мнение В. Шамбарова, будто Временному Правительству принадлежала власть, превышавшая по своим возможностям власть царского Правительства, а все основные свободы существовали еще до революции. Он же всерьез считает, что революций и кризисов можно легко избежать, если власть будет «вовремя отслеживать тенденции и ход исторического прогресса». Сюда же отнесем и следующую его красивую фразу – «если оценивать ситуацию глазами сегодняшнего россиянина, никаких причин для революции, собственно, и не было. Потому что никогда после 1917 г. Россия не смогла достичь дореволюционного уровня благосостояния своих граждан».

Сравнения прошлого дня с сегодняшним всегда выглядят эффектно, но не следует забывать элементарную истину, что и предки наши и мы сами способны сравнивать настоящее только с прошедшим и не знаем, что готовит нам будущее. К примеру, говорить, что коррупция тех лет ничто в сравнении с нынешней, это формально может быть верное, но абсолютно не историческое высказывание. Продолжая подобную логику в ином ключе, можно сказать, что Леонардо да Винчи был чудовищно необразованным человеком, поскольку не знал даже трудов Галилея, не говоря уж о Ньютоне и Эйнштейне. Шекспира, и того не читал!.. Не нужно бояться сравнений, надо лишь соблюдать научную корректность. Хотя тут у каждого свое понимание того, «что есть истина». Шамбаров находит причину революции в психологии: не был еще человек того времени так идеологически оболванен, а генофонд столь прорежен. С формальной точки зрения и это бесспорно: у каждого времени свои возможности, всякая вещь равна самой себе, вода – мокрая, а масло – масляное.

Еще более литературно самобытен пророческий (о прошлом) и державный (на все времена) стиль Солженицына, эдакий новаторский архаизм, впитавший и преобразовавший эпичность Льва Толстого и эксперименты (вроде «Киноглаза») Джона Дос Пассоса. «Витте нервным дёргом ввел конституцию», «малоумный виттевский манифест»; «размашистый расшат России Столыпин... слишком хорошо обнимал представлением» и т.п.

Взгляд Солженицына на российскую историю тверд и бескомпромиссен, картина просчитана до мельчайших деталей, а вся либерально-революционная тенденция, расшатывавшая великую империю, получила полный моральный отлуп. Солженицын искренне старается быть объективным и опираться только на факты, но ведь всех фактов не перечислишь, так что их общий итог все равно определяется авторским выбором. Керенский и зека, Нахамкис и презервативы, Гиммер и эгоцентризм, Шингарев и прекраснотушное дилетантство. Милюков симметричен Шляпникову, Гучков – наивен и пришиблен, но верен новой власти, и этим противопоставлен Крымову, не принявшему новых порядков. Но на самом деле (если взглянуть чуть шире) и Крымов не «палочка-выручалочка», а неудачливый участник неудавшихся путчей,⁸⁷ и Гучков не пешка – он не переставал плести заговоры и после Октября, и лишь отчаявшись повлиять на политику, ушел из власти.

Но непрошенные детали смазывают четкое построение, в котором нет ничего случайного. Если нужно придать легкий негатив даже со всех сторон положительному персонажу, то он и будет придан легко и без принуждения. Пропагандист, Солженицын, тончайший. Мастер. Если бы толстозадые идеологи КПСС были такими же изощренными в своем деле... (Ой, лучше не думать!). Приведем ряд газетных цитат из обширного их подбора в «Красном колесе». Ничего случайного, каждое лыко в строку, а в целом – беспощадный приговор и революции и ее интеллигентскому «паровозу».

«Да будет проклята лже-роمانовская династия ныне и присно и во веки веков!» – пишет «Русская воля» от 8 марта. И ясно, чем именно такое выражение привлекло внимание писателя: традиционным мышлением и церковными клише в «обновленном» сознании. Мелочь, а все же показательная деталька.

«Режим продажности годами торговал народной кровью». Фраза революционера Чхеидзе – прекрасный пример штампованного языка и заученного гиперболизма дешевой пропагандистской лексики.

Некто о Николае: «Он был признанный глава убийц и грабителей». Здесь восхитительный резонанс возникает, когда читаешь название

87 И вряд ли случайно просил Корнилова Савинков – договариваясь о свержении левых – не посылать в августе в Петроград корпус Крымова, который «очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций». Цит. по Д. Лехович «Белые против красных». Нью-Йорк, 1992.

газеты – «Биржевые ведомости». Браво, Александр Исаевич! Переметная психология мелкого буржуа схвачена одновременно.

«Скоро не будет никаких армий, и зачем заботиться теперь о глубокой армейской реформе?» – восторженно пишет Леонид Андреев, и мы лишний раз с грустью убеждаемся в недалекости, безответственности и утопизме интеллигентского сознания, граничащего с предательством.

Далее выхватываем зорким солженицынским глазом: «митинг прислуги», «митинг официантов», «Митинг слепых. Выборы в совет рабочих депутатов». Ну, просто Брейгель!

«Весело прошли в субботу митинги парикмахеров и сапожников... швейцаров... служащих бань». «Аресты полицейских чиновников», «управление тюрьмой – в руках комитета из 10 заключенных». «Протоиерей... текстами из Св. Писания доказывал, что республика – именно тот строй, который завещан Богом». «Зубные врачи горячо приветствуют Временное Правительство». Поистине, карнавал. Парад уродов, пока еще без крови. Попробуй, возрази!

«Решено созвать чрезвычайный съезд российского еврейства». «С фасада чайной Союза русского народа снята вывеска». Да, весьма ощутимый итог борьбы за народное счастье.

«Брешко-Брешковская... с митинга вынесена на руках, объезжала казармы. Остановилась в бывшем дворце генерал-губернатора». Вот оно, вот оно!.. И т.д. и т.п.

Трудно остановиться в цитировании. На фоне подобных перлов собственные усилия Солженицына лишний раз ущемить интеллигенцию за революционную «ляжку» кажутся уже некоторым перебором. Однако какой историософский вывод напрашивается сам собой на фоне этой гротесковой картины? Уж не тот ли, что некогда констатировал Пушкин – «К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь»?..

Мало что меняет опубликованное лишь в 2007-м послесловие Солженицына к «Красному колесу» («Российская газета» 27.02.07). «Распутин не стало, – пишет автор, – а недовольство брызжело – и значит на кого теперь, если не на царя?». Логика вполне «постфактическая»: нелепо считать, что такой четкий вывод реально «осел» в умах населения и оказался решающим в тот краткий период между убийством Распутина и хлебным бунтом. Ну и ждать от автора «отрешенного» объективистского стиля или моральной «скидки» нелюбимым героям по-прежнему не приходится. Читаем: «...роково,

возвратился в Ставку больной расслабленный генерал Алексеев, сменив огневого генерала Гурко»; «Правительство не задалось создать свою противоположную агитацию в народе, разъяснение и внедрение сильных мыслей в защиту строя»; зато «о созревании революционной обстановки недремлющее Охранное отделение доносило и своевременно, и в полноте, – доносило больше, чем правительство способно было усвоить и принять к решению». А кардинальное «слабое звено» – это либеральное, социалистическое, интеллигентское, космополитическое «гипнотическое Поле»... И здесь нельзя не процитировать этот солженицынский образ-концепт – сгущенный, пронзительный, десятилетиями выстраданный... «Много лет (десятилетий) это Поле беспрепятственно струилось, его силовые линии густились – и пронизывали, и подчиняли все мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением...». (Поистине, пророк зороастрийско-манихейско-альбигойской мощи!...).⁸⁸

Излишняя гиперболизация концептуально ослабляет даже в общем-то правильные послышки: Временное правительство «убило» Думу и «захватило» законодательную власть. Или: «грязный цвет Февраля всё же оказался светлей чёрного злодейства коммунистов. Однако если оценивать февральскую атмосферу саму по себе, а не в сравнении с октябрьской, то надо сказать... она была духовно омерзительна».

В своем вполне обоснованном и справедливом гневе на все слои общества Солженицын натолкнулся на один очень интересный факт, который не стал, правда, развивать, поскольку это грозило перечеркнуть весь антисоветский и антисталинский пафос солженицынского творчества. «Советское отступление 1941-42 года было тридцатикратным... потери убитыми и пленными – двадцатикратны, и несравнен голод повсюду и... народная усталость, и ещё более ничтожны министры, и уж конечно несравненно подавление свобод, – но именно потому, что власть не продрогла в безжалостности, что и в голову никому бы не пришло заикнуться о

⁸⁸ Ой, как это напоминает этнологическую философию Льва Гумилева! Ср.: «Когда под влиянием соседних культур в этнической системе происходит раскол поля, то в образовавшуюся щель, как в открытую рану, вползают вредоносные «бактерии»; (и с уточнением о евреях) «ради торжества своего этноса они применяли тайну... и ложь, но только по отношению к гоям» («Древняя Русь и Великая степь». М., Мысль, 1989, сс 354, 151).

недоверии к правительству, – это катастрофическое отступление и вымирание не привело ни к какой революции».

И ещё одна частная параллель: в обе войны мы были материально зависимы от западных союзников. Но от этого царское правительство, а затем Временное, заискивали перед союзниками, а Сталин при этом же – диктовал им условия сам». Вот-вот! Вот с этого-то, как говорил незабвенный Штирлиц, и надо было начинать! С договаривания всех недоговоренностей, с «концепта» национального Вождя, с реабилитации Грозного и Сталина, и далее по списку, со всеми историческими, социальными и философскими «вытекающими». То, что автор этого не сделал, «не перешел черту», я лично оправдываю и понимаю, но из этого же становится совершенно понятным, почему для записных патриотов Солженицын столь же (и даже много более!) неприемлем, сколь и для записных либералов.

Все же главнейшие и очевиднейшие факты Февральской ситуации не могут быть опровергнуты, и Солженицын с откровенной болью признает и «противодар» Николая притягивать к себе ничтожества, и ничтожество власти, которую никто не хотел защищать.

И даже трудно себе представить, на чем бы строилась державная философия писателя, если бы не было такой фигуры как Столыпин. Убей его террорист еще на губернаторской должности и уже не за кого зацепиться, некого противопоставить «грязным ничтожествам». Просто хоть Милюкова оправдывай! В этом плане гораздо решительнее и прагматичнее выглядят нынешние придворные интеллектуалы: оные не оправдывают никого и не ищут себе кумиров, а выступают за саму идею властной вертикали, коей надлежит давить всё, что без спросу шевелится. И по-своему правы: иного, как говорится, не дано, если исходить из элементарной логики и горького опыта. А уж детали, декорум, «слезинки»... это оставим «гейропейским» ханжам и их «либерастным» прихвостням.

Нет, конечно, были и есть действительно серьезные исследователи, и таковых не так уж мало. Например, генерал Н.Н. Головин, крупнейший военный теоретик, оставил нам, в целом вполне объективный, двухтомник «Российская контрреволюция в 1917-1918 гг.» (изд. 1937 г.; М., Айрис-пресс, 2011). Насколько он строг в своих выводах и некоторых частностях это другой вопрос. Скажем, Деникин и Мельгунов подвергли его труд резкой критике. Укажем еще на двоих.

Г.М. Катков («Февральская революция», М., Русский путь, 1997). Прельстившись критическим взглядом эмигрантского автора на либерализм, к его книге написал предисловие сам Солженицын, что, впрочем ничуть не испортило ее. Правда, любовь к криптоистории и явные преувеличения Катковым силы масонского заговора следует, на мой взгляд, скорректировать словарем отечественного историка А.И. Серкова и исследованиями А.Я. Авреха («Масоны и революция». М., Политиздат, 1990), документально доказавшего полное политическое бессилие тогдашних масонов. И, конечно, нельзя не упомянуть работы профессора Индианского ун-та Александра Рабиновича, переведенные у нас уже в 90-е годы, – «Большевики приходят к власти» и «Большевики у власти». Рабинович поработал в раскрытых архивах и использовал все доступные источники по внутренней политике партии большевиков, правда, в результате из этого тоже получился определенный перекося в связи с почти полным игнорированием мемуарного наследия их противников.⁸⁹

IV.1.1. До. (Предреволюционный период; власть и общество).

Итак, общая картина: царская власть самоустранилась, пала без борьбы, ее подобрали.⁹⁰ То же самое затем случилось и с властью Временного Правительства: нейтралитеты одних, самоустранения и пережидание других. Наконец, в столь же похожей ситуации отдали власть и коммунисты в 91-м, чей путч сыграл роль спускового крючка, наподобие убийства Распутина.

⁸⁹ Если продолжить политическую идентификацию в духе Р. Пайпса (см. выше), то Катков и Солженицын будут у нас монархистами, а Рабинович – чистейший меньшевик и явный последователь Юлия Мартова. На мемуарном «фронте» с первыми корреспондируются воспоминания кн. Палей и Воейкова, а с последним – многотомник циммервальдца-пораженца Суханова.

⁹⁰ Уж если жандарм Спиридович откровенно признает следующее – «революционеры, были сильны революционным порывом, революционной инициативой. А главная их сила заключалась в позорном бездействии царского Правительства», то, наверное, стоит с этим согласиться. Достаточно вспомнить о разбежавшейся свите и о прятавшихся под столом царских министрах. С другой стороны, как и в 91-м, власть вполне могла бы овладеть ситуацией, но и Николай и назначенный «диктатором» ген. Иванов конечно же понимали, что без рек крови это нереально, а устраивать в период войны еще и внутренний фронт – себе дороже.

А начиналось все, как будто, не так уж и плохо...

Любителям цифр и конкретики дадим необходимый вводный минимум. Население Российской империи, составлявшее в 1900 году 135 600 тысяч человек, насчитывало в 1912 году 171 100, в 1913 – 170 902,9, в 1914 – 175 137,8 (без Финляндии). По данным Ю.А. Полякова и И.Н. Киселева численность населения в России в 1917 г. в границах 1914 г. составляла 179 041,1 тысяч человек («Вопросы истории», №6, 1980). По естественному приросту населения Россия уступала лишь Аргентине, Австралии и Румынии, но превосходила Германию, Великобританию и Австрию, а особенно – Францию. Исходя из этого роста, французский экономический обозреватель Эдмонд Тэрри по заданию своего правительства составил демографический прогноз и предположил, что в 1948 году население России достигнет 343 900 тысяч человек. Его заключение, сделанное в книге «Россия в 1914 году. Экономический обзор», гласило: «Экономическое и финансовое положение России в настоящий момент превосходно... Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Валютный курс рубля по паритету (золотому содержанию) (без учета валютных биржевых курсов):

Австрийские кроны: 2,54 за 1 руб.

Германские марки: 2,16 за 1 руб.

Французские франки: 2,67 за 1 руб.

Фунты стерлингов, Англия: 9,46 руб. за 1 фунт

Источник: «Русские биржевые ценности. 1914-1915 гг.». Пг., 1915.

Обменный курс валют разных стран в отношении к рублю в 1913 г.:

Доллар США - 1,94

Крона Австро-Венгрии - 0,17

Крона Дании, Швеции, Норвегии - 0,52

Марка Германии - 0,46

Франк Франции, Бельгии, Швейцарии - 0,37

Источник: «Народное хозяйство в 1913 году». Пг., 1914. С.632.

(А.М. Анфимов).

Кроме того: в 1914 году в Государственной Сберегательной Кассе сумма денежных вкладов населения достигла 2 236 000 000 рублей.

Справедливости ради надо сказать, что на уровне количественном финансовые, промышленные и военно-технические показатели соответствовали высшим мировым стандартам, но по

показателям качественным (в том числе среднедушевым) Россия находилась на одном из последних мест в ряду ведущих мировых держав (см. А. Степанов. «Вопросы Истории» №2, 1993). Т.е. проблемка-то вечная...

Интересно (и на это указывает сторонник теории заговора Р. Эпперстон), что до революции Франция была наиболее процветающей из всех европейских государств. Франции принадлежала половина денег, находившихся в обращении во всей Европе; за период с 1720 по 1780 гг. объем внешней торговли увеличился в четыре раза. Половина богатства Франции находилась в руках среднего класса, а «крепостным» земли принадлежало больше, чем кому-либо другому. Король уничтожил использование принудительного труда на общественных работах во Франции и поставил вне закона применение пыток при дознании. Кроме того, король основывал больницы, учреждал школы, реформировал законы, строил каналы, осушал болота... построил многочисленные мосты, чтобы облегчить движение товаров внутри страны.

Правда, все это не противоречит наблюдению, что революция происходит не тогда, когда экономическое положение народа совершенно отчаянное (тогда ему не до революций – выжить бы), а при сочетании недовольства с возможностью сопротивления. Хотя и в революциях, как и во всех иных случаях, искать одну-единственную причину, одну «отмычку» ко всем проблемам дело безнадежное.

Основная причина краха великой империи, по Солженицыну и его формальному антиподу Ричарду Пайпсу – в политическом радикализме «бесов». Согласно более «научному» мнению историка социологической школы, Орландо Фигеса, и крах империи и неудача либеральной революции кроются в отсталости масс. Наш историк-эмигрант (и, конечно же, либерал, хотя и на оригинальной «подкладке») Александр Янов, опираясь на высказывание философа Владимира Соловьева (а фактически – на теорию рождения и заката цивилизаций) говорит, что катастрофа неизбежно происходит после пика национального самодовольства и шовинизма. Так же рухнули британская империя и империя Габсбургов, Япония и Третий Рейх, а некогда – Рим, Византия, Испания и «Поднебесная» империя Китая. См. также замечание Паркинсона о том, что восстанут не при «запертой двери» тирании, а толкают в «приоткрытую дверь».

Но на этот вопрос можно посмотреть и с другой стороны, со стороны самого распада. И оттуда (если хотите – «отсюда») империя естественным образом покажется единственно нормальным состоянием для большой территории с многочисленным населением.

По сегодняшнему трезвому размышлению, с немалым печальным опытом общественного развала, крепкое самодержавие или даже организованный большевизм, м.б., под другими названиями – вот, кажется, единственное средство удержания в узде народа огромной империи. В этом смысле такие вожди коммунистов как Ленин, Троцкий, Сталин – цари, а такие цари как Грозный, Петр, Павел – большевики. И те и другие в идеологическом плане опирались на уваровскую триаду – в обобщенном виде представляющую сочетание однородной власти, религиозной (в широком смысле) идеологии и «народности» (т.е., опять же идеи таковой). Но народ, конечно, идет не за идеей, а за силой, (желательно – харизматической), поэтому самые замечательные интеллигентские конструкции в политике могут на время занять его внимание, но никогда не овладеют душой. Тут можно вспомнить мысли Бердяева о «женственности славянской души», Ивана Ильина – «о сопротивлении злу силой», а можно – в «пандан» снова модной имперской идее – слова Аликс из письма царственному супругу: «дорогой, будь тверд, вот что надо русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту. Дай им теперь почувствовать кулак. Они сами просят об этом – сколь многие мне недавно говорили: "нам нужен кнут!" Это странно, но такова славянская натура...». Достойная идейная союзница современным мегапатриотам и наследникам имперской власти!

Во всем этом есть, правда, один важный нюанс, который постоянно упускается из виду кабинетными патриотами. Для того, чтобы сила и идея реально воздействовали на народ, лидеры должны обладать достаточным макиавеллизмом (прагматизмом и бессовестностью) и чуточкой маниакальности (т.е. в меру – достаточной, чтобы не бояться действовать, но не настолько сильной, чтобы жить в мире грез). Грозный, Петр, Ленин, Троцкий и Сталин вполне подходят под этот портрет.⁹¹ Строго говоря, возможны только две глобальные ситуации – наличие или отсутствие власти в стране. В обоих случаях совершенно неважно, какая идеология преобладает на данный момент. Это только форма и название «пьесы», но если власть действует, значит, она обладает силой и ей подчиняются, есть командующие и есть подчиненные, эксплуатируемые, которые составляют большинство. Социалистическая власть в конечном итоге столь же (и даже более) репрессивна, как монархическая или любая другая. Есть разные формы, методы и «контенты» эксплуатации, но

⁹¹ Как и те, кто сегодня топорщит виртуальные «усы» и сознательно берет на вооружение такие приемы.

последняя всегда в наличии, даже если едва различима. В большой и разнородной стране она всегда более явна, при любом общественном строе.

Если же сравнивать сами народы – коммунистических потомков и их предков начала XX века, то последние вовсе не были столь уж забитыми селянами. Бесчисленному количеству бунтов, поджогов, экспроприаций (и во время царизма и в революцию и в Гражданскую войну) ничего не смогут противопоставить хорошо «прореженные» советские люди. Эволюция демократических институтов вполне сочетаема с эволюцией репрессивности.

Не побоюсь повториться: эволюция и различия не отрицают исторических параллелей и типологических сходств. В первую очередь, это бездарность и слабость администрации, разврат правящей верхушки и, в целом, аристократии, подавление инстинктов общества,⁹² плюс, очень часто, неудачная война. Некоторые сравнения просто поражают своим сходством, но в общем неудивительны: Людовик XVI и Мария-Антуанетта – Ники и Аликс, Тюрго – Витте, а также – распутинщина, горемыкины, протопоповы (по Спиридовичу, последний это «полубольной психически, болтун от общественности и политический шарлатан»), хвостовы («бандит министр»), поражения на фронте, голод, непоследовательные и нелогичные уступки и репрессии, нерешенность земельного вопроса и т.п. Сходство и в этапах революции: «капитал стремился к власти» (Спиридович), разделение соучастников, реакция, репрессии, новое закабаление, успокоение общества в определенных реформах.⁹³

Разного рода связи (в том числе духовного свойства) между полицией и преступным миром, жандармерией и заключенными, между революционерами и охранкой – это вещь само собой разумеющаяся, можно сказать, неизбежная. Мы здесь не будем

⁹² Об этом же и основная мысль Питирима Сорокина в рассуждении о революциях («Человек. Цивилизация. Общество». М., Политиздат. 1992. С 272-294): сильная власть успешно подавляет базовые инстинкты населения, а деградировавшая сметается почти без сопротивления.

⁹³ Спиридович, ук. соч., с 90: «Беда была в том, что у нас еще не привыкли к парламентаризму и его приемам, у нас еще принимали всерьез речь каждого с трибуны депутата. Как некогда, для простого народа каждая печатная строчка считалась непреложной правдой, так теперь верили каждому слову, что произносилось с трибуны Государственной Думы. А говорилось там нередко много всякого вздора... 1916 год особенно показал, что правительство не умело умно и авторитетно парировать этот вздор».

углубляться в этот интересный вопрос, укажем лишь на биографии некоторых царских чиновников вообще и жандармов в частности,⁹⁴ особенно интересны фигуры Петра Рачковского, Зубатова и Манасевича-Мануйлова.

Провокация, вот что по-настоящему связало охранку с революционерами-максималистами. Самым известным провокатором начала века был, конечно, Азеф (сегодня в моде «государственнический» подход – считать Азефа «нормальным» внедренным агентом Правительства, и в результате сам термин становится излишним). Меньше, по понятным в XX веке причинам, говорилось в данном аспекте о социал-демократах, но до революции целый ряд видных большевиков (Малиновский, Житомирский, Черномазов, Маракушев и др.) работал на охранку. После Второй Мировой войны стали известны тайные связи ленинских соратников с германскими властями. В дальнейшем уроки провокации были развиты органами новой власти и подняты на недостижимую высоту. Классикой жанра можно считать знаменитую операцию «Трест», а красноречивым примером «синтетической» карьеры – труды и дни генерал-майора корпуса жандармов М.С. Комиссарова, бывшего охранника Распутина, а после революции активного участника агентурной деятельности ГПУ в среде эмигрантов.

Первым отечественным теоретиком провокаторства был, пожалуй, Сергей Зубатов. Сотрудничавший в молодости с революционным кружком в Москве, он в письме Бурцеву определил свои политические воззрения в то время: – «писаревец, культурник-идеалист». У Зубатова прошел школу охранной деятельности Азеф. Под его руководством он из мелкого агента превратился в крупнейшего агента политической полиции. У Зубатова была своя теория (и практика!) по умиротворению России: самодержавие должно находиться на «хребте равнодействующей», то есть

⁹⁴ Ср. у А.П. Будберга («Дневник белогвардейца». М., 1991): «в марте и в октябре... старательно уничтожались архивы охранок и сыскных отделений: многим крупным шишкам революции надо было уничтожить следы своих близких и платных отношений с этими мало почтенными с революционной точки зрения учреждениями». См. также у М. Палеолога (ук. соч., сс 156-157) слова его собственного осведомителя: «...в этом состоит вся история России... полиция провоцировала всегда народные волнения, чтоб приписать себе затем честь спасения режима». Немало интересного можно узнать на сходные темы и в переизданном многотомнике допросов царских чиновников «Падение царского режима».

пользоваться всеми партиями «для получения гармонии». Это спасет и от революции, и от реакции. Вот, например, что он говорил на допросе у В. Чернова: «многое уже было бы осуществлено в русской жизни, если бы сами революционеры, исходя хотя бы из самых лучших побуждений, не портили дела, не накликали реакции. Что выиграли революционеры, заменив Александра II ныне царствующим монархом? Они провалили конституцию Лорис-Меликова». Но зубатовщина имела успех только у самых темных рабочих и у сознательных провокаторов. С другой стороны, любопытно как работали на радикализм умеренные демократы: адвокаты Керенский и Соколов (будущий автор развалившего армию «Приказа №1»⁹⁵) защищали думских беков, осужденных за пораженческую пропаганду во время войны.

Важнейшая предреволюционная фигура – Столыпин. Петр Столыпин – безусловно крупная личность и выдающийся государственный деятель. Здесь нет места спору. Достаточно вспомнить его знаменитые, уже зацитированные до оскомины, высказывания о Великой России. Да и весь его облик в сравнении с мелкопробной диссидой и правительственными пигмеями!.. Идеальное олицетворение властной вертикали! (Одни усы чего стоят?!).

Пару слов об аграрной реформе. Лишь около 2-х процентов обособившихся хозяйств, в основном в южных и северо-западных губерниях крепко стали на ноги. К началу Первой мировой войны более четверти крестьянских семей вышла из общины и оформила

⁹⁵ Г.М. Катков предполагал, по косвенным данным, концептуальную обработку текста В. Бонч-Бруевичем. Согласно воспоминаниям Шляпникова, участвовали солдат. депутаты Падерин, Садовский, Баденко и Линде, диктовавшие Соколову параграфы приказа. (Шляпников А.Г «Канун семнадцатого года. Семнадцатый год». Т. 2.: Семнадцатый год. Кн. 1-2. М., 1992). По иным сведениям, писал «Приказ» журналист Кливанский, позже отказавшийся от своего поступка, а Соколов затем полуизвинялся «кипящей атмосферой» и ставил себе в заслугу, что в целом еще «смягчал» ситуацию. Тем не менее, во время инспекционной поездки на фронт, ему самому благодарные солдаты изрядно намяли бока. Кстати, пресловутый приказ не призывал, как может показаться из воспоминаний, к буквальному неисполнению военных обязанностей, но в моральном смысле, конечно, был разрушителен, т.к. ставил всех офицеров под подозрение и полностью лишал их авторитета в войсках. Впрочем, еще более разрушительной была вся последующая политика социалистов по идеологическому отрыву армии от «империалистического» Временного правительства (см. мемуары Суханова)!

землю в собственность, но – породив ненависть остальных трех четвертей, из которых пополнились ряды деревенских бедняков и городских люмпенов (т.е. стали, по выражению Ленина, «социальной опорой большевиков»). И далее не легче: «стольпинские аграрники», новоселы, плохо устроившиеся в Сибири, стали заправилami восстаний против Колчака и тем приблизили его поражение.⁹⁶

Как кто-то иронически заметил, Столыпин мечтал о «Великой России», но лишь приблизил эпоху «Великих потрясений».⁹⁷

Солженицын совершенно прав, говоря о том, что Дума и Госсовет не утвердили стольпинских законов, что центристская политика Столыпина оказалась неугодной равно и левым и правым, но какой логический вывод можно из этого сделать? Кажется, один: страна способна реформироваться только силой, под царским кнутом. Т.е. эволюция путем – либо левой, либо правой – революции. Получается, что российская логика может выражаться только «оксюмороном», парадоксом...

Особый, и острый по сю пору, вопрос – масонство и революция. В дореволюционной России в масонских ложах состояли министры, дипломаты и члены Государственного Совета, генералы, видные общественные деятели, и среди прочих – министр иностранных дел (Покровский), министр финансов (П. Балк), военный министр (Н. Поливанов), думские политики, революционеры-социалисты (Чхеидзе, Суханов, Соколов), большевик Скворцов-Степанов и граф Орлов-Давыдов, и даже шеф жандармов (К. Джунковский; впрочем, некогда в масонах был сам Бенкендорф).

⁹⁶ Всего было переселено к 1914 году 3 772 154 чел., но более миллиона вернулось, а 344 тысячи официально считались неустроенными на местах. Столыпин с формальной стороны поступил правильно, занявшись переселением крестьян на новые земли, но на фоне перенаселения Центра и малоземелья, бедности и социального раскола результат оказался если не ничтожным, то по крайней мере противоречивым. См. также у М. Палеолога («Царская Россия накануне революции». Международные отношения, М., 1991), с 31 – о непреодолимых объективных трудностях «правильной» земельной реформы (кадастры, не составленные полностью и до сих!).

⁹⁷ Здесь мы имеем очередное сходство с 90-ми, когда сверху насаждался капитализм. Трагическая ирония и в том, что Столыпин защищал в Думе Азефа, как «правильного» правительственного агента, отрицая само понятие полицейской провокации (хотя в охране существовали секретные инструкции о провокаторстве), и вскоре погиб от руки другого провокатора.

Всемирная (и всемерная) распространенность масонства разных видов, нахождение в нем неоднородного большинства заметных членов общества, снижали его реальное значение. Говоря о масонстве, надо еще иметь в виду два момента, подрывающие его «всесилие». Первый – это психологическая, политическая и т.п. разность интересов и личностей, могущих быть непримиримыми врагами в одном деле.⁹⁸

В России масонство было главным, если не единственным, интеллектуальным «хобби» высших классов, так сказать, «опиумом для элиты», позволяющим духовно расслабиться и отвлечься от жестко структурированного мира официоза. Как писал известный историк, исследователь масонства и революции, Б. Николаевский, основным правилом было устранение из практики лож всего, что могло бы быть истолковано как формальное принуждение. Влияние работы лож должно было исключительно ограничиваться моментами морального характера.

Поэтому влияние тайного масонства сопоставимо с влиянием на исторические события реальных (открытых) сил – партий, властей, вождей, идеологий – как «сглаз» в сравнении с натуральным ударом кувалдой по черепу. Однако вместо провозглашаемой «гуманитаризации» социальных противоречий происходило, на деле, укрепление клановости. Конечно, то, что Временное Правительство и вожди Исполкома были масонами, придавало этим органам некоторую возможность дополнительного взаимопонимания, но тот же Милюков был удален вовсе не из-за отсутствия членства в «масонерии», или конфликта с Керенским, а по чисто политическим (конъюнктурным) соображениям.⁹⁹

Давление толпы и марксистские теории об этапах революции сыграли здесь гораздо большую роль, чем расплывчатое республиканство, прогрессизм, салонное братство и пацифизм. Но и

⁹⁸ Монархи и бунтовщики, реформаторы и консерваторы. Масонами были Людовик XVI и Гильотэн, Бенкендорф и Пестель, Пиночет и Альенде. Что до России, то проще спросить: кто из русских деятелей дворянского рода не был масоном? Или, хотя бы – в патриотической логике сегодняшнего дня – их «подголоском»?

⁹⁹ Кстати, любопытный момент: Милюкову, как типичному представителю «интеллигентского социума», казалось бы, самое место в масонах, но – нет, а вот потомственный донской казак, думец Иван Ефремов, был основателем парижской ложи «Астрей». Так что не все так просто, как хотелось бы.

формальная общность интересов (вернее, мировоззрения) еще мало о чем говорит. Так, продолжения войны добивались и Николай II, и Керенский, и многие левые социалисты (масоны и немасоны), а идея сепаратного мира поддерживалась подчас политическими врагами. Более того: требовавшие у Керенского поддержки союзников на фронте французские социалисты-масоны (А. Тома и К^о) безусловно не переменили бы требований, даже если бы они не были бы ни масонами, ни социалистами, ни представителями мелкой буржуазии.¹⁰⁰ Реальные интересы всегда превалировали над символической этикой-эстетикой и групповщиной масонских обществ.

В то же время нельзя не отметить момент превалирования – тогда(!) в политике – идеологических соображений над чисто коммерческими. В плане общеисторических сравнений и общеморальных рассуждений интересно задать себе следующий вопрос: какая властная структура в Западном мире, связанная с масонами, Бейдельбергским клубом и т.п., могла бы тайно построить и содержать подземный туннель-метро, соединяющий одно из главных зданий верховной власти с аэродромом на случай бегства? А ведь наши комм-правители к тому времени уже давно не должны были чувствовать себя временщиками и сидели довольно прочно). Все сказанное не означает, что масонство не сыграло своей роли в 17-м году. Сыграло, но совсем не ту, на какую надеялось.

Вопрос о масонах и евреях-революционерах (для доходчивости и простоты принудительно смешанный в термине «жидомасоны») первыми озвучили, конечно же, крайне правые. У Воейкова (ссылающегося, правда, на слухи: «говорили»; ук. соч., с 125) узнаём, что в 1911 году в Риме состоялся масонский съезд, постановивший вовлечь европейские страны в войну с целью свержения всех Правительств. А еще ранее, в «1903 году иудо-масоны организовали за границей под председательством... Петрункевича «Союз освобождения» (с 129).

В высказываниях Воейкова психология правого консерватора представлена в своем самом чистом, неразбавленном, хотя и цензурно-корректном, виде. Зло, идущее от будущих кадетов, проявилось уже на этом съезде в форме программы «равенства всех перед законом». Т.е. и евреев и прочих «нацменов». Но зло осталось бы злом и без этого

¹⁰⁰ Кстати, события полностью оправдали пессимистические ожидания консерватора М. Палеолога, а не революционный энтузиазм перед Февралем социалистов Кашена или Альбера Тома, которого, кстати, Николай II назвал «замечательным человеком».

требования, поскольку злом являлся (и особенно для России) сам парламентаризм. Здесь Воейков ничего нового, правда, не сказал, повторяя вслед за Победоносцевым мысль о том, что демократия это когда «профессионалы политических интриг» воздействуют на «инертную массу». Собственно, и сегодня можно услышать подобное мнение, но у Воейкова есть один тонкий нюанс, частенько ускользающий (либо сознательно не проговариваемый) от наших современников. Это феодальная психология высшего благородного сословия. Равенство перед законом, т.е. не на небесах, а на земле, внушенное массам разночинными профессионалами, есть отнятие наследной власти «вязать» своих подданных, власти духовной и экономической. Здесь главный корень всех разногласий. Уже второй вопрос, приведет ли это отнятие к свободе или к перемене формы эксплуатации, поскольку ничего еще не предreshено, имеется пока лишь угроза потери наследной власти. И угроза эта ощущалась так остро именно потому, что типичный помещик часто не был профессионалом ни в каком деле, тем более, по удержанию власти, для этого существовали специальные службы. Именно в этом первоначальном социально-психологическом различии первое объяснение возникновения сословной ненависти.

На эту тему у Воейкова также читаем (с 126) о думцах первого созыва: эти «лучшие люди» изначально только и думали как бы «нахамить». Соответственно, сама Дума для страны это как подарок спичек малым детям. Среди западных историков существовало не столь уж редкое и одиозное мнение, что Февраль был бы лишним, если бы столыпинские реформы продолжались, а война и распутищина не имели бы места. Их противники считали, что индустриализация и демократизация могла произойти лишь при победе февральских либералов.

Но проблема сложнее и в каком-то смысле безвыходнее. Если не считать самого, не слишком «типичного», Столыпина, то консервативное направление в политическом плане представляло собой «мыльный пузырь», оно все было основано на «чувствах». После революции правые в целом (а уж тем более, черносотенцы) существовали только в страхах и заклинаниях левых. Либералы же оказались совершенно не готовы к реальной деятельности, остались на уровне чисто политического парламентаризма и интеллектуальных споров: недостаточно действенны в реальной экономике и ничтожны как государственная сила. Если бы интеллигенция, профессура и либеральное дворянство, масоны и гуманитарии, они же – конституционалисты и умеренные западники-демократы,

действительно были бы реальной силой в стране, то не случилось бы того, что случилось. Это не означает, что они вовсе не повлияли на произошедшее, но здесь, собственно, и выбора никакого нет. Рассуждения о том, что было бы, если бы мы жили в условиях самодостаточной древнеегипетской «фараонии» или древнекитайской Поднебесной, не имеют отношения к действительности. Правда, многие, считающие себя истинными патриотами-государственниками, интеллигенты-«брамины» тайно мечтают именно о такой, «внятной», системе общественного устройства – прообразе небесного «хрустального града» на сословно-кастовой «черепаше». Но ранее мы уже говорили о неизбежном противостоянии и воспроизводстве двух, либеральной и консервативной, тенденций в образованном обществе.¹⁰¹

Павел Милюков – идеалист-прагматик, государственный, позитивист-прогрессист, его стезя это политика, наука, просветительство, цивилизация, построение гражданского общества и т.п. Противник всякой мистики (поэтому не был масоном) и декадентского индивидуализма в культуре, крайней левизны и правизны в политике. В статье «Интеллигенция и историческая традиция» он писал: «научный» дух в политике и в гражданском воспитании – вот то единственное действительное лекарство, которое можно противопоставить провозглашаемым с такой помпой и апломбом, закутанным в такие яркие цветы литературного пафоса панацеям авторов «Вех».

Но мистики, утописты и декаденты имели в тогдашней культуре явное большинство. Также как и революционно настроенные граждане. Милюков оказался гораздо правее (и трезвее) социалистов и приветствовавших их революционных толп. Следует, однако, признать, что «золотая середина» в политике не всегда идеал: вполне идеальные государственники, верхушка кадетов, и –

¹⁰¹ Хорошее сравнение левых и правых находим у такого независимого наблюдателя как промышленник Н.Е. Врангель, отца, кстати, генерала Петра Врангеля. В своих воспоминаниях – <http://www.dk1868.ru/history/vrang5.htm> – он писал: «В кружках так называемой интеллигенции я тоже отрады не нашел. Это был мир книжной теории, громких фраз, политического романтизма, иногда честного увлечения социалистической мякиной, но чаще того же культа своего “я”. Разница с обществом, которое эти интеллигенты именовали “сферами”, была лишь та, что... одни свое благополучие строили на преданности самодержавию, другие – на преданности грядущей революции».

с двух флангов – Авксентьев и Гучков, для националистов и правых консерваторов весьма подозрительные революционеры, а для левых социалистов – империалисты и буржуи. Ср. слова Чхеидзе к Церетели из воспоминаний последнего: «Милюков – это злой дух революции!».

Зинаида Гиппиус («Петербургский дневник». М., 1991): «Экая, прости Господи, сумасшедшая страна. И бедный Милюков тут думает «действовать» – в своих европейских манжетах». Но действует, при всем уме, прямолинейно, «бестактно», и тем самым – во вред тому, что защищает». Она же, истощающе и печально, после ухода Милюкова из Правительства – «Жаль, ведь, не его. Жаль того, что он имеет и что не умеет отдать России».

Кадеты позже признали ряд своих действий неверными, но в самом общем виде. Вот четыре признанных Милюковым «роковые» политические ошибки кадетов: попытка решить аграрный вопрос в интересах помещиков; возвращение старого состава бюрократии; узконационалистические позиции в решении национальных вопросов; преобладание военных и частных интересов. Но в каждом случае можно было бы выявить и массу частных ошибочных моментов. Ведь даже трезвый научный объективизм может быть в определенных ситуациях много вреднее политики соглашательства и заискивания перед массами.

«Прямолинейная» мысль Милюкова о том, что невозможно избежать вопроса о геополитическом разделе мира после войны и поэтому же нельзя не учитывать договоров с союзниками и собственных долгосрочных интересов России, это, пусть академическая, но – правда. Но она-то и стала поводом для народных волнений в Петрограде и причиной последующего «вылета» Милюкова из правительства. Гораздо логичней и практичней выглядело отношение к этому вопросу у меньшевика-оборонца В. Войтинского (в будущем крупного экономиста, принявшего участие в реформах Рузвельта): оборона – необходимое условие того, чтобы дожить до всеобщего мира, а борьба за мир – предпосылка того, чтобы армия согласилась на продолжение военных действий.

Основные причины падения державы очевидны: это, в первую очередь, последствия войны на фоне социального раскола. И такой «скушный», с литературной кочки глядя, процесс, как «инфляция – дороговизна – голод – волнения» приводит к вполне драматическим событиям, если учесть, что вчерашние крестьяне с ружьями в руках скорей направят их на свое начальство, чем на таких же людей как они сами. Но не все же так фатально: умная власть, умеющая

приспосабливаться к обстоятельствам, а то и приспособливающая их к себе, могла бы что-то сделать в данном случае... Однако...

Поэтому исторический анализ причин падения империи следует начать с характеристики царской власти. И здесь первый нам помощник – Сергей Юльевич Витте, крупнейший, наряду со Столыпиным, государственный деятель того времени. В своих мемуарах С.Ю. Витте выступает, на мой взгляд, как стихийный диалектик и бессознательный «Гоголь». Честный сторонник монархии (по мнению Милюкова), но и честный человек однако. Конечно, он был в личных контрах со Столыпиным и с рядом иных деятелей, у него накопилось много личных обид на царскую семью и ее окружение... Да и нельзя прямо сравнивать то, что он мог себе позволить в своих писаниях уже в отставке с тем, что он говорил и делал в качестве министра. Тем не менее, с учетом указанной коррективы, мнения его в мемуарах вполне адекватны той исторической ситуации, а пророчества полностью подтвердились.

Более того, с Витте согласны и многие другие умные сановники и даже родственники царя. Вел. кн. Николай Михайлович (известный историк) о Николае II: «я его все-таки люблю, так как он души недурной, сын своего отца и матери, может быть, люблю по рикошету, но что за... душонка». Отец генерала Врангеля, помнивший еще Николая I-го, писал: «Царь ни точно очерченных пороков, ни ясно определенных качеств не имел. Он был безличен... Вежливый и любезный, он очаровывал при первой встрече и разочаровывал, когда к нему присматривались. Он был безволен и упрям, легко давал слово и столь же легко брал его обратно. Довериться и положиться на него было бы легкомысленно. Уверяют, что он желал блага России. Но вред, который он ей причинил, неисчислим». Об этом же – Дурново, Святополк-Мирский, Мосолов, Драгомиров, Б. Никольский, Гурко, Амфитеатров, Кони и многие другие; из их критических высказываний можно составить не один том. См. также М. Палеолог (ук. соч., 1991, сс 153, 159); и там же фраза Кривошеина, что Н. навсегда остался учеником Победоносцева (идейного врага западного парламентаризма). Сюда же Локкарт («История изнутри». Новости, М., 1991, с 95): о «фатальной тупости царя» (ср. выражения Троцкого – «слабоумие» царя, и Ленина – «идиот»).

Даже разделяя эти эмоции, не будем все же воспринимать данную характеристику как медицинское заключение. Пожалуй, с наибольшим сочувствием о царской семье высказался сионист Жаботинский, с одновременным же осуждением общества: «Люди ресторанного образа жизни рассказывали: утром читаешь: "пал Белосток", – а вечером

видишь очень веселых офицеров с очень мило одетыми барышнями в "Медведе", "Вилле Родэ", в "Аквариуме"... Роскошь сверкала такая, какой мы в России до тех пор не видели; и потоком лилась беззаботная, жизнерадостная болтовня Бог знает о чем... вообще сплошная грязевая ванна из больших имен придворной, денежной, писательской знати. Во дворце распоряжался Распутин, назначая, кому быть губернатором в Томске, кому командовать Южной армией, кому лечить царевича. Во внутренних покоях дворца пряталась от людей одинокая, уже и в то время трагическая семья, о странно мещанском быте и духе которой, велух и без стеснения, судачила праздная публика рестораций... Одинокая семья, от которой давно отвернулась великокняжеская родня ее, но внутри связанная слепой влюбленностью друг в друга и слепая ко всему внешнему миру, глухая перед грохотом надвигавшегося распада...» («Повесть моих дней. Слово о легионе». Гл.3. <http://www.rjews.net/gazeta/Lib/Jab/slovo3.html>).

Из дневника Николая II: «9-го ноября. 1916. Днем погулял полчаса в саду и затем принял Штюмерера. После чая – Трепова. Первый уходит, второй назначается на его место. Вечером читал; голова устала от всех этих разговоров». Ничего дурного нельзя сказать об авторе дневников: искренне радуется победам, печалится при поражениях, хотя в основном – «гулял», «пил чай», «хорошо спал», «клеил фотографии в альбом», «играл в домино (кости)», «собирал пазл», «читал» («9 октября 1916. Читал у Аликс, потом принял участие в игре в прятки в темном свитском вагоне». Не менее изумителен постоянный рефрен «прекрасно выспался», в то время, когда и фронт и держава рассыпались по швам).

Поскольку при эндогенной депрессии (чувстве тревоги) нарушена регуляция секреции глюкокортикоидов, то депрессия должна протекать с нарушениями психомоторной активности. Заторможенность может сменяться ажитацией, двигательной активностью, тем более, у соматика с его привычкой к физическим упражнениям – уборка снега, пила дров и т.п. (частое в дневнике: «погулял и поработал в снегу») – это снимает тревогу. Двигательная реакция на тревогу выражается также в активности пальцев (перебирает, барабанит по столу).¹⁰² По воспоминаниям ген. Данилова

¹⁰² Из рассказа сестры Николая, Ольги Александровны: «полагая, что он сидит у себя в кабинете, целиком поглощенный работой, я увидела, что он вертится на турнике. "Чтобы думать, необходимо, чтобы кровь прилиwała к голове", – улыбнулся Царь, увидев недоуменное выражение на лице сестры...» (цит. по Йен Воррес «Последняя Великая Княгиня», М.,

(«Черного») в XIX томе «Архива Русской Революции» под ред. Гессена, «эти черты Государя выявлялись и наружно нервным подергиванием плеч, потиранием рук и излишне частым покашливанием, сопровождавшимся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов».

Психиатр Е. Крепелин (1904 г.) отмечал у таких больных замедление и неповоротливость мышления. В научной литературе говорится, что при умеренной по тяжести депрессии нарушения интеллектуальной деятельности определяются инертностью мышления. Больной может относительно долго справляться с рутинными задачами. Так, люди, работа которых протекает в строго ограниченных стереотипных рамках, продолжают успешно выполнять ее, и сослуживцы не замечают каких-либо изменений. Наоборот, там, где требуется принятие волевого решения, выбор между альтернативными возможностями, психическая деятельность резко затруднена. Там, где деятельность больного протекает по хорошо наезженной колее, он еще может с ней справляться; там же, где необходимы волевые усилия, активный выбор, проявляется его несостоятельность. На затруднения выбора у больных депрессией указывает и экспериментальное исследование Е. Зильберман и соавт. (1983 г.): они обнаружили, что при депрессии нарушается стратегия принятия решения. Хотя у каждого свои маленькие секреты: перед заседанием министров в Ставке царь, по настоящему совету супруги, должен был «несколько раз причесать волосы его [Распутина] гребенкой».

Историческая мелодрама Эдварда Радзинского о Николае и Алике будит в нас остатки не востребованных жалостных чувств, но эффект сей рассчитан, скорее, на дамскую аудиторию. Радзинский, обладающий способностью воспринимать историю как

1996). Читаем также у В.Н. Коковцова – «Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919», Т. 2, Париж, 1933, с 402, – когда в ответ на замечание о нездоровом своем виде царь отвечает: «Я, может быть, не важно спал эту ночь. Вот пройдуся по парку и снова приду в лучший вид». И далее, с 404, Коковцов продолжает – «У меня же осталось убеждение, что Государь тяжело болен, и что болезнь его – именно нервного, если даже не чисто душевного свойства. При этом моем убеждении я был и 18 месяцев спустя, когда 10-го июля 1918 года в помещении Петроградской чрезвычайки меня допрашивал Урицкий и задал мне прямой вопрос о том, считаю ли я Государя психически здоровым, и не думаю ли я, что Он еще со времени удара его в Японии был просто больным человеком».

шекспировскую трагедию и выражать свое виденье с жаром библейского пророка, прошедшего школу Станиславского, кого-то может раздражать, но равнодушным к нему остаться трудно. Правда, наука для объективного понимания людей и событий требует не столько проповеднического и театрального, сколько академического подхода. Допускаю, что более «скучного». Личный трагизм, рок, жертвенность, безысходность не могут не вызвать чувства сопереживания. Увы, но слабые безвольные государи приносили зла России даже больше, чем сверхактивные волевые маньяки – Грозный, Петр, Ленин, Сталин – потому что у тех, кроме моря пролитой крови, были и реальные имперские достижения, а вот у ничтожных – Федор Иоаннович, Николай II – только ничтожение, аннигиляция государства, путь к распаду, анархии, смуте и к новому рабству.

Из дневника Николая 1917 г.: «26 февраля. Воскресенье. В 10 пошел к Обедне. Доклад кончился вовремя... Написал Аликс и поехал по Бобруйскому шоссе в часовню. Погода была ясная и морозная... Вечером поиграл в домино». А 27-го он говорит барону Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать» (в тот же день через ген. Алексеева с царем имел такой же безрезультатный разговор его брат Михаил). Николай по-прежнему отвергал возможность создания ответственного министерства,¹⁰³ хотя и требуемое Родзянкой согласие его уже абсолютно запоздало.

Справедливости ради надо сказать, что царь вовсе не находился в информационном вакууме: ничего не знал-не понимал-не мог подготовиться и т.д. Как пишет Спиридович (III, 20), «Существовало довольно распространенное мнение, что Государь не знал, что делается кругом. Это совершенно ошибочно. Всякими путями, официальными и неофициальными, Государь знал всё, за исключением, конечно, тайной (конспиративной) революционной работы». Но тем хуже, это говорит лишь о том, что царь не мог оправдаться хотя бы незнанием ситуации. Кроме того, «знать» и «понимать» не одно и то же; самоуверенность ограниченных людей беспредельна, особенно, когда они высокого мнения о собственной хитрости. Панические телеграммы Родзянки царь совершенно не принимал всерьез, предпочитая более «приятные» донесения Протопопова и Беляева.

¹⁰³ «Относительно перемен в личном составе [правительства] в данный момент считаю их недопустимыми. Николай». Послана в 11.30 ночи. 27. II. 17; опубликовано в книге ген. Дубенского «Записки придворного историографа», стр. 203.

Но дело было не в самом Родзянке. Уже брат царя, Михаил, присоединившись к просьбам Родзянки, писал, что «дорог буквально каждый час», уже в телеграмме от Аликс появилось невероятное слово – «уступки», уже предсовмина Голицын вечером 27-го присылает телеграмму отчаяния с просьбой официально распустить бессильное правительство, уже генерал Алексеев «на коленях умолял» принять просьбу премьера, но наш непробиваемый уникум отвечает: «Относительно перемен в личном составе, при данных обстоятельствах, считаю их недопустимыми. НИКОЛАЙ». Указание это, впрочем, уже некому было принять к сведению – правительство разбежалось.

Вечером 1 марта в разговоре с генералом Рузским Ники «спокойно» доказывает «нервно растроенному», и даже «охваченному революционным психозом» (по Спиридовичу, которого, впрочем, там и близко не было) генералу, невозможность ответственного министерства («он, по силе основной клятвы перед Богом, не может предоставить управление страной случайным людям»). Перелом в настроении начался только после очередной телеграммы ген. Алексеева – фактически продиктовавшего царю слова об уступках. Правда, в первом же ответном послании Николая еще не было на них согласия, но, наконец, после вмешательства Рузского «Государь... махнул рукой». Пожалуй, именно эта ситуация генеральского нажима и последующей монаршей «отмашки» могла бы быть в какой-то мере отнесена к реальному «перевороту»¹⁰⁴ (т.е. к переходу «критической точки»). Что не гнется, то – ломается. Участники «сделки» не сразу осознали запоздалость и никчемность уступок в условиях потери страны. Но события развивались поминутно, телеграмма об «уступках» уже не понадобилась и день 2-го марта стал последним днем царствования.

Но и на следующий день после этого события – отречения и знаменитой, многожды всеми историками цитированной дневниковой записи о трусости и предательстве своего окружения,¹⁰⁵ Николай

¹⁰⁴ Переворота, по выражению Спиридовича, «произведенного с красноречивыми коленопреклонениями, рыданиями и мольбами».

¹⁰⁵ А какие, собственно, претензии мог царь предъявить своему окружению (если не считать под ним выделившейся не совсем однозначным подбором «Семьи»? Как писал о. Г. Шавельский («Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота». Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1954, Т.1, с 335): «Ужель нельзя было найти десять-пятнадцать талантливых людей, которые окружили бы Государя?

напишет в дневнике следующее: «3-го марта. Пятница. Спал долго и крепко. ...День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. ...Алексеев пришёл с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше». Привык к новому положению довольно быстро: «7 марта. ... Обедал с мам'а и поиграл с ней в бзик».

Нет, он все же не был стопроцентным истуканом: при прощании с казаками Сводного полка – «сердце чуть не разорвалось». И, судя по всему, не привык давать волю словам и вообще «самовыражаться». И это, в принципе, выглядит гораздо более достойно, чем истерики Керенского. С другой стороны, само чувство жалости к поверженному монарху в чем-то сродни жалости к несчастной, породистой и доброй, но смертельно больной и бессильной собаке... Ср. у Гиппиус (март 17-го): «шармёр, бедный, как смотришь теперь твои голубые глаза? Верно с тем же спокойствием Небытия».

Нельзя сказать, что Николай был совершенным «тупицей», «блаженным», интеллектуальным уродом. Нет, это был самый обыкновенный человек не лишенный чувства благородства, к тому же человек глубоко верующий, прекрасный семьянин, идеальный муж и отец. Просто он, как говорится, оказался не в том времени и – главное! – не на том месте. Николай и сам это частично понимал и терпеливо нес свой крест «Иова многострадального».¹⁰⁶

Рожденный под знаком Тельца, как писал Радзинский, он и стал жертвой-закланием на алтаре Революции. Всё так, но и виктимность и весь символизм ситуации и фатальность краха старого режима не означают еще, что Николай действовал в этих обстоятельствах разумно.¹⁰⁷ В любых, даже российских, условиях всегда возможны

Конечно, их можно было найти. Значит, Государь или не умел, или не желал окружать себя такими людьми». Это окружение было «пустое место» (Спиридович). Из мемуаров последнего узнаем и то, что и сами слова об «измене генералов» тогда же открыто распространялись в кругу царской Свиты.

¹⁰⁶ В разговоре с ген. Рузским перед отречением он признал, что приносит несчастье России, но боится, что народ не поймет отречения и, тем самым, нарушения клятвы.

¹⁰⁷ Все его монаршее упрямство, выдерживавшееся до последней секунды, это компенсация слабости и неверия в себя, что подчас выражалось по принципу «назло маме уши отморожу». Даже отречься царь

некоторые коррективы и альтернативы, элементы «амортизации». Как-то больно уж в духе расхожих штампов о русском характере выглядят исторические ситуации, связанные и с действиями Николая и с событиями в стране: «всё или ничего». Россия выглядит наилучшим для науки примером «неравновесной системы»...

Тут нельзя не привести известных строк из воспоминаний Шавельского, весьма тонкого физиономиста (ук. соч., 337-338): «Свои несчастья: отречение, заточение, ссылку Государь, по отзывам лиц, видевших его в те минуты, переживал спокойно, как будто бесчувственно, не то стойко веря в отличное будущее, не то философски игнорируя всё происходящее: всё равно, мол... В этой особенности государева характера было несомненно, нечто патологическое. Но, с другой стороны, несомненно и то, что сложилась она не без сознательного и систематического упражнения. Государь однажды сказал министру иностранных дел С.Д. Сазонову: Я, Сергей Дмитриевич, стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией».

В общем, почти даос, разве что тушью не рисовал (зато фотографией увлекался). Конечно, недоброжелатели тут же вспомнят «Записки из-подполья»: пусть хоть свету провалиться, лишь бы мне всегда чай пить», но подобные страсти не по этой канцелярии. А если иначе: Восток, тонкое духовное дело, Император Евразии?..¹⁰⁸

Сбылись бы мечты дугинизма? Нет, истинным евразийцам ближе то, что в итоге и произошло, кровавая карусель пертурбаций, а не застойный сон вечного буддийского «рейха». Однако согласен: «даос» – это ирония. Но не только. Николай – по природе – весьма

не смог без того, чтоб не запутать вопрос престолонаследия, тем самым упустив возможность хоть какого-то успокоения для монархических остатков чувств в чьих-то душах. Милуков – ук. соч., с 467 – не сомневается, что царь здесь «хитрил», специально запутал династический вопрос, чтобы при случае взять свое отречение назад. Можно согласиться с таким мнением с той немаловажной поправкой, что «хитрость» эта тем более свидетельствует о совершенном непонимании царем всей серьезности ситуации. Но может быть все было еще проще и даже такой хитрости не было: по свидетельству медика Федорова, уточнив с ним вопрос о здоровье Наследника и ситуацию с регентством Михаила, Николай «решительно заявил, что он никогда не отдаст своего сына в руки супруги Великого Князя, причем выразился о ней очень резко».

¹⁰⁸ А как издевательски тонко он отвечал на все претензии взбунтовавшегося дяди Николаши: тот нервно так о политическом крахе, а племянш все спички ему подсовывает – да брось ты, давай лучше закурим!

распространенный телесный, соматический тип, о чем свидетельствуют все его занятия и интересы. В Шаолинском монастыре, простым монахом, или московским князем, когда мечом решали все проблемы, он был бы действительно дома. Но, опять же, судьба – бессловесною жертвой на стыке двух этапов русской истории тоже «не слабо». Падение Дома Романовых – драма на зависть Шекспиру! Да, пророчество историка Василия Ключевского, высказанное еще после разгона Первой Думы, одно из немногих, полностью оправдавшихся исторических пророчеств: «Династия прекратится; Алексей царствовать не будет!».

Если бы не слепой принцип «всё или ничего!», то у Николая была полная возможность своевременно уйти в почетную полутставку, в единственно им любимую частную жизнь номинального, конституционного монарха. Кто бы, как-бы, куда бы не вел страну в это время – вел. кн. Николай Николаевич, Витте, Столыпин, Гучков, Колчак, Керенский, Авксентьев, Церетели (т.е. кто угодно, кроме распутинских протезе и большевиков). Возможно ли было на этом пути спасти страну от грядущей междоусобной конвульсии? Неизвестно. Тем не менее, Ники оказался не способен ни уйти от власти, ни справиться с нею. Частная трагедия самодержца стала трагедией всего народа. Собственно, сам факт тандема «Распутин–полубезумная царица» это своего рода дополнительный «бонус» в системе самоубийственного кризиса верховной власти: результат скорее всего был бы тем же и без него. (Как писал Георгий Иванов, «царица падает в пропасть, но ей кажется, что она летит в голубое, с детства снившееся православное небо»).

Читается определенная мистика в истории Распутина (см. О. Палей и того же Радзинского): например, трагедия династии и страны как заклятие и месть Старца, но тогда в первую очередь должны были бы погибнуть его убийцы, чего не произошло. Но и пророчества самого Распутина о гибели династии и горах трупов (М. Палеолог, ук. соч., с 74) это лишь хлыстовская форма выражения, т.к. о неизбежном падении режима тогда говорили все. А немало было у «Старца» и противоположных, успокоительных, высказываний. Не случайно Жильяр считал Распутина толкователем и «усилителем» заветных желаний самой императрицы. Обративший на это внимание Радзинский, добавляет, что и она в свой черед занималась выражением и перетолкованием заветных мыслей «русского мужика». Гораздо более точное прозрение о судьбе монарха можно увидеть в реакции посторонних женщин. 26 февраля, когда царь пошел в могилевскую церковь, ему низко кланялись встречные женщины, «некоторые, глядя

вслед, крестили Государя. Какое-то странное настроение», отмечает в своих мемуарах ген. Спиридович.

По мнению Даниила Коцюбинского (в радиопередаче на Эхо Москвы от 25.12.2016), «если бы не убили Распутина в декабре, то вероятнее всего февральская революция так рано бы не выстрелила, раньше бы случился дворцовый переворот. Другое дело, что последствия дворцового переворота, с моей точки зрения, были бы примерно те же самые, потому что это все равно бы раскупило активность масс, солдатских в том числе. Вот этот окончательный слом легитимности в стране привел бы к тому, что вцепились бы в глотку друг другу все те, кто долгое время этого ждали, верхи и низы, окраины и центр, там, соответственно, власть, остатки власти и общественность оппозиционная, которая бы требовала все больше-больше либерализации». Но мне кажется, что Коцюбинский преувеличивает здесь реальное влияние убийства Распутина, оно лишь результат и показатель общей духовной сумятицы в стране.

В своем дневнике Зинаида Гиппиус резюмирует происходящее горько и трезво: «Со стороны взглянуть – комедия. Ну, пусть чужие смеются, Я не могу. У меня смех в горле останавливается. Ведь это – мы. Ведь это Россия в таком стыде. И что еще будет!».

Судя по литературе мемуарного характера, можно с достаточной уверенностью предположить, что Николай страдал специфической формой невропатии, когда организм реагирует на стресс не активным возбуждением, а торможением. В частности, именно этим свойством, а отнюдь не самообладанием в стиле самураев и индейских вождей, объясняется так всех поразившее спокойствие монарха в момент отречения от престола. (Не забудем и об ударе саблей по голове, полученном во время посещения Японии!). Из мемуаров Спиридовича: «Бывало так, ...что, слушая интересный доклад, Государь как-то особенно спокойно воспринимал его, как будто за всем тем, что он слышит, есть нечто, к чему он, Государь, прислушивается. Люди близкие, знавшие веру Государя в Волю Божию, в судьбу, которая предначертана каждому свыше, с беспокойством смотрели на это особенное, иногда совсем не соответствующее обстановке спокойствие Государя».

Но и в целом, если взглянуть на общую картину с психологической точки зрения, приходится признать следующий печальный парадокс: царская семья, при всей своей объективно высокой личной нравственности, была психологически и политически невменяема, и, тем самым, неизлечима, неисправима методами убеждения и логики,

использованными всем ее окружением. К сожалению, это уже медицинский факт.

Игнорировались мнения самых ближайших родственников, включая родную мать Николая. См. у Шавельского о вел. кн. Николае Николаевиче (ук. соч., с 190): «Распутин теперь был сильнее великого князя. Так как главным приемником и проводником в государственную жизнь шедших через Распутина якобы откровений свыше была молодая Императрица, то, естественно, поэтому, что великий князь теперь ненавидел и Императрицу. «В ней всё зло. Посадить бы ее в монастырь, и всё пошло бы по иному, и Государь стал бы иным. А так приведет она всех к гибели»). Также и кузен государя, вел. князь Александр Михайлович в письме Николаю II утверждал: «Правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию... Правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу».

И как еще можно оценивать происходящее, если слова о «мракобесии», расстраивающем жизнь народного организма, мы слышим из уст протопресвитера царской армии, а не от какого-нибудь записного революционера?!. Бесплодной оказалась и миссия родной сестры самой императрицы. См. у Спиридовича, с 186: «Произошел резкий серьезный спор, окончившийся разрывом. Александра Федоровна приняла тон Императрицы и попросила сестру замолчать и удалиться. Елизавета Федоровна, уходя, бросила сестре: «Вспомни судьбу Людовика XVI-го и Марии Антуанет». Мнение самого Спиридовича об Алике – «психически больная», «совершенно не понимавшая России». Эту семейную трагедию понимали даже иностранцы. Английский посол Дж. Бьюкенен («Мемуары дипломата». М., Международные отношения, 1991, с 216): «Если бы его супругой была женщина с более широкими взглядами и большей проницательностью, которая поняла бы, что такой режим является анахронизмом в XX веке, то история его царствования была бы иная, и, быть может, он и до сих пор был бы русским императором.

Со стороны кажется, что здесь остается только выбирать между диагнозом клинического аутизма и клинической же страстью к суициду!

Вообще-то во все времена психопаты, юродивые и мракобесы, независимо от социального происхождения, национальности и партийных интересов, очень хорошо понимают и нередко симпатизируют друг другу. Они – «комплиментарны». Казалось бы,

так очевидны истинные враги и реальные ошибки, но нет – для болезненной психики, ищущей столь же изощренную крамолу, простая логика вещей физиологически неприемлема! Не станем сводить глобальные проблемы лишь к извращенной психике, но в переломные времена и этот фактор играет определенную, достаточно опасную роль...

Граница между болезнью и нормой, как известно, расплывчата, но наверное все же не настолько, как в нашем особом случае. Письма Александры Федоровны открывают нам всю физическую неисправимость и безвыходность ситуации. Она и в самом деле прежде всего Мать (и «Мать России»), Жена, Женщина. Самка, если хотите. Не могут собачки кукарекать, или как там в поэме Корнея Чуковского?.. Биологические реалии непреодолимы, это – медицинский факт.

«Мой любимый..., – пишет Алекс мужу на фронт в 16 году,¹⁰⁹ – ты знаешь твою старую, верную девочку: «не страшись», сказала тогда старика, и потому я пишу без страха моему Агунюшке... Целую тебя и крепко прижимаю к моей груди, ласкаю тебя, люблю тебя, хочу тебя, не могу спать без тебя, – благословляю тебя, навсегда твоя собственная женка».

Ну, разве не естественно было бы «завесить здесь штору»? Отстаньте же, наконец, от их частной жизни, ироды! Не режьте по живому, доктор!.. Да, хорошо было бы «завесить», отодвинуть в тень, убрать и убраться... Не заслужили «света», но заслужили «покой»... Но, увы, – не видать ни царю, ни царству покоя. Как доказал великий биолог Конрад Лоренц, возможна агрессия без чувства любви, но не бывает любви без чувства агрессии. Любовь Аликс, властолюбивой матери и жены, мистически утонченной матроны и истеричной кликуши, всеохватна и экспансивна.

«Я чувствую, что поступаю жестоко, приставая к тебе, мой милый терпеливый ангел, но вся моя вера лежит в нашем Друге, который только думает о тебе, Беби и России. И под Его руководством мы пройдем через это тяжелое время»; «всегда нужно, чтобы позади тебя была женка, которая бы тебя подталкивала».

Это глубокая любовь и великая активность, весьма непосильный для женщины труд, но Аликс не боится трудностей...

«Сегодня я принимаю Протопопова и Ильина, каждый день кого-нибудь, и моей голове приходится так много работать, столько надо спрашивать и столько для тебя разъяснять»; «из любви ко мне и к Беби

¹⁰⁹ «Письма императрицы Александры Федоровны императору Николаю II». Том 2. Изд-во «Слово», Берлин, 1922.

– не предпринимай крупных шагов, не предупредив меня... Разве я бы так писала, если бы я не знала, что ты так легко колеблешься и меняешь свой образ мыслей, и чего стоит заставить тебя держаться твоего мнения!»

Вот оно! Аликс знает своего мужа лучше других,¹¹⁰ и хотя ей тоже нелегко преодолевать его слабости, но она, конечно же, делает это с большим успехом, чем остальные. Кто может ей что-то противопоставить? Здесь лежит причина поражения тех, кто всеми силами пытался спасти империю, повлияв на императора. Важно кто говорит. (Нет, Александр Исаевич, ваше «Гипнотическое Поле» это пустое «бла-бла» в сравнении с мощной аурой основного инстинкта). И если бы все ограничивалось только подбором «верных» людей, да сменой министров!.. Царице до всего есть дело.

«Хотела бы знать, что ты предпринял по поводу гвардии... Наш Друг надеется, что мы не станем переходить Карпаты и не попытаемся овладеть ими...»; «мое солнышко, – пожалуйста, умоляю тебя, – не спешить с польским вопросом»; «Душка, наш Друг очень недоволен тем, что Брусилов не послушался твоего приказа остановить наступление»; «я рада, что Брусилов послал Каледина на юг и передал все Гурко, это самое умное, что он мог сделать – пусть он будет благоразумен и не упрямится... Ах, я также тоскую по тебе страшно... Держи Бебичку в руках, смотри, чтобы он не играл за столом... и не давай ему бросать хлебными шариками...».

Ах, эти мужчины, они такие дети! За ними, конечно же, нужен женский пригляд. Да, все бы утряслось, все бы сложилось, как пазл, если бы не эти вечно жадные до хлеба рабочие и голодные до власти революционеры...

Любовь и ненависть чувства неподконтрольные, и значение их в истории, когда речь идет о чувствах массового характера (чувстве масс) огромно. Один герой может куролесить сколько угодно и быть любимым, другой всю жизнь старается «как лучше» и все без толку. Сравним, например, отношение к царю и к его дяде. Как писал Шавельский, «что-то неудержимо фатальное было в росте славы великого князя Николая Николаевича. За первый же год войны, гораздо более неудачной, чем счастливой, он вырос в огромного героя, перед которым, несмотря на все катастрофические неудачи на фронте, преклонялись, которого превозносила, можно сказать, вся Россия. Недаром ведь летом 1915 года, в самый разгар неудач на фронте, его

¹¹⁰ Да он и не спорит, и подписывается в ответах как «Неизменно твой бедный, маленький и слабовольный муженек».

слава испугала и царя, и царицу», «В глазах и Ставки, и фронта великий князь, даже и после оставления им должности Верховного, оставался рыцарем без страха и упрека» (Шавельский, ук. соч., сс 125, 189). С точки зрения чисто военной, занять место главковерха для того чтобы ограничить свою деятельность выслушиванием ежедневного часового доклада, граничит... даже не знаю, что назвать первым... с безответственностью, с преступлением, или просто является проявлением николаевской теории правления?.. Тактика толстовского Кутузова и китайские страгемы в сходных случаях требовали все же несколько большей полезной деятельности.

Наверное из всех «династов» вел. кн. Николай Николаевич был единственной личностью, который мог если не остановить, то поприветствовать падение династии, но... Даже о. Г. Шавельский, воспевающий его личность, вынужден был заключить: «он не оправдал и своих собственных надежд, что ему удастся привести к славе Родину, и надежд народа, желавшего видеть в нем действительного вождя». Со слов Хатисова, переданных Спиридовичем, вел. кн. боялся, что переворота не поймут «Мужик» и «Солдат».¹¹¹

Пожалуй, невозможно найти каких-либо приличных оправданий поведению «хозяина земли русской», кроме уже упомянутого даосизма и «русского дзэна». Ну, покочевряжился бы еще дядя Николаша, попёр бы против исторической объективности, продлил бы на годик агонию, и только, а племяш следовал естественным непротивленческим путем природного «дао». Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное...

А может быть он прав?.. Ники безусловно жил в свое «соматическое» удовольствие, полноценной жизнью, достаточно почитать с каким вкусом он ел, выпивал, играл, гулял, читал, молился, занимался спортом. У него явно хорошо вырабатывались эндорфины... Жаль только, что на этот раз народной сказки не получилось – не то оказалось время и не то место, не тот народ и не те люди. Лишь нелюди неизменно те же. Не победил Иванушка, пропал Агунюшка, слопали живьем Николаюшку...

В определенной степени вся элита общества (весь класс) вел себя виктимно, пассивно и жертвенно, переживая своего рода климактерический синдром с приливами жара к голове. И в том, что удавалась только политика радикализма, либо тупой реакции, чудится

¹¹¹ Как сказал Маклаков Морису Палеологу, великие князья безуспешно ожидали действий от Думы, а та в свою очередь ждала действий от великих князей.

какой-то «комплекс Танатоса» у самой России. Гиппиус: «Какая-то ЧРЕВАТОСТЬ в воздухе; ведь нельзя же только – ЖДАТЬ!».

Апокалиптические ожидания подтвердились, но никто так и не решился на прямой переворот. И великие князья и Дума перекладывали ответственность друг на друга. И дело даже не в том, что они были слишком преданы идее монархии, но они подсознательно чувствовали, что стоит только начать разрушение и остановки уже не будет. Правомерно назвать их трусами, но в этом случае – трусами государственно мыслящими! Понятно, что ни убийство Распутина, ни даже – несостоявшееся – правительство народного доверия (то же будущее Временное Правительство!) не спасало ситуации. Сомнительно также, что династию можно было в свое время спасти большей кровью. Столыпин и так сделал все, что можно было сделать, рептильный «дряхлец» Горемыкин не способен был сделать вообще ничего.¹¹²

И дело было вовсе не в отсутствии в столице военной силы: солдат и полицейских – в количественном отношении – вполне хватало. А по поводу возможностей посланного в Петроград отряда георгиевских кавалеров под началом ген. Иванова достаточно почитать воспоминания Вороновича. Бутафорской учебной пушки и «дезы» про восставшую Лугу вполне хватило, чтобы кавалеры даже не выглянули из теплушек. Что ж, успешное использование военной хитрости это

¹¹² По мнению тогдашнего мининдел С.Д. Сазонова: «Правительство висит в воздухе, не имея опоры ни снизу, ни сверху». Хотя относительно Горемыкина излишне часто употреблялся снисходительный термин «рамолик», в то время как он был надежнейшим «псом реакции» и гасил в зародыше все – нередкие, кстати, – разумные предложения прогрессивной части правительства – Сазонова, Харитонова, Кривошеина, Поливанова). И Горемыкин, и Протопопов, и Штюмер фактически уже работали на революцию. Ср. приведенные Шавельским слова Протопопова, сказанные им кн. Волконскому в ответ на то, что он ведет Россию к гибели: «Пусть гибнет, и я торжественно погибну под ее развалинами!» А Керенскому при своем аресте якобы сказал: «я оставался министром, чтобы сделать революцию. Я сознательно подготовил ее взрыв». Его все, кроме царской семьи, конечно, всерьез считали сумасшедшим. Также у Спиридовича, ук. соч., III: «Он был когда-то болен «дурною болезнью» и носил в себе зачатки прогрессивного паралича, что замечали близкие друзья и знали доктора. Лечился у известного Бадмаева и у психиатра Бехтерева... Премьеры Трепов и кн. Голицын докладывали об его нездоровье Государю».

тоже показатель силы). Впрочем, и сам Иванов позже признался, что бойни он устраивать и не хотел и не смог бы.

Сегодня поражает тот факт, что непосредственные убийцы Семьи в Екатерининбурге так кичились своим преступлением и столь страстно потом спорили за личное первенство в процессе убийства. О насмешливо-положительной реакции на известие об убийстве в народной массе говорит в своих воспоминаниях Коковцов. (Ср. еще в дневнике барона фон Ботмера: «Народ воспринял убийство царя с тупым равнодушием»). С другой стороны не менее поразительно и отмеченное Э. Радзинским полное отсутствие каких-либо попыток освобождения отрекшегося монарха со стороны монархистов и офицерства; большевикам самим пришлось выдумывать такие попытки.¹¹³ Британские родственники династии отказались от Николая еще раньше. Больно уж непопулярен был царь, скрепя сердце, вынужден резюмировать Радзинский. Но по-своему (точнее – невольно), правы и сторонники теории «жертвоприношения»: действительно, в лице царской семьи человечество, от сибирской тайги до британских морей, бессознательно отрекалось от налипшего груза старых грехов.

Никто не станет спорить с тем, что после ареста царской семьей, и, в частности, царицей было проявлено истинно религиозное смирение и кротость в страдании. Но не поздновато ли сие смирение началось? И никто не принуждал ее заниматься мирскими делами и «грязной» политикой взамен богоугодных дел. И в ее кротости не появилось ни грана раскаяния. А лексика предыдущего периода с призывами повесить или сослать в Сибирь всех «дураков», «животных» и «идиотов» просто забыта, как-будто ее никогда не было. В письмах и дневниках царской семьи той поры мы не найдем и намека на какое-либо осмысление случившегося. Можно ли было предотвратить крах монархии? Какие ошибки ни в коем случае не следовало совершать и какие действия следовало обязательно предпринять?.. Неужели это не

¹¹³ Они были зафиксированы Николаем в дневнике как попытки сторонников их спасти – записки доставлялись под крышками молочных бутылок. Радзинский не может, конечно, принять факт дневниковой записи как глупость царя и трактует само существование оной как сверххитрость: мол, он тем самым оставлял специальные «метки» для беков, чтобы те могли обвинить только его самого, а семья бы не пострадала. Чудная хитрость Радзинского! Надежда таким образом отвести от семьи подозрения, увы, выглядит еще более неумной, чем сама констатация факта.

интересно?.. Нет ни вопросов, ни ответов. Только виктимные впечатления: Иов многострадальный, телец на заклании, мистические числа, пророчества, фатализм...

Как писал Джордж Бьюкенен («Мемуары дипломата». М., Международные отношения. 1991, с 214-215), «Император Николай II является одной из наиболее патетических фигур в истории. Если бы он жил в классические времена, то история его жизни и смерти послужила бы поэтам древней Греции сюжетом для какой-нибудь великой трагедии. Они бы изобразили его, как жертву, обреченную судьбой, преследуемую на каждом шагу безжалостным фатумом...».

Как мне кажется, общепризнанное мнение о взаимной изоляции царской семьи и общества несколько упрощает реальное состояние дел на то время. «Распутинщина», хлыстовское «коллективное тело», сектантский «корабль» «Мамы», «Папы» и Аннушки, все эти сладкие садомазо-отношения между «душками»¹¹⁴ являлись не более, чем прообразом предреволюционной духовной ситуации. И в упоминавшемся высказывании Аликс о России, жаждущей от царя «хлыста»,¹¹⁵ нетрудно углядеть метафору отношений на всех уровнях, от царского семейного круга и виктимно-апокалиптически настроенного общества до большого круга имперской семьи народов...

Еще один взгляд. Иван Солоневич (журналист суворинского «Нового времени», организовавший за границей Народно-монархический Союз) и его попытка объективного взгляда со стороны

¹¹⁴ Из письма Николаю от 09.04.16: «Все мои мысли непрестанно тебя окружают... Благословляю и целую без конца... Пошли телеграмму нашему Другу на Пасху». И сама шлет «Ему» в тот же день телеграмму: «Всей душой, всеми мыслями с тобою. Помолись обо мне и Николае... Люблю, целую. Душка». Из поздравительной телеграммы Распутина в Ставку: «Ваша победа и ваш корабль». Аликс к мужу в Ставку: «На мне надеты невидимые штаны. Я ношу бессмертные штаны»; «Уверю тебя, я жажду показать всем этим трусам свои бессмертные штаны, я вижу, что присутствие моих черных брюк в ставке необходимо...»; «Я также привезу Аню, наш Друг просил об этом... и несколько «нас» вместе – это даст больше мира и силы»; «Как я хотела бы, чтобы ты мог приехать... чтобы получить благословение нашего Друга... я знаю, что ты храбр и терпелив – но ты человек – и Его прикосновение к твоей груди... дало бы тебе новую мудрость и энергию свыше...».

¹¹⁵ На эту тему тогда же зло пошутил член Госсовета Гурко (брат генерала): мы еще могли бы понять власть с хлыстом, но не под хлыстом...

монархиста. Главные виновники – предательство выродившегося «слоя» и генералитета. Солоневич пытается возродить идею монархии снизу, хотя и признается, что «если признать, что распутинская легенда была фактом и «кровавый царский режим» был тоже фактом, – тогда монархизм теряет всякий смысл. Тогда он из национально-исторической концепции... превращается в мечту: ах, как было бы хорошо, если бы у нас была бы такая монархия, какая нам нравится, – безотносительно к тому, возможна ли она не в мечте, а в реальности».

Солоневич (статьи из газеты «Наша страна» 1950-51 гг.; цит. по <http://www.rus-sky.org/rs.htm>): «В числе прочих объяснений Февраля... самое глупое...: английские интриги. <...>...в материальной помощи участники заговора не нуждались никак: А. Гучков и М. Родзянко были богачейшими людьми России... <...> ...никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. ...Левые во всем этом были абсолютно ни при чем. И только после отречения Государа Императора они кое-как, постепенно пришли в действие...¹¹⁶

«<...> Именно поэтому, – продолжает Солоневич, – правая публицистика эмиграции ищет виновников Февраля в англичанах, немцах, евреях, масонах, японцах, цыганах, йогах, бушменах, в нечистой силе и в деятельности темных сил... Не могут об этом говорить и левые – ибо что тогда останется от народной революции? <...> Предреволюционная Россия находилась в социальном тупике... Новые слои, энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные, пробивались к жизни и к власти. И на их пути стоял старый правящий слой, который уже выродился во всех смыслах, даже и в физическом. ...если при Императоре Николае Первом Россией правили «сто тысяч столоначальников», то при Императоре Николае Втором их было триста тысяч. Правил нацией, по существу, они. По существу, страна боролась против них... Из установления этого – совершенно бесспорного – факта был сделан по меньшей мере спорный вывод: «долгой самодержавие». ...монархия может быть и крепостническая и социалистическая... в 1905 году правящий слой поддержал Монархию, а в 1917 году – изменил Ей. ...правовое положение русского солдата было хуже, чем какого иного солдата тех времен. ...от двухсот до трехсот тысяч последних резервов России, скученных хуже, чем в концлагере, и обреченных на безделье и... пропаганду... позади у них –

¹¹⁶ Ср. слух о Родзянко, записанный Гиппиус: «Родзянко ходит, растерянно ударяя себя руками: «сделали меня революционером! Сделали!». И действительно, регулярно посылаемые им в Ставку телеграммы были ничем иным как воплем о помощи.

неубранные хлеба, впереди – беззащитный фронт против немецкой мясорубки, сейчас – теснота, тоска, обильное питание и слухи, слухи, слухи... Царица. Распутин. Штюрмер. Темные силы. Шпионаж. Предательство. Неспособность. ...вся страна была совершенно единодушна: ...как сказал мне один из «бородачей», – и чего это Царь смотрит, давно в шею пора это начальство гнать». ...«Начальство» устарело до полного неприличия... все тонуло в болоте правящего слоя. Тонули в крови фронтовики, тонули в тревоге и неведении «бородачи», и вся Россия тонула в слухах...».¹¹⁷

Как это знакомо и современно! Тут и психология народная («бояре плохие»), и рамолики-политбюрократы с маразматической цензурой, как признак умирающей системы. Но по поводу «заговора» Солоневич выдает желаемое за действительное: даже здесь аристократы слабы оказались, не пошли дальше салонных разговоров и уговоров.

«...Концентрацией в столице тысяч двухсот всякого рода белобилетников и бытовой обстановкой, в которую эти белобилетники были поставлены, в этой столице был создан пороховой погреб. ...И вот при этом погребе, на этот раз уже автоматически, сам по себе, создался и «детонатор»: чухонское бабье Выборгской стороны. ...десяток надежных дивизий для этого, во всяком случае, нашелся бы, однако «надежные дивизии» в Петроград не пустила Ставка, то есть ген. Алексеев».

А здесь уже произошла чисто психическая бифуркация: генералы не стали опытным путем экспериментировать с бифуркацией социальной, насколько рев-ситуация/армия/народ уже неуправляемы. Настроение падения в пропасть «нависало» давно и психологически лишь усугублялось, терпение же не могло быть бесконечным ни у кого; «гнилой зуб», наконец, решились вырвать. «Верная дивизия» теоретически могла, конечно, еще раз оттянуть развязку, как во время бунта на заводе Рено (см. у М. Палеолога). Но если офицеры Ставки

¹¹⁷ Хотя, слухи не с пустого места шли. Шавельский пишет о соратнице Распутина Анне Вырубовой (ук. соч., с 193-194): «Вырубову все знавшие ее не без основания называли дурой. И, однако, она была всё для Императрицы. Ее слово было всемогуще. В последнее время она часто говорила: «Мы», «мы не позволим», «мы не допустим», разумея под этим «мы» не только себя, но и царя, и царицу, ибо только от них зависело то, что «мы» собирались не позволять или не допускать». Пусть даже какие-то сплетни и были преувеличенными, но зато в народе не знали многого другого: как, в частности, потеряли Польшу, не дав ей в последний момент обещанного манифеста об автономии.

ликовали, обнимались и пили шампанское, узнав об убийстве Распутина, то... это уже, скорей, революция, нежели шкурное предательство. «Знание заменено ...козлами отпущения. Бабой Ягой и Кошечем-Керенским. Вот – говорит же генерал А. Спиридович, что А. Керенский спасал офицеров. ...Генерал А. Спиридович знает, как было дело...». (Читаем у Спиридовича: «Он много сделал тогда, чтобы в Думе не было кровопролития»).

Солоневич не потрудился задать себе простого вопроса: а почему генералы-заговорщики не свергли царя раньше, до событий в Петрограде (и в том числе – миллионных стачек), никак не инспирированных генералами? Им ведь никто не мешал. По мнению Г. Арансона, между заговорщиками и революционной ситуацией шло соревнование – кто успеет первым. Но на мой взгляд, у заговорщиков была уйма времени, чтобы быть первыми, однако они не слишком-то торопились. Генералы, также как и штатские их союзники, «политикимасоны», оказались воинственны только на словах. И масонство и кадетский либерализм, при всем своем стремлении к свободе, оставались идеалистическими образованиями, далекими от радикализма. Поэтому система сама по себе «флуктуировала» на опасной грани, пока не произошел никем не планировавшийся столичный бунт, который стал критической точкой, каплей, переполнившей чашу. Эти события опередили всех: и великосветских заговорщиков, так и не посмевших переступить через присягу, и революционеров, все еще не веривших в возможность близкой революции.

По мнению Спиридовича, реально на сторону Родзянки ген. Алексеев перешел только «в ночь на 1 марта». В самом деле, ни о каком масонском заговоре со стороны Алексеева не могло быть и речи, поскольку, уже узнав о создании новой революционной власти, он в телеграмме главнокомандующим фронтов говорит следующее: «Сообщая об этом, прибавлю, что на всех нас лег священный долг перед Государем и Родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов. №1813. Алексеев. Двадцать восьмого февраля 1917 г.». И, если быть честным до конца, то к группе заговорщиков следовало бы тогда отнести и большинство офицеров и всю страну, от комаринского мужика до великого князя. На этом общем фоне, как недвусмысленно показывают официальные документы и прямые очевидцы, поведение ген. Алексеева было – с точки зрения верноподданчества – как минимум, вполне лояльным, а по мнению его близких – безупречным.

Солоневич в своих политических (утопических) взглядах хватается за виртуальную соломинку, протянутую ему призраком павшей монархии. Он далек от зоологического черносотенства а ля Воейков и Марков 2-й, но у тех, как и у их сегодняшних последователей, есть в этой зоологии вполне понятное и единственно неприступное убежище от интеллигентской рефлексии. Всё «решаемо», если любой неприятный факт объяснить зоологией же, только враждебной, исходящей от хитроумных жидомасонских заговорщиков. (А иначе приходится признать скудоумной саму царскую власть. И понимать ее следует широко, недаром Шульгин писал, что «был класс, да съездился», и Спиридович безжалостно отмечает, что «везде пасовало высшее начальство»).

Какой «идеальный» вариант мог бы пожелать России всякий нормальный патриот-государственник? Закончить войну с «министерством доверия» победой в рядах Антанты. Затем уже либералы и здравые социалисты добиваются реальной конституционной монархии, а при сопротивлении – и республики. Но... это, пожалуй, слишком много для одного сценария. При победе – Николай уже на «белом коне» и все революционеры в полном ничтожестве, Дума и либералы либо союзники власти, либо просто лишние. Т.е. опять либо провоцирование новой смуты, либо еще большее усиление авторитаризма (и то и другое вместе). Кроме того, каждый фрукт хорош в свое время. Сепаратный мир, заключенный самим царем, или даже Временным Правительством в начале своей деятельности, был бы не понят народом и справедливо был бы назван предательством. Ведь даже в резолюции Всероссийской конференции большевистской партии, принятой 27 апреля, было недвусмысленно сказано: «Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы... будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией».

Вариант «китайских стратагем»: спасти царя с семьей можно было только выслав за границу, но и Англия не принимала и революционизировавшийся народ не дал бы этого сделать (уже не давал). Здесь, м.б., следовало Временному Правительству его судить и затем выслать, приговорив к изгнанию, т.е. спасение провести под маркой кары?...¹¹⁸

¹¹⁸ Кстати, подобная мысль была мельком высказана еще в марте 17-го в газете «День».

И еще стратагема, общего характера: если бы либералы могли знать, конечно, чем все закончится, то не лучше ли было бы не брать власть? Сложность в том, что и социалисты не хотели брать власть, избрав для себя выгодную контролирующую роль. Немедленной и полной власти хотел только Ленин, и поэтому ему и его присным и надо было бы ее сразу же отдать. Причем в принудительном порядке! Но под тем же контролем. Нет сомнений, что в этом случае большевики неизбежно и очень быстро провалили бы все, что только можно провалить и история потом развивалась бы совсем в ином ключе... В следующих главах мы вернемся к подобному вопросу, и м.б. станет понятней, а было ли это физически возможным?..

IV.1.2. Во время. (На фронте и в тылу).

Для лучшего понимания событий не вредно вновь обратиться к статистике.

А. И. Степанов «Первая мировая война. Пролог XX века». М., Наука, 1998 г. с. 474-484: Основная часть кадрирования армии (7 млн. человек), составлявшая цвет нации и опору монархического режима, либо погибла в ходе маневренной войны 1914 г., либо попала в плен в период катастрофы 1915 г., либо была выбита в ходе тяжелых оборонительно-наступательных боев 1916 г. В ходе боев была практически выбита половина кадрового офицерского корпуса (25 тыс. из 49 тыс.). Пришедшие им на смену 10,6 млн. наспех мобилизованных, наскоро обученных, плохо вооруженных и не желающих воевать солдат и офицеров качественно изменили состав действующей армии в 1916-1917 гг., превратив ее из опоры российской монархической государственности в "пороховую бочку" революции.

Современник событий, футурист Виктор Шкловский: «Все, кого можно было произвести в офицеры, были произведены. Грамотный человек не в офицерских погонах был редкостью».

Волков С.В. («Трагедия русского офицерства». М., 1993): «едва ли не весь кадровый офицерский состав выбыл из строя уже за первый год войны. Понятно, что к 1917 г. это были уже совсем другие офицеры, чем их себе обычно представляют. К концу войны во многих пехотных полках имелось всего по 1-2 кадровых офицера... С начала войны офицерский корпус сменился на 7/8... Среди же выпускников военных училищ военного времени и школ прапорщиков доля дворян никогда не достигает 10%, а доля выходцев из крестьян и мещан постоянно

растет (а большинство прапорщиков было произведено именно в 1916-1917 гг.). Свыше 60% выпускников пехотных училищ 1916-1917 гг. происходило из крестьян... Офицерский корпус к этому времени включал в себя всех образованных людей в России, поскольку практически все лица, имевшие образование в объеме гимназии, реального училища и им равных учебных заведений и годные по состоянию здоровья были произведены в офицеры».

К началу XX века в крестьянской стране число рабочих и буржуазии было примерно равным (по 1,5 млн, перед войной – около 3 млн), интеллигенции чуть больше, чем церковнослужителей (778 тыс., 263 тыс. в обл. культуры). Союз Русского Народа около 100 тыс., кадетов в 17 до 70 тыс., эсеры (даже без левых интернационалистов, максималистов, украинских и иных республик эсеров) свыше 17 млн голосов в УС и около 1 млн членов. Всего 24% голосов за беков, 16,5% за буржуазию, 56,5% за другие соц- и нац-партии. По иным данным: беки 25%, эсероменьшевики 62%, кадеты и буржуазия 13% (по 54 избир. округам, хотя 8 млн голосов в 13 других округах пропорции не изменили). По числу депутатов («Всерос. Учр. Собр. Стенографический отчет» М.-Л., 1930 г.) – из 707 депутатов правых и центральных ср 370, меков 16, кадетов 17, энэсов 2, левых эсеров 40, националистов 86, беков 175. В любом случае 3/4 избирателей против беков. Кстати, в марте 17-го в провинциях возникло 242 Совета рабочих депутатов, беки имели преимущество всего лишь в 27 из них, причем, в основном в мелких городах – Мотовилиха, Кыштым и т.п.

Начало новой эпохи вполне гротесковое, парадоксальное, как и всё на Руси. З. Гиппиус: «Бедная Россия. Незачем скрывать – есть в ней какой-то подлый слой. Вот те, страшные, наполняющие сегодня театры битком. Да, битком сидят на «Маскараде» в Имп. театре, пришли, ведь, отовсюду пешком (иных сообщений нет), любуются Юрьевым и постановкой Мейерхольда, – один просцениум стоил 18 тысяч. А вдоль Невского стрекочут пулеметы. В это же самое время (знаю от очевидца) шальная пуля застигла студента, покупавшего билет у барышника. Историческая картина!». Анекдотично также то, что Юрьеву, по случаю его бенефиса были переданы поздравления от царя и удовлетворяющей императрицы.

Бездарность властей была настолько всеохватной, что даже опытный Спиридович, свидетель петроградских событий, считавший, что революция началась уже 23 февраля, 24-го, отметив непонимание правительством происходящего, одновременно пишет:

«Я днем занимался в министерстве с одним из товарищей министра, умнейшим человеком. Мы спокойно обсуждали различные хозяйственные вопросы Крыма». К этому можно добавить рассказанное Спиридовичем, что звучит уже как анекдот, насколько власти, военно-полицейское «окружение царя», были готовы к революции: 23 февраля выяснилась нехватка нагаек у казаков и ген. Хабалов приказал выдать по 50 копеек на казака для их приобретения, а на совещании у Хабалова в тот же день полицейский ген. Глобачев «доложил, что для него совершенно непонятна сегодняшняя демонстрация и возможно, что завтра ничего не будет». 25 февраля Протопопов еще «весел», а к вечеру Совмин принимает решение опубликовать с утра и расклеить по городу от имени ген. Хабалова предупреждение, что скопища будут рассеиваться оружием. 26-го, в воскресенье, Протопопов и директор департамента полиции Васильев говорят о состоявшемся аресте вожаков беспорядков и уверены, что к понедельнику все будет кончено. В тот же день Аликс написала письмо супругу, где сообщила успокоительные сведения, что прислал Протопопов. Описала, как молилась у могилы Распутина и послала кусочек дерева с его могилы, где стояла на коленях. 27 февраля военный министр ген. Беляев, по словам Спиридовича, кажется, понял, «что происходит нечто серьезное». Тем не менее, в его телеграмме сообщалось о беспощадных мерах по подавлению беспорядков и о полном спокойствии городских властей.

Таким образом, власти, от министра до императора, об уже произошедшей революции узнали в самую последнюю очередь.

Собственно, события февраля могли начаться еще в конце октября предыдущего года, в момент подавления заводских забастовок, когда солдаты вместо того, чтобы стрелять в рабочих стали стрелять в полицию. Тогда казаки подавили бунт (а могли бы и не справиться), и, в принципе, могли бы подавить и в феврале, но уже октябрь 16-го показал, что дни режима сочтены (немногим лучше был и антигерманский бунт того же года в Москве; см. у Локкарта). Царское правительство, разумеется, никаких выводов из этого не сделало (да, впрочем, и не способно было). Однако революционеры все немного схожи; ср. с известным подходом Ленина и высказывание Керенского (по Спиридовичу): «Керенский, в пылу спора... бросил такую фразу: «Поймите, наконец, что революция может удался только сейчас, во время войны, когда народ вооружен, и момент может быть упущен навсегда».

Интересно также, что революционный процесс на первых порах проходил практически одинаково в таких взаимно отдаленных местах, как Петроград и Иркутск: реакция солдат и офицеров, общественных деятелей, революционеров и чиновников администрации была идентичной вплоть до отдельных мелких действий и даже словесных высказываний.¹¹⁹

Как прекрасен короткий период только что свершившейся и почти бескровной революции!¹²⁰

А вспомним многотысячные интеллигентнейшие демонстрации 1990-91 гг.: с такой толпой можно было достичь невозможного!.. Но центр, «жиронда», «керенщина-милюковщина» (левый и правый края центра) в России невозможны. Как писал позднее сам Керенский, «свобода... была растоптана красными и белыми вахмистрами». («Отчего свобода, такая сама по себе прекрасная, так безобразит людей?», – восклицает в своем дневнике Гиппиус). И нет ничего удивительного в сходстве по многим параметрам (в пределах наличных исторических условий) 1-й Думы 1906 года и 1-го съезда нардепов СССР (но не следующих парламентов!) – тот же либеральный единодушный энтузиазм, требования свобод и реформ и неуклюжее сопротивление власти. Но персональные сравнения типа Сахаров-Петрункевич («родоначальники»), Родичев-Собчак («витии»), Горемыкин-Ник. Рыжков («плачущий премьер» конца 80-х) и т.п., это уже чистая литература. Гиппиус: «Временное Правительство – да ведь это все те же мы, те же интеллигенты».

¹¹⁹ Ср. в мемуарах Войтинского, находившегося в феврале в Иркутске: «Как-то не верилось здесь в существование контрреволюционных сил, когда вчерашние защитники царизма – вплоть до жандармских ротмистров – наперебой друг перед другом доказывали нам, что они давным-давно мечтают о революции... и с радостью приветствуют торжество свободы. Опасность для революции рисовалась нам не в виде притаившейся черной сотни, а в виде полчищ германского империализма, с одной стороны, и в виде гражданской войны и анархии – с другой». «1917. Год побед и поражений». ТЕРРА-КНИЖНЫЙ КЛУБ. М., 1999. См. также П. Сорокин, ук. соч., с 228.

¹²⁰ Кстати, по поводу возникшего, якобы, послефевральского «хаоса» можно указать на мемуары пресловутого левака Суханова, в которых он неоднократно отмечал железный порядок, созданный благодаря усилиям революционной милиции.

Восприятие революции со стороны обывателя и консерватора (Коковцов, ук. соч., т. 2, с 408): «множество всякого сброда, какие-то депутации, неизвестно кому представляющиеся, какие-то ораторы на столах и стульях, выкрикивающие что-то совершенно непонятное... несмолкаемый гул голосов, грязь и суетолака...». И это естественно: ощущения участников и наблюдателей, сторонников и противников одних и тех же событий никогда не совпадают. Но сравним с ощущением сановников от думцев: для Воейкова «хамы», для Крыжановского – «дикари». Спиридович: «Даже дворцовые лакеи находили, что Родзянко не умеет себя держать во дворце».

Эсеро-меньшевистская тактика, которую критиковал Ленин идеологически вполне совпадала с его собственными взглядами на 1905 год. «Тысячу раз прав Парвус, когда он говорит, что социал-демократия... не должна опасаться нанесения совместных "ударов" врагу рука об руку с революционной буржуазной демократией... врозь идти, вместе бить; не скрывать разнородности интересов; следить за своим союзником, как за своим врагом, и т. д.» (Ленин В.И. ПСС, т 10, с 16).

Демократы (Исполком, да и Врем. Правительство) осуждали нападки на Ленина как на германского шпиона,¹²¹ пресекли в апреле попытку Волынского полка арестовать его, разрешили бекам уже после июльских событий (и неявки Ленина с Зиновьевым в суд) участвовать в выборах в городские думы.

Но их неисправимый утопизм¹²² и зашоренность не могут быть оправданы и с чисто идейно-теоретической точки зрения (мол, мы же

¹²¹ Несмотря на то, что именно своевременно опубликованные свидетельства о германских деньгах, передаваемых бекам через Ганецкого и г-жу Суменсон, стали одной из главных причин перемены настроения масс и спасения власти в момент июльского мятежа. (Впрочем, см. ниже). Не менее знаменательна и причина освобождения Ленина во время войны из австрийской тюрьмы как врага царизма. (См. Никитин Б.Н. «Роковые годы». Париж, 1937). Существуют также документы, намекающие на «интересные отношения» Троцкого и Раковского, проживавших тогда в Австрийской Империи, с местной полицией).

¹²² Не говоря уже о детском прекраснорудии и толстовстве князя Г. Львова, по-человечески, конечно, более приятном, чем сенильность и пустозвонство царских министров, но не менее их бесполезном. «Цель у нас одна», отвечал он генералам на совещании в мае 17-го на ужасающие факты развала армии, приведенные военными, и пусть «каждый выполнит свой долг до конца». Конца оставалось ждать уже недолго. А вот что писал о кадетах барон фон Ботмер, приехавший в Россию с германским послом

не предполагали...), т.к. литературные предупреждения Достоевского и Льва Тихомирова, некогда одного из лидеров Народной воли, были прекрасно известны в интеллигентских кругах, но «достоевщина» и «тихомировщина» социалистами отвергалась наряду с зубатовщиной (зато они легко попадались на азефовщину, а позднее на провокации типа операции «Трест»). Не случайно еще в 1915 году Плеханов в разговоре с беком Г. Алексинским (противником Парвуса) предупреждал, что в вопросе о германских деньгах Ленину социалисты «не захотят выносить сор из избы».

Воспоминания Ираклия Церетели¹²³ дают некоторое представление о демагогах «с человеческим лицом» (см. ниже характеристики Церетели и Чхеидзе). В частности, автор пишет: в апреле на Всеобщем фронтовом съезде в Минске Чхеидзе «при общих аплодисментах... говорил, что советская демократия стремится не к установлению двоевластия, а к согласованию политики Временного Правительства со стремлениями широких демократических масс, объединившихся вокруг Совета». Т.е. «все хорошо, прекрасная маркиза», а далее еще лучше: «призывы к исполнению долга на фронте сопровождались бурными аплодисментами». Ну и совсем замечательно: «пока находятся в рядах армии начальники за ответственностью нынешнего Правительства, их приказы наступать на фронте должны исполняться. Но если где-нибудь подозревается измена делу революции... то об этом довести до сведения Советов Рабочих и Солдатских Депутатов... и изменники будут заключены под стражу... (Рукоплескания)». И на сладкое: «демократические инстинкты масс отталкивали их от крайностей справа и слева и находили свое удовлетворение в той политике, которая велась тогда руководящим большинством революционной демократии».

(Вспоминается Гоголь с чичиковским «губернатор – милейший человек»).

графом Мирбахом: «Как известно, попытка кадетов удержаться на поверхности мутных вод революционных событий окончилась быстрой неудачей, так как сила всегда на стороне тех, кто не ограничивается половинчатыми решениями. Как и у нас, буржуазные демократы, направляемые учеными и теоретиками, не способны к практическим действиям» (Ботмер Карл фон. «С графом Мирбахом в Москве». М., 2004).

¹²³ Церетели И. «Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917-1918». М., Центрполиграф, 2007 г. Он, кстати, отменил значение публикаций о немецких деньгах, сославшись на то, что бунтовщики испугались слухов о приходе в столицу частей с фронта.

А «нехорошие» правые никак не способны были понять суть событий: «Все расстройство государственной жизни, явившееся следствием опустошительной войны и развала старой власти, они приписывали влиянию советской демократии» (Церетели). Тогда как на самом деле: «Правительство пользовалось посредничеством Совета, чтобы моральным давлением авторитетной демократической организации восстанавливать порядок». То, что эти слова писались уже много позже событий, говорит о том, что лидеры левой демократии (или, как сейчас модно говорить – «демшизы») ничему не научились и, следовательно, не способны были ничему, кроме классического марксизма, научиться. Но попытаемся все же понять их точку зрения. Действительно, они – Советы весны-лета 1917-го – политический центр, за них большинство вменяемого населения, у них – самая передовая теория, а мешают нормальному выходу из кризиса только маргиналы, крайние – в равной степени правые и левые, корниловцы и ленинцы.¹²⁴

Для школьного учебника логика вполне приемлемая, можно сказать, железная. Но то, что жизнь развивается не по учебнику это им уже не совсем понятно. Здесь, по их мнению, присутствует некая «ошибочность» жизни, которую надо бы аккуратно поправить, объяснить ей, болезнью, как надо для ее же вящей пользы... Разумеется, демократы сами себя считали реалистами и объективистами, а вовсе не «маниловыми», ведь они противники «стихий» и «реакции», сторонники «демократической дисциплины» и прогресса!

Церетели в своих воспоминаниях честно приводит слова из речи правого политика Шульгина на собрании по поводу 11-й годовщины созыва 1-й Думы: «Пародируя известную речь Милюкова против Штюрмера и императрицы, он после каждого из обвинений, выставленных против Советов, спрашивал: "Глупость это или измена?" И отвечал: каждое из этих действий в отдельности – глупость, а все вместе – измена». На сегодняшний взгляд речь Шульгина кажется не просто «честной», но весьма горькой констатацией факта и предупреждением для тех, кто еще способен мыслить не по учебнику. И как же на это отреагировал (и на месте, и позже в воспоминаниях) Церетели? «Шульгин совершенно не считался с условиями, созданными революцией и развалом старой власти. Он забывал, что

¹²⁴ Церетели (ук. соч.): «Все мы согласны, что между политикой Правительства и стремлениями народных масс надо установить такую гармонию, которая позволила бы Совету с наибольшим успехом поддерживать власть».

революционная интеллигенция... только благодаря своей мирной программе... пользовалась доверием армии и что она использовала это доверие... для того, чтобы восстанавливать дисциплину в армии».

Тонко, не правда ли? Истинный интеллигент, либерал и прочее и прочее. Далее еще лучше. «Пока Правительство... формулирует цели войны в соответствии с чаяниями всего русского народа, до тех пор положение Временного Правительства прочно... его не расшатает также безответственные круги буржуазии, провоцирующие гражданскую войну. (Рукоплескания.)... Имея в виду поведение Ленина в апрельские дни, я сказал, что утверждения Шульгина, будто Ленин призывает к эксцессам, – клевета. Ленин, – говорил я, – ведет идейную, принципиальную пропаганду, и эта пропаганда питается теми безответственными выступлениями, которые совершает депутат Шульгин...».

Время бежало быстро, но, видимо, не для Церетели: похоже, он еще не слишком отошел от своего понимания большевизма, когда в первые дни революции сказал Войтинскому, что мечтает о том, чтобы войти в личные сношения с Лениным, объяснить ему пагубность максималистских опытов и сговориться с ним о совместных действиях! (Sic! – В.Л.).

Не стоит специально оглуплять демократов и представлять их совершенно оторванными от жизни начетчиками и интеллектуальными калекками. Достаточно прочесть в мемуарах того же Церетели вполне трезвые речи лидеров партий на собрании Исполкома Советов – Авксентьева, Скобелева, Чхеидзе, Гоца и др. Например, по вопросу об участии демократов в Правительстве Богданов очень точно заметил, что резолюции с требованием коалиции принимаются рабочими с энтузиазмом, который вызван иллюзиями о возможности немедленных чудодейственных мер, а когда надежды не оправдаются, наступит естественное разочарование масс в демократах. (Ср. с этим своевременный уход «записных» демократов из власти в 1990-е годы).

Но рыба, как известно, гниет с головы. В столичном Петрограде массы разложились быстрее, чем на периферии, и это было ясно уже к началу лета 17-го. Войтинский в своих воспоминаниях отмечая четкую, как лезвие ножа, грань между демократами и большевистскими демагогами, пишет, что к началу июня Исполнительный Комитет, проводивший политику обороны и коалиции, имел против себя большинство рабочих и солдат в Петрограде, и за – революционную демократию остальной России. (Последняя жила еще в условиях мира между партиями и призвала к тому же столичных коллег). Тогдашние

настроения большевизированных солдат и рабочих столицы мемуарист называет «черносотенно-погромными» (по признанию одного из митингующих солдат, они были, скорее, за Вильгельма, чем за продавшихся капиталистам демократов и «жидов»).¹²⁵ Более того, среди наиболее большевизированных леваков замечены были и явные уголовники и погромщики черносотенного толка и люди, переметнувшиеся из страха за свою жизнь, не говоря уже о просто психически нездоровых личностях. Между прочим, замеченный в антисемитизме и «старорежимных» настроениях ген. А. Балтийский вскорости стал сотрудником... Троцкого.

Но по большому счету абсолютно все организации играли роль «тришкиного кафтана», чисто формально прикрывавшего стихийные настроения масс. В ограниченности своих возможностей дисциплинировать массы – до эпохи террора – признавались руководители всех уровней и политических направлений. Все, или почти все, деятели желали благополучного исхода, но процесс развивался сам по себе и речь могла идти лишь о том, кто сумеет к нему лучше подладиться. Поэтому и вина за случившееся не может лежать на какой-то одной партии или на избранной горстке политиков. К этому же выводу пришел и Церетели: если вхождением в Правительство мы пробудим в массах надежды, которые удовлетворить не сможем, это только усилит крайне левых. Несмотря на бесконечную говорильню внутри Исполкома Советов, беда всех этих тонких «шахматных этюдов», помимо их оторванности от настроения улицы, была еще в том, что они происходили при участии или под наблюдением тех же левых (группы Каменева)¹²⁶.

Гиппиус: «Россией уже правит «митинг» со всей его митинговой психологией, а вовсе не серое, честное, культурное и бессильное (ареволуционное) Вр. Правительство».

¹²⁵ В то же время даже такой революционный «пораженец», как Суханов, признавал, что весной 17-го настроение широких солдатских масс было еще весьма патриотическим и Исполкому пришлось немало сил положить, чтобы овладеть массами и поменить эту «империалистическую» и «шовинистическую» тенденцию. Точнее, дать «зеленую улицу» тогда еще далеко не всеобщему настроению закончить войну как можно скорее и приступить к «делёжке».

¹²⁶ Кстати, на ничтожное значение тонких политических «кружев» по поводу поддержки Правительства обратил тогда же внимание Церетели его «земляк» Джугашвили, заметив, не все ли равно, войти в правительство самим или нести это правительство на своих плечах?

Из воспоминаний барона А.П. Будберга¹²⁷ – «Дневник белогвардейца» – (взгляд честного консерватора; одно из лучших – и в интеллектуальном и в литературном плане – произведение, отразившее события тех лет): «пораженческая пропаганда обратила нас в опасные для всякого порядка вооруженные толпы, которые пойдут за тем, кто посулит им побольше вкусного и давно уже вожделеемого, побольше прав и наслаждений при минимуме обязанностей, работы и неприятностей».

До чего же неизменна людская психология! Ср. с началом 1990-х (Будберг, там же): «Еще в 1905 году юмористический журнал князя Волконского «Плювиум» доказывал, что наиболее распространенной в России партией являлись С. С. (сукины сыны) с девизом «поменьше работы, побольше денег».

О Керенском: «Товарищ Керенский вообразил, что армии можно поднять на подвиг истерическими визгами и навинчиванием толпы пустопорожними резолюциями... Штатский Главковерх, вероятно, искренно и убежденно думал, что обладает такой силой глагола, которая способна произвести тот же, как и на митингах и словопрениях, эффект в применении к тому Великому Ужасу, который именуется войной...».

«Сейчас приходится уговаривать и поднимать все комитеты только для того, чтобы уговорить роту или команду перейти из одной халупы в другую, а тут Псковские Марсиане /Ставка/ требуют наступления». (Почти смешно, но Будберг тогда даже не мог себе представить уровня анархии тыловых – петербургских – частей. Там к осени настроения были уже такими, что Правительству приходилось грозить им последствиями гнева фронтовиков, остававшихся без подкреплений и смены).

¹²⁷ Будберг Алексей Павлович (1869-1945) – выходец из дворянского рода Будбергов. Военное образование получил в Пажеском корпусе и 1 Павловском военном училище. Участник Русско-японской войны. Генерал-майор (1908), впоследствии – генерал-лейтенант. В Первую мировую войну был начальником Штаба 10 армии, командовал армейским корпусом. В феврале-апреле 1918 г. жил в Японии, затем до марта 1919 г. – в Харбине. 29.03.1919 получил назначение на должность Главного начальника снабжения Сибирской армии. С 27.08.1919 по 20.10.1919 был на посту военного министра. С ноября 1919 г. жил в Маньчжурии. В апреле 1920 г. атаман Семенов назначил его командующим Владивостокской крепостью. Впоследствии оказался в эмиграции. Активно участвовал в деятельности эмигрантских организаций. До 1939 г. был начальником 1 Северо-Американского отдела РОВС. Умер в США.

«Кто-то очень удачно сравнил вождей нашей революции с неосторожными людьми, выпустившими из за решеток своры диких зверей и вынужденных теперь нестись во весь дух впереди этой своры и все время бросать им какие-нибудь подачки, ибо иначе их нагонят и разорвут в клочья».

Идея Будберга – если бы союзники понимали, что происходит, если бы прислали для скрепы фронта американские дивизии... Еще о союзниках: «их представители носятся всюду как потревоженные пчелы, нюхают, соболезнают, высказывают надежду, что все образуется...».¹²⁸

Или – «единственная лазейка из создавшейся разрухи это немедленный... переход к добровольческой армии и разрешение всем нежелающим воевать вернуться домой. Все не уйдут, а если бы ушли, то это было бы ярким показателем того, что дальнейшее продолжение войны невозможно... Лучше иметь 4000 отборных людей, чем 40 тысяч отборной шкурятины... ..но, как говорят, против нее стоят все комитеты и все петроградские Цики ¹²⁹; считается, что останутся только самые реакционные элементы, которые и повернут все направо кругом».

Своего рода «молодежная революция»: «старые разумные солдаты, говорившие о долге... всюду забаллотированы, как «корниловцы и старорежимники», а на их место в комитеты пробрались крикливые, прыцавые с зелеными мордами юнцы».

Общий исторический вывод Будберга: «такие понятия, как «родина, патриотизм, долг и т. п.», существовали у нас для казенного употребления... русская власть пожинает ныне плоды многолетнего выматывания из народа всех моральных и материальных соков; высокие чувства не произрастают на таких засоренных нивах... Война положила начало уничтожению многих средств удержки, а революция и слепота Временного Правительства доканчивают это злое дело, и мы

¹²⁸ Задним числом, конечно, все мы умные. «Политика и дипломатия союзников, – пишет Роберт Уорд в книге «Антанта и русская революция. 1917-1918». М., Центрполиграф, 2006, – ...исходила почти из полного непонимания сил и событий русской революции».

¹²⁹ Тут он не совсем прав: комиссар Станкевич и ген. Брусилов пытались этим заниматься, но первоначальный КПД сформированных ударных, инвалидных и женских батальонов оказался не столь велик как хотелось бы. Почти забавно, что единственной воинственно настроенной единицей при защите Зимнего был именно женский батальон ударниц... Общий итог, правда, это не изменило. А боеспособные части нового типа были созданы позже, в виде белогвардейцев и красноармейцев.

несомненно приближаемся к роковому и уже неизбежному концу, к господству зверя. Руководители российского государственного курса забывают, с каким материалом они имеют дело; нельзя распоряжаться скопищем гиен, шакалов и баранов игрой на скрипке или чтением им евангельских проповедей или социалистических утопий». О настроении масс на фронте: «все неудачи на фронте умышленно подстраиваются генералами, дабы уничтожить ненавистных им пролетариев; никому не верим и никого слушать не желаем; сами выберем себе начальство, войны не допустим и уничтожим всех, кто задумает продолжать войну».¹³⁰ Правда, добавим для объективности, не стоит забывать и то, что сама революция началась с «измены» генералитета своему Верховному.

Беки, во всяком случае, отложили «скрипки». Вначале они использовали ситуацию дезертирства, заключив Брестский мир, и тем самым, удержав власть. Им помогла и уверенность дезертирской (да и прочей) массы в своей, уже испробованной на Временном Правительстве, силе: мол, всегда успеем скинуть и Ленина с Троцким (об этом см. в мемуарах ген. Краснова и Войтинского), ежели они нас против шерсти погладят. Но масса забыла о своей собственной неорганизованности, о том, что формировала их настроение и раньше агитация беков-профессионалов. Когда им что-то перестало нравиться, они увидели, что своих-то опытных – хотя бы в провокации и демагогии – вождей и нет. Будберг поначалу был уверен, что и беков рано или поздно масса разорвет, но они и сами учли такую возможность и все время шли на шаг впереди массы, используя по ходу дела все практические варианты. (Упёртые мономаны, хоть черносотенцы, хоть пламенные революционеры, недолго проживут в эпоху перемен). Тут и красный террор, и использование инородцев в качестве карательного меча (латышские полки, бывшие военнопленные венгры и немцы, вплоть до китайцев¹³¹), и

¹³⁰ Как не без доли циничной иронии рассуждал на тему одного из воззваний Исполкома Суханов (Кн.1): «офицерство не надо бить, надо поддерживать с ними контакт; на деле же редакция некоторых мест давала основания для вывода, что никакой контакт с офицерами немислим, а пожалуй, их следует основательно бить».

¹³¹ В годы войны царское Правительство использовало их в качестве неквалифицированной рабочей силы. Около 200 тысяч китайцев и столько же корейцев оказалось в России накануне октябрьского переворота. Оставшись без заработка, многие из них записались в Красную армию и оставили по себе недобрую память зверскими расправами.

продразверстка, и использование спецов, и своевременное использование люмпенов, и НЭП, и чистки внутри своего клана, и перенос неудовлетворенности масс на «врагов народа», и религиозно-утопические планы новой жизни и жупел внешнего врага, и использование его технических возможностей, и подкормка послушной интеллигенции и показательные наказания непослушной. Коммунизм погиб естественной смертью, п.ч. просто состарился и потерял «драйв». Он мог еще долго жить в пенсионном состоянии, но уже не успевал реагировать на убыстрявшиеся перемены современного – внешнего и отечественного – мира.

«Керенский и правительство, как всегда, опоздали; это обычный недостаток людей слова, а не дела; пока они выбирали лучшие способы решения, прикидывали, анализировали и спорили, волна событий их нагнала, покрыла и опрокинула и их, и все их решения». «...с каким энтузиазмом отзывалась 5 армия на призыв против большевиков в начале июля, а сейчас она оплот большевизма. У Керенского и С^о не хватило мозгов сообразить, какое огромное значение имеет 5 армия по отношению к Петрограду и всему там происходящему; у них были когда то и время, и способы незаметно очистить 5 и 12 армии от ненадежных частей... Владея настоящей властью можно было спокойно осуществить все дальнейшие Реформы. Но для всего этого надо было быть людьми дела и сильного характера, большой действительности, а не рабами фразы и жрецами митинговых успехов...».

Это касалось, конечно, не только Керенского и министров Временного Правительства, но всех вменяемых демократов. В июле 17-го, при первом выступлении беков, ситуация была на грани исторического поворота в ту или иную сторону. Именно в эти дни решалось будущее страны, и в гораздо большей степени, нежели в октябре. Весы временно склонились в пользу демократии, это была ее победа и одновременно – поражение. Арест без последующего революционного суда одних, «потеря» других и прощение третьих лишь ненадолго продлил агонию демократии до той поры, когда неудачи на фронте и во внутренней политике оставили ее без защитников. Не воспользовавшись вовремя плодами победы, когда на их стороне еще была военная сила, демократы сохранили либерально-гуманистическую мину при плохой игре – они проиграли страну. И более того: слабость демократов послужила косвенным образом одной из причин будущего красного террора. Беки хорошо усвоили этот урок, чтобы не повторять их ошибки.

Любопытно мнение Ники о Керенском в июле 17-го, после подавления путча беков (Дневник): «Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту; чем больше у него будет власти, тем будет лучше». Только вот вопрос: из уст такого деятеля политическая похвала не является ли фактом отрицательным? Или даже даосским парадоксом: мол, тем хуже для них всех? Нет, конечно, «простота» Николая не доходила до такого «воровства»: он искренне тогда надеялся, что Керенский закончит войну победой и т.п.

Умница Будберг тонко отреагировал на начало разговоров о сепаратном мире беками: «Если бы Керенский лучше знал русский народ, то он обязан был пойти на что угодно, но только во время вырвать из рук большевиков этот решительный козырь в смертельной борьбе за Россию; тут было позволительно, сговорившись предварительно с союзниками, начать тянуть какую-нибудь туманную и вихляющую канитель мирного свойства, а за это время провести самые решительные реформы...». Т.е. совершенно ясно, что сепаратный мир в чистом виде Керенскому не удался бы и скорей повредил бы, но Будберг правильно говорит о спасительной «канители». Также о возможностях Корнилова в 17-м: «Очевидно, что мы, строевые начальники северного фронта, были правы, считая это выступление совершенно безнадежным и несвоевременным; его надо было делать или ранее июньских авантюр, или же попозднее, когда массы познают, что такое большевизм».

Историк Д. Волкогонов справедливо сравнивал неудавшийся путч Корнилова с путчем 1991 года: примерно тот же расклад сил, взаимоотношений и результатов по линиям «корниловцы – Керенский – левые демократы» и «путчисты – Горбачев – правые демократы».

Корниловский мятеж был самоубийством «из наилучших побуждений», ослабившим нерадикалистское большинство. Керенский, Савинков, Корнилов, Авксентьев были на тот момент формально высшими руководителями страны и, стремясь достичь высшей фактической власти в стране, съели сами себя, и это произошло бы независимо от наличия или отсутствия игры чьих-то личных амбиций. Гиппиус, зная проблему от самих участников, отказалась от всех своих старых симпатий к Керенскому и прямо говорит о его «безумии», «лжи» и «провокации». Тем не менее, дело не только в личных амбициях Керенского. Одного виновника в такой игре не бывает. Ни один из этих деятелей не способен был просчитывать действия на два шага вперед. Корнилов, «подпитанный» недавними рукоплесканиями Госсовещания, был в полной уверенности о справедливости и неизбежности собственных намерений и действий.

Чести своей он не уронил, и никто не подсказал ему, что одной чести офицера, а также чувства справедливого гнева и обиды за «Матушку-Россию» в такой сложной ситуации еще недостаточно.

Керенский слишком уж сжился с чувством своего исторического значения и со всеми революционными символами, его украшающего. В такой ситуации он вряд ли мог не переметнуться, а подумать о последствиях более близкой истории был не в (интеллектуальном) состоянии. (За три дня до переворота Керенский отменил намечавшийся крестный ход казаков, т.е. полностью «обрубил концы», доведя свое положение уже точно до того, в каком находился недавно Николай II). Наконец, Савинков и Вл. Львов, участники переговоров в верхах, оказались – в плане реального влияния на события – пустыми «ветродуями». В итоге произошло то, что не могло не произойти. См. у Марка Вишняка («Дань прошлому», изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1954, с 303-304): «Произошла перестановка целей: главный враг, большевики, выдвинулись на положение защитников демократии... Козырь, который Корнилов дал в руки Ленину, тот уже не выпустил из рук. И Советы, которых еще в июле Ленин называл «органами соглашения с буржуазией», «похожими на баранов», выступление ген. Корнилова отбросило резко влево».

Корниловская авантюра расколола демократов и дала толчок бекам для создания своих военных отрядов. Кстати, в сходной ситуации Колчак сверг Сибирскую Директорию Авксентьева и С^о,¹³² но что это в конечном итоге дало?..

Ср. еще у Махно: «Разбирая вопрос корниловского похода на Петроград, который был уже отбит, съезд еще раз подчеркнул, что считает преступлением разрушение внешнего фронта, и призывал всех трудящихся в корне убить корниловщину на местах. Он решил вместе с тем поддерживать внешний фронт, как необходимый для защиты революции от внешнего врага». Тот факт, что сам поход Корнилова являлся попыткой спасти фронт, разогнав тех, кто его разваливает, и в первую очередь ненавистное ему же Вр. Правительство, Махно не приходит в голову. Это довольно показательный пример логики провинциального крестьянского революционера: виновен, потому что буржуй и враг трудящихся. Но не идеальна была и логика интеллигентской элиты: секретарь Керенского П. Сорокин пишет о корниловской «афере», но в то же время называет ее «трагической» и

¹³² Но ни что не случайно. И на Севере России мы имеем подобную же ситуацию со свержением капитаном Чаплиным правительства Н. Чайковского.

чистой по намерениям. Ср. у Дж. Бьюкенена: «Будь генерал Корнилов более прозорлив и мудр, он подождал бы, пока большевики сделают первый шаг, и уж тогда покончил бы с ними». Но с психологической точки зрения можно понять и Корнилова: если уже в мае кронштадтцы предлагали на митингах вместе с немцами ударить по Временному Правительству, а в июле – ударили, если к этому же склонялись гвардейцы петроградского гарнизона, то что должен был думать о столичном рассаднике развала боевой генерал? Другое дело – ему не мешало бы вовремя задуматься о своих – довольно ничтожных – военных возможностях и неизбежных последствиях).¹³³

Ситуация «генералы – Керенский» примерно повторяла ситуацию «генералы – Ники». Правда, Керенский не стал «жертвенным тельцом», но это-то и оказалось прологом к истинной жертвенной трагедии. Ген. Лукомский тогда же в своей телеграмме Керенскому высказался провидчески точно: «Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала». Следует также отметить, что здесь не просто ситуация столкновения прямолинейного «немудреца» и зашоренного упрямца («Ники от революции»), личных непримиримых позиций, взаимного непонимания и нелюбви. Ведь было немалое число посредников, прямых (В. Львов и Савинков) косвенных, потенциальных, и было время, но... Собственно, сам мятеж реально начался только после того, как Корнилов был объявлен мятежником. Керенский позже признался, что, не был заинтересован ни в каких предложениях о посредничестве между Правительством и мятежным генералом. Парадоксальным фактом стало то, что в результате этого Керенский формально увеличил свою политическую власть, а реально – потерял ее.

¹³³ Поиск виноватых начинает идти по кругу: да, конечно, разложение тыла влияло на разложение армии, но и внутреннее ослабление политического влияния демократических сил еще больше усилилось после июльского поражения на фронте. В этом смысле трудно не согласиться с горькой иронией Войтинского, заметившего по поводу вызывающего тона Корнилова в его диалоге с правительством, что подобный тон был бы под стать полководцу, наполнившему мир громом своих побед. Его же вывод: «сложная сеть интриг и заговоров – для фронта все это были детали. Для солдат существенно было то, что генералы сделали попытку обманно повести их против народа, против других солдат». Со слов Деникина мы знаем и о политическом уровне ближайшего окружения Корнилова – будущим министром финансов должен был стать «влиятельный» корниловский ординарец Завойко. Что еще к этому добавить?

Конечно, этого ему не могли простить никогда правые, и только произдевались левые (по сообщению Гиппиус, Савинкову соратники по партии заявили, что поднимут восстание в случае принятия требований Корнилова). П. Милоков, С. Мельгунов и их сторонники считали, что непоправимой катастрофой было не само по себе выступление Корнилова, а правительственные меры, принятые для его ликвидации. Довольно справедливыми выглядят обвинения Керенского, Савинкова и Филоненко в предательстве, также как Корнилова и В. Львова – в отсутствии политического мышления. С другой стороны, какой вывод можно сделать об уме самого Керенского, читая следующие строки его мемуаров: «Во имя торжества дела свободы во всем мире я чувствую себя обязанным подчеркнуть, что поражение русской демократии явилось в основном следствием наступления этих, правых, сил, а не результатом бессмысленного мифа, согласно которому русская демократия проявила "слабость" и слепоту перед лицом большевистской опасности...»?.. Впрочем, хорошо его знавшая, и любившая за «молодой задор», Гиппиус, написала в своем дневнике: «Керенский не очень умен». И ее же, итоговое, о личности и деятельности Керенского: единственный, кто нес этот камень, «пока не сошел с ума от непосильной ноши, и камень – не без его содействия, – не рухнул всею своею миллионнопудовой тяжестью – на Россию... Мужественный... предатель. Женственный... революционер. Истерический главнокомандующий. Нежный, пылкий, боящийся крови – убийца. И очень, очень, весь – несчастный». Можно бы и остановиться на этом чисто женском чувстве жалости, но, как и в случае с Николаем, страну все же более жалко. Гротесковое время перемен воплотилось в гротесковом лидере,¹³⁴ но когда фарсовость момента стала невыносимой, он сменился трагедией.

Правда, реальная конкуренция за доверие и любовь масс происходила между соцпартиями, а политическое значение Временного Правительства в основном заключалось в том, чтобы

¹³⁴ Особенно характерными кажутся следующие две «картинки из жизни». Когда во время выступления на Демсовещании Керенский патетически пригрозил «вырвать из души своей цветы и растоптать их, а сердце превратить в камень», в театре раздался истерический вопль какой-то женщины: «Нет, Александр Федорович, не делайте этого!». Другая известная история это слова Керенского Набокову в ответ на предупреждение о готовящемся восстании беков: мол, он отслужил бы за это молебен, поскольку тогда можно было бы окончательно их раздавить, а сил на подавление даже больше, чем нужно.

служить «козлом отпущения» и стандартным жупелом для демагогов и недовольных. Эта слабость правительства с его попустительством крайне левым, даже привела некоторых британских представителей к мысли о том, что Керенский «подкуплен» немцами. Увы, Александр Федорович был политически обречен при любом исходе событий: даже взяв сторону Корнилова, он бы ничем, кроме собственной персоны, не усилил ее (т.е. реально – ослабил бы). Интересно, что будь реально осуществлена попытка свержения депутатской власти, она привела бы к еще более убийственному для нападавших контрудару, но этим, может быть, спасла бы демократов, а то, что она не удалась, в итоге ослабило демократов, связанных с Временным Правительством, в глазах масс. Левые тут же переняли их власть путем простого голосования в Петро- и Моссовете. Троцкий, выпущенный из тюрьмы (за что он мог искренне поблагодарить Корнилова с Керенским), занял место Чхеидзе.¹³⁵ После всего этого шансы демократического исхода для России упали до нуля – распался и фронт и коалиция демократов.

Деникин, ОРС, Т. 2: «Единственными элементами, к которым можно было обратиться за помощью для спасения государственности, по иронии судьбы, оказались все те же "корниловские мятежники" – офицеры, юнкера, ударники, Текинцы, все тот же 3-й конный корпус. Только уже лишенные сердца, ясного стимула борьбы и вождя». К его словам, на мой взгляд, следует добавить и то, что совершенно объективно существовало определенное «замутнение мозгов» и полное отсутствие общего понимания ситуации. Среди всех прочих моментов кажется самоубийственной и недалекой реакция даже честнейших руководителей в армейской среде. Главковерх Духонин, перед тем как Крыленко занял Ставку, убирает из Могилева ударные батальоны, дабы избежать «братоубийственной войны». И в результате был поднят на штыки. Полуторамиллионный Румынский фронт ген. Щербачева, где успех большевистской пропаганды был ничтожен, мог раздавить крыленковский отряд без всякого труда, но...¹³⁶

¹³⁵ Дыбенко встречает у Смольного освободившегося Федора Раскольниковца со словами: «Чудаки: правительство всех своевременно освобождает, знают, что нам люди нужны» (Дыбенко П.Е. «Из недр царского флота к Великому Октябрю». М., Воениздат, 1958).

¹³⁶ Немаловажную негативную роль тогда сыграло и личное соперничество между генералами, Алексеевым, Корниловым и Брусиловым.

Как уже говорилось, власть пала сама по себе, по объективным причинам. Это касается и Февраля, и Октября, и будущего, еще далекого, Августа.¹³⁷

В октябре 17-го значительная часть военных и революционных деятелей затаилась в ожидании того, чья сторона возьмет верх. Позднее они за это жестоко поплатятся. Нечто весьма сходное было и в февралемарте 17-го и во время корниловского мятежа. Да и вообще это самая типичная черта наших переворотов, включая 1991 и 1993 гг. Подробности же самого октябрьского переворота можно без особой опаски и вреда для истины почерпнуть хотя бы в «Истории русской революции» Троцкого.

Опять же, не станем ограничиваться обвинениями, учтем и реальное состояние политического момента. Нейтралитет, трусость и даже прямое предательство в данном случае оправдываются не только неведением будущего и отсутствием государственного мышления. Когда Керенский потребовал телеграммой «надежных частей» с фронта, генерал Северного фронта Черемисов имел полное право рассмеяться: «Они там совершенно рехнулись..."Надежные войска"! Откуда возьму я им "надежные войска"?...». Не многим умнее были и правые противники Керенского: как пишет в своих воспоминаниях Ф. Дан, «правые, несомненно, мечтали (и не скрывали этого) о "сильной власти" в корниловском духе, но добиться этой власти они думали не тем, что свергнут Временное Правительство руками большевиков, а тем, что "спасут" его силами военщины и уже затем, как победители мятежа, продиктуют ему свою волю и преобразуют в своем духе». И правые и левые демократы одинаково плохо представляли себе будущее и то, как они в эмиграции сваливали друг на друга вину за поражение, говорит лишь о том, что они вряд ли поступили бы более разумно, появившись для них волшебная возможность «все переиграть».

А в день октябрьского переворота, как и в февральские дни, «цензовая» публика наслаждалась игрой профессиональных актеров – в Художественном давали «Вишневый сад». Под стук топора...

¹³⁷ Как пишет Ахиезер (ук. соч. 1991, Т.1), «власть не могла не стать очередной жертвой отказа народа воспроизводить большое общество, государственность, жертвой повсеместного стремления захватить что можно для себя и замкнуться в своей деревне». В каждом случае решал не столько чей-то энтузиазм и жажда новизны, сколько решала усталость от настоящего. Психологическая оценка была всеобщей, естественной и казалась логически неопровержимой: «хуже того, что есть уже не будет!». Как это знакомо, как понятно!..

IV.1.3. После. (Беки, Октябрь и Гражданская).

«Социализм не может наступить иначе, как через гражданскую войну».

Ленин. Сочинения. Т.27. 4 изд. С 405.

«Проклятие тем, которые начинают гражданскую войну в эту тяжелую для России годину. И горе тем, которые не умеют ответить насильникам ничем, кроме хороших слов!».

Плеханов. Газ. «Единство». 5.07.1917.

Не будем ломиться в открытую дверь, используя «лирические» штампы о самом кровавом и тоталитарном режиме в истории с «вампирами» Лениным, Троцким и Сталиным (в сравнении с Петлюрой, уголовной атаманщиной и «озрелевшими» ревмассами они порой выглядели достаточно цивилизованно). Наша задача – разобраться с ним по-тацитовски, «без гнева и пристрастия», и понять, можно ли было что-то предотвратить, как и кто действовал на исторической сцене, и как можно было (если можно!) действовать иначе. Фатальна ли наша история или все решает случай?..

Поначалу далеко не все приняли переворот всерьез, можно даже сказать, что не все его и заметили. Черновцы рассчитывали даже приобрести какие-то дополнительные дивиденды. У каждой политической группы были свои ожидания и еще оставались неотмененные планы на будущее. Социалисты под давлением ряда рабочих сделали попытку договориться.

Оценивая позже попытку создания расширенного правительства, участник переговоров Р.А. Абрамович винил в провале таких попыток не только большевиков, но также их партнеров по переговорам в Викжеле. Меки и правые эсеры, как и беки, были враждебны, требовательны и несговорчивы (сходство было в том, что кандидатуры Ленина и Троцкого не предлагались). Несмотря на требования масс и политику урегулирования конфликта Викжелем, переговоры зашли в тупик, а беки (не пожелавшие уступать уже выигранное) в конце концов не явились на очередной раунд. Как пишет Г. Злоказов, «Укрепление чисто однопартийного режима диктатуры пролетариата неминуемо вело к умалению ведущего места Советов в политической системе страны, к превращению их в простой придаток всевластных партийных органов. Создание чисто большевистской власти, без политических оппонентов и союзников, с неизбежностью в дальнейшем обусловило также свертывание норм демократизации...»

(<http://www.auditorium.ru/books/4510/ch8.pdf>). Однако см. у Троцкого о том, что без Ленина беки вполне могли политически слиться с эсероменьшевиками на левом фланге: «Ни один из них в марте 1917 г. не пошел дальше позиции левого мелкобуржуазного демократа» («Моя жизнь»). Таким образом, если бы не Ленин и Троцкий, у беков была определенная возможность удержаться на государственной позиции вопреки интернациональным лозунгам. Естественно, это была бы весьма специфическая государственность. (Ср. у Троцкого «Моя жизнь», <http://ihtik.lib.ru/>: «Можно установить правило: те большевики, которые во время войны были патриотами, а после февральского переворота – демократами, являются теперь сторонниками сталинского национал-социализма»).

О тактике меньшевиков 1919 г. (Ю. Фельштинский, ук. соч.): «Официальные материалы по РСДРП {меньшевиков} ПИСЬМО К ОРГАНИЗАЦИИ: «тактика соглашения с правящей партией диктуется уже тем, что... наша партия, при существующем положении, не может вести тактики ее свержения, не открывая тем самым дороги явной контрреволюции, что единственный шанс спасения революции заключается в реформировании большевистского режима изнутри...». «Чистые» марксисты-теоретики естественно проиграли прагматикам-ситуационистам. В феврале 19-го года по инициативе Ленина закрыта газета меков «Всегда вперед» за статью «Прекратите гражданскую войну»; в постановлении указывалось, что такое требование означает попытку разоружить рабочий класс.

Эсеры в 17-м подвела в первую очередь самоуверенность: ведь они везде имели большинство, а в беках видели хоть и дурных, но младших братьев и к тому же хорошее пугало для крайне правых. В пандан ленинскому превращению Мировой в Гражданскую Натансон и Чернов¹³⁸ рекомендовали использовать благоприятные для революции условия, не считаясь с войной.

¹³⁸ Натансон, по Троцкому, признавал необходимость разогнать Учредилку, а Чернов, по-видимому, как и Ленин, мог быть связан с германскими деньгами. Но не стоит из всего этого делать слишком далеко идущих выводов, поскольку коррупция и политика вообще две вещи неразрывные. Приведем цитату из меморандума германского военного атташе в Берне, от 9 мая 1917 г., о разговоре социалиста (и немецкого агента) Карла Моора с меньшевиком П. Аксельродом и большевиком Г. Шкловским: «Повторялась жалоба на то, что партии и группы, оппозиционные войне, имеют меньше средств в своем распоряжении, чем поддерживающие войну, поскольку последние контролируют государственные финансы. ...Антанта расходует колоссальные средства

Авксентьев же, по Вишняку, наоборот, доказывал, что «мы не можем во время войны желать восстания в войсках и не должны делать ничего, что могло бы его вызвать». ¹³⁹ И большевизм «черновцами» изобличался как неосуществимая утопия, а не как преступление. По Вишняку, Дан от имени «революционной демократии» подтвердил, что «ЦИК, верный своей политике, ...будет стоять посередине между двух враждующих станов, и только через труп ЦИКа штыки двух враждующих сторон скрестятся между собой». Его прервали: «Да, это уже давно мертвый труп»...

Ср., что в 17-м писала о верхушке эсеров Гиппиус: «Тот самый ЦК, где "громадное большинство или немецкие агенты, или ничтожество". (Между прочим, там – чуть ли не председателем или вроде – подозрительный старикашка Натансон, приехавший через Германию)».

В дальнейшем они (особенно центристская черновская фракция) поставили себя в чудовищные условия борьбы на два политических фронта – и против беков и против белых («реакции»).

Вечером 24 октября (ст.ст.) Ф. Дан, Н. Авксентьев и А. Гоц доставили Керенскому «формулу» Предпарламента о необходимости принятия неотложных мер для пресечения вооруженного выступления, в том числе немедленное издание декрета о передаче земли в ведение земельных комитетов, предложение союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры. Как раз вовремя! Между прочим, в ряде газет за десять дней до переворота уже появилась ежедневная рубрика «К выступлению большевиков». Войтинский признает, что лозунг спасения Правительства на фронте был обречен на провал, но своевременное послание от Всероссийского ЦИК Советов еще могло бы спасти положение,¹⁴⁰ однако ЦИК молчал. Точнее, занимался

для поддержки военных усилий и подкупа влиятельных лиц. Поэтому они были бы счастливы, если бы сторонникам мира могли бы быть предоставлены большие суммы со стороны состоятельных товарищей и друзей». Цит. по Б. Николаевский «Тайные страницы истории».

¹³⁹ По Гиппиус, Авксентьев «человек, кажется, весьма ничего себе, порядочный», а Чернов – «по его "литературе" – это самоуверенный и самоупоенный туяк».

¹⁴⁰ Это звучит как плохой каламбур, но Временному Правительству действительно не хватило времени, и оно пало в первую голову потому, что как раз ближайшие к Петрограду две армии Северного фронта оказались разбольшевизированы, притом, что в целом против переворота высказалось 12 армейских комитетов из 14!

политической торговлей с Правительством, причем, без особого успеха даже здесь.

Об эсерах точно сказано Будбергом: они «царили разумно, с большим здравым смыслом, но не особенно дальновидно и слишком по-штатски; они долго мечтали править массами при помощи убеждений и красивых фраз и резолюций; в начале, пока все это было внове и пока массы еще сдерживались старыми привычками и врожденной боязнью власти, наши милые эсеры имели большой успех; теперь же их песенка спета; их время ушло... и выпущенные из за решеток революционные звери их неукоснительно скушают». И он же о Керенском: «Все эти митинговые божки из надрывчатых и истеричных пустобрехов, очень храбры только на словах. Керенский клялся умереть за революцию, а на деле занялся спасением собственной жизни, предоставив другим умирать и платить своей кровью за его слепоту, дряблость и абсолютную негодность».¹⁴¹

Дневник Гиппиус (29 октября по ст.ст.): «Толпа, чернь, гарнизон – бессознательны абсолютно и сами не понимают, на кого и за кого они идут. Газеты все задушены, даже «Рабочая»; только украдкой вылезает «Дело» Чернова (ах, как он жаждет, подпольно, соглашательства с большевиками!), да красуется, помимо «Правды», эта тля – «Новая Жизнь» [Горького].

Либералы не были пророками, и даже не были мало-мальски реалистами. Мережковский (цит. по Вишняку) писал: «Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что в Учредительном Собрании Ленин сломает себе голову!» («Новая речь», от 28 октября). Однако. А ведь вроде бы супруг Зинаиды Николаевны!.. Церетели заявлял публично: «с трудом верится, чтобы большевики осмелились разогнать Учредительное Собрание – ни народ, ни история этого не простит» (там же). И сам Вишняк: «Пока исход выборов не обозначился, большевики... соревновались с антибольшевиками в выражении преданности и верности Учредительному Собранию». Т.е. – добавлю уже от себя [В.Л.] – чистая обманка, как и переговоры с Викжелем, признанные Лениным всего лишь прикрытием военных действий.

¹⁴¹ Необходимо все же отдать справедливость и Керенскому: Локкарт (ук. соч., сс 162-165), отмечая его человеческие достоинства и блестящие ораторские способности, не раз подчеркивает неизбежность его политического поражения (как и поражения любого, кто был бы тогда на его месте!).

К немногим исключениям отнесем Будберга. Поразительна эта проникновенность Будберга, его понимание самой сути происходящего (ведь еще и сегодня не все всё понимают), вплоть до точного предсказания событий! Об Учредительном собрании: «если за Собранием будут стоять только слова, резолюции и вздохи, то, если оно не будет большевистским, оно не проживет и часа». По Вишняку, в тот момент, когда матросы Дыбенко разгоняли демонстрацию в поддержку Учр. Собрания, беки и лев. эсэры пытались сорвать, дискредитировать и осквернить первое заседание: «Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Степанов-Скворцов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясываемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собою зрелище бесноватых, сорвавшихся с цепи. Не то сумасшедший дом, не то цирк или зверинец, обращенные в лобное место». Чернов в председательской речи пытался найти примиренческие моменты и выглядел более чем наивно. Там же Бухарин наметил «водораздел, который сейчас делит всё собрание на два непримиримых лагеря»: у нас – «воля к диктатуре трудящихся классов»... которая «сейчас закладывает фундамент жизни человечества на тысячелетия»; у них же всё сводится к воле защищать «паршивенькую буржуазно-парламентарную республику». «Мы с этой кафедры провозглашаем смертельную войну буржуазно-парламентарной республике!» (по Вишняку). И далее (там же): «Вспоминается, как живая, фигура Ильича, сидящего на приступках трибуны председателя. На вылощенные речи Чернова и Церетели он не обращал никакого внимания. Сперва он что-то писал, а потом просто полулежал на {375} ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь».

(Линь-цзы, да и только! Это выше традиционной бытовой морали. Тогда марксизм был одним из заменителей ницшеанства. И что с того, что «обезьяна со штыком», как говорила Гиппиус? А м.б., это пролетарская «школа обезьяны» против буржуазной «школы змеи»?).

Но, критикуя беков, не будем забывать и о прочих корнях российского социализма: ведь даже благороднейший, осудивший Октябрь, Плеханов некогда сказал на 2-м съезде РСДРП: «Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент, то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом. А если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, через

две недели»;¹⁴² цит. по Д. Шуб «Политические деятели России (1850-х-1920-х гг.)». Изд. Нового Журнала. Нью-Йорк, 1969.

Классово-партийная идеология была чрезвычайно проста. Как писал Ленин, «Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном Собрании с формальной, юридической стороны является угрозой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии». Проста, но действенна и понятна, в отличие от интеллигентско-либерального подхода. Ср. иронию Троцкого о том, как эсеро-меньшевики явились на Учредительное Собрание «во всеоружии бутербродов и свечей», а теоретический подход беков в этом вопросе шел «рука об руку с применением латышского стрелкового полка» («К истории русской революции», с 208); он же о параличе и тяжелом полусне демократов). Можно сказать, что в октябре 17-го произошло (победило) как раз наименее вероятное: демократы сравнительно легко могли воспользоваться тем моментом, что солдаты и левые организации готовы были выйти против Керенского только по зову 2-го съезда Советов, а не беков, поэтому последним пришлось по-всякому хитрить (а внутри их собственной верхушки – Ленину – склонять на восстание всех прочих, преодолевая вполне логически законное сопротивление; см. КИРР). «Число», «количество» не всегда диалектически переходит в «качество». То, что эсеры проиграли сначала Колчаку, а затем и большевикам, даже в Поволжье, где за них голосовало на выборах в Учредительное Собрание от 80 до 100 процентов населения, говорит о некоем неизлечимом изъяне во всей их политике.

Сегодня для всякого беспартийного человека (т.е. для нормального незашоренного гражданина) совершенно очевидно, что в 17-м году «сермяжная» правда была на стороне таких людей как Деникин и Будберг, а не Керенского, Стеклова и Чернова. Беки победили не только потому, что склонили к себе темные массы, но в первую очередь потому, что были более реалистичны, наглы и сплоченны, чем их противники. (Ср. КИРР Троцкого, с 192, о ленинизме). Но, разумеется, чисто физически их (беков и либералов) возможности были абсолютно несопоставимы уже по первой и главной задаче: что легче – доразваливать и так разваливавшуюся армию или укрепить ее, да еще одними уговорами? Ответ однозначен. Но из всего этого также вытекает и то, что хотя личности конкретных монархов, генсеков и президентов и дискредитируют идею имперства и

¹⁴² Позднее Плеханов оправдывал свое высказывание спецификой и различием условий в каждой конкретной исторической ситуации.

самодержавия, но удержать государственность многонациональной империи удавалось только благодаря унитарным имперским принципам. При всей – весьма абстрактной – желательности демократии, реально она может быть осуществима (и то лишь частично и специфично!) только в условиях какого-либо не слишком большого, однородного и более-менее развитого региона. Легче всего в условиях столичного центра, еще легче – в условиях определенной – «сетевой» – структуры, например, в университете. Соответственно, имперская целостность обладает своей особой спецификой и это диктует особые формы ее отношений с другими системами.

А что могли противопоставить «масонствующие» либералы и интеллигенты? Какую систему? Пацифизм, культ просвещения, лозунг прогресса, братские, «сетевые», взаимоотношения между людьми, разрешение всех споров в переговорном процессе, обхождение «острых углов»... (Эти ценности, кстати, входили в масонскую клятву). И чего же добились, на что оказались способны? Осуществить – до начала неуправляемых февральских событий – свержение царя не сумели, армию уговорить Родину защищать не смогли, с большевистским переворотом не справились,¹⁴³ от Запада кардинальной помощи не добились, гражданскую войну, страну и народ, проиграли вчистую. Разумеется, не все они были такими «барашками»: противоположный пример – Савинков, но он и «в масоны пошел» ради упрочения внутриполитических связей и собственного влияния, что лишь подчеркивает всю малозначимость и беспомощность данной системы.

Ленин и Троцкий (см. у Краснова, Будберга и Злоказова) поначалу вовсе не казались для большей части народа подходящими вождями. Зато сам народ показался вождям вполне подходящим! Подстрекая к дерзанию членов своего ЦК, не веривших в успех восстания, Ильич накануне Октября писал им: «За нами верная победа, ибо народ уже близок к отчаянию и “озверению”» (цит. по Д. Шуб). Октябрь и вся идеология беков (см. у Троцкого о сетованиях Ленина, что русский мужик слишком добёр, что слишком мало настоящей диктатуры и вообще, надо сказать, что вопреки будущим комм-историкам, реальные беки вполне открыто демонстрировали свою тотальную

¹⁴³ Деникин в «Очерках русской смуты» (Т.1, гл. XXXVI) писал: «1-го сентября Временным правительством подвергнут аресту генерал Корнилов, а 4-го сентября Временным правительством отпущен на свободу Бронштейн-Троцкий. Эти две даты должны быть памяты России».

репрессивность) развязали руки и дали карт-бланш для мстительности масс, в результате чего наверх повылезали уголовники и садисты, психопаты и извращенцы («социально – и психологически – близкие»). Лишь тогда остальные социалисты заголосили, но «объективных» западных ученых, типа Карра, и это не смутило.^{144*} (А кондовые романтики-социалисты, журналисты Альберт Рис Вильямс и Джон Рид, лично поучаствовали в революции).

Позднее новые поколения интеллигенции приложили немало усилий, дабы трансформировать неприглядную реальность, в том числе – историю об уничтожении своих предшественников, в искусственный романтический миф для школьных хрестоматий. Ср. высказывание Ольминского в «Веч. Известиях» 3 февр. 19 г.: «Можно быть разных мнений о красном терроре, но то, что сейчас творится в провинции, это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина». (Мы здесь не будем задерживаться на данных о терроре и ужасах гражданской войны. Источники и исследования на эти темы широко опубликованы и хорошо известны).

И нейтралитет Викжеля и неумение договариваться эсеро-меньшевистских болтунов дорого им обошелся впоследствии. Ср. у Будберга: «у красных дерзкая, чисто каторжная решительность, оглушительное действие и самые крайние средства террора; а у их

¹⁴⁴ Э. Карр «История Советской России». Кн.1. «Большевистская революция 1917-1923». Тт.1-2. Прогресс. М., 1990: с 40 – «И все же, хотя Ленин был великим – быть может, величайшим во все времена – революционером, в основе его гения лежало созидательное, а не разрушительное начало»; «Среди гениальных черт Ленина особое место занимает величайшее искусство политического стратега и политического тактика». С 54 – «Поражение меньшевизма... было результатом их отрыва от российской действительности». 55 – «Меньшевики... были обречены на бесплодные усилия и гибель». 93 – Каменев и Зиновьев в вопросе восстания «впервые объединившиеся в бесславном деле». 97 – «ленинская политика была единственно приемлемой с точки зрения текущей политики в России». 111 – «несостоятельность Учредительного собрания». Он же говорит о «преувеличениях» и «вымысле» по поводу ЧК и оправдывает террор и диктатуру тем, что все партии таковы в войнах друг с другом. 177 – «твердое, умелое руководство Сталина».

Как тут не признать правоту Ленина-реалиста, утверждавшего в 18 году на словах и на деле неизбежность диктатуры любого толка, потому что всякая политическая середина есть либо обман, либо тупость (особо касаясь черетелиевской прекраснотушной болтовни об общем демократическом фронте)!

противников жалкие уговоры... неужели восьми месяцев было мало для того, чтоб убедиться, что все эти нежные средства не по адресу направлены и совершенно негодны».

В июле 1918 г. советское правительство впервые столкнулось с необходимостью отойти от чисто репрессивной политики и перейти к методу «кнута и пряника» (необходимость в «спецах»).

Системная логика процесса – концептуальное разрешение террора сверху и на местах происходят «самонакачка» и перехлесты, после чего верхи уже вынуждены несколько остужать рвение масс. В то же время идет расширение возможных поводов для ареста инакомыслящих. Ср. также у Будберга: «Вся горечь современной действительности, все грехи прошлого и вся ответственность и за прошлое, и за будущее очень искусно сваливается на буржуазию и на контрреволюционных генералов».

«В середине февраля [1918 г. – В.Л.] Совет обороны постановил применить репрессии к лицам, саботирующим расчистку железнодорожных путей. Немедленным арестам подлежали члены исполкомов и комбедов тех местностей, "где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно". Одновременно, постановление предписывало "взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны". Несколько позже Ленин предложил арестовать "по 1-2 члена каждого исполкома" за невысылку рабочей силы на снегоочистительные работы» (Ленинский сборник. XXXVII, с 144. Цит. по Ю.Г. Фельштинский. М., Издательство гуманитарной литературы, 1995).

В том же процессе – если слишком много арестованных, естественно (т.е. объективно) возникают идея расстрелов уже только для разгрузки тюрем и идея использовать труд зека. В глобальном процессе (как некогда в эпоху ВФР-ции) происходит «естественная» эволюция репрессий от «чистых» правых и «чуждых» до более левых и чистки собственных рядов.

Но в эпоху «первоначального накопления властного капитала» было не только немало «бардака» и нестыковок, но и явные парадоксы. Так, могли быть расстреляны тысячи невинных, но амнистирован и отпущен «под честное слово» открытый враг Пуришкевич (как ранее П. Краснов), взят на службу «кровавый» Слащев (прототип булгаковского Хлудова), прощен убийца Мирбаха Блюмкин, но не помилован Гумилев, а Сталин на заседании Совнаркома в гордом одиночестве голосует (в ноябре 17-го) против декрета об аресте кадетов. И т.д.

На Кавказе во время революции и гражданской войны

происходили этнополитические события (бесконечные внутренние конфликты) весьма сходные по типу с тем, что началось (вновь началось) в конце 1980-х гг. Возвращавшиеся с Кавказского фронта солдаты грабили черкесские аулы. Чечены и ингуши грабили всех подряд. Мусульмане устроили вместе с турками резню армян в Карабахе и при освобождении Баку, а также военной силой захватили русские села в Мугани и Ленкорани. Армяне в свою очередь участвовали в большевистских карательных экспедициях на местных мусульман («татар»). Происходили стычки и военные действия Грузии с Осетией, Абхазией и Арменией. Зато помогать врагам большевистской России, говорил Чхеидзе, Грузия ни за что не станет (вредить – да), из-за чего Деникину приходилось держать часть своих войск на границе с Грузией. Грузия безуспешно попыталась вступить в Лигу Наций в 1920-21 годах, но все же добилась своего признания на Западе де-юре. В Крыму – прогерманские настроения, попытка создания нового Крымского ханства, сепаратизм, попытка украинизации Крыма Скоропадским и т.п. Следует, правда, учесть, что само провозглашение независимости ряда республик было вызвано не только «вековыми мечтами» о свободе, а реальностью распада фронта и державы, турецкой экспансией на Кавказе и нелегитимностью новой власти большевиков.

Враждуя с добровольцами, выступавшими за «Единую и Неделимую», кавказские республики и местные «зеленые армии», оттягивали на себя значительные силы белогвардейцев, и в результате поражения последних были тут же сметены красными. Факты свидетельствуют, что у маленьких народов подчас слишком большие политические амбиции, они никогда не могли договориться между собой на межнациональной «коммунальной кухне». Их взаимный счет друг к другу не оплачивается со временем и надеяться на вечный мир между ними по меньшей мере наивно. Совершенно естественно, что одни маленькие республики физически не могли устоять перед большим соседом, другие сами ему покорялись. Промежуточным вариантом является апелляция к помощи дальнего «большого игрока», но чем реальнее эта помощь, тем виртуальнее государственная независимость.

По Слободину (Слободин В.П. «Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.)». М., МЮИ МВД России, 1996): На июнь 19-го у Колчака в целом – 95 547 штыков и 22 581 сабель. На Юге у белых в целом на октябрь 19-го – 107 395 штыков и 45 687 сабель. У Юденича – Северо-Западный фронт – на октябрь 19-го – 17 800 штыков и 700 сабель. Сев. фронт ген. Е. Миллера (после

эвакуации в сентябре 19-го англичан) – 20 000 штыков и 300 сабель. Т.е. в целом это 240 742 штыков и 69 268 сабель. Правда, в Западной армии к 10 июня 1919 г. было 1714 невооруженных бойцов, а в Южной – 7089. А что касается численности Красной армии, то на конец 19 года в мобилизационных списках 4 400 тыс. человек (т.е. более чем 10 к 1), но особо впечатляет цифра, ставшая известной лишь сегодня, после падения Советской власти, что в 1918-1922 годах только погибло 939 755 красноармейцев. (Следует еще учесть, что весьма значительная часть солдат белых и красных успела послужить и там и там. Белые дезертировали, а красные, попав в плен, сражались у белых, особенно много – в армии Врангеля).

Да и как же им было не переходить к белым, если Ленин в мае 19 года приказывал «мобилизовать всех служащих советских учреждений мужского пола от 18 до 45. Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля или дезертирства или невыполнения данных заданий...»?.. Но в целом, конечно, демократия, даже в военно-диктаторской, авторитарной, форме, не способна противостоять планомерному тоталитаризму.

На фронтах Гражданской победа красных во многом была создана руками старых – и лучших – военных спецов. Е. Беренс, М. Бонч-Бруевич, А. Брусилов, И. Вацетис, А. Верховский, А. Егоров, В. Егорьев, Е. Искрицкий, С. Каменев, А. Корк, А. Маниковский, Ф. Огородников, В. Ольдерогге, Д. Парский, Ф. Подгурский, А. Поливанов, Н. Потапов, А. Свечин, А. Снесарев, В. Триандафиллов, С. Харламов, Б. Шапошников, В. Шорин, Д. Шуваев... Всего, по разным данным, до 700 генералов и 70 тысяч офицеров, и свыше 30% процентов генштабистов, т.е. в целом лишь не намного меньше, чем у белых (а образованных военных аристократов даже больше). Как показывают последние исследования (см. Абинякин Р.М. «Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917-1920 гг.». Орел, 2005), офицерский состав у белых имел изначально гораздо более сословно-демократический характер, чем у красных. Приплюсуем еще к успеху беков широкую насильственную мобилизацию, жесточайшую карательную дисциплину, использование инородцев и иностранцев (еще раз вспомним жалобу Ленина Троцкому, что слишком «добёр русский мужик»!). Китайцы и корейцы, красные латыши, террор Бела Куна в Крыму, тов. Серго с ингушами уничтожает казачьи станицы (после победы над Деникиным, ряд станиц целиком перейдет к чечено-ингушам). Турки и красные воевали с Арменией с разных сторон и фактически поделили ее.

Позволим себе небольшое эмоциональное отступление. Вспомним классический фильм «братьев» Васильевых с картиной «психической атаки» каппелевцев и «триумфа советской власти», вылетающей из-за холма на коне, с шашкой в руке и в бурке под красным знаменем... А теперь воспользуемся виртуальной машиной времени, перенесемся в лето 18-го года и попробуем реконструировать реальную картину того периода. Добровольческая дружина русского офицера-патриота Владимира Каппеля, принадлежащая Народной Армии (официальное название!) Комитета Учредительного Собрания (в большинстве – эсеровском),¹⁴⁵ поддержанная уральскими казаками, поволжскими крестьянами, интеллигентской молодежью, рабочими Ижевска и Воткинска, а также братьями-славянами, сербами и чехами, под красным стягом и российским триколором идет в атаку на превосходящие силы противника – немецкие, мадьярские, китайские, латышские полки и большевистские банды чапаевцев (чьи руки уже по локоть в народной крови)...¹⁴⁶

К лету 20-го года интернациональные соединения в Красной армии составляли четверть миллиона человек. Еще об объективной двойственности вещей: победа Брусилова, взявшего в плен почти полмиллиона пленных, дала впоследствии наиболее боеспособную часть Красной армии. Двойственный политический результат имел и

¹⁴⁵ Забавно на сегодняшний день звучит сообщение, что правительственную политику плана мобилизации в Поволжье поддержал местный обком РСДРП.

¹⁴⁶ В. Каппель – творец самой крупной победы Народной армии, «чуда на Волге», взятия Казани с золотым запасом и огромным количеством военного имущества. И все это вразрез планам генштаба Комуча. Он также предложил сразу же развить наступление на Ниж. Новгород и далее на Москву. Могло ли тогда случиться второе «чудо»? Теоретически – вполне. В истории не раз случалось нечто подобное. Но с рациональной точки зрения реальных сил для этого у Каппеля явно не хватало. Реальность эта – срыв мобилизации, когда половина крестьян и большинство рабочих не пожелало участвовать в «братоубийственной войне», а значительная часть офицерства не хотела воевать под руководством революционеров. В итоге, при формальной возможности организовать миллионную армию, на антибольшевистском фронте воевало чуть больше 20 тыс. человек (и многие из мобилизованных разбежались при первом удобном случае). В этом отношении Комуч изначально уже проиграл бекам по всем статьям, а последние весьма умело соединили и использовали идейно-лозунговый «пряник» с чекистско-комиссарским «кнутом».

Брестский мир. Дав передышку бекам, а главное, утихомилив нежелавший воевать «класс» дезертиров,¹⁴⁷ он дал определенные результаты, также двойственные, и для Германии. С одной стороны, немцы так и не смогли полностью использовать восточные дивизии, дабы переломить ситуацию на западном фронте, но зато использование российского продовольствия помогло справиться с голодом и тем самым преодолеть революцию в самой Германии, на победу которой так надеялись большевики.¹⁴⁸

Возвращаясь к зверствам Гражданской, нельзя не отметить, что война развязала все старые – социальные, этнические, местнические – конфликты и обиды (т.е. зверства не были исключительной прерогативой и инициативой революционной/контрреволюционной идеологии). Так, и Деникин и Троцкий пишут о вражде пришлых крестьян и казаков, насельников юга России. («Глубокий антагонизм между казаками и крестьянами придал в южных степях исключительную свирепость гражданской войне, которая здесь забиралась глубоко в каждую деревню и приводила к поголовному истреблению целых семейств». – Троцкий «Моя жизнь»).

Был еще один момент, без которого бы красные не победили, а белые не проиграли. Это момент, ярко проявившийся еще в эпоху ВФР и Наполеона: значительное число офицерского корпуса монархии (и в революционной Франции и у нас) было обязано своим постам аристократическому происхождению и всей рутинной бюрократической системе власти, со скрипом допускавшей в свои ряды талантливых самородков, но легко закрывавшей глаза на неполное служебное соответствие «социально близких». Ср. у Спиридовича о Генштабе (Спиридович, ук. соч., с 84): «за войну блестяще выдвинулись только два генерала: Ген. Штаба Юденич, да не проходивший его школы, Брусилов. А было-то их много»). Беки в 17-м по большей части умели только разрушать и потакать разрушению. Добившись власти, они оказались лицом к лицу с хаосом, ими же устроенным, но теперь поменялась сверхзадача. Революция, находясь на краю гибели, не брезговала ничем. Остро нуждавшаяся в «пассионариях», она принимала и использовала во всех «узких местах» и своих и врагов, лишь бы давали результат.

¹⁴⁷ Правда, усюветить немцев видом опустевших окопов не удалось, и одно время всерьез муслировалась (и едва не воплотилась) идея военного союза беков и Антанты.

¹⁴⁸ По мнению одного из лидеров европейского социализма, Карла Либкнехта, Брестский мир только сыграл на руку мировому империализму.

Примеров блестящих карьер военных и административных руководителей, рожденных «из хаоса» массы, обе эпохи, французская и русская, дали предостаточно. Кроме того, хотя мы и понимаем, что идеи, классовые формулы, за которыми шли неофиты, являлись специфическим синтезом несбыточного добра и реального озлобления, тем не менее, у неофитов были четко сформулированные цели, был идеологический стимул (плюс экспансия, наглость, плюс драйв, а потому им чаще улыбалась удача).¹⁴⁹ А у их противников – в основном лишь мстительность и ностальгия. В этой шахматной партии красные играли «белыми». И их отчаянность превышала интеллигентско-обывательские возможности населения, сочувствовавшего белым. Когда в 18-м году большевики «висели на волоске» и сами уже были уверены в своем поражении, они хотели напоследок «хлопнуть дверью», так, что б мало никому не показалось. И расстрел царской семьи из той же «оперы».

Деникинские власти, судя по воспоминаниям (см. АРР), так и не научились правильно и умно вести себя даже с интеллигенцией, бежавшей от большевиков. Не утихали постоянные контры с сепаратистски настроенными казаками и, тем более, с местными правительствами Юга России. Но что тогда говорить о взаимоотношениях с простым народом! Правда, и либеральные и офицерские историки (Слободин, Волков и мн. другие) в основном исходили из взглядов Ивана Ильина: «Белые никогда не защищали... ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело – дело России, Родины, дело русского государства» (Ильин И.А. «Белая идея» // Станица. 1992. №5, с 1). Звучит красиво, и сам автор этих слов – гордость русской мысли. Слободин резюмирует: «абсурдно было бы полагать, что идеология белого движения выражала мировоззрение монархистов. Символ веры белых армий – «Спасение Великой России». То есть национализм стал как бы фокусом их идеологии». (Слободин В.П., ук. соч., с 23).

¹⁴⁹ 15 июня на заседании Петросовета Зиновьев заявил: «Мы побеждены, но не ползаем у ног. Если суждено быть войне, мы предпочитаем, чтобы в крови захлебнулись наши классовые противники». А.М. Лашевич вынул браунинг и закончил выступление словами: «Может быть нам и суждено погибнуть, но 14 патронов вам, а пятнадцатый себе». Да, утопичны идеи коммунизма, но вовсе не методы коммунистов. Гораздо утопичнее выглядели и идеи и методы демократов в 17-м, в том числе и касающиеся армии; см. у Будберга о «кисельной власти», и у Троцкого о необходимости репрессий.

Однако не все было так просто. «Белое движение... утверждало естественность и необходимость частной собственности. Стремление к единой России также было присуще участникам белого движения, ибо в центробежном распаде государства они видели его гибель» (там же, с 27). «Провозглашение ими примата частной собственности завело их в тупик в деле разрешения аграрного вопроса» (с 28). «...приверженность идее частной собственности воспринималась населением как стремление белых к реставрации через возвращение владельцам отобранной у них в годы смуты земли и имущества. ...Желание сохранить целостность России рассматривалось национальными меньшинствами как великодержавный русский шовинизм» (с 29-30). Т.е. полный конфликт с социалистическими и интернационалистскими идеями плюс нерешенный социально-имущественный вопрос, плюс расхождение либеральных слов и реальных дел. У Шульгина («1920»): «Они кричат: «смерть буржуйам», а мы отвечаем: «бей жидов».¹⁵⁰ Но можно довериться, наверное, и генералу Деникину, писавшему, что офицерство сохраняло «кастовую нетерпимость, архаическую классовую отчужденность и глубокий консерватизм».

А вот, что писал Г. Шавельский (ук. соч., Т. 2, с 325): «Приглядевшись к настроению и поведению собравшейся в Екатеринодаре интеллигенции, я вынес прочное убеждение: ничему она не научилась. ...Революция, по их мнению, бунт, а задача «государственной партии» – вернуть пострадавшим благоденственное и мирное житие, достойно наказав при этом бунтовщиков. Перестройка... пересмотр жизненных норм, порядков государственных и т. п., необходимость всего этого чувствовалась только очень немногими, а большинством или ставилась под подозрение или совсем отрицалась». И далее, уже обо всей Добровольческой армии (там же, с 364): «Грабежи, спекуляция, нахальство и бесстыдство разложили дух армии. Грабящая армия – не армия. Она – банда. Она не могла не прийти к развалу и поражению». Шульгин: «мы боремся с большевиками. Из-за чего? Неужели только для того, чтобы сесть на их место и делать все так же, как они? Но к чему же тогда все «жалкие слова»?...».

¹⁵⁰ Довольно сравнить популярные карикатуры тех лет: большевистская, с толстым буржуем на штыке красноармейца и деникинского Освага – девица-Россия в кокошнике и горбоносый пейсатый Троцкий на штыке белогвардейца. Правда, в реальности до Троцкого они как раз и не дотянулись.

И еще о реальности тех лет, теперь – на Востоке. Будберг: «Харбин это помойница, в которой гноятся и безвозвратно погибают последние остатки русской молодежи, той самой, из которой, попади она в другую обстановку и в другие руки, могли бы выйти целые рати героев подвижников, истинных спасителей гибнущей Родины. Конечно, и сейчас здесь есть и идейные борцы за Россию, и добросовестные, скромные работники, но их капля сравнительно со всем остальным»; «надо, чтобы свои силы были бы настоящими русскими войсками, а не бандами белых большевиков».

И так было везде. Ср. также ситуацию в Киеве – 30 000 офицеров против 4-8 тыс. беков.¹⁵¹ По сведениям Штаба Добрармии в начале марта 1920 г. в Новороссийске болталось без дела до 18 000 офицеров. Около 40 000 эвакуировалось из Крыма вместе с Врангелем, а ведь незадолго до этого денikinская армия таким составом одерживала победы, а корниловская побеждала на порядок меньшим числом (конечно, и общие условия тогда были иными, но тем не менее).

Боевой дух соответствовал духу идейному. Роман Гуль, известный писатель и герой «Ледяного похода», говорил о том, что после смерти Корнилова влияние в белой армии приобрели монархисты, проводившие откровенно антинародную политику. (Официальные политические документы администрации белых были составлены вполне толерантно в плане демократических обещаний, но наличие таких оправдательных бумажек никак не могло повлиять на реальную политику и на классовую ненависть со стороны народных низов). Белые, как и демократы, не способны были к серьезным военно-политическим союзам, т.е. вели достаточно самоубийственную политику. Так, ген. Алексеев писал Локкарту, что скорей договорится Лениным и Троцким, чем с Савинковым и Керенским.¹⁵²

Не столь уж далеки от истины и выводы большевистских историков, базирующиеся на воспоминаниях самих белогвардейцев, и, в частности, на книгах монархиста В. Шульгина. В предисловии к

¹⁵¹ См. Шульгин, «1920»: «В критическую минуту от двадцатипяти тысячной «кофейной армии», которая толкалась по всем «притонам» города, и от всех частей... прибывших в Одессу, в распоряжении полковника Стесселя, «начальника обороны», оказалось человек триста».

¹⁵² Не мог и не желал договариваться с Маннергеймом и Скоропадским, с немцами и с Кубанской Радой, с трудом выносил Краснова, да и с Врангелем был на ножах. Вот что делают с «простым» человеком излишняя честность и идейная щепетильность!..

книге «1920» несколько трафаретным и тяжеловесным языком новой идеологии резюмируется: «На фоне общего развала, организационного распада, идейного краха, грабежей и насилия, немногие, сохранившие человеческий облик, представители белого движения являются лишь лишним доказательством того, что социальная сущность белого движения как раз и заключается не в них, а в том общем фоне организационного распада и идеологического краха, которыми характеризуется классовый лик российской буржуазии и дворянства».¹⁵³

Со временем подобные штампы потеряли уже всякую связь с реальной исторической сложностью эпохи, но это не означает, что такой связи изначально и не было. Ср. признание Троцкого («Моя жизнь»): «Отдельные белые роты, состоявшие сплошь из офицеров, совершали чудеса». В тоже время главная причина образования «помойницы», конечно же, не идеологическая, а самая что ни на есть материально-физиологическая, природно-человеческий фактор. Ср. у Шульгина (ук. соч.): «Легко быть «джентльменами» неделю, месяц, два... Но год, три, шесть лет. Ведь некоторые воюют непрерывно с 1914 года».

Вполне очевидна неизбежность поражения Колчака и падения буферных республик Сибири. Бекам противостояла весьма неоднородная масса противников. Социалисты, сторонники Учредительного Собрания, не могли удержаться в борьбе на два фронта – против беков и Колчака (да еще имея анархию в тылу). Колчак сверг эсеровскую Директорию (чему формально предшествовала инструкция Чернова эсерам вооружаться против «реакционных сил» в среде антибольшевистского фронта), а позже эсеры «свалют» уже павшее колчаковское правительство и сделают попытку договориться с беками, но в результате последние перехватят власть. (Беки еще какое-то время продолжали дело местных социалистов, строя самостоятельную – «буферную», но дружественную –

¹⁵³ Автор предисловия – проф. С. Пионтковский, расстрелянный в 37-м. Это довольно показательный момент для понимания эволюции социальной системы. Если некогда проблемы понимались на уровне простых понятий типа «казнокрад», «трус», «лгун», «негодный министр», «честный патриот», то новая система аннулировала подобный примитивный подход. Он уступил место целесообразности, законам управления массами, сложной каббалистике аппаратных игр. Всё субъективно человеческое получало «путевку в жизнь» лишь пройдя через определенные бюрократические фильтры).

Дальневосточную республику, однако логика вещей вскоре отменила эту формальную самостоятельность). Бандитствующие атаманы, Семенов и Калмыков, протеже японцев, были конкурентами Колчака; в тылу, благодаря неумелой политике, возникали сотни крестьянских восстаний, анархия и партизанщина. (Впрочем, внутренняя – вооруженная! – анархия возникла бы и без всякой «политики» и справиться с ней, на фоне ударов красных, у Колчака не было никакой физической возможности). Наконец, и чехи, предвидя неизбежный конец, решили уйти, предварительно сдав Колчака. Сам Колчак в показаниях о периоде своего пребывания в Харбине весной 1918-го года свидетельствовал о «всеобщей распушенности офицерства и солдат, которые потеряли всякую меру понятия о чести и долге, об обязательствах, ибо никто не желал ни с кем считаться». По его мнению, «тоже самое было в обществе».

Читаем у Будберга: «В Барнаульском районе начались крупные восстания – результат хозяйничанья разных карательных экспедиций и отрядов особого назначения; ...крестьянин, из бывших членов Государственной Думы... жаловался, что в их округе нет деревни, в которой по крайней мере половина населения не была перепорота этими тыловыми хунхузами (очень жидкими по части открытой борьбы с восстаниями, но очень храбрыми по части измывательства над мирным населением)». Здесь-то – в социально-политической несостоятельности, в классовом нежелании и объективной невозможности привлечь на свою сторону массы – и заключалась основная проблема белых. С одной стороны – реквизиции и порки, с другой – полумеры. Как пишет Будберг об армии, «по заявлению фронтовых офицеров, главная болезнь наших скороспелых формирований: «не хотят воевать..., не хотят терпеть», ну а с этим ничем, кроме чисто комиссарских и нам неподходящих средств, уже не справиться». Т.е. – в отличие от беков – ни возбуждающей идеологии, ни подавляющих репрессий. Это – общая картина, проблема в целом, но еще более трагичной она выглядит на фоне «цветистых», подчас – трагикомичных, деталей. Будберг: «Вчера состоялась публичная лекция полковника Котомина, бежавшего из Красной Армии; присутствующие не поняли горечи лектора, указавшего на то, что в комиссарской армии много больше порядка и дисциплины, чем у нас, и произвели грандиозный скандал, с попыткой избить лектора... особенно обиделись, когда К. отметил, что в красной армии пьяный офицер невозможен, ибо его сейчас же застрелит любой комиссар... у нас же в Петропавловске идет такое пьянство, что совестно за русскую армию».

Ситуация выглядит вполне тупиковой, и тактически и стратегически и чисто психологически: с одной стороны – тоталитаризм и жестокий террор беков, но – зато! – «всё для фронта, всё для победы», с другой – белые армии «на подножном корме», а их т.н. демократический тыл весь в говорильне, спекуляциях и пьянстве...

В таких условиях сопротивление не могло быть бесконечно долгим. Мог ли Колчак вести иную, более победоносную, политику? Только поглотив атаманщину и объединившись с некими серьезными силами: чехами, казаками, эсерами, привлекая на свою сторону желавшую «нормального порядка» народную массу. Но чехи – временный и чужеродный элемент в Сибири, а для того, чтобы завоевать доверие разумной части крестьянства, помимо соответствующей политики, требовался не один год мирного времени и взаимное неппротивление сторон. Но сами условия гражданской войны, множа взаимные зверства, не оставляли никакого шанса для иллюзий. Союз с умеренными социалистами? Но тогда, по логике вещей, Колчак должен был бы превратиться в послушного «военспеца» правительства социалистических идеологов. В таком случае его расстреляли бы не сразу, а в году 37-м. Так что он их просто опередил, свергнув Директорию, арестовав и выслав Авксентьева в Китай, но это ему «аукнулось» позже, когда победы на фронте сменились поражениями.¹⁵⁴

Если даже сегодня не просто выискивать упущенные возможности, то что требовать от деятелей тех лет?.. Да, какие-то неиспользованные шансы есть всегда, но и всегда находятся сиюминутные причины (казавшиеся абсолютными), чтобы не воспользоваться ими. Так, в июне 1919 года генерал Карл Маннергейм

¹⁵⁴ Кстати, расстрел Колчака красными, в обход принятой ими же в то время отмены смертной казни, был обставлен точно так же, как и расстрел Романовых. Скиянский, с подачи Ленина, рекомендовал в шифровке руководителю Сибревкома Смирнову опубликовать известие о том, что с ним «поступили так и так» в виду наступления Каппеля. В своем ответе Смирнов цитирует собственный приказ иркутским бекам – «Если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме». Учитывая, что именно чехи и сдали Колчака, здесь явно содержится намек на чехов эпохи их борьбы с красными, когда царскую семью уничтожили под маркой ожидавшегося наступления чехов и белых на Екатеринбург. Как мы видим, беки обновляли эзопов язык, таких замен-метонимий было немало, от отвлеченного «списать в расход» до конкретизаций – «отправить в штаб к Духонину» (заколотому штыками), или – выражение чекистских палачей Пятигорска – «отправить на Машук фиалки нюхать».

был готов оказать помощь Юденичу во взятии Петрограда, при этом он рассчитывал на признание Колчаком независимости Финляндии, но последний («идеалист» и «большой ребенок», по Будбергу¹⁵⁵) не пошел на это и прервал переговоры.¹⁵⁶ В плане пропагандистской риторики белые лидеры были полными нулями; видимо, старая дворянская мораль не позволяла им обещать «кисельных берегов» и «журавлей в небе».

Бардак и ошибки были везде. Говоря об ошибках белых, для равновесности следует помнить и не меньшие проблемы у красных. Возникновение «зеленого» движения и белоказачества, антибольшевистские народные восстания – «заслуга» безумной репрессивной политики большевизма. Троцкий «из ничего» создал восстание чехословаков, чуть было не приведшее к потере большевиками большей части страны. Также и поражение социалистов-демократов это, в первую очередь, результат их собственной зашоренности, интеллигентской безалаберности и идеологической косности.¹⁵⁷

«Межеумочное» положение эсеров сказывалось прежде всего в том, что если для офицерства они являлись, наряду с беками, символом былого краха Великой Армии, то для солдат крестьянского происхождения – интеллигентами и сторонниками продолжения

¹⁵⁵ Кадет Н. Устрялов, будущий сменовеховец, восхищался Наполеоном и Лениным, как «историческими личностями», а Колчак, по его мнению, был «слишком честен, слишком тонок, слишком "хрупок"... для "героя" истории».

¹⁵⁶ Будберг, обвиняя окружение адмирала, пишет: «под бряканье пустозвонных слов о великой, неделимой России отказались от незаменимой тогда услуги по спасению этой самой России и обрекли ее... на измывания под пятой красных деспотов и палачей».

¹⁵⁷ Вот, что писал участник событий А.Я. Гутман – «Ижевское восстание» <http://www.dk1868.ru/history/GUTMAN.htm#z122>: «Уфимская власть вместо помощи людьми и оружием прислала агитаторов и литературу. Болтали в Самаре и Уфе, болтали и в Ижевске, пока не пришли красные и не разгромили всё и всех. “Мы предпочитаем лучше большевиков, чем погоны и порядки царской армии, которые нам навязывают из Сибири”, – сказал автору этих строк уполномоченный прикамского Комуча, эсер Михайлов, накануне падения Сарапула. “Мы лучше примиримся с большевизмом, чем с реакцией” (Так в итоге и произошло. – В.Л.). А в кадры “реакции”, как и во времена Керенского, были зачислены все те, которые считали, что спасение России в сильной власти».

ненавистой войны с Германией. В практическом плане можно сравнить недостаточность реальной крестьянской поддержки эсеров с успехами беков, которые, при всей своей дьявольской политике разжигания гражданской войны в деревне, опирались, тем не менее, на силу комбедов и многочисленных добровольных помощников.

Об иностранной помощи белым написано много, и везде отмечена ее недостаточность. Иностранцы были ничуть не дальновиднее и не мудрее отечественных деятелей тех лет, но и у них были свои внутренние проблемы, государственные и общеевропейские планы, а подчас и справедливые претензии к просителям, а не только национальный эгоизм. В руководстве белых генералов европейцев пугала их великодержавность, тогда как беки легко сдали Финляндию и Прибалтику. Также вполне справедливы претензии иностранных послов и военных к бесконечной «говорильне» русских. Но в целом равнодушие и откровенный цинизм представителей Антанты на местах (особенно это касается французов) равен их же политической наивности по поводу общей ситуации в России (потому не удивительны и будущие восторги инолидеров и интеллектуалов перед победившим сов-коммунизмом). Локкарт, ук. соч., с 286, указав на то, что несерьезно подготовленная интервенция Антанты, возбудила лишь неоправданные надежды и тем самым, хоть и косвенно, ответственна за большевистский террор, резюмирует: «Интервенция вообще была ошибкой. Но предпринять интервенцию с неравными силами было примером беспочвенных полумер – в данных условиях это граничило с преступлением».¹⁵⁸

В то же время и сами белые... Читаем у Слободина: «Политика Франции и Англии, направленная на оказание поддержки вновь возникшим «государственным образованиям» на окраинах России, признавалась неприемлемой, даже в ущерб эффективным операциям против большевиков, а действия Японии на Дальнем Востоке и Франции в Новороссии и вовсе трактовались как недружественные»

¹⁵⁸ Тут только не надо путать две вещи: помощь белым и интервенцию саму по себе. После прихода к власти беков, считавшихся фактическими союзниками немцев, союзникам нельзя было допустить, чтобы их военная помощь, грузы, скопившиеся в портах Мурманска, Архангельска, Владивостока, попали в руки врага. У Локкарта же под термином интервенция уже имеется в виду не просто защита имущества, но и передача его наряду с возможной, но не состоявшейся, помощью белым армейскими частями. Бьюкенен был уверен, что добавленной британской дивизии с танками и аэропланами вполне хватило бы, чтобы Юденич взял Петроград.

(Слободин, там же, с 28). Но и сами союзники успели пожить, компенсируя свои затраты. Франция, требуя компенсации (военное имущество в обмен на зерно и полезные ископаемые), открыто превращала помощь в торговлю. Касаясь опять же «политической мудрости», отметим, что лидеры Запада на полном серьезе предлагали участникам Гражданской войны приостановить военные действия и начать мирные переговоры. Вполне исчерпывающий обзор западной политики в отношении к России дал в свое время Коковцову французский посол в Англии Поль Камбон: о зависимости политики Ллойд-Джорджа от настроений британских рабочих, о послевоенной слабости Франции, об американском политическом идеализме, не имеющего никакого понимания европейской реальности и т.п. (см. Коковцов, ук. соч., т.2).

Но далеко не все было благополучно и внутри самих антибольшевистских сил: постоянные трения («глубокие трещины», по выражению Деникина) между местным казачеством и Добармией, в том числе (в 18 г.) и по отношению к немцам. Да, Краснов заигрывал с Вильгельмом, но что бы произошло с донцами, объяви они немцам войну? Как писал И. Поляков, «верхи Добровольческой армии предпочитали за снаряды и патроны платить жизнью лучших представителей нашего офицерского корпуса, нежели «унизиться» до непосредственных переговоров с немецким командованием». На эту же тему съезвил и сам Краснов: «это я, Донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, смываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии». Но, тем не менее, неопровержимый факт – местнические интересы и сепаратизм казаков, их нежелание подчиняться Деникину, а значительная часть казаков (из распропагандированной еще на фронте 1-й Мировой, молодежи) с самого начала ушла к красным.

Ряд американских историков, например, Л. Гарднер, считали крайними вариантами политики США как признание Советов, так и решительную поддержку антибольшевистских сил. Президент Вильсон, после восторженных приветов российскому народу, избравшего свободу, в итоге избрал некий срединный путь – завуалированного поощрения противников Ленина и чисто формального участия в интервенции.

В 1919 году Ллойд-Джордж прямо заявлял, что для интересов Великобритании неприемлем лозунг «Единой и Неделимой России», однако и отделившимся республикам они не помогли, не пожелав ввязываться в военный конфликт с большевиками. Парадоксально, но в этом плане сходно было и отношение немцев: Кюльман писал

Мирбаху, что кадеты и монархисты, как патриоты, их не устраивают, поэтому нужно продолжать финансово поддерживать большевиков, сторонников Брестского мира.¹⁵⁹ Но поскольку положение последних было в 18-м году весьма шатким, то германская дипломатия, наступив на горло собственной песне, на всякий случай готовилось к возможному пересмотру условий мира уже в пользу белых. А в целом политика «двойных стандартов» – это почти тавтология. В ней справедливо можно обвинить кого угодно. Так, фон Ботмер, критик, но одновременно исполнитель политики, включающей противодействие «кадетской интеллигенции», пишет об Англии, которая, требуя наказания военных преступников кайзеровского режима, оправдывала свои деловые связи «по отношению к русским убийцам...: «Бизнес есть бизнес».

Понятно, что в целом формы отношений с противоборствующими в России силами со стороны стран Антанты и со стороны Германии диктовались интересами продолжавшейся Мировой войны на фоне меняющихся обстоятельств. Что до пресловутой частной помощи революционерам со стороны зарубежных банкиров, вроде Якова Шиффа, то ее антимонархические причины и национальные пристрастия (не в ущерб меркантильным!) не были секретом еще при Витте. Американский профессор Энтони Саттон в своих книгах гневно разоблачает «страшный заговор» – тайную помощь западных политиков и бизнесменов большевикам, хотя из приведенных им же документов вырисовывается все та же хорошо знакомая картина всяческого противодействия кайзеровской Германии. В чем он прав, так это в констатации факта прагматической (если хотите, циничной) борьбы стран Запада за российский рынок, но чтобы прийти к подобному тривиальному открытию, не нужно быть профессором. Э. Саттон также уверен, что без помощи со стороны Уолл-стрита большевики были бы сметены. Ну, если вспомнить, что выше сказано было о «гирьках», то, конечно, и эта американская «веревочка» в хозяйстве пригодилась.¹⁶⁰ Однако западные инвестиции начались

¹⁵⁹ Как писал дипломат, сменивший убитого Мирбаха, «Это "сохранение отношений с большевиками" шло так далеко, что министерство иностранных дел воспрещало опубликование отчетов немецких корреспондентов о положении дел в России и о подлинной физиономии большевизма».

¹⁶⁰ Хотя гораздо больше бы помогло отсутствие антибольшевистской истерии. Но и с другой стороны – коммунистическая пропаганда на Западе и продажа ресурсов дала большевикам ничуть не меньше, чем помощь иностранных спецов и денежные инвестиции.

задолго до революции, продолжались при Николае и при Керенском и не миновали также белогвардейцев. То, что для большевиков не было сделано исключения, говорит о традиционном непонимании российской специфики, о сиюминутных политических и о вечных корыстных интересах.¹⁶¹ (Вспомним анекдот из жизни Ллойд-Джорджа, когда он говорил о помощи, оказанной генералам Деникину и Харьковцу). Этот же недостаток понимания иной цивилизации присущ и «откровениям» профессора Саттона: некоторые его обвинения и толкования нельзя читать без улыбки.

Несмотря на непрекращавшиеся попытки на всех уровнях (от официальных послов до разведчиков, вроде писателя Сомерсета Моэма) понять ситуацию в России, Запад находился в полном концептуальном тупике. И в этом не было ничего удивительного: ситуация в течение 1917 года ежеминутно менялась и однозначно оценить ее (а, тем более, спрогнозировать!) не мог никто из участников и наблюдателей. В целом о понимании тогдашних событий в России западными политиками и интеллектуалами можно судить и по сходной реакции на события 1980-1990-х/2000-х годов. От розового оптимизма в ответ на горбачевские либеральные реформы до пессимистического признания несправимости русско-азиатского менталитета. В этом плане можно сказать, что психология западной элиты столь же несправима, как и отечественной. Сравним хотя бы нынешние «укоры» со стороны Запада на «недемократичность» с тактикой союзников в 1917 году. Представители Антанты, узнав о решении правительства большевиков начать сепаратные переговоры с немцами, отреагировали более чем «интеллигентно»: в отличие от Главковерха Духонина, они предпочитали действовать из-за кулис, адресуя свои протесты только Ставке, стараясь тем самым как можно дольше не обострять отношения с Совнаркомом (См. Базанов С.Н. «Последние дни генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина в Ставке» // «Военно-исторический журнал». 2001, №11).

¹⁶¹ Было бы более странным, если бы «буржуины» действовали в соответствии с «правильной научной идеологией», хотя и последняя не слишком-то мешала сочетанию ханжеской морали, цинизма и жадности у нашей новой власти. Более того, такой «диалектики», которую проявили ленинцы, пригласив немцев на защиту Петрограда от ранее приглашенной ими же Антанты, уговаривая французов помочь выстроить профессиональную Красную армию, отписав Германии полмиллиарда золотых марок и всевозможные экономические льготы, и одновременно тратя миллионы на внутригерманскую революцию... такой политической диалектики мировая история действительно еще не знала.

Окончательное в своей простоте резюме рассмотренных нами событий напрашивается само собой. 1917-й это был год одной Великой, но безуспешной и бессильной, революции и одного Великого блестящего обмана. Февраль и Октябрь – объективный процесс исторического перехода первого во второй при полярной разности начала и конца.

1) Стихия, когда даже сильнейшие личности были бессильны перед массовыми событиями. И –

2) Классика политического переворота как учебная парадигма на век вперед в плане «гибридной» победы – сочетания идеологического «кви про кво», агрессии, выставленной как оборона, ложных обещаний, негласных позиций, использования чужой силы и лозунгов, при малости собственных реальных сил, когда даже самые мелкие деятели успешно сработали на дальние (не ими заданные) цели, думая о ближайших простых. И т.п.¹⁶² Поэтому одни не заметили происходящего, другие не поверили в него, третьи смотрели иронично со стороны, четвертые уверены были, что всегда сумеют договориться и поправить процесс в нужную сторону, а пятые (большинство) были использованы в темную, о чем позже пожалели, но было уже поздно. (Подробности см. Р. Пайпс, «РР», кн. 2, и Рабинович, ук. соч.).

IV. 1.4. Вместо заключения. (Групповой портрет революции).

Начнем с потерпевших поражение.

Кратко о Савинкове. Безусловное декадентство, невероятное честолюбие, вероятная бисексуальность (Каляев, м.б., Азеф, адъютант Клепиков, семья Дикгоф-Деренталей: муж – участник убийства Гапона). Бесспорно, Савинков яркая личность: общался, или союзничал, с президентами и декадентами, генералами и провокаторами, поддерживал связи с Черчиллем (тот считал его чуть ли не новым Бонапартом), Ллойд-Джорджем, Локкартом, Пилсудским, Муссолини, Масариком, Бурцевым, Гиппиус, Философовым, Корнило-

¹⁶² Замечательно то, что уже тогда, даже еще до своего прихода к власти, беки впервые продемонстрировали такие до сих пор популярные приемы как денежная выплата (золотыми немецкими «печеньками») за участие в демонстрациях и подтасовка голосов на партийных выборах. Не говоря уже о будущих, ставших классикой, фальсификациях судебных процессов. И даже такие ноу-хау сегодняшних дней как «гибридная война», «фейк-ньюс» и «постправда» можно у них найти при внимательном рассмотрении.

вым, Алексеевым, Деникиным, Врангелем, Колчаком, Петлюрой, наконец, с беками – Дзержинским и Блюмкиным; и везде не до конца свой. Он был в первую очередь своего рода актером и художником-прожектором (а еще экстравертом и любителем острых ощущений, плюс нищезанятство, мистицизм, дендизм, декадентство) на революционной и политической сценах, а не великим политическим организатором. «Артист авантюры», по выражению равнодушного к нему Луначарского. Перед последней поездкой в Россию Савинков явно уже разочаровался в возможном успехе борьбы, хоть под зеленым, хоть под фашистским знаменем. Последние два увлечения это попытки что-то противопоставить большевизму в плане социально-идеологическом, т.е. с опорой на народ. Но НЭП и ОГПУ, выбитость одних сил и страх и усталость других явно показывали, что в данное время победа невозможна. (Такое же понимание, кстати, возникло и в странах Запада, возобновивших политические и экономические отношения с СССР). Отсюда и последующее поведение Савинкова.

Какие-то высказывания и тексты могли быть, конечно, подделаны, в частности, Блюмкиным (письмо к Дзержинскому), но я придерживаюсь того мнения, что письма его за границу лишь незначительно (возможно с согласия автора) редактировались, но он и сам шел навстречу, подыгрывал, рассчитывая либо на интересную новую карьеру, либо на то, что, оказавшись на свободе, всегда успеет от своих слов отказаться. Но когда он потерял надежду на какое-либо продолжение политической деятельности (в любой роли), то и самоубийство его психологически объяснимо. Здесь я в основном согласен с мнением Локкарта (ук. соч., с 166-167). Ср. также мнение современного американского историка Ричарда Спенса: «Савинков же как раз в 1921 году искал возможность вернуться в Россию. Он устал жить в эмиграции, он тосковал по родине, он всегда искал какую-то должность или положение, на которой он пользовался бы властью и влиянием. В сущности, лучшее, что можно сделать, потерпев неудачу в попытках одолеть злобный режим – это вступить с ним в сделку» (<http://www.svoboda.org/programs/ep/-25.12.02>).

Федор Степун (будущий философ, а в 17-м году помощник Савинкова по политической части) характеризовал его как «прирожденного заговорщика и диктатора» и «фашиста типа Пилсудского». Марк Вишняк: «Рассказчик он был отличный, любил вино, женщин и карты». Зензинов: «В партии было принято считать Савинкова человеком, лишь ищущим острых впечатлений жизни, некоторые называли его «спортсменом революции», «кавалергардом революции» (так, между прочим, называла его А.Н. Чернова,

урожденная Слетова, первая жена В.М. Чернова), считали его чуть ли не бретером, который любит рисковать своей жизнью. Савинков рядился порой в тогу мистика, любил декламировать «под Сологуба» декадентские непонятные стихи, утверждал, что морали нет, есть только красота... И многие верили тому, что таков был действительно символ веры Савинкова. Но это было не так. Это были только слова, форма, в которую Савинков рядился. Недаром его жена, Вера Глебовна (дочь Глеба Успенского) говорила о нем близким людям: «Борис лучше, чем его слова».

Но это – жена! Сегодня все же кажется, что слова Бориса много лучше его реальных дел. Во всяком случае, если судить по их результатам. И речь не только о стихах и прозе. Для его собственного блага в будущем было бы совсем не плохо, если бы он подтвердил поступком свои слова, сказанные им Плеханову,¹⁶³ что при желании мог бы за три дня отыскать прячущегося от суда Ленина, но это не его дело. Вспоминал ли он об этом тогда, когда его собственное дело слушалось в большевистском суде?..

По формальным (в первую очередь – количественным) параметрам должны были бы выйти победителями из Смуты эсеры и меньшевики. Причем, надолго. Особенно, если бы воспользовались своевременно предложением Спиридоновой о диктатуре. В писаниях Чернова уже видны те клише, подобные которым у других авторов были позже отнесены к другим героям. Ничего неестественного и неожиданного не было бы в книгах и фильмах о жизни «самого человеческого человека» Н.С. Чхеидзе,¹⁶⁴ «железного» Гоца (не побоялся

¹⁶³ Кстати, Плеханов, если верить Валентинову-Вольскому, хорошо отзывался в 17-м только о Савинкове, а, к примеру, меньшевиков, Дана и Мартова, называл «бессознательными полуленинцами». – Н. Валентинов «Наследники Ленина». Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., Терра, 1991.

¹⁶⁴ Церетели о посещении Чхеидзе фронтового госпиталя в апреле 17-го: «воспаленные глаза раненых с доверием и надеждой смотрели на него. Чхеидзе, глубоко тронутый, говорил с ними с волнением, обещая, что обновленная родина не забудет своего долга перед ними. Обычно несловохотливый и сдержанный в выражении своих чувств, он весь преобразился и сумел найти слова ободрения, шедшие прямо к сердцу раненых, которые слушали его с просветленными лицами». Вот так. Большевистские историки отдыхают. Какой фильм бы получился – «Чхеидзе в 17-м году!» А несколько позже – спектакль «Так победим!». Почему б не помечтать немного, как славно бы было, если бы Февраль можно было бы «углубить», а шестидесятые начались лет на сорок пораньше?!

явиться на первое заседание Учредительного Собрания, когда уже был в розыске у беков), в клубах и спортивных обществах имени Савинкова, в памятниках «легендарному» Церетели (Ираклия; которые мог бы создавать, кстати, наш небезызвестный Зураб). Ср., между прочим, вполне безупречную биографию Чхеидзе: «честный и ограниченный», по Троцкому, (т.е. потому-то и ограниченный!; однако у Гиппиус: «туповатый, неприятный человек»¹⁶⁵. И личность Церетели: также «честный» и даже «даровитый», но – опять же, «ограниченный». (У Гиппиус – «Церетели... порядочный, но мямля», и у Милюкова, опять же – «честный», у Бьюкенена – «безукоризненно честный», «с утонченной душой», но – «идеалист»). В случае с мнением Троцкого «ограниченность» Церетели понимать следует как ограниченность революционную – «интеллигентщину», идеализм, «абстрактный гуманизм», неспособность к террору, неумение и нежелание переступить через что бы то ни было (откуда и само слово «преступление», кстати).

Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864-1926), из дворян. Окончил Кутаисскую гимназию, исключен из Харьковского ветеринарного института после студенческих волнений. С 1898 в РСДРП, после II съезда партии – меньшевик. Участник рев. 1905 г. в Грузии. В письме Аксельроду Мартов писал о нем как о самом образованном марксисте на Кавказе. Депутат III и IV созыва Гос. Думы, возглавлял там меньшевистскую фракцию. Масон, в 1912-1916 – член Верховного совета масонского «Великого Востока народов России». Противник стачечных беспорядков во время войны. Во время Февральской революции 1917 стал председателем Петросовета,

¹⁶⁵ Еще раз отметим характеристики Гиппиус, безупречно соответствующие реальности. Она же о Плеханове: «Совсем европеец, культурный, образованный, серьезный, марксист несколько академического типа. Кажется мне, что не придется он по мерке нашей революции, ни она ему». Интересно также мнение самого Плеханова о деятелях 17-го года. Со слов Валентинова, упомянув о своих расхождениях с Лениным и с меньшевиками, как «полуленинцами», Плеханов продолжил: «Если из молодых общественных деятелей, выдвинувшихся в последнее время, взять, например, Савинкова и Церетели, то скажу вам – за одного Савинкова, понимающего, что Россия гибнет и что нужно для ее спасения – я десять Церетели отдам. Понимания того, что нужно делать, у него нет». Он же о Керенском – «Керенский – это девица, которая в первую брачную ночь так боится лишиться невинности, что истерически кричит: мама, не уходи, я боюсь с ним остаться». – Н. Валентинов «Наследники Ленина».

содействовал образованию Временного Правительства, но отказался войти в него министром труда, был избран председателем ВЦИК. Встречал Ленина на Финляндском вокзале, но осудил его «Апрельские тезисы». Выступал за «революционное оборончество». Заявил о полной поддержке Советами Временного Правительства, но отверг выдвинутые против Ленина обвинения в шпионаже в пользу Германии. По воспоминанию Войтинского, Чхеидзе говорил на заседаниях очень мало, был постоянно встревожен, озадачен, производил впечатление больного человека, через силу остающегося на своем посту. По другим воспоминаниям, был революционным «краснобаем», боявшимся реальных дел и малейшей ответственности. Уехал в отпуск в Грузию, где узнал об Октябрьском перевороте, который не принял, и в Россию не вернулся. В 1918 был избран председателем Закавказского Сейма, а после образования Грузинской республики стал председателем ее Учредительного собрания. В 1921, после вторжения в Грузию Красной Армии, вместе с Правительством выехал за границу. Покончил жизнь самоубийством. На его похоронах Церетели – в революционно-романтическом духе – сказал: «Лишившись непосредственного общения с народом, он потерял силу сопротивления. Даже могучий дуб, опрокинутый бурей, вырванный из питающей его почвы, гибнет». Но с корнями у революционных «дубов» дело обстояло явно неважно.

Церетели Ираклий Георгиевич (1881-1959). Из обедневшего старинного дворянского рода, сын общественно-политического деятеля. В 1900 поступил на юридический факультет Московского университета, predisполкома студенческой организации Москвы, за участие в студенческом движении сослан в Сибирь. Член РСДРП, после 2-го съезда партии (1903) меньшевик. В 1904 г., спасаясь от ареста, уехал в Берлин. Тяжело больной туберкулёзом, в 1905 вернулся в Кутаис. В 1907 избран депутат 2-й Думы, председатель с-д фракции. В июне 1907, после роспуска Думы осужден на 5 лет каторги, замененной по состоянию здоровья 6 годами тюрьмы с последующим поселением в Сибири. В начале 1-й Мировой войны «интернационалист». После Февральской революции 1917 вошёл в состав исполкома Петроградского Совета. К этому времени определился как «революционный оборонец». Церетели был заодно с Чхеидзе в предложении редакциям газет не печатать слухи о шпионаже Ленина в пользу Германии (впрочем, и ранее, члены Петросовета на митингах постоянно защищали большевиков в данном вопросе, видимо, чтобы не бросить «тень» на революцию в целом). В июле вместе с Черновым добился внесения в закон о выборах в Учредительное Собрание поправки о лишении членов дома Романовых

избирательных прав. 24 июля вышел из Временного Правительства, где был министром почт и телеграфа, чтобы сосредоточиться на работе в Совете. После принятия Петросоветом большевистской резолюции «О власти» в знак протеста вместе со всем эсероменьшевистским Президиумом Петросовета 6 сент. сложил свои полномочия. Современники отмечали благородство Церетели и личное обаяние, что вызывало уважение к нему в широких общественных кругах. Он производил на всех сильное впечатление своей уверенностью, хладнокровием и умением сглаживать конфликты. Следует признать, что в этом смысле на всей территории страны равного ему государственного деятеля не оказалось. Ленин, после убийства 7 янв. Кокошкина и Шингарёва, через посредников посоветовал Церетели уехать в Грузию. В февр. 1919 - апр. 1920 член делегации Грузии на Версальской и Сан-Ремской конференциях. С 1921 в эмиграции во Франции, с 1940 в США.

Продолжим.

Гоц Абрам Рафаилович (1882-1940) – родом из купеческой семьи, эсер. В 1906 г. был членом эсеровской боевой организации, брат одного из ее лидеров, Михаила Гоца. В 1907-1917 гг. находился на каторге и в ссылке. Председатель Петроградского бюро партии эсеров в 1917 г. На 1 Всероссийском съезде Советов избран зампреда ВЦИКа. После Октябрьского переворота – член «Комитета спасения родины и революции», руководил восстанием юнкеров в Москве. Избранный членом Учредительного Собрания, Гоц после его разгона организовывал вооруженные отряды для борьбы с большевиками. Один из главных обвиняемых на судебном процессе над лидерами эсеров в 1922 г. Был приговорен к расстрелу, затем смертный приговор был заменен пятилетним заключением. Освобожден по амнистии. Занимал второстепенные хозяйственные посты. Неоднократно подвергался арестам. Скончался в концлагере в Красноярском крае.

Стеклов (настоящая фамилия Нахамкис) Юрий Михайлович (1873-1941) – историк и публицист. Социал-демократ с 1893 г. В 1917 г. был активным меньшевиком, членом Исполкома Петросовета, редактором газеты «Известия» (по мнению его соратника, Суханова, весьма шумным, но и столь же бездарным). После Октябрьского переворота перешел к большевикам и поэтому оставался редактором «Известий» в 20-е годы. Один из создателей первой Конституции СССР. Опубликовал ряд трудов по истории революционного движения, один из лучших специалистов по Михаилу Бакунину. Арестован во время «большого террора» и скончался в саратовской

тюрьме от истощения и дизентерии. (Суханов расстрелян годом раньше по приговору омского трибунала).

Чернов Виктор Михайлович (1873-1952) – дворянин, один из основателей партии эсеров. В 1917 г. министр земледелия Временного Правительства. Некоторые мемуаристы указывают на его любовь к партийной риторике. Летом этого же года на съезде эсеров Чернов утверждал, что в ближайшее время все перемены в истории будут проходить «под знаменем партии с.-р.», а основным двигателем революции назвал «рост правосознания трудовых масс». (По Бьюкенену, личность сильная, с большими способностями, но опасная и «несимпатичная»). Председатель разогнанного большевиками Учредительного собрания. Был одним из организаторов 26 окт. Комитета спасения родины и революции. Участвовал в уфимской Директории, после разгона которой Колчаком был арестован, но вскоре освобожден чехами. В 1919 написал Ленину письмо: «Ваш коммунистический режим есть ложь – он давно выродился в бюрократизм наверху, в новую барщину, в подневольные каторжные работы внизу». Выступал против предложения о сотрудничестве с Красной Армией в борьбе против реакции, но поддержал решение 9-го Совета партии эсеров о прекращении вооруженной борьбы против Советской власти. Выхал за границу, где опубликовал мемуары и ряд научных трудов. Во время второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления во Франции. После войны переехал в США.

В редакторском предисловии к Протоколам заседаний ПСР (с 8) говорится, что «основную причину неудач ПСР Чернов... видит, как правило, не в объективных факторах, а в том, что другие течения не следовали линии левого центра, руководимого им самим».¹⁶⁶ Сам Чернов в комментариях справедливо указывал на бессилие и чуждость кадетов и на слабость и эфемерность Советов.¹⁶⁷

Чернов прав в том, что кадеты в 17-м не соответствовали настроениям масс («были далеки от народа», отражали интересы имущих классов и т.п.). Это знали и сами кадеты, но – государство и

¹⁶⁶ «Протоколы заседаний ЦК Партии социалистов-революционеров (июнь 1917 - март 1918) с комментариями В.М. Чернова» под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. Эл. документ. 1-я публ. – ж. «Вопросы истории», 2000, №№ 7, 8, 9, 10.

¹⁶⁷ «...они могли бы лишь стать удобною ширмою для нового самодержавия захватившей их в свои руки политической партии, в свою очередь перерождающейся в замкнутую привилегированную и диктаторски управляемую корпорацию».

законность превыше всего! Поэтому они выступали с точки зрения объективной, внутренней и внешней, государственной политики и юридического права, невзирая на революционные лозунги нетерпеливцев. Однако и эсеры, за исключением крайне левых, не могли в этом плане угнаться за демагогией большевизма и радикальными настроениями масс.

Прав Чернов и в своем суждении о Советах. Однако и «левый центризм» Чернова не привел и не мог привести к победе: он также оказался промежуточным между правыми и крайне левыми. Чернов со своими сторонниками должен был либо с Авксентьевым и К^о пойти на демократический союз со всеми антибольшевистскими силами, либо опередить большевиков и самим стать властью. В последнем случае неминуемо было бы сопротивление и справа и слева, но и чудовищных эксцессов было бы гораздо меньше. (Про уменьшение оных можно говорить с определенной уверенностью, поскольку политика левых эсеров, в частности, Прошьяна и Штейнберга, в большевистском правительстве свидетельствовала о некоторой их заботе по соблюдению законности). Другое дело, что ни к первому, ни ко второму сценарию черновцы были не готовы и не способны по целому ряду причин, и не в последнюю очередь в виду отсутствия у них ленинского авантюризма. (Без последнего, как показывают документы съездов и совещаний, большевики ни за что не решились бы на переворот). Черновцы, разумеется, не могли осознавать это в момент текущих исторических событий, но и позднее, в своих эмигрантских трудах, Чернов не сделал подобного вывода. Тем не менее, провальные результаты многих голосований на Демократическом совещании ярко показали недоговороспособность социалистических партий между собой, несмотря на присутствие таких мастеров компромисса как Авксентьев и Церетели. А, как замечал тот же Чернов, подобная ситуация терпима лишь в условиях мирной жизни (и мы сегодня знаем большое количество примеров таких нескончаемых конфронтаций между различными политическими силами).

Из всего этого вытекает немаловажная теоретическая проблема о силе и слабости теории как таковой. В политической концепции каждой партии есть своя необоримая логика, но все они несочетаемы друг с дружкой. Еще хуже то, что логичные теории и вполне трезвые осмысления никак не совпадают с объективной реальностью. Прекрасный пример последнего представляют слова меньшевика Федора Дана (уже эмигранта) о социальной политике Сталина (в книге «История большевизма». Нью-Йорк, 1946), в частности, о том, что сталинская коллективизация это явно прогрессивный факт в

демократизации России с ее вековым отставанием от Запада. Процитировавший Дана Теодор Шанин («Революция как момент истины». М., Весь мир. 1997, сс 347-348) резюмирует: марксистская логика автора столь же последовательна и безупречна как и в 1890-е годы, и также далека от реального объекта, к которому применяется.

Действительно, логически вполне справедливы объяснения революционных эксцессов «отсталостью» России, в связи с чем меньшевики и не спешили с революцией, давая буржуазии время на реформы. Но именно поэтому большевики страну и «выиграли», используя «отсталость» в своих политических интересах, оттеснив, а потом уничтожив, теоретиков-реформаторов. Победа практики над теорией столь же, и даже более, логична.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878-1943) – дворянин, сын адвоката, один из лидеров партии эсеров, масон. В 1907 г. эмигрировал. После Февральской революции возвратился в Россию. Был председателем Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов и Предпарламента. Министр внутренних дел Временного Правительства. «Организация власти возможна лишь при условии соблюдения широкой коалиции, не исключая коалиции с революционной буржуазией», – говорил он на заседании ВЦИКа. После Октябрьского переворота 1917 г. арестован, но вскоре освобожден. По свидетельству английского военного атташе, ген. А. Нокса, он был уверен, что большевики продержатся «не более двух дней». В сентябре-ноябре 1918 г. председатель антибольшевистской Директории, избранной на Государственном совещании в Уфе. Директория была свергнута переворотом 18 ноября 1918 г., в результате которого верховным правителем России был объявлен Колчак. Авксентьев арестован, затем снабжен по приказу адмирала деньгами и выслан в Китай. В 1919 г. переехал в Париж. Выступал против решения 9-го Совета эсеров отказаться от вооруженной борьбы с большевиками, считал политику центра во главе с Черновым преступной. В 1920-40-е гг. вел активную деятельность в различных эмигрантских организациях, издавал журнал «Современные Записки». С 1940 г. жил в США.

Кстати, тот факт, что Плеханов в официальных своих газетных выступлениях не позволял себе особых инвектив в сторону умеренных социалистов (чтобы не помогать тем самым «делу Ленина»), косвенно говорит нам, что в случае победы не-ленинцев межпартийная борьба нисколько бы не прекратилась. Однако с такими революционерами, как Чхеидзе, Авксентьев и Церетели, в нашей истории почти наверняка не случилось бы целого ряда событий (голодомора, ежовщины, дела

врачей и, естественно, процессов над самими эсерами и меньшевиками). Т.е. бессмысленной крови и мучений (по крайней мере в среде интеллигенции!) было бы много меньше, хотя это не значит, что их бы не было вообще.¹⁶⁸ И потому же – раз история не проявила еще более худшего (случившегося в реальности) варианта, то за это самое «худшее» прослыли бы именно эти (случившиеся в виртуальном сценарии) репрессии, культтики и ошибки. (Известен интерес Троцкого к альтернативности в истории).

Но объективное течение процессов было сильнее воли и догм деятелей. Среди них мог победить только тот, кто быстрее и лучше других приспособивался к ситуации, оседлывал ее, меняя лозунги и тактику.¹⁶⁹ Правые, кадеты, эсеры/меки оказались гораздо менее гибкими, чем Ленин. См. у Троцкого (КИРР, 1990, о слабости демократов – с 304 и сл., и о диалектической тактике беков – сс 189, 192, 274). В предвечерии октябрьских событий произошла полемика между Церетели и Троцким. По Вишняку, несмотря на то, что Церетели был красноречив и уличил Троцкого в передержках, все же тот был «в ударе» и победил в полемике.

Лучше понять, кто есть кто в произошедших событиях помогают факты осмысления событий постфактум их участниками. В 1921 году в Париже состоялось Совещание членов Учредительного Собрания, в числе которых были Милуков, Керенский, Чернов, Минор, Винавер, Вишняк, Коновалов, Брешко-Брешковская, Чайковский и некоторые другие. Сохранились и стенограммы заседаний, показавшие что политические взгляды героев прошедших событий ничуть не изменились. И дай им шанс начать все сначала, они повторили бы все те же ошибки.

А что сказать о цвете нашей художественной интеллигенции?!. Вот два бесспорных гения – Блок и Белый. Ну что можно было ждать

¹⁶⁸ Хотя нам не дано узнать, как проявился бы характер этих виртуальных «победителей» в условиях их «культа личности», необходимости конкретных решений во внешней, имперской, политике и во внутренней социально-политической борьбе с участием новых военных и полицейских органов.

¹⁶⁹ Всей стране была придана «гибкость». Вот, например, как прогнулся неофит, граф Игнатьев, описывая свое присутствие на военном параде на Красной площади в 1937 году: «Сомнений нет: это – рабочие, бывшие красногвардейцы, и взгляд их, так же как и всех, кто находится сейчас на трибунах, устремлен в одну точку, к тому, кто приветствует достигнутое в великих трудах единение рабочих и крестьян». («50 лет в строю». М., Воениздат, 1986).

от гениев? Тем более, поэтов? Гиппиус, как «мама» русской декадентщины, искренне любила их обоих, но вот, что она пишет в дневнике: «Бедное «потерянное дитя», Боря Бугаев (Андрей Белый)... Невменяемо. Безответственно... «Я только литературно!» Это теперь, несчастный! – Другое «потерянное дитя», похожее, – А. Блок... Положением России доволен – «ведь она не очень и страдает...»... Все время оговаривался... но «вы меня, ведь, не разлюбите, ведь вы ко мне по-прежнему?» Спорить с ним бесполезно. Он ходит «по ступеням вечности»... С Блоком и с Борей (много у нас этих самородков!) можно говорить лишь в четвертом измерении. Но они этого не понимают, и потому произносят слова, в 3-х измерениях прегнусно звучащие. Ведь год тому назад Блок был за войну («прежде всего – весело!» говорил он), был исключительно ярым антисемитом («всех жидов перевешать»), и т.д. Вот и относись к этим «потерянным детям» по-человечески!».

Да уж. Как говорится, «ноу коммент».

А вообще начало XX века это самое яркое время в плане личностном и мифологическом (в том числе у беков – Троцкий, Дыбенко; но также Махно, Муравьев, Савинков, Парвус, или, с другой стороны, Набоков-старший, Унгерн и др.; есть определенные типологические сходства между Лениным и Милуковым, Керенским и Троцким). Такого количества самых разнообразных и ярких, мифологически окрашенных, фигур история пожалуй не знала. Во всех общественных страстях и партиях. Совершенно естественна жалость к расстрелянной царской семье и еще более справедливо моральное негодование в отношении зверств большевиков, на какие у апологетов романовской династии элементарно бы не хватило фантазии... Но и делать вид, что мы не понимаем причин краха одних и победы других, тем не менее, не стоит.

Вспомним некоторые характерные черты и высказывания Николая II и сравним это с воспоминаниями о Троцком («интеллигенте в подлинном смысле этого слова») художника Юрия Анненкова. Портреты двух верховных говорят сами за себя (при символической симметрии разъездов на поезде по фронтам). Ср. у Зензинова о Троцком: «Мы, его идейные противники, его терпеть не могли, нам всё в нем казалось ходульным, театральным и напыщенным, но считали его очень опасным – в полемике он был неотразим». Ср. также у австрийского дипломата Чернина, участника брестлитовских переговоров о мире: «Троцкий – несомненно умный, интересный человек и очень опасный противник. Он обладает совершенно исключительным ораторским талантом, быстротой и ловкостью в

репликах, какую я редко до сих пор видал, и всей наглостью, свойственной его расе». Барон фон Ботмер из миссии Мирбаха: «Троцкий – типичный представитель своей нации, с гривой волос, в глазах – ум, решительность и лукавство».

Сегодня дежурным хорошим тоном стала тенденция ловить «бронштейнов» на русофобии, предательстве и связях с жидомасонской агентурой зарубежных спецслужб.¹⁷⁰

Характерно и почти забавно здесь то, что если в советские времена акцент делался на «буржуазной» психологии с ее «звериной» ненавистью к социалистическим, интернационалистским и прочим «прогрессивным» идеалам, то сегодня, в век всемирного победного шествия Капитала, социальный момент уже не работает, точнее, его «гасят» в любых проявлениях и остается лишь морально апеллировать к самым древним образам и инстинктам. Наш Бог (род, народ, завет, менталитет) всегда лучше вашего. Эгоизм, хоть национальный, хоть личный, нетрудно понять и отмахиваться от него бесполезно. Другое дело, что осознание роли эгоистического фактора в истории похоже стало для многих современных публицистов и политиков неким откровением и последним словом в концептуальном осмыслении Вселенной...

Определенный объективизм приобретают портреты беков, когда они рисуются со слов их противников. Ср. слова Будберга об Антонове-Овсеевском и Краснова об Антонове и Дыбенко, Локкарта о беках. Его же яркие характеристики Ленина и Троцкого. Из описания Локкарта становится понятно, почему Троцкий фактически действовал индивидуально на дипломатическом и военном фронтах. Именно там можно было наилучшим образом использовать его личные способности. Для работы в постоянном коллективе и сам он был слишком большим индивидуалистом и коллектив всегда считал его чужаком, пришельцем и выскочкой, ревниво оспаривая любое его решение. Немудрено, что после смерти Ленина ленинская свора «слопала» Троцкого с завидным аппетитом.

¹⁷⁰ Оказывается, «Лейба» всегда интересовался масонством и тайно общался с буржуями. Нет дыма без огня, но основное «пламя» правильное было бы охарактеризовать следующей цитатой из Троцкого: «Масонство – орудие обхода революции, буржуазное орудие, усыпляющее сознание пролетариата». Но, как видим, «крайняя» борьба коммунистов с масонами не помогла им избежать совместной посмертной судьбы в квазипатриотической историософии.

Что до «еврейского вопроса» в революции, то с исторической и социально-психологической точки зрения он достаточно прозрачен и не нуждается в дополнительной «монструизации». Приведем мнение «мягкого антисемита», члена германской дипмиссии, барона фон Ботмера: «Никак нельзя упрекнуть русских евреев, живших при прежнем правлении в условиях законов, ограничивающих их свободу, ущемляющих их гражданские права, в том, что они не были приверженцами и защитниками самодержавия. Поэтому еврейская интеллигенция возглавила здесь социалистические и революционные партии в таком масштабе, как ни в какой другой стране». Соответственно, он же считал естественным и неизбежным национальное противодействие интернациональному и революционному иудаизму.

Собственно говоря, сам акцент, делающийся на значительном количестве в России руководящих деятелей еврейского происхождения, довольно поверхностен. Грузины, прибалты, армяне, поляки и русские маргиналы делали бы (и делали!) всю ту же самую политику. (Не говоря уж о «грязной работе»: так, в Москве особое участие в расстрелах принимал полк китайцев. И вообще, считать, что китайцы, латыши, мадьяры, «культурные» немцы, кавказцы, турки и «урки» любого этноса были на порядок гуманнее к мирному русскому населению, чем еврейские комиссары, будет, мягко говоря, преувеличением). Гораздо большее, практическое, значение имело значительное число образованных евреев на мелких технических постах во всех областях, и объясняется это помимо прочего тем, что их (как немцев при старом режиме) нечем было заменить.

Дело не в том, что на каком-то посту сидел еврей, а не русский, а в том, что на любом чиновничьем посту, занятом русским, последнему требовались усидчивые, грамотные и внимательные секретари, помощники, счетоводы и тому подобные надежные работники.¹⁷¹ Немцев же, каковых так любил Ильич (также как и русских «буржуазных» спецов, коих Ильич не любил), по понятным причинам в администрации уже не осталось. По этой же, связанной с исторической ментальностью, причине официальный антисемитизм в Германии мог быть введен без катастрофических последствий для местной бюрократической системы, но в наших условиях он разрушил

¹⁷¹ Н. Хрущев писал («Воспоминания». Кн.1, М., 1999): «у меня лично были арестованы два моих помощника. Один из них, Рабинович, занимался общими вопросами, а другой, Финкель, строительными делами. Оба – исключительно честные и порядочные люди».

бы государственную (советскую) систему за два дня. Ср. еще слова Плеханова, сказанные им приватно Валентинову-Вольскому (см. Валентинов «Наследники Ленина») о том, что его «шокировало слишком уж обильное представительство русских представителями других народностей, населяющих Россию, как бы почтенны они ни были. В этом видна незрелость русского народа».

Вожди – Ленин, Троцкий, Бухарин, Каменев, Сталин и пр. – не сделали бы и десятой доли того, что сделали, не находясь за их спиной известные лишь историкам-специалистам люди с фамилиями Альтер, Гельфман, Глазман, Гляссер, Горенштейн, Каннер, Ленцинер, Мехлис, Раскин, Розенгольц, Сермукс, Флаксерман,¹⁷² Фукс, Хаскин, Шацкий, Эйхенгольц и т.д. Ср. у Бориса Бажанова («Воспоминания бывшего секретаря Сталина». Всемирное слово, СПб., 1992, с 50): «У Гриши Каннера официально функции неопределенно бытовые. Он занимается безопасностью, квартирами, автомобилями, отпусками, лечебной комиссией ЦК, ячейкой ЦК, на первый взгляд всякими мелочами. Но это – надводная часть его работы. Подводная – о ней можно только догадываться. Я очень скоро выясняю основную линию работы Гриши Каннера. Управляет делами ЦК старый чекист, бывший член коллегии ВЧК Ксенофонтов. Он и его заместитель Бризановский, тоже чекист, работают по указаниям и приказам Гриши».

К печальному – для истории России – списку можно добавить еще немало подобных имен, но истории известны также имена с совершенно иным послужным списком. Достаточно упомянуть хотя бы, не раз процитированного здесь, Войтинского, автора мемуаров о двух русских революциях. (Впрочем, будучи известны Истории, подобные фигуры практически незнакомы широким массам, поскольку из их биографий невозможно наскрести достаточно материала для скандальной журналистской публикации).

Войтинский Владимир Савельевич. Родился в 1885 г. в СПб. в семье еврея-выкреста, преподавателя математики. Студентом участвовал в революционном движении, руководил Союзом безработных Петербурга, социал-демократ. Отказался от предложения Ленина бежать за границу, подвергался арестам, прошел через каторгу и ссылку. Активно занимался журналистикой; его статьи критиковались Лениным за «сентиментально-историческую» точку зрения. Испытал влияние Туган-Барановского, Церетели и историка

¹⁷² Кстати, супруга Суханова-Гиммера, на чьей квартире произошло решающее собрание большевистских вождей, давшее сигнал к октябрьскому перевороту.

Рожкова. В революции 17-го года – на стороне оборонцев, разорвал с большевиками. Член Исполкома Петросовета и Предпарламента, комиссар Временного Правительства на Северном фронте. Участвовал в неудавшемся походе Краснова на Петербург. Арестован большевиками, освобожден по ходатайству Горького и уехал в Грузию с Церетели. Редактировал газету «Борьба», написал две книги о Грузии, выехал, как представитель последней, во Францию и после падения Грузинской республики стал эмигрантом. Жил в Германии, где опубликовал ряд книг по экономике, предлагал собственные идеи по преодолению экономического кризиса в Веймарской республике. (Интересно, как бы повлияло на дальнейшую историю Германии принятие правительством его, совместной с двумя другими специалистами, программы по борьбе с финансовым кризисом?). Был признан крупным европейским специалистом в области статистики. После прихода к власти нацистов эмигрировал в США, где участвовал в реформистской деятельности президента Рузвельта. Был директором совместного проекта Фонда Рокфеллера, Фонда XX века и института Д. Хопкинса по проблемам мировой экономики и демографии. Выступал, по инициативе Госдепартамента, с лекциями в Японии и Латинской Америке. Его библиография насчитывает 425 трудов на 11 языках. Скончался в 1960 году в Вашингтоне.

Многоцветная биография, не правда ли? И придаться по большому счету не к чему. Может быть за нечто подобное мы «их» и не любим?..

Существовали в те годы и личности гораздо более одиозные и с гораздо более скользкими биографиями. Тот же Гельфанд-Парвус. Или «король шпионов» Сидней Рэйли. Правда, в последнем случае мы имеем героя, вызывающего неподдельный интерес и даже театральное восхищение, несмотря на весьма неоднозначную анкету.

Но пора уже перейти к победителям, и к главному из них – «дедушке Ленину».

Ленин – это уже не просто «преступник» по ряду вполне объективных (и по-человечески понятных) юридических оснований, но Провокатор в самом высшем смысле. Не Азеф, работавший за жалкие подачки, а Провокатор мирового, глобального, уровня.

Будучи провокатором особого типа, он в первую очередь – Организатор, Сэнсэй. А главное в самом организаторе – нежелание подчиниться давящему схематизму марксистской догмы, измусоленной абстрактными теоретиками, которая ставила всю его жизнь в зависимость от того, как скоро созреют предпосылки для пролетарской революции. Ленин брал отовсюду то, что ему было

нужно, он многократно повторял марксову фразу, что «революция – это искусство». Многие соратники Ленина в начале XX века были уверены, что не доживут до этого времени, да он и сам сомневался, но уж если выпал шанс, то...

Классовый эгоизм, как принцип и как стихия, был им сознательно спровоцирован и виртуозно использован. Издержки? Но тут все просто: «Революционный социал-демократ должен быть и не может не быть якобинцем» (Н. Валентинов-Вольский «Встречи с Лениным». Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1953, с 187). Для классика марксизма Плеханова это было дико. «Об "Апрельских тезисах" Ленина и о том, что тот писал позднее, Плеханов говорил как о "брёде". Он неоднократно повторял это слово. "Бред, только бакунинский бред, способный находить отклик лишь в очень невежественной среде" (Н. Валентинов «Наследники Ленина» "TERRA" М., 1991). Всё, что недотягивало до его жесткой схемы, объявлялось Лениным интеллигентски-поповским сентиментальным мещанством и безжалостно отсекалось.¹⁷³

В сравнении с ним даже Парвус «мельчил» – он ограничивал революционное разрушение лишь царской Россией, оставляя достаточно места для мелкобуржуазных удовольствий собственной жизни. А вообще, Ленин с Парвусом долгие годы вели негласную интеллектуальную игру друг с другом, пытаясь использовать противника, самому оставшись «неиспользованным». Ср. историю Линь-цзы и известные парадоксы Ленина (Д. Шуб, ук. соч., №№ 98, 1613 и др.) на фоне прямолинейного Каменева. «Карате» Парвуса Ленин подхватил своим «айкидо», используя через секретных посредников его интеллектуальную, политическую и финансовую силу, а после октябрьской победы применил парвусовскую схему революции уже в Германии.

Правда, начинал он также в стиле обычного интеллектуального «шото-кан», если визуально представить себе ведение им спора из описания Вольского-Валентинова. «Ленин как бы приседал, делал большой шаг назад, одновременно запуская большие пальцы за борт

¹⁷³ Хотя в своем понимании последнего, надо признать, он во многом был прав, т.к. в представителях тогдашнего образованного класса в самом деле было слишком много салонной «болтологии», народнической благоглупости, «институтских» моральных клише и сентиментального любования «мужичком». Как мы были наивны, отвечал уже за границей Керенский на вопрос Локкарта (ук. соч.), почему Временное правительство само не заключило сепаратный мир с немцами.

жилетки около подмышек и держа руки сжатыми в кулаки. Прихлопывая правой ногой, он делал затем небольшой, быстрый шаг вперед и, продолжая держать большие пальцы за бортами жилетки, распускал кулаки, так что ладони с четырьмя пальцами изображали растопыренные рыбы плавники. ...если Ленин вдалбливал своим слушателям какую-нибудь мысль... эта жестикуляция, этот шаг вперед и шаг назад, игра сжатым и разжатым кулаком – происходила постоянно. ...Красиков и Гусев, тоже начинали запускать пальцы за жилетку. Ленин гипнотизировал и этим». И далее – «Нужно не резонерствовать, как это делают хлюпкие интеллигенты, а научиться по-пролетарски давать в морду, в морду! Нужно и хотеть драться, и уметь драться. Слов мало». Ленин, сжав кулак, двинул рукою – словно показывая как это нужно делать». (Валентинов, ук. соч., сс 36, 46. Ср. сходное описание у Троцкого, ук. соч. сс 228-229). Не случайны в данном контексте и название его работы «Шаг вперед, два шага назад» и классическое изображение вождя с вытянутой рукой, явно демонстрирующего «правильный» удар ребром ладони по шее (вариант – пальцем в глаз, хотя вернее было бы – «пальцы веером»). Ср. еще слова Ленина о необходимости иметь на фронте «рукастых коммунистов»). И кстати, о юморе: документально зафиксированное практическое отношение Ленина к физической культуре,¹⁷⁴ как и прочие агрессивные черты его характера, исторически дали совсем не шуточный результат, потому и сравнения подобного рода не столь уж произвольны, как кому-то могло показаться, и не являются чисто литературным гротеском а-ля Пелевин.

Возьмем хотя бы классический способ чаньских (дзэнских) патриархов приведения адептов в состояние сатори с помощью палки и тому подобные моменты. У Троцкого (ук. соч., сс 215-216, 231-232) «Ленин... вколачивал мысль о неизбежности террора... вколачивал в головы сознание необходимости исключительно суровых мер», «теперь остается пристукнуть еще раза два-три по выводу, для крепости», «...найдя [«словечко»], наставляет гвоздь и... наносит с размаху удар...». У Валентинова (ук. соч., с 181): «Ленин умел гипнотизировать свое окружение, бросая в него разные словечки; он бил ими словно обухом по голове своих товарищей, чтобы заставить их шарахаться в сторону от той или иной мысли. Вместо долгих

¹⁷⁴ Ср. у Валентинова: «Он был настоящий спортсмен с большим вкусом ко всей гамме спорта», и слова самого Ленина: «Быть физически сильным, здоровым, выносливым – вообще благо, а для революционера обязанность». – Н. Валентинов, ук. соч., сс 123-124.

объяснений – одно только словечко должно было вызывать... «условные рефлексы». Поразительно это совпадение мнений у людей, знавших и слышавших его. В мемуарах Войтинского буквально та же фраза о Ленине, который говорил, «будто загоняя гвозди в сознание слушателей».

Ср. у Д. Судзуки («Дзэн-Буддизм». Бишкек, 1993, с 243-244): «Под «персональным», «реалистическим» или «действенным» методом подразумевается, что в Дзэне часто прибегают к тому, что дают пощечину, пинка, машут тростью, бьют в барабаны, выставляют палец и пользуются другими методами личного характера. <...> Говорить – не значит шевелить губами, а действовать всем своим существом, всей своей личностью двигаться вперед...».

О беспощадности вождя и о его уверенности в праве на «дирижерскую палочку» из источников известно немало, но любопытно сравнить это с высказываниями о значении учителя в дзэне у Судзуки. «Учитель пользуется абсолютным авторитетом в понимании Дзэна... Чтобы добраться до последнего... учитель иногда прибегает к методам, которые внешне кажутся бесчеловечными» (там же, сс 270, 272). Иначе говоря, есть вещи повторяющиеся во все времена и в большинстве типов социальной организации; это вещи безусловно архетипические. Бывают сходства, кажущиеся совершенно случайными и необязательными. Например, раскол между Южной и Северной школами чань-буддизма Шэнь-хуя и Шэнь-сю (Юж. и Сев. Шаолинь) по поводу значимости практики чем-то напоминает расхождение между большевиками-прагматиками и меньшевиками-теоретиками. Но совсем не случаен сам факт неизбежных расколов и ересей в любых серьезных школах социально-философской мысли (и не столь уж редко именно по вопросу соотношения теории и практики!).

Троцкий говорит о комиссарах как о «новом коммунистическом ордене самураев». Он же о ленинских приемах борьбы в духе стратега Сунь-цзы (ук. соч., сс 372): «Нападающая сторона почти всегда заинтересована в том, чтобы выглядеть обороняющейся». Ленинские цитаты из записей Юрия Анненкова («Дневник моих встреч», Т.2): «Говорить правду – это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь... оправдывается целью». Там же «сансэй», называя лидеров западной демократии «глухонемыми», проводил мысль о том, чтобы использовать западные кредиты и технические достижения и тем «заставить [поставщиков] трудиться по подготовке их собственного самоубийства».

Сюда же стиль свержения предыдущих «патриархов» и германские деньги, как моменты перевеса в критических точках.¹⁷⁵ В связи с моментом «смены патриархов» интересны высказывания знаменитого наставника Линь-цзи: стань хозяином всякой ситуации; кого бы не встретили, внутри или снаружи, немедленно убивайте; встретишь Будду – убей Будду.

О важности понимания исторического момента пишет Троцкий (там же, с 359): «Если бы большевики не взяли власти в октябре-ноябре, они... не взяли бы ее совсем». (Сравнив это с даосской безвременностью мироощущения Николая II, нельзя не прийти к выводу о неизбежности случившихся Перемен). Ср. завет самого знаменитого мастера фехтования Такуана: «Пусть твоя защита следует за его нападением без малейшего разрыва – тогда не будет двух отдельных действий, известных под именем защиты и нападения... Твоя мгновенно-непосредственная реакция приведет к неминуемому самопоражению противника... Если к ситуации, хотя бы и очень отдаленно, примешивается промедление, – ты наверняка потерпишь поражение».

Субъективные черты исторической личности сами по себе уже есть фактор объективный, поэтому не побоюсь лишний раз повторить, что даже далекие на первый взгляд сравнения могут говорить о многом. Вот у Валентинова приведены слова тещи Ленина: «Володинька во всем ловкий. Пуговица у него где-нибудь оторвется, ни к кому не обращаясь, он сам ее пришьет и лучше, чем Надя (Крупская). Он и ловкий, и аккуратный. Утром, прежде чем сесть заниматься, всюду с тряпкой наводит порядок среди своих книг. Если ботинки начнет чистить – доведет их до глянца. Пятно на пиджаке увидит – сейчас же принимается выводить». Казалось бы, что тут особенного? Стремление к идеалу во всем. Но приложим эти, изначально слегка

¹⁷⁵ В то же время не следует преувеличивать реальное значение германской помощи революционерам. Как пишет Юрий Фельштинский (ук. соч.), «подрывная работа Германии в отношении России была лишь частью общей германской политики, направленной на ослабление противника. На так называемую "мирную пропаганду" Германия потратила по крайней мере 382 млн. марок (причем до мая 1917 года на Румынию или Италию денег было потрачено больше, чем на Россию, что не помешало и Румынии и Италии выступить в войне на стороне Антанты). Десятки миллионов марок были истрачены на подкуп четырех газет во Франции. В России же ни одной газеты немцам подкупить, видимо, не удалось, и финансирование Германией ленинской "Правды" в 1917 г. было, кажется, единственным исключением».

параноидальные, свойства характера к нечаевско-бланкистской теории (что являлось якобинской тактикой внутри марксистской стратегии) и уже не удивит послеоктябрьская классовая чистка, и призывы к расстрелам, а многие слова Ленина приобретут особое значение: «Где же тут диктатура? Одна болтовня и каша... Наводи порядок, берись за дело». (Троцкий, ук. соч., с 216).

А в сочетании в одной личности западных и восточных черт нет никакого противоречия, во всех странах света имеются свои экзотические маргиналы. Согласно китайской космологической системе, Ленин, родившийся в год Белой Лошади имеет знак «металл»¹⁷⁶ и связан с «Западом». По одной из схем пятичастного взаимодействия стихий, Металл наследует Земле («Мировому центру»; знак родившегося в год Желтого Дракона, Николая II). В одном из древних мифотекстов («Шань хай цзин») говорится: «На острове в Западном море есть дух. У него человеческое лицо и птичье тело. В уши серьгами вдеты две красные змеи».

Приведем еще дзэнскую историю. Один монах спросил Цуй-вэй: «С какой целью пришел с Запада Первый Патриарх?» Цуй-вэй сказал: «Передай-ка мне подставку» [сиденье для медитации]. И как только монах подал ее, Цуй-вэй ударил его этой подставкой.

Состояние самадхи, в которое иногда впадал Ильич, посторонние называли «ражем», см. у Валентинова (там же, с 187): «От ража у Ленина краснели скулы, глаза превращались в острые точки. Говоря, он вдруг останавливался, запускал большие пальцы за борт жилетки, прихлопывая ногой, смотрел на меня, но вместе с тем куда-то поверх меня, сквозь меня, в сущности, говорил сам с собою». Правда, у самого

¹⁷⁶ Троцкий, ук. соч., с 240: «О Ленине никто не мог сказать, что в его характере не хватает металла». Еще один важный момент. Бесконечные призывы Ленина к расстрелам в эпоху Гражданской в моральном смысле вполне запредельны и особых комментариев не требуют. Пожалуй, кроме одного: Будберг далеко не случайно указывал на то, что только невозможные для колчаковской власти репрессии могли бы реально заставить деградирующие тыл и армию бороться с полной отдачей, «но для этого у нас нет комиссарской непреклонности и безудержной решительности». Точно та же беда была и у демократов. Когда с чешской помощью они устроили антиколчаковский переворот в Сибири, то также не смогли справиться с ситуацией, как и свергнутая ими власть. Не научил их нисколько и прошлый неудачный опыт правительства Комуча. Все тот же прозорливый Будберг уверенно отмечал в дневнике, что «эсеровское Правительство, попав ко власти при такой обстановке, не удержится и десяти недель и будет слопано большевиками без всякого труда».

Валентинова описание «ража» идет под маркой маниакально-депрессивного психоза, как более понятного явления для европейского человека. Здесь можно также вспомнить из древней истории явления «амока», шаманского экстаза, состояние древнегреческих фурий и кельтских мифогероев, наподобие Кухулина, наконец, боевое «погружение» в состояние берсерка. Последнему учат в ряде школ единоборств.

По современной системе измерения личности Айзенка можно говорить об эволюционно-психологическом типе «психотика», которому присущи агрессивность, эгоцентричность, импульсивность, расчетливость и высокая креативность. В период войны они могут скорее извлекать выгоду, захватывая вражеские ресурсы. (Eysenck, H.J. «The psychology of politics». New Brunswick: 1999; Zuckerman, M. «Vulnerability to psychopathology: A biosocial model». Washington: 1999).

Кроме того, психопатия может выражаться в форме социопатии, которая характеризуется общим паттерном нарушения прав других людей, лживости, обмана, импульсивности, агрессивного поведения, отсутствия эмпатии и угрызений совести. В то же время, как считают биологи-эволюционисты (Джек и Линда Палмер), «в условиях социального потрясения, когда общие уровни неопределенности и тревоги крайне высоки, необычного человека с «иным подходом» могут начать рассматривать как потенциального спасителя. Дополнительным комплексом (эволюционно поздним) в характере вождя мог быть так называемое обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР), которое характеризуется навязчивой озабоченностью порядком, совершенством, а также ментальным и межличностным контролем. Люди, страдающие этим расстройством, часто проявляют чрезмерный интерес к своему относительному статусу в отношениях доминирования-подчиненности и могут выказывать крайнее почтение к облеченному властью человеку, которого они уважают (например, Маркс, Плеханов, отчасти Парвус) и крайнее неприятие к властным фигурам, которых они не уважают (царь, Столыпин, лидеры кадетской партии и т.п.).¹⁷⁷

Возвращаясь в область восточной философии, укажем, что Мастер

¹⁷⁷ Иными словами, психологическая ситуация несколько более сложная, чем казалось Ричарду Пайпсу, увидевшем в характере Ленина только присущее ему чувство «ненависти», а также «трусости» («Русская революция». Кн. 2). Кстати, согласно последним медицинским исследованиям, ОКР зависит от недостатка в мозжечке т.н. белка SPRED2.

даосско-дзэнского типа обращается к хаосу, к потенции бессознательного и трансцендентного для лучшего управления реальностью. Причем, высший мастер делает это, так сказать, не выходя из кельи. Неоднократно обращалось внимание на то, что Ленин, в отличие от Троцкого, руководил во время Гражданской, не посещая фронтов. Троцкий – мастер второго уровня. Не проникая в «трансцендент», он способен лучше прочих практически воплотить – диалектически перевоплощаясь – любой нестандартный план. Каменев и Зиновьев – рациональные прагматики, они не понимали интуитивных и неформальных решений. Отсюда их частые конфликты с ленинской линией. На первый взгляд этому противоречит то, что Зиновьев был при этом так близок к вождю, но это вполне объяснимая связь по типу «Холмс – Ватсон», где Зиновьев служил своего рода интеллектуальной «грушей»¹⁷⁸

Ни в коем случае я не хочу излишне демонизировать Ленина, тем более приписывать ему какую-то неземную гениальность и прозорливость. Он вполне реально мог быть уничтожен ради блага России, для этого были все шансы. Но он в любом случае так и не был тогда никем превзойден. Своим жалким и провокационным покушением, с участием слепенькой Фани, эсеры вполне заслужили безжалостного расстрельного ответа. Не менее бездарным оказался и июльский эсеровский путч. В ожидании близкого краха, большевики уже готовили фальшивые паспорта и укладывали драгоценности, но их страх и отчаяние лишь множили репрессии и накачивали «беспредел». И сдаваться раньше времени они не собирались, тем более, заискивать перед врагом. А самый «крутой» антибольшевик, Савинков, в основном только и делал, что бегал от чекистов. Если белые не сумели противостоять демагогической идеологии красных, то социалисты ничего не смогли противопоставить силе большевистского цинизма.¹⁷⁹ «Умеренные»... одно слово.

¹⁷⁸ Если, конечно, не пускаться в толкования маргинального рода, хотя и в этом случае можно найти немало двусмысленностей «психологического» свойства. Ср. в данном аспекте слова Гиппиус о Зиновьеве: «Человек он жирный, белотелый, курчавый. На photographиях, в газете, выходит необыкновенно похожим на пышную, старую тетку... Когда едет в своем автомобиле, – открытом, – то возвышается на коленях у двух красноармейцев. Это его личная охрана. Он без нее – никуда, он трус первой руки».

¹⁷⁹ Чего стоит одно высказывание Ленина по поводу эсеров, переданное Красиным Г. Соломону!?. Рассказывая Красину, что он решил успокоить немцев после убийства Мирбаха казнью части левых эсеров, вождь «с

Да, Ленин наделал массу ошибок, но его противники наделали их несравненно больше. Он был фанатик, но фанатик и более решительный и, одновременно, более гибкий, а главное, гораздо менее зашоренный и связанный догмами, чем конкуренты.

Остальные деятели представляют собой еще более простые типы. Определенное моральное ничтожество их выражалось уже в том, что они не могли жить без внутренних дряг и подсиживаний. Бухарин – рационалист, но весьма неустойчивый, и интуитивист очень неважный (ср. его характеристику у Ленина). Дзержинский – коммунистический фанатик, не выдержавший существования в виде хоть и руководящего, но все же – винтика внутри тупой бюрократической машины власти. «Гнилые» эстетствующие интеллигенты-маргиналы и специфические оригиналы – Иоффе, Менжинский, Чичерин, Луначарский, Радек, Бокий, Блюмкин, Артузов. Сталин – осторожно-подозрительный и тяжеловесный функционер, годами учившийся у Ленина и Троцкого, и в принципе использовавший всё и всех, включая живых врагов и мертвых героев. Но к моменту «игры» с Черчиллем и Рузвельтом он уже был вполне сформировавшимся опытным политиком восточного склада, благодаря чему и произвел столь сильное на них впечатление. Кстати говоря, огромный опыт внутри- и межпартийных интриг, опыт подполья, опыт борьбы за власть, где проигравший проигрывает жизнь, прекрасно сочетается с реальными (а не прокламируемыми) условиями международной политики и весит много больше, чем десять заповедей и дипломы Гарварда или Оксфорда. (Современные западные политики до сих пор не устают искренне изумляться, что российские лидеры, оказывается, умеют шутить, пользоваться ножом и вилкой и даже знакомы с западной культурой намного лучше их самих. А умный «варвар» всегда сумеет правильно использовать и собственное «варварство», обкрутив вокруг пальца самоуверенного европейца).

Историки, пишущие о Сталине (и те, кто славословит и те, кто ненавидит) подчас забывают о самых элементарных понятиях, когда ищут (и находят) в «отце народов» признаки «божественной», либо, напротив, «сатанинской» силы. А как, мол, иначе он мог бы побеждать таких врагов?

улыбочкой прибавил: «словом, мы произведем среди товарищей эсеров внутренний заем ... и таким образом, и невинность соблюдем и капитал приобретем». Ну и отдадим должное прагматическим способностям беков: без технических талантов и интеллекта того же Красина ленинская гвардия запросто могла бы отстать в «социалистическом соревновании».

Для этого как раз было достаточно малого. Во-первых, реально смотреть на людей, видя их недостатки, учитывая их самолюбие, страхи, страстишки и т.п. И, во-вторых, реально смотреть на себя, не заставив глаза собственной гениальностью и лестью окружения. Сюда же – не быть идейным фанатиком и уметь учиться на чужих победах и ошибках. Такое «малое» непосильно для слишком многих – излишне самоуверенных, или фанатичных, любителей внешних эффектов и быстрых результатов, неосторожных, болтливых, нетерпеливых, увлекающихся, бессистемных работников, быстро забывающих неприятное, и вообще мало обращающих внимание на детали. Вот вам и портрет почти всей ленинской гвардии! Именно тот, кто не может изначально рассчитывать на свои природные таланты, происхождение и личные связи, тот, кто берет терпением, он-то чаще всего и побеждает в стайерской гонке. А теперь впору удивиться: и как это такой неотесанный и незаметный мужлан, жлобина, бледная моль, перемогла всех эффектных героев? Да элементарно, дорогой Ватсон! Не он первый, не он последний...

В заключение трудно удержаться от следующего символического представления: два главных мыслителя беков – «революционные мозги» партии – Ленин и Троцкий, скончались, каждый по-своему, от глубокого повреждения мозга. Известное высказывание Ленина, что «интеллигенция это не мозг нации, а говно», можно понимать не только как полемику, или даже неосознанную самокритику, но и как большой исторический символ, отразивший дух того времени. В 1-м т. АРР – моменты будущего сюжета «Собачьего сердца» Булгакова (в мемуарах Р. Донского: врач, эксперимент-вивисекция Ленина, «трудности» сов-власти с ватерклозетами. Хотя взгляды на революцию как на вивисекцию были тогда вполне обычны; см. также в книге Г.А. Соломона – «Среди красных вождей». М., Современник, 1995).

Развязанные ленинской интеллигенцией революционные инстинкты масс замечательно воплотились в реалиях многотонных испражнений, заполнивших емкости хижин и дворцов, улицы разоренных городов и художественные вазы богатых коллекций. Новая народная власть строилась не на песке!..

IV.2. Некуда бежать.

В мировой истории можно найти немало количество примеров безальтернативности событий, когда реальные условия и тенденции перемалывали как личные усилия гениев, так и проекты больших коллективов.

Довольно остроумные альтернативы предотвращения победы Февральского мятежа предлагал Солженицын в своей статье-послесловии к «Красному колесу» (см.).¹⁸⁰ Некоторые из них, такие как бегство к генералу Гурко (ср. у Мультатули) и наследник, взятый в Ставку, призыв к юнкерам на местах, в целом не слишком убедительны, гораздо интереснее его предложение объявить – самодержавной властью – бойкот восставшему Петрограду. Разумеется, для успеха такой альтернативы необходимы были бы наличие воли и характера у Николая и дружное его согласие с генералитетом и еще немало число недостающих «бонусов». Подобные случаи в истории бывали, это факт, но, к сожалению, успех данного исхода прямым образом зависел от смены конкретных персонажей. Тут все обстоит как в избитой поговорке: чего не хватает бабушке, чтобы стать дедушкой...

В поисках альтернатив мы поневоле выходим на парадоксальные варианты для избежания того, чего избежать не удалось. Например:

1. Царь сам заключает сепаратный мир.

Психологически невероятно, плюс подтверждение, тем самым, слухов о царице-изменнице. Это было бы сильным ходом в плане того, что все предстоящие процессы обнаружились бы сразу и на фоне более крепкой государственной силы, но ни убийства царя, ни гражданской войны, ни социалистического выступления избежать бы не удалось. Самый невероятный вариант.¹⁸¹

2. Сепаратный мир от имени Временного Правительства.

¹⁸⁰ И не он один: к каждой годовщине историки, политики, журналисты размышляют на данную тему и, в соответствии – на начало нового века – с тенденцией, предлагают (задним числом, но с заглядом на будущее) пожарные меры по сохранению хозяйской власти.

¹⁸¹ Нечто подобное предложил в своей трехтомной работе «Русская Революция» Ричард Пайпс: царь заключает сепаратный мир и идет с фронтовыми войсками на Петроград подавлять мятеж. Боюсь, правда, что на переговоры с германцами ушло бы несколько больше времени, чем на убийство или арест Николая тут же на месте.

На первый взгляд – довольно разумно. Но тогда оно было бы свергнуто сразу и стараниями всех сторон. Сила данного хода в том, что беки не успели бы набрать веса в сравнении с силами патриотическими. Но в целом – невозможно, т.к. полностью противоречит и кадетской и корниловской политическим линиям. Если бы это взяли на себя Керенский и умеренные социалисты Исполкома, они оказались бы в состоянии войны с корниловцами и все равно преданы беками. А будущая война белых и красных состоялась бы примерно в те же сроки и в том же виде.

Если бы Деникин занял Москву... Увы, победа вряд ли стала бы окончательной. Наверняка начались бы восстания и в столицах и на местах. Белые вынуждены были бы просить помощи у общества, но наиболее сильной частью последнего оставались эсеры, опирающиеся на легитимность Учредительного собрания. Однако на фоне радикальных настроений народа, с немедленным требованием «земли и воли», и, с другой стороны, реставрационных настроений белых генералов, юридизм и умеренность «умеренных социалистов» показали бы уже набившей оскомину песней, не имеющей слушателей...

А если бы Муравьев, лучший полководец красных начала Гражданской, знал бы, как с ним расправятся свои, то мог бы, соединившись с врагами красных (не обязательно – монархистами), оказаться их «могильщиком». Во всяком случае – недостающей для победы над беками «гирькой»... Но... Для этого он должен был проявить осторожность и предусмотрительность, вместо того, чтобы открыто явиться на вызов и попасть в засаду. Т.е. не должно было быть с его стороны никакого куража и самоуверенности... Иначе говоря, Муравьев не должен был быть Муравьевым...

И еще много-много подобных «если...».

Объективная логика вещей заметна уже в том, что крах монархической России произошел, несмотря на то, что о его возможности говорило всё мыслящее общество, к нему готовились, его уже задолго и всеми способами пытались предотвратить, но ничего не помогло. Получается еще хуже, чем в известной античной пословице: и глупого судьба тащит, но и умного все равно ведет туда же. В определенной степени все великие цивилизации и режимы не столько угасали, сколько, предчувствуя это самое неизбежное угасание, неосознанно заканчивали суицидом...

Почему Николай II и его окружение в 1905 году так боялись конституции? Не потому ли, что отношение к Слову, к Понятию, в те времена были много серьезнее, чем сейчас? При всем духовном

разброде и декадентстве эпохи, Слово еще не совсем потеряло сакральность. Во всяком случае – свое прямое объективное содержание, смысл. Та же ситуация была и в партийной идеологической борьбе. Потребовались годы (впрочем, не так уж и много), чтобы осознать возможности умелой демагогии в обращении с абстрактными понятиями.

Участник событий тех лет, Марк Вишняк, впоследствии риторически вопрошал: «Кто знал, кто мог знать, что под маской народолюбцев и социалистов, сторонников братства трудящихся и народов всего мира, окажутся виртуозы цинизма и жестокости, провокации и заложничества, концлагерей и пыток, ставшие предметом подражания для Муссолини и Гитлера в деле управления, пропаганды и воспитания «нового человека». Но, господа, вы ведь не вчера с ними познакомились! Сколько лет вашей партийно-революционной борьбе и внутренним склокам?! Скорее можно простить затягивание выборов в Учредительное собрание, поскольку, действительно, кто ж мог знать, что произойди они чуть пораньше, и успеи вступить в законную силу новая власть, большевики вынуждены были бы остаться в поле партийной политической борьбы?!».

В вопросе о Ленине мы наблюдаем две крайности, два типа кликушества: партийное молебствование и столь же партийное анафематствование с садомазохистским перечислением всех его кровавых преступлений. Но здесь следует отличать исторический дискурс от разговора о «наболевшем». В историческом плане деятельность Ленина типологически не отличается от деятельности Петра, Ивана Грозного, Тамерлана, римских и китайских императоров (Нерон, Тиберий, Ши Хуан-ди), французских якобинцев. В чем специфическое отличие Ульянова-Ленина от прочих деятелей его времени?

Главное – высокий уровень прагматизма. Абстрактная теория превалирует над человеческими чувствами, но и сама она безжалостно корректируется и меняется, если не поспевает за событиями. Плюс, конечно, искусство демагогии и энергия убежденности, наработанный талант полемиста, умение не упустить и своевременно использовать любой промах противника. Плюс «мелочи» самовыражения – острота и быстрота речи, напористость и насмешливость, внимательность к мелким деталям, и, наконец, грубая наглость, сбивающая с ног интеллигента-визави (т.е. профессиональное владение всеми приемами интеллектуально-психологического кунфу).

Ленин (наряду с Парвусом и Троцким) – первый в XX веке политик современного типа. Сам его подход, сама система его поведения это

система всей нынешней политической, экономической, идеологической и корпоративной жизни. Современные политики, бизнесмены, публицисты, сотрудники спецслужб действуют точно по таким же логическим схемам. Различие в том, что поскольку сегодня так действуют все, то конкурентные силы взаимно гасятся, противники уравнивают друг друга, а в начале прошлого века так действовать способны были единицы. (В подобном плане, помимо Парвуса с Троцким, можно упомянуть имена Карла Радека, Рачковского, Хвостова и Белецкого, а также некоторых германских и английских политиков). Если бы Гучков, Милюков,¹⁸² Керенский, Авксентьев, Церетели, Чхеидзе и прочие были бы столь же принципиально беспринципны, то беки никогда не пришли бы к власти. Другой вопрос, насколько стало бы более легким бытие нации при иных лидерах... А живи Ленин в наши дни, он был бы самым обыкновенным политиком и публицистом. М.б., не хуже хорошо нам известных господ (не будем перечислять фамилии, а то никогда не закончим), но и ничем не лучше (и не «специфичнее») любого из них, столь привычных нам по телевизионным ток-шоу.

Человек проявляет свои способности в той мере, в какой ему позволяют окружающие обстоятельства. При достаточном сопротивлении среды он тих и покладист, и наоборот. Ленин в Цюрихе – маргинальный сектант, маленький скандальный «дуче», но вполне мирный – юридически – обыватель. И сегодня в толще современной тусовки он выделялся бы не слишком сильно, возможно, что просто бы затерялся в толпе. Но в те времена такие фигуры обозначались и проявляли себя совершенно иначе. (Недаром перед Октябрем Ленин и Сталин публично признавали, что Россия самая свободная на данный момент страна). И с исторической точки зрения одиозные фигуры подобного склада, сознательные и непримиримые противники-критики общечеловеческой и религиозной (т.е. «мещанской» и «поповской») морали, действительно не подлежат, на мой взгляд, обычной, т.е. узко моральной, оценке. Во всяком случае это плохо подходящий пример

¹⁸² Парадоксально, но факт, что влияние таких фигур как Милюков, Гучков, Родзянко после Февраля только уменьшалось, пока не дошло до почти отрицательных величин. Это не означает, конечно, что Милюкову можно приписать «глупость» или «измену»: о политической трезвости его ума свидетельствуют хотя бы его пророческие слова, сказанные вел. кн. Михаилу, о том, что Временное Правительство без монарха будет «утлой ладьей», которая может потонуть в океане народных волнений раньше, чем соберется Учредительное собрание.

для ломания нравственных копий.

Гораздо более естественно осудить с такой точки зрения всех прочих деятелей той эпохи. Николай, кадеты, эсеры, белое офицерство и прочие враги большевизма... На них лежит вина, они не сумели противостоять безумному валу, они в первую очередь проиграли страну и для себя и для потомков. Вина Ленина и его ближайших соратников это уже вина чумы, холерной эпидемии, СПИДа. Глупо предъявлять СПИДу нравственные претензии; виновен прежде всего тот, кто «не предохранялся», кто допустил эпидемию по своему легкомыслию и интеллектуальной зашоренности. За давностью лет историки уже не столь ужасаются поступкам Калигулы, Нерона или Тамерлана с его командой самаркандских кровавых «мальчиков». Поступки тиранов прошлого переключались в кино и даже в юмористику а ля «Сатирикон» («Всемирная история Сатирикона») или Зошенко («Голубая книга»). А вот с деяниями Ленина-Сталина у юмористов пока плохо получается. Это все еще не смешно, все еще недостаточно остыло, витает в воздухе призраками замученных жертв, пахнет генетическим страхом и нечистой совестью. Именно это и дает нам моральное право категорического осуждения деятелей проигравшего лагеря. Их поражение – вечная историческая вина перед обществом, их легкомыслие непростительно, а ошибки преступны.

Но давайте забудем на минутку о научных категориях и взглянем на ситуацию глазами невинного ребенка. Вот простейший факт: Николай II, вроде бы чистый немец по крови, «любил все русское» (даже устриц предпочитал отечественных), а Ленин, как известно, предпочитал немецкий «орднунг», «кровь и железо», и ненавидел русскую расхлябанность и «азиатчину». Один беспрестанно Богу молился и был любвеобилен во всем, другой... уж не станем лишний раз перечислять список загубленных русских душ и разрушенных храмов. Так скажи мне, детонька, какого дяденьку ты предпочитаешь?... М-да, устами младенца... Вопросов больше нет. Однако ангелам ли управлять империей земною? Вот как описывает безмятежную дворцовую жизнь великий князь Гавриил Константинович («В Мраморном дворце». Изд-во им. Чехова. Нью-Йорк, 1955): после обеда они в «шарики» играли, дуя на них через «трубочки»... Игра заключалась в том, что надо было загнать шарики на определенные места. Было очень шумно и оживленно, и Государь принимал участие в этой игре».¹⁸³

¹⁸³ Ср. в книге генерала В.И. Гурко («Царь и царица». Изд-во Возрождение, Париж, 1927, цит. по <http://hronos.km.ru/biograf/>

Нет, не правы Хёйзинга и Вильям Шекспир: не всё есть «игра», а от детского смеха и невинного ума полшага всего до «слезинки ребенка» и безумия целой страны...

Объективно несчастный Николай Второй всегда пребудет не только жертвой, но и – увы – преступником, человеком, с которого началось падение великой державы, отголоски и результаты которого мы ощущаем до сих пор.

Но не громко ли сказано – «преступник»? Ведь душевно чистейшие люди...¹⁸⁴ Представим, хотя бы, какой жизненный опыт был у императрицы. До смешного никакой. И тогда необходимо делать скидку? Всё так, но уж если быть честными до конца, то какой опыт у революционера-утописта? Кабинетный, книжный, теоретический. Не виноват он нисколько, что жизнь не укладывается в абстрактные схемы. Он как лучше хотел... А даже убийца с материалистически низким каторжным опытом... У него ведь не было опыта духовно высокого, никто вовремя не вложил в его душу содержания заветных скрижалей. Ну нет виноватых в нашем грешном мире! А того же несчастного Николая суд присяжных может обвинить разве что в преступной халатности. Недосмотрел, отсюда и жертвы. И признавался же сам, писал в дневнике, что «тяжело на душе». Так что, с учетом медкарты, можно дать и условно, с вычетом из зарплаты и при обещании исправиться. Вот если повторится, в случае рецидива, тогда...¹⁸⁵

[bio_gurko_vi.html](#)): «Государь до пожилого возраста сохранил детские вкусы и наклонности».

¹⁸⁴ Парадигма эта четко прописана Уэллсом в классической повести «Машина времени». Что и имело в начале века в России. Ср. в мемуарах в.кн. Гавриила Константиновича: «Поговаривали, что колпинские рабочие собираются идти громить наш Павловский дворец. Дяденька просил великого князя Владимира Александровича поставить во дворец караул. С тех пор два года подряд стоял у нас унтер-офицерский караул, а по ночам ходил вокруг дворца дозор. В Петербурге шумели страсти, происходили беспорядки и забастовки, но в нашем милом Павловске все было спокойно». Ну, чем не элой с морлоками?!. Унесенные ветром...

¹⁸⁵ Только не надо так понимать, что «слабина» ситуации крылась в слабости личной воли монарха, а если бы был погрозней, как «любимая старая жёнка» молила... «Грозность» без государственной мудрости?.. Нет, уж лучше как было. В струе альтернативной истории, или, что тоже, гоголевской «Женитьбы», почему бы и не помечтать, чтоб правил царь с либеральным характером Александра Второго, с решительностью Петра Первого, с умом Столыпина и с военным талантом Суворова?.. Только и

Можно еще сказать, что здесь, в 17-м, столкнулись две морально-психологические тенденции. Первая из них, традиционная мораль, объективно устаревала и уходила в небытие. Вторая, современная, прагматическая, была уже хорошо опробована, но только сейчас широко и открыто предъявила права на верховенство. Современные историки, обвиняющие революционеров в преступных деяниях, забывают, или не задумываются, как раз о современности морали своих героев. Например, тот факт, что большевики на пике неясности исхода гражданской войны держали часть алмазного фонда страны в сейфе Свердлова и в ящике стола его супруги, кажется историкам очередным доказательством извращенного характера властной верхушки. Однако подобный объективизм немногим отличен от взаимной критики боровшихся за власть политических фракций компартии 20-х годов. Как раз такая предусмотрительность по-человечески совершенно понятна с точки зрения сегодняшнего дня. Также в сходной ситуации поступил бы и любой современный политик, если, конечно, речь не о профессорах-интеллигентах типа Милуков/Карташев или Сахаров/Лихачев.

Конечно, нечто подобное существовало во все времена, но было достоянием специфических личностей, как преступников и тиранов вроде Борджиа, так и реформаторов, пророков, ересиархов. Ср. у Судзуки (ук. соч., с 297): «уникальность Дзэн-буддизма состоит в том, что все это человек совершает, не прибегая к помощи таких религиозных понятий, как грех, вера, Бог, прощение, спасение, потусторонняя жизнь и т.п.». Другой специалист по дзэну, Алан Уоттс, писал о том, что самурайский кодекс бусидо обязан своим возникновением буддизму, овобожающему от ряда моральных конвенций Да и любая историческая культура на переломе, на смене эпох и элит демонстрирует нечто подобное: специфичная для «нормального» времени личность в специфичных условиях сама диктует новые нормы. Парвеню, «новые русские» всех стран и веков объединяются в метаморфальных проявлениях. Первыми идут пассионарии, одинокие волки, для которых идея превыше условностей. За ними – все прочие, прагматики, от обывателя до уголовника, стая субпассионариев, гиен и шакалов.

здесь не получилось бы так, как в анекдоте про африканского негра, пожелавшего быть белым, и чтоб много воды, и чтоб женщины перед ним... ну, дальше сами знаете, в какой утилитарный предмет он превратился...

Современная рефлексия и информативность уже далеки от общественной ментальности начала прошлого века, но всегда ли информативность спасает? Существует трагическая «самонакачиваемость» ситуации, происходящая именно в силу рефлексии на уровне современных обществу знаний. Вот Николай стал бы из царя «даосом», «толстовцем», ушел в частную жизнь, вернулся к любимому занятию – лопатой махать. Но общество не перестало бояться. Как отмечал Воейков по поводу всеобщего психоза и недовольства еще до революции, все боялись какого-то нечто. И в этих настроениях действительно было нечто невропатическое, как в ночных детских кошмарах. А ведь если разобраться, то ни одно негативное явление предреволюционных лет не было (и не могло быть) по-настоящему серьезной (в смысле – необратимой) угрозой существованию народа и государства. Распутинщина, подковерная борьба сановников, бездарность и коррупция, примитивизм правительственных репрессий и ошибки военного руководства – все это в отдельности могло быть в той или иной степени компенсировано или нейтрализовано.

Но и это еще было не смертельно. Из дальнейшей истории мы знаем гораздо более чудовищные деяния и ситуации, искажения общественной жизни, откровенные преступления, геноцид и т.п. Однако и тут страна, с огромными жертвами, но – выкарабкалась. Фактическим «роком» оказалось то, что, не зная худшего, худшим считаешь то, что имеешь. Никто не может заглянуть в будущее и апокалиптизм тех лет был чем-то вроде моды, без всякого серьезного просчета возможных потерь. Только в этом и можно видеть некое оправдание массовых общественных настроений («психоза»). Общество «доходило до ручки», сохраняя до последнего момента внешние, ритуальные, формы чинопочитания. Народные массы еще «сублимировали» свое «озверение» германофобией. И народ и общество невропатично накачивали себя, испытывая явное мазохистское наслаждение. Вот какие мы невинные страдалцы! (Но также себя чувствовал и Николай). И «шарик» лопнул... Безусловно, будь на месте царской четы любая другая, более вменяемая, возможны были какие-то «паллиативы», какие-то взаимоприемлемые варианты. Но тупое, прямолинейное, самоубийственное упрямство, фатализм, идейное самодурство, психология «харакири» не оставили ни единого шанса для легитимного разрешения вопроса. И вряд ли это случайно.

Вспомним описанную в мемуарах Витте историю с офицером

застрелившимся на глазах начальства после оскорбления, поскольку по сословным законам не имел возможности вызвать наследника на дуэль.¹⁸⁶

Такая русско-восточная психология переживала в начале XX века свой конец, она была повержена новой, уже распространявшейся в различных социальных слоях более гибкой современной психологией. Персональные примеры последней приведены выше. «Конфуцианство» и «бусидо» были повергнуты «дзэном» постмодернизма тех лет. Это чисто городская психология, но на фоне одинаковой для всех времен первобытно-родовой и феодально-службистской только она и имеет право называться собственно психологией, т.е. чем-то индивидуальным, сложным и дифференцированным. Можно сколько угодно противопоставлять друг другу, в моральном аспекте, родовую общину (даже в пределах империи) и цивилизацию (даже в рамках одного района Нью-Йорка), но слезы Иеремии не способны удержать человечество в первобытно-общинном раю. Кстати, и сам «плач» обычно исходит от образованных представителей городской цивилизации, уже насытившихся прогрессом.

И в рассуждениях по поводу морали не так все однозначно: атеизм – плохо, религиозность – хорошо. Атеисты – Ленин, но и Милуков. Причем, оба – убежденные западники (в этом отношении Ленин психологически и интеллектуально гораздо ближе к Гитлеру, чем тиран азиатского типа, Сталин). Религия – Ники с Аликс и Распутиным, Николай Николаевич, а с другой стороны – Г. Шавельский (ср. в его мемуарах критические слова о православном мистицизме). Что общего? Сегодняшняя эволюция: атеизм воинственный сошел на нет, на его месте – агностицизм или внутреннее безверие, прикрытое показной религиозностью согласно актуальным требованиям современной полит-моды. Мистицизм, как одержимость, также исчез, как и воинственное безбожие, но широко распространился в виде разнообразных эзотерических практик, а в некоторых вариациях стал обычным (и выгодным!) рыночным товаром.

¹⁸⁶ Ср. также у Н. Валентинова рассказ о том, что после того, как он получил на демонстрации удар саблей по голове, к нему в больницу приезжал сам начальник жандармерии. Возможно ли что-либо подобное в царстве Сталина? – риторически восклицает мемуарист. Сходная история произошла с Войтинским, которого власти собрались выслать из города, но не смогли по причине высокой температуры у заболевшего ангиной революционера. Sic!

Как было бы легко и просто жить на свете, когда б мораль и идеалы всегда с одной стороны, а злодеи-бармаи с другой! Поиграем в угадку. Приведу несколько цитат из воспоминаний довольно известной исторической личности, характеризующих ее высокодуховные интересы и социально-политическое мировоззрение. Среди прочего она пишет, цитирую: «У меня была только одна радость, это – книги»; «общественная деятельность прежде всего не должна рассчитывать ни на какую благодарность, ибо ее задачей является не распределять милость, а восстанавливать право»; «Религиозная потребность сама по себе глубоко заложена в душе человека»; «без высоких идеалов нет и самого человека»; «когда исчезает идеализм, мы можем тотчас же констатировать упадок тех сил, без которых нет общества, а стало быть нет и культурного развития. Как только в народе берет верх эгоизм, общественные связи начинают ослабевать»; «Нашей путеводной звездой должен быть вечный идеал человечества. Однако... недостаточно еще исследовать и установить вечные законы истины. К этому должны прибавиться еще усилия великих знатоков народной психологии. И лишь тогда мы выйдем из области вечно истинного и идеального и сумеем достигнуть для смертных людей того, что человечески возможно в нашем практическом мире».

Кто против? Против – нет! Хотя образованному человеку не нужно напоминать сентенцию о том, куда нередко приводят добрые намерения.

Выше были процитированы слова «бесноватого фюрера», Адольфа Алоизыча. И я еще не воспользовался его весьма многочисленными, абсолютно справедливыми, критическими высказываниями на темы выборной и чиновничьей властей, о марксистском интернационализме и т.п., которые мало чем отличаются от сходных высказываний современных политиков и журналистов по аналогичным же поводам. Тут есть над чем задуматься, не правда ли?

Приходится еще признать, что нынешние адепты культурно-этнического ренессанса ухитряются обойтись без излишних сантиментов и болтовни о вечных идеалах, также как не «подставляются» и чересчур кровавыми лозунгами. Политическая мораль все же мал-мал прогрессирует. Объективности ради надо упомянуть и такую форму обновленного национал-патриотизма как бывшие комм-идеологи, ставшие православными из атеистов и империалистами из интернационалистов. У них выработалась своя, самооправдательная, историческая концепция.

Народное сознание тоже понемногу эволюционирует, другой вопрос, насколько эта эволюция равнозначна «прогрессу». Вспомним историческую цитату из дневников Зинаиды Гиппиус о «народе-богоносце»: «искренно думают, что «свергли царя» – значит, «свергли и церковь», а у малограмотных так даже – «свергли монахию».

Хотя некоторые моменты новой истории все же кажутся логически необъяснимыми. Можно сколько угодно говорить, что жестокость репрессий в отношении священников была связана с политическими, социально-психологическими, наконец, с этноконфессиональными и моральными причинами, но все они недостаточны. Хорошо известна позиция большинства церковников: сразу после отречения императора они по собственной инициативе стали провозглашать ектении за державу Российскую и новых «благочестивых правителей ее». Т.е. никакой реальной опасности для любой власти они собой не представляли, но буквально из ничего большевиками была воссоздана обстановка эпохи средневековых религиозных войн. Примерно та же ситуация и с убийством царской семьи: главная «субъективная» черта буквально каждого из убийц-участников – отличиться здесь более других, т.е. примитивный охотничий азарт в самом беспримесном виде.

Тут еще можно вспомнить рассуждения Ипполита Тэна и Густава Лебона о расовом характере народа (в их случае – французского). Ситуация социальной «бури» будит в людях бунтарские и репрессивные черты, а в ситуации социального «штиля» потенциальные якобинцы легко становятся мировыми судьями, школьными учителями, префектами и т.п. «По первому мановению, – пишет Тэн об эпохе Наполеона III, – французы поверглись в повиновение и пребывают в нем, как в естественном положении; низшие – крестьяне и солдаты – с животной верностью; высшие – сановники и чиновники – с византийским раболепством. Со стороны республиканцев – никакого сопротивления; напротив, именно среди них он нашел свои лучшие орудия управления: сенаторов, депутатов, членов государственного совета, судей, всякого рода администраторов. Тотчас под проповедью свободы и равенства он разгадал их самовластные инстинкты, их жажду командовать, притеснять, хотя бы и в подчиненном порядке, и сверх того у большинства их аппетиты к деньгам и наслаждению. Между делегатом Комитета Общественного Спасения и каким-нибудь министром, префектом или супрефектом Империи разница ничтожная: это тот же человек, но в разных костюмах, сначала в тоге революционера, а потом в вицмундире чиновника».

Однако что мы здесь можем найти специфически «французского»?.. Ау, сторонники самостийного менталитета и суверенной культуры!.. Такие же совершенно моменты мы замечаем в нашей истории. И в частности здесь мы имеем неразрешенный по сей день конфликт двух историософских подходов. Если западные и/или либеральные историки говорят исключительно о российской ментальности, не отрывая большевизм в целом от русской культуры, то овладевшие второй стороной «баррикады» патриоты пытаются все свалить на «тлетворное влияние Запада». Не слишком удачным, хотя и напрашивающимся примирительным выводом, сочтем мнение, что Россия, как посредница между Востоком и Западом, как раз и производит время от времени подобные «синтетические продукты» вроде большевизма (и речь не только о начале XX-го века). Основное отличие большевизма от исламского экстремизма имеет чисто текстуальный характер, поскольку базируется на европейских идеологических клише.

А вообще вопросы побед и поражений, возникновения и краха систем никогда не будут решены окончательно. Сам факт возникновения из ничего и ухода в никуда, несмотря на все научные объяснения, все же остается чем-то мифологически чудесным и неповторимым по заказу. И масштаб случившегося не имеет значения. Любой из нас неоднократно мог наблюдать, как хоккейные, футбольные и баскетбольные команды малых стран побеждают грандов этих видов спорта, великие страны, обладающие несравненным материальным и людским (в частности, «звездным») потенциалом. Причем, побеждают не какими-то легко счислимыми, взвешенными и явными способами, а исключительно силой духа, куражем, «легким дыханием», даосской победой «слабого» над «сильным», отяжелевшим в своей самоуверенности и самовлюбленности.

Когда мы говорили о поражении белых, мы учитывали несоизмеримость людских и материальных сил, и предательство Антанты, и демагогию беков, и их жестокость, и темноту масс, и многое другое. Не раз об этом говорили, каждый по-своему, и сами участники борьбы и ее историки. Реже всего упоминали о духе, о везении, о случайности, о глупости и уме, т.е. о неких расплывчатых факторах. Однако без учета подобных факторов все остальные не работают. С военным превосходством все понятно... Хотя и здесь существуют многочисленные примеры побед малыми силами, побед Давида над Голиафом. Собственно, почти все одержанные белыми победы были одержаны не числом, а умением, но все же Алексеев, Деникин, Юденич, Колчак, Врангель, Май-Маевский, Кутепов это не

Суворов и не Гарибальди. Да что говорить! Даже не Тухачевский. Но так или иначе допустим, что на полях сражений у них не было шансов в виду «несоизмеримости» сил.

Но проиграть на идеологическом и политическом поле, имея Петра Струве и Ивана Ильина, Павла Милюкова и Питирима Сорокина... Плюс, хоть и на другом фланге – Церетели и присные. Хорошо, согласимся с тем, что «церетели» не годятся для «прайда», не способны к борьбе без правил, но как быть с интеллектуальным соревнованием разведок и контрразведок? Кутепов, Савинков, «суперразведчик» Рэйли, отчаянная Мария Захарченко, умница Шульгин, наконец, Локкарт и Интеллиндженс Сервис. И посмотрим, что из себя представляли какой-то безграмотный сапожник Ягода, болезненный Менжинский, далекие от глубокого понимания русской жизни латыши-маргиналы, берзины-петерсы и им подобные артузовы?.. Или Ленин с Троцким не делали ошибок и видели все наперед? Ничуть не бывало! Тот же Сталин, мелкий восточный хитрец, прекрасно обрисованный Борисом Бажановым, далеко не Леонардо да Винчи.¹⁸⁷

А где оказались в итоге его противники, от «гениального» Троцкого и опытного функционера Каменева до бесстрашного Рютина?.. Совсем другое дело, что объективно Сталин оказался «ангелом мести» – и народ и его революционные лидеры распустились сполна за все свои «подвиги» 17-21 годов. Кстати, нынешняя – на первые годы XXI в. – власть это плохая (да просто никакая!) имитация данной тенденции. А по поводу персоналий можно добавить еще пару моментов. Глупо со стороны либералов сознательно преуменьшать реальные достоинства деспота. Сталин, в отличие, скажем, от людей типа Хрущева и Брежнева, «Бесов» и Макиавелли читал с карандашиком, да и многим прочим интересовался. Интриган-властолюбец не должен быть тупым. Вспомним шекспировского Ричарда III. Плюс кавказское самолюбие и азиатское терпение. Но не стоит и истерически преувеличивать: «библейзировать» и модернизировать одночасно вполне конкретную, исторически ограниченную индивидуальность. Ну, разумеется, уж «если очень хочется», то что с этим сделаешь!..

¹⁸⁷ Как писал, ранний, еще не видевший себя «спасителем России», Александр Зиновьев в «Зияющих высотах»: «Предводителем крыс не может быть лев, предводителем крыс может быть только крыса». Ср. с этим характеристики Сталина, как личности абсолютно невзрачной, у его современников, Суханова и Анжелики Балабановой.

На любом уровне и в различных масштабах есть в столкновении сил моменты объективного (т.е. бессознательного, чисто системного) «айкидо», искусства «оседлания дракона». Сегодня появилась масса модной литературы на тему овладения искусством победы на любом фронте. Насколько подобные победы реальны – другой вопрос. На мой взгляд, важно понять не только, как можно овладеть этими силами, но и в какой мере мы невольно, и слишком часто, подчиняемся им, того не замечая.

Ситуация 17-го могла и не могла быть разрешена иначе, чем была разрешена в действительности. Если бы к власти пришла партия, проводившая линию Чернова (или даже Чхеидзе), то кризисы и катастрофы большевистского режима – война с белыми, партизанщина, чистки и репрессии, голод и «шоковые терапии» в экономике – никуда бы не исчезли, а происходили бы в слегка ослабленном виде и в несколько этапов. Еще реальнее была бы опасность военных заговоров и переворотов, бонапартизма и раскола страны по регионам. Кадеты у власти, подкрепленные военной силой корниловского плана это для широких народных масс в условиях социалистической пропаганды (открытой или подавленной – не важно) ничто иное как продолжение господства капиталистов и помещиков. Т.е. революция по-прежнему бы оставалась на повестке дня.

История знаменитой «неуклюжей» милюковской ноты – яркий пример возможности революции «из ничего». Массы не способны были вникнуть в тонкости дипломатических отношений с союзниками или дискутировать по поводу лексики и семантики документа. Недовольство Милюковым было только формальным поводом для и без того неудержимого всплеска стихийной энергии. Когда Чхеидзе и Войтинский стали останавливать толпу, шедшую к Мариинскому дворцу, последнему сказал встреченный старый знакомый: мол, эх, раньше ты был с нами, шел впереди, а теперь «настроение срываешь».¹⁸⁸ То, что дело было не в словах, показали события того же дня, когда все было уже как-будто улажено, но на улицах, тем не менее, началась пальба. И она началась бы даже если в городе не было бы ни одного «верного ленинца».

¹⁸⁸ Весьма показательное высказывание! Ср. у Дыбенко: «Матрос – это вечно бунтарская душа, рвавшаяся к свободе; он не мог через неделю после революции примириться с «тихой пристанью». Его мятежная душа рвалась вперед, она чего-то искала...». – Дыбенко П.Е., ук. соч., с 2, 57. А из истории нам известно высказывание Радищева о пугачевщине – «искали паче веселия мщениа, нежели пользы сотрясения уз».

Можно спорить, послужили ли германские деньги очередной «гирькой» на весах тех или иных частных событий, но то, что на общих весах их политический вес был ничтожным, очевидно.¹⁸⁹ Массы возмущались, палили в неугодных и требовали «невозможного» вовсе не потому, что им заплатил (либо «засомбирова́л» до потери пульса) нехороший дяденька. Любому не полному идиоту должно было быть совершенно очевидно и ясно, что постоянные в 17-м году демонстрации – по поводу и без повода – сотен тысяч людей с красными флагами не могли быть случайными. Массы были настроены «социалистически», и никак иначе. В этих условиях любые разглагольствования и мечтания о добровольном выборе пути в какую-либо иную (политически более сложную, «заумную») сторону абсолютно беспочвенны.

Однако при всей справедливости обвинений по адресу тогдашней интеллигенции – в бесконечной говорильне, в идеализме, в оторванности от социальных реалий, в умозрительности политических построений и т.п. – речь не может идти о какой-то «мафиозной» группке самозванцев и бездарей. События Февраля не препятствовали никаким креативным проявлениям и ничьей самодеятельности с мест. Всё, что могла тогда дать Россия в этом плане, она дала. Другое дело, что она способна была дать в результате трехсотлетнего правления Романовых... И несмотря на радикализм одних, неопытность других и начетничество третьих, биографии многих деятелей той эпохи (возьмем хотя бы Вас. Маклакова, Коновалова, Набокова, Войтинского, Милукова) показывают, что по интеллекту и по масштабу личности они ни в чем не уступали самым видным деятелям Запада. Более того, внимательно разбирая многие решения и действия

¹⁸⁹ И даже мнение самих немцев об обратном выдает желаемое за действительное. Хотя с чисто моральной точки зрения (не имеющей отношения к реальной политике) это вполне красноречивое свидетельство об источниках будущего строя России. Ср. цитату из телеграммы статс-секретаря индел представителю германского МИДа в Ставке (из работы Б. Николаевского «Тайные страницы истории», эл. документ Ю. Фельштинского): «Телеграмма № 1610, Берлин, 29 сентября 1917 г.: Без нашей постоянной поддержки большевистское движение никогда не смогло бы достигнуть такого размаха и влияния, какое оно сейчас имеет». Но немцы во всяком случае не прогадали: миллионы марок, пошедшие на большевистскую пропаганду, они сторицей вернули в результате Брестского мира.

дооктябрьской власти, можно придти к выводу, что в концептуальном плане это были если и не единственные, то и далеко не самые худшие варианты.

Вспомним, среди прочего, многожды раскритикованную идею летнего наступления 17 г. на германском фронте, после которого общий развал армии стал уже неостановим. Однако, как говорили еще латиняне, «после этого», не обязательно значит – «вследствие этого». «Объективно» и «очевидно», что наступление было «несвоевременным» и «неподготовленным»... Скажете да? так нет! Всё не так просто. Деникин изначально стоял за наступление в принципе: всегда есть риск поражения, но в случае удачи это реальная возможность возродить военный дух у разлагающейся армии, а при пассивной обороне разложение только усилится. Генерал Алексеев, напротив, доказывал неподготовленность войск к наступательным операциям. Наконец, ген. Гурко был, скорее, согласен с Деникиным, доказывая, что оборона, сама по себе, рано или поздно, вызовет наступление противника и соответственно приведет армию к краху. Правительство согласилось с наступательной стратегией, а военное командование сделало все возможное для будущего успеха. Позже Деникин отмечал, что никогда еще не было у нас такого превосходства и в численности и в вооружении. Из наиболее верных долгу солдат и офицеров создали ударные батальоны и невероятный военный успех сопровождал армию до тех самых пор, пока распрогандированные массы не отказались участвовать в «аннексии» и в наступлении как таковом. Таким образом, несмотря на казалось бы идеальные условия и реальные успехи, наступление провалилось и общий развал дошел до тыла. И теперь на риторический вопрос «Как же правильно должно было поступить Врем. Правительство?» можно смело ответить: Более никак. Поскольку любые иные условия и варианты могли быть только хуже.

Кадеты и правые в целом (т.н. «цензовые элементы», или «имущие», т.е. собственно – государственники) могли овладеть ситуацией только путем силы, каковой у них не было. Впрочем, стоп! Предположим, что казаки, преданные фронтовые части, юнкера и тому подобные силы нашлись бы еще весной 17-го, и тогда... Нет, вновь ничего хорошего. Гражданская началась бы на несколько месяцев раньше, но мораль сей «басни» осталась бы той же: «господа» поворачивают всё назад. Даже малейшее принуждение со стороны верхов выглядело бы как «белый террор», поскольку классовое

разделение было здесь очевидным. И наоборот, самый жестокий террор со стороны красных к своим же собратьям по классу выглядел (пока тебя самого не задела!) как естественный революционный акт. Таким образом, обреченность Гучкова и Милюкова была ясна (во всяком случае, самому Гучкову) изначально. Шанс оставался только у социалистов-демократов и они могли бы использовать его полностью после неудавшегося июльского путча пробольшевистских сил... Но не использовали. И даже помогли, чем могли, своим будущим могильщикам.

Церетелиевская линия наверное была бы наилучшей из возможного, но именно ее «идеальность» (идеализм) делала ее небоеспособной. Перейти на сторону кадетов означало противопоставить себя массам и начать с ними войну. Вести массы, как они вели их почти восемь месяцев, нельзя было до бесконечности. Тем более, не остановив войну на германском фронте. Масса роковым образом выходила из повиновения. Столь искритикованная – и вполне справедливо! – «говорильня» демократов все же довольно заметный срок смогла удерживать толпу в человеческом образе. Но и только. Поэтому тактика большевиков – повернуть энергию масс на буржуев – оказалась наиболее реалистичной и удачной. Иначе говоря, «оседлание дракона» охлоса и «превращение империалистической войны в гражданскую»¹⁹⁰ – это одна и та же тактика. Еще в начале послеоктябрьских событий масса сама ощутила себя во главе процесса – «драконом, оседлавшим самого себя» (см. в мемуарах Краснова разговоры красных о том, что «и Ленина скинем!», если погладит против шерсти). Но так не бывает. Пока шла война с белыми, внутри происходила организация верных бекам боевых сил – чекисты, латышские полки, коммунисты-интернационалисты из военнопленных – для подавления уже дезорганизованных масс. Действовавшие по старинке, по канонам XIX-го века, кадеты, эсеры и прочие «вменяемые» (то бишь, предсказуемые!) господа вчистую проиграли «товарищам».

«Идеальный» социалист (и социализм), сочетающий патриотизм и личную честность с лозунгами Французской революции, был обречен

¹⁹⁰ Нужно ли говорить, что сама эта идея не являлась выдумкой Ленина и С°, а была довольно известной. У нас нечто подобное говорил еще Бакунин, и задолго до Мировой войны поэт Эмиль Верхарн в «Зорях» описал восстание в осажденном городе с последующим «братанием» врагов.

на гибель. Классический пример – прапорщик Линде, чья трагическая история подробно описана генералом Красновым, а позднее – Пастернаком. Но если бы его не убили тогда дезертиры, его обязательно расстреляли бы в Чрезвычайке.¹⁹¹

Ср. у Войтинского, ук. соч.: «Характерна в этом отношении роль Ф. Линде, который стоял во главе Финляндского полка – первого полка, пришедшего к Мариинскому дворцу с требованием отставки Милюкова. Ф. Линде, ученый, математик по специальности, социал-демократ, меньшевик по убеждениям, был членом Петроградского совета по выбору Финляндского полка, в котором он служил. Настроен он был ярко патриотически – и это свое настроение запечатлел позже смертью на фронте». И далее горький вывод: «Но горе революционерам, когда им приходится бороться со стихией народного возмущения и побеждать ее! И трижды горе революции, когда стихийные силы ее приходят в столкновение с требованиями разума!».

У Войтинского мы находим также описание «майского безумия» 17-го: кризисной переломной точки, когда массы после недавней восторженной веры в лидеров демдвижения начали все больше скатываться к недовольству. Объективная логика процессов совсем не обязательно является логикой в узком смысле, логикой непротиворечивого и очевидного вывода. 9-го мая социалистическое большинство одобрило вхождение социалистов во Временное Правительство. Народ ждал от этого чуда, но чуда не произошло. Да оно и не могло (и не должно было) произойти. Но безумие не в самом этом факте. Повторим еще раз: 9-го мая социалисты вошли в правительственную коалицию... А теперь внимание! 11 мая в «Правде» появляется статья Ленина, в которой черным по-белому было написано: «Коалиционное министерство ничего не изменило». Вот так. «Королева в восхищении!», как сказал Фагот. Нет, статья не стала

¹⁹¹ Горькая ирония Истории: сколько политических и военных деятелей Февраля перешло на сторону красных, чтобы закончить свою жизнь в лагерях или от палаческой пули. Весьма красноречивы в этом плане биографии Скобелева, Суханова, Стеклова и сумасшедшая судьба Владимира Львова (историк-филолог, незадавшийся монах, думец, обер-прокурор Синода, член Врем. Правительства, незадачливый участник переговоров с Корниловым, колчаковец, «сменовеховец», ставший «воинствующим безбожником» и «живоцерковником» в Советской России и умерший в Томске после ареста и двух лет ссылки по уголовному делу. «Самый неумный из сменовеховцев», по мнению Ленина.

«спусковым крючком», но она чутко (чего у Ленина не отнимешь) отразила настроение масс, и лишний раз подчеркнула, оформила, усугубила его. Конечно, масса «устала» (как позже «устал караул»), и здесь преимущество на стороне того, кто толкает к безумию, а не удерживает. Усталого подтолкни!..

Совершенно справедливы запоздалые претензии к демократам в том, что они не пресекли путч еще в начале лета, а ограничились болтовней, анекдотическими призывами к порядку и беспомощным маханием рук. Однако дело уже и тогда обстояло не так просто: на заводах были созданы боевые дружины, готовые к погромам, и разоружить их, не начав серьезных военных действий, было нереально. А в целом надо сказать, что масса самовозгоралась. Беки сто раз могли использовать это, сто раз пробовали сделать это, и столько же раз «убегали в кусты», отрицая свое участие. И, наконец, решились (после весьма серьезных сомнений со стороны умеренных беков). Решились исключительно по той причине, что уже убедились в своей безнаказанности и в полной анемии либералов.

Но раз так, то, может быть, спасение демократии скрывалось в «невозможном», парадоксальном, «безумном» исходе? Когда в свое время Керенский спросил у Станкевича, брать ли ему портфель министра, тот ответил, что это не имеет значения, т.к. «все пропало», армия распадается и скоро немцы будут в столице.¹⁹² Может быть, именно этот чисто военный разгром и пробудил бы патриотизм у масс, одновременно сняв вопрос о победе пораженчески настроенных большевиков. Парадоксальным образом сопротивление кадетов и социалистов только продлило агонию и лишило их шанса на победу в будущем. Разумеется, если бы демократы могли рассчитать такой ход, это уже были бы не они. Иными словами, выхода для них никакого не было.

Вернемся к началу и рассмотрим еще раз возможные спасительные варианты и узловых моменты.

Со стороны Николая. Первое, и главное: своевременное назначение ответственного министерства, плюс «закид блесны» сверху на тему дополнительных будущих конституционных свобод и решения

¹⁹² Кстати, только в последующих воспоминаниях эти «ребята-господа» выглядят такими понятливыми, а вот интересно сравнить с этим слова и поведение того же Станкевича по воспоминаниям Синегуба о защите Зимнего. Полная интеллигентская бестолочь! И не скажешь, что здесь некий чисто индивидуальный, то бишь – случайный, момент: сравните с подобной же психологией и профессионализмом «станкевичей» 1990-х...

земельного вопроса. После победы, разумеется. Есть ради чего постараться и народу и элите. Второе: раз уж «трындец» неизбежен, то – правильное отречение (нельзя было отречься за сына), т.е. падение самодержавия не одномоментное, а «на тормозах». Даже если это и не перевернуло бы ситуацию, то безусловно смягчило б ее. Тенденции трудно, скорей, невозможно, остановить мановеньем руки, но если бы этой рукой управлял «бог-из-машины времени», то чем не кирпичик в стену укрепления всего хорошего против всего плохого?..

Но дело не только в реальной невозможности изготовления и своевременной установки «кирпичиков» на каждую зияющую рану/проблему, но и в неискоренимых условиях – времени и места, самих деятелей и их «бэкграунда». Как можно вырвать неизлечимо больного подростка из рук его родителей!?. Миссия невыполнима. Ну нет, чтоб разыграть ситуацию, наступив на горло собственной песне!..

А сегодня это могло бы быть сделано легко: «замотать», заболтать ситуацию, «выработать консенсус», наобещать золотые горы и каждой сестре по серьге... Но чтобы царь (или, в другом месте, проф. Милуков) стали юлить, лгать, изворачиваться, «вешать лапшу», играть словами и смыслами, «жиринговствовать», давить на психику... Это уже к эпохе деятелей из нынешнего «зомбоящика». До постмодерна было еще далеко. (Хотя... Если сделать скидку на относительность и историческую условность понятий, то в этом плане определенный постмодерн уже был внешней враждебной средой для Николая, ментально находившегося в эпохе феодализма, пусть даже и феодализма «с человеческим лицом»).

Итак, наверху – безальтернативность, посредине – бестолковость, внизу – безнаказанность и растущий на ее дрожжах радикализм. Как признался Николай ген. Рузскому, в ответ на вопрос, почему сразу нельзя было дать ответственное министерство, что для этого надо было бы «переродиться», не так, мол, «воспитан». Но все политические моменты и нюансы, связанные с историей отречения, уже не работали. Это была запоздавшая тактика, а стратегически Николай проиграл уже за несколько лет до того, когда позволил своей камарилье «зарубить» социальные реформы Столыпина, т.е. лишил страну последнего шанса на революцию (она же и эволюция) сверху.

Тут сыграла роль еще такая явно ненаучная сила как харизма. Точнее, отсутствие таковой. В то время, когда царь, сменив своего дядю, возглавил армию, военная ситуация явно исправилась: наладилось снабжение и не было серьезных поражений, но общество этого совершенно не заметило. А вот вел. кн. Николай Николаевич,

несмотря на все провалы на фронте, оставался по-прежнему самым популярным военным руководителем. Пресловутая харизма есть ничто иное как наделение индивида материализовавшейся аурой ожиданий большинства населения. Наверное имеет право на существование и такой термин как «антихаризма»...

Дилемма Керенского. Или с Корниловым, или с социалистами. Первого, испугавшись, предал. Ну хорошо: выбор сделан, но перехватить инициативу у левых не сумел (да и не смог бы). Результат известен и неминуем. После июльского мятежа недодавил беков (вот когда уже мог понадобиться Корнилов!) и в бесконечных заседаниях упустил всё, что можно и нельзя. Керенский проваливался даже в таких мелочах, которые по-большому счету ничего не решали, но хотя бы могли чуточку подправить имидж. Например, казаки покинувшие в октябре Зимний дворец, аргументировали свой уход еще и тем, что «Главноуправляющий» сам бежал. И не случайно, что байка о его бегстве в одежде сестры милосердия, как свидетельствует участник событий Александр Синегуб, появилась даже не в большевистской среде, а уже среди защитников Зимнего. Что Керенский мог сделать реально полезного? Только одно: как можно быстрее стушеваться и, не дожидаясь осени, передать власть Учредительному Собранию. Да, столь скорому голосованию и съезду мешали технические сложности, но их следовало преодолевать по-ленински, т.е. долбить в одну точку до окончательного результата.

Корнилов. Храбрец с «овечьей головой», по выражению Брусилова. Сам Брусилов вначале мудро отказался поддержать московское сопротивление юнкеров (якобы, в виду личной дряхлости), а позже серьезно помог большевикам в генштабе. Ген. Краснов, в принципе, не слишком уступал Корнилову в личной доблести (тем более, уме), поэтому становится понятно, что не из-за отсутствия оной оба потерпели очень сходные поражения в 17-м году.

Как раз наибольший шанс прервать большевистское восстание был у москвичей, и если бы не фактическая измена (ну, м.б., «глупость»!) полковника Рябцева, нейтралитет Брусилова и нехватка вооружения, то результаты могли быть несколько иными. Хотя главной решающей здесь силой, как и в Петрограде, оказались именно «нейтралы» — фронтовики, казаки, немалая часть офицеров и железнодорожники Викжеля. Надежда отсидеться и предательство обнулили возможности сопротивления.

На стороне радикалов тоже далеко не всё складывалось удачно. Ленин, большую часть года «путавшийся под ногами» у деятелей своей партии, чуть было не помог Корнилову, когда потребовал в своих

письмах (из Разлива и Финляндии) не входить ни в какие контакты с умеренными социалистами. Едва ли не ежедневная смена тактики: то за Советы, то против. И не случайно, что беки на местах решали вопросы самостоятельно, нейтрализуя многие призывы вождя. Даже в Смольный он, можно сказать, пробрался чудом, в последний момент смешавшись с толпой. Тем самым, до октября не повлиял почти ни на что, за исключением идеи ареста Временного Правительства. Кстати, исторические документы позволяют видеть, что реальными героями момента в октябрьских событиях были не столько признанные лидеры, вошедшие в будущие революционные святцы, сколько малоизвестные комиссары ВРК, «нетерпеливые радикалы» – например, Освальд Дзенис, захвативший Троицкий мост и по собственной инициативе приступивший к уличным арестам чиновников, Михаил Фаерман, захвативший электростанцию и отключивший свет в правительственных зданиях, Карл Кадлубовский, взявший под командование Главпочтамт, Лашевич, Калягин и бывший юнкер Захаров, захватившие телефонную станцию, и т.д.

Не нужно преувеличивать реальные возможности и прозорливость беков, их лозунговые абстракции многожды разбивались о действительность. Так, лозунг «фабрики рабочим!» после октябрьской победы логично перетек в создание т.н. рабочего контроля, который полностью дезорганизовал работу предприятий и вынудил большевистскую верхушку в этом вопросе сдать назад.

Умеренные социалисты, даже после самоубийственного для России Приказа №1, могли сделать (в хорошем смысле) еще многое, но узость их практического (партийного) мышления апостериори доказывает неистребимая идейная атмосфера начетничества и в том числе пресловутая эсеровская декларация на эмигрантском январском съезде 1921-го года, в которой по-прежнему утверждалась идея «третьей силы»: «Мы отвергаем всякие компрометирующие союзы и коалиции направо, но также решительно отвергаем и всякие капитуляции налево». Что тут скажешь? Можно лишь вспомнить известное высказывание о Бурбонах: «Ничего не забыли, но и ничему не научились».¹⁹³

В 17-м произошла, говоря языком древних китайских парадигм, смена-борьба «старого» и «нового Неба» как двух элементарных (но в этом – ясных и устоявшихся) структур. Каждая из них была простым,

¹⁹³ И, как мы знаем из эмигрантской мемуарной литературы, подобные заседания-говорильни длились почти беспрерывно вплоть до 80-х годов XX-го века, едва ли не пережив эпоху старцев кремлевского политбюро.

семантически понятным, комплексом, весьма прочным до момента своего краха по причине «истертости» механизма и деидеологизации. Подобной простотой обладали тогда только две смысловые структуры – условно взятый «царизм» (включая сюда и «Белую идею») и большевизм. Лозунг «За Святую Русь!», за которым стояли понятия иерархического государственного порядка и внутрисословной справедливости, и лозунг «Мир, хлеб, земля сегодня!». Понятное, но надоевшее прошлое, воспроизводившее идею патриархальной семьи, и чаемое вот-вот будущее всеобщего равенства и достатка.¹⁹⁴

Идеология же умеренных социалистов и либералов, более ответственная и отвечавшая более сложной реальности, по тем же причинам была и сложнее для ее восприятия массами. Смысл подобных лозунгов вполне справедливо расшифровывался как «Да! Но...». Т.е. «мир без аннексий», но – не отдавать же немцам свою территорию без военного сопротивления! «Землю народу», но сначала все-таки легитимность и юридическая процедура! И т.д. Интеллигенции, «третьей силе», не на кого было опереться.

В 17-м происходило естественное «умножение» партий делением (дифференциация), но с апелляцией каждой из них к реальному, или потенциальному, союзнику (интеграция). В «синкретическом» начале мы наблюдаем в первую очередь монархистов и антимонархистов, которые очень быстро распределились как либералы и социалисты, из последних выделились эсеры, меки и беки (не считая совсем мелких «толков»). Среди самих беков летом-осенью 17-го, т.е. еще до эпохи вождизма, можно было легко различить умеренных (Каменев и С^о)¹⁹⁵ и радикалов (Бубнов, ВРК).

¹⁹⁴ Понятно, что воплощение на практике искажало идею до ее полной противоположности. Отсюда естественным образом возникало движение (и на индивидуальном и на общественном уровне) возврата к истокам этих идей, в форме их уже состоявшегося синтеза – некоего Нового Порядка. Поэтому не стоит удивляться, что массы, после анархии и хаоса междоусобицы, вновь восприняли за «осознанную необходимость» идею власти «царства» над социумом. Правда, это уже был образ «красного царя» из объективно бессознательной пародии на догмат христианства – «Ленин-Сталин-Партия».

¹⁹⁵ Значительная часть беков вполне была готова еще десятилетиями шуметь на левой исполкомовской скамейке, и то союзничать, то грызться с «умеренными». Если бы последние удержали власть. Ср. также в мемуарах Суханова образ «весеннего» Урицкого (будущего главы ВЧК) с его неподдельным пиететом перед Церетели.

А начиналось все так степенно, республиканство двигалось «легкой рысью». Тенденция «полевления» переходила в спираль: следующий «правый виток» был репрессивней предыдущего, после чего на некоторое время сформировалась атмосфера победившей, хоть и классовой, свободы – раздолье для футуристов и нэпманов. Далее – еще более тотальные репрессии 30-х годов, а затем определенное «переформатирование», связанное с войной. Новейшая история не знает летописных «пустых» годов.

Любопытно еще то, что на тренде общей радикализации и «полевления» беки могли овладеть страной без лишнего шума и пыли: правительственные чиновники разбегались и никто, за вычетом горстки юнкеров и офицеров, не оказывал сопротивления. Однако радикализм уже зашкаливал, террор победителей собственно и вызвал ожесточенный отпор, когда многие ранее попрятавшиеся перешли на сторону белых и зеленых, и гражданская война сделалась глобальной, а взаимное озверение стало нормой.¹⁹⁶

При любом раскладе – наиболее слабым звеном в России, не в первый и не в последний раз, оказалось само общество. И эта «слабость» его постоянно «воспроизводится», так как «усиление» его в форме прикладной силы, в виде рычага государственной власти, в виде функции, уничтожает само понятие общества и так же, как после физического уничтожения, вновь ставит вопрос о его появлении. Государственной власти вполне достаточно «служилых людей», профессионалов, узких спецов, но здесь идеалом могут быть только зомби и роботы, а не «грешные» люди. Церковь, как государственный институт, и любая партийная идеология стараются, конечно, как могут, но мир по-прежнему «во зле лежит». Позитив радикальных решений невелик и недолог, опора на большинство или на меньшинство одинаково неустойчива, и вечный консенсус невозможен. Все же

¹⁹⁶ А в Сибири в 18-м году, напротив, шел процесс «поправления», когда даже такие люди как Авксентьев казались истеблишменту большевиками. Кстати, ген. Н. Головин в своей работе «Русская контрреволюция» довольно логично объясняет противобольшевизм сибирского, а также южного и северного крестьянства тем, что исторически они не знали крепостного помещичьего права, в отличие от населения Центральной России. Правда, много больше виноваты все же не отголоски крепостной, а реальности общинной психологии. Кроме того, Головин не учитывал предшествовавший войне и революции демографический рост, приведший, в свою очередь, к появлению значительного числа безземельных и бедных, кочевников между городом и деревней, весьма отзывчивых к радикальной демагогии.

взаимная терпимость лучше взаимной ненависти, хотя на этот счет у кого-то может быть иное мнение. (Однако нельзя не отметить, что традиция радикализма в России более старая и устойчивая, в отличие от либерально-демократических, буржуазных и интеллигентско-оппозиционных тенденций. Сравним хотя бы даты появления организаций «Земля и воля», «Народная воля» с одной стороны и конституционных демократов с другой). Хотя сегодня во властных кругах гораздо популярнее идеология самодержавного подавления любых восстаний. Начиная с Пугачева и декабристов, и кончая нынешним днем.

Капитализм в России начала XX-го столетия запоздал на полвека. А главное, он не расставался с феодально-сословными чертами, отсюда такой чудовищный разрыв между образованным обществом и народной массой, что сказалось на остроте классового противостояния. Правда, как показывает Ахиезер, нерешенная земельная проблема и не могла быть решена только лишь своевременной раздачей земли, поскольку требовались иные, интенсивные и технологические формы землепользования, каковые существовали в крупных помещичьих хозяйствах и в хозяйствах (в том числе – мелких) европейских, прибалтийских и даже некоторых азиатских народов. Экстенсивное развитие при одновременном росте населения, приводило русское крестьянство в тупик: никакого количества земель ему бы в конечном итоге не хватило. Ахиезер напоминает нам о слабости буржуазии, несмотря на столько раз провозглашенный капиталистический «рывок» дореволюционной России на капиталистическом пути развития: «буржуазия не только не представляла собой политической силы, способной стать ведущим фактором общества, перевести страну на путь либеральной цивилизации, но и не была еще способна стать ведущим фактором хозяйства, превратить рынок в основу жизни большинства населения». (Правда, я бы здесь сделал небольшую корректировку к словам автора: численно высшие классы в те годы были примерно равны рабочему классу!).

В тоже время думать, что эволюция, а не революция спасла бы положение довольно наивно, поскольку никто не владел теми «волшебными словами», убеждениями, научными знаниями и возможностями влияния на народ и на общество в достаточной, для выбора эволюционной формы пути, мере.

Все логично. Даже в случайно-индивидуальных моментах, когда личная эмоция работает на общий тренд: паника Родзянки, запустившая процесс отречения, или паника Керенского, давшая карт-бланш левым против Корнилова (а затем и против себя самого). И

объективная логика того времени касается не только индивидуальных событий, вроде неизбежной потери власти Николаем Вторым. Своя «невозвратная» логика и в репрессиях беков и сталинщины, и в росте свобод в эпоху горбачевской перестройки, и в бандитском беспределе 90-х и в новой волне «монархизации» и феодализации начала XXI века... А помимо крупных структурных событий есть и «микроисторические»... Вот такая «крупная мелочь», как желание поражения большевиков у части «цензового элемента», приведшее последний к союзу с оккупационными германскими властями. Т.е. классовое чувство возобладаало здесь над патриотизмом и уравнило бывших патриотов с пораженцами-большевиками предыдущего периода. Можно ли при данном раскладе рассчитывать на классовый мир, «мягкий исход», и удивляться жестокости классовой войны с обеих сторон?..

Уже неоднократно говорилось об идейном поражении белых, о гибельной политике «непредрешенства» (в том числе в важнейшем земельном вопросе!), но возможна ли была иная политика и идеология? Деникин совершенно справедливо писал: «Если я выкину республиканский флаг – уйдет половина добровольцев, если я выкину монархический флаг – уйдет другая половина. А надо спасти Россию!». ¹⁹⁷ Иными словами, белые действительно сделали все, что могли и даже много больше, если посмотреть насколько слабы они были в начале своего движения. Будь большевики менее свирепы, они

¹⁹⁷ Ген. Н. Головин (ук. соч., Т.2, с 626) признает определенную неизбежность, в силу объективных причин, «непредрешенства» в земельном вопросе, поскольку удовлетворить одним «унитарным» законом различные группы крестьянства было абсолютно невозможно... Что можно возразить на это? Абсолютно идеальных, всех удовлетворяющих, законов и в принципе не бывает, а «даосское недеяние» в данном случае пользу вряд ли приносит. Головин задним числом предложил решать земельный вопрос «областнически», чему естественно помешала чисто военная политика Белого движения и управленческая «несостоятельность» самого ген. Деникина, в результате чего реальные следствия этой политики имели вполне конкретный реставрационно-помещичий окрас, только обозливший крестьянские массы. В тоже время надо признать и объективное значение военной политики как таковой: если бы Колчак и Деникин все же одержали окончательную победу над красными, то народ и общественность, и сам социальный вопрос никуда бы не делись от этого упрямого факта. Будущие социальные катастрофы, конечно, не могли тем самым быть элиминированы, но возникали бы они уже на фоне совершенно иных исторических условий.

могли бы задавить белых в зародыше, не оттолкнув от себя значительную часть населения и не допустив ситуацию до последующих сражений. Но произошло то, что произошло.

Если говорить только о кардинальных противоречиях и ошибках противобольшевистского движения в целом, то здесь можно упомянуть несколько важных моментов, но все они так или иначе связаны с «субъективно-объективным» идейным раздрасом.

В Сибири – неизживаемая социалистическая тенденция к сохранению и «углублению» революции со стороны околожсеровских кругов (включая и политические симпатии чехословаков) против тренда к поправению всех прочих местных сил (вплоть до чисто реставрационных настроений). О каком едином фронте можно было говорить при скоротечной (для данного тренда) смене властных структур, от Областной Думы к Сибирскому Временному Правительству, затем к Директории, и наконец, к колчаковской диктатуре (пусть даже и возникла последняя путем вполне демократических процедур)?..

На Юге, в 18-м году, мы имеем проблемы в первую очередь с областничеством Кубанской Рады и самостоятельностью всех местных казачеств в противовес раздутому идейному имперству руководства Добрармии на фоне того факта, что каждый штык и сабля были наперечет. Решающая, стратегическая, ошибка Деникина – отказаться летом того года от наступления вместе с Красновым на Царицын – весьма вероятно была мотивирована субъективными взглядами на ситуацию, хотя и оправдывалась им впоследствии сотней объективных причин.¹⁹⁸

Теперь несколько слов о возможности перехода власти к Троцкому в 23-м году. Одна сторона дела – его формальная возможность/невозможность. Другая, более важная, состоит в том, что сходств между политикой Троцкого и Сталина, на глобальном уровне, все равно было бы больше, чем различий. Сталин в конце концов перешел от политики НЭПа к плановому хозяйству, одновременно установился строй культа личности вождя, плюс репрессии несогласных, потом потенциальных врагов, а заодно и прочих, кто уже «механически» попадал под «каток». Но троцкисты требовали восстановления военного коммунизма, плановости и

¹⁹⁸ Это привело бы, напомним, к своевременной смычке белых фронтов и к обрыву связи большевистского правительства с нефтеносным Каспием. См. у ген. Н. Головина (РК, кн. 2). Когда Врангель занял Царицын чехи уже оставили фронт и колчаковская армия в панике откатывалась на восток.

культу вождя (своего) уже к 23-му году, т.е. намного раньше, чем к этому пришли сталинцы. Соответственно, великий голод начала 30-х при Троцком мог начаться и пораньше. Репрессии и чистки (во всяком случае, в партии) были бы тоже неизбежны («гуманизм» Троцкого достаточно проявился во время Гражданской). Интересно, как сам Сталин, еще не ставший «отцом народов», отвечал на наступление троцкистов, прикрывавшихся требованиями демократизма. Он с язвительной иронией указал на сущность этого «демократизма» у людей, успевших проявить его на деле. (Цит.— см. Валентинов «Наследники Ленина»).

С другой стороны, прав и Троцкий когда писал в декабре 1928 г. в своем послании президиуму Коминтерна: «Сталинская фракция живет обломками и осколками идей оппозиции». Неопровержимым фактом является то, что Сталин действительно использовал теории и методы против которых некогда выступал, но вопрос, было ли это объективной логикой революционной «кривой», от свободы к деспотизму, или такой же логикой, но только субъективного плана, вряд ли может получить окончательное разрешение.

В качестве специфической формы постановки подобного вопроса укажем на тенденцию ряда авторов акцентировать «позитивную» историческую роль Сталина. Речь идет о тенденции признать Сталина человеком, избавившим страну от евреев-интернационалистов в ходе борьбы за национальную державность. Правда, современные апологеты Сталина ничего своего здесь не придумали, задолго до них с воспеванием красного православного и национально ориентированного монарха выступал невозвращенец Дмитриевский (см. у Валентинова, там же). Сходная ситуация и с т.н. «построением социализма в одной стране» или «экспортом революции». Дело не в желании/нежелании или в национальной ориентированности лидера, а в реальных возможностях государства. Война с капиталистическим Западом считалась неизбежной и «естественной» всеми советскими лидерами, но амбиции вполне разумно соотносились с наличной «аммуницией», и для такого понимания вовсе не требовалось «гениальности».

У каждого своя правда. Не нужно много ума, чтобы понять искренность переживаний и неизбежность поступков Деникина, Колчака или Краснова. Можно полностью подписаться под каждым словом Будберга или Гиппиус. Трактовки событий Вишняка и Войтинского безупречны. Без гения примирения, лавирования, толкований и согласований в лице Иракия Церетели мы имели бы кровавую бессмысленную бучу с первого же месяца революции. Но

ведь и у последнего рабочего, крестьянина и солдата была своя правда. Или они должны были только согласно мычать и салютовать выскочившим из ниоткуда вождям?..

А может быть всё намного проще? Демократия на большом имперском пространстве конструктивно невозможна и ведет только к анархии и распаду страны. А авторитарно-тоталитарная система вполне себе успешно «работает». Во всяком случае до того неизбежно наступающего момента, когда становится невыносимой и «выносятся» вперед ногами... Проклятие «вечного возвращения»...

Вечный спор идет (и всегда будет идти) по поводу возможного примата личного субъективного фактора. Спор этот бесперспективен уже потому, что при всем значении сознательной воли участников сами они «рабы» объективных условий (ну, не произошло бы много и многое, не явись вовремя и не убедил Ленин своих «партайгеноссе» в необходимости переворота; и тому подобные ситуации). Рабы не только внешних условий, но и собственной ментальности, всех нажитых психологических «связок».¹⁹⁹ Ср. у Густава Лебона: «Влияние великих политических деятелей продолжается лишь до тех пор, пока, как Цезарь или Ришелье, они умеют направлять свои усилия в духе потребностей эпохи; настоящая причина их успехов предшествовала им самим. Двумя или тремя веками раньше Цезарю не удалось бы

¹⁹⁹ То, что «ум» (Плеханов, Милуков, Струве), личная порядочность (Церетели, Деникин, Войтинский, Набоков) и даже индивидуальная храбрость и энергичность (Гучков, Крымов, Савинков, Корнилов, Каппель) терпят поражение – это не удивительно, это легко объяснимо. Но и опыт интриг, цинизм, хитрость далеко не во всех случаях приводят к искомому результату. Так, Ленин в 22 году поставил Сталина руководителем партаппарата, о чем уже вскоре пожалел. У Ленина была хорошая альтернатива в лице Смирнова, но последний, в отличие от Сталина, открыто показывал свою самостоятельность и тем не устраивал вождя, боявшегося потери личного влияния (ничего не напоминает из событий на рубеже 21 века?.. Акела промахнулся. Старый сэнсей с загнивающим мозгом купился на «куклу» внешнего послушания (не будем здесь снова про Е.Б.Н. и операцию «Преемник»). Слабый победил сильного. Позже Каменев и Зиновьев помогли Сталину «сохранить лицо» после объявления ленинского завещания. В борьбе с «сильным» Троцким эти умники также посчитали Сталина излишне «слабым», за что потом жестоко поплатились. Их подвела самоуверенность и ограниченность мышления: их циническое мировоззрение было еще недостаточно циничным и критичным, они чересчур уверовали в моральную и историческую значимость – для всех – собственных «революционных» биографий.

подчинить великую римскую республику императорской власти, и Ришелье был бы бессилён осуществить объединение Франции. В политике настоящие великие люди – те, которые предвидят зарождающиеся потребности, события, подготовленные прошлым, и указывают путь, которого следует держаться». Ленин, Сталин, Гитлер, разумеется, читали Лебона и умели делать выводы. Безнадёжное дело пытаться разобраться, где в каждом конкретном случае вождь «оседлал дракона» объективной стихии, а где пошел у нее на поводу. Пожалуй, не будет неверным вывод о взаимном опосредовании, усилении и согласовании этих встречных тенденций.

Также бесперспективен, в силу абстрактности, спор о первенстве «яйца» или «курицы». Это схоластический средневековый спор о словах. Люди ли (массы и вожди) согласно направляют события, или структура событий-процессов-условий спланирует и направляет людей? Здесь разрыв понятий условен, «моделен», как и сами понятия.

С одной стороны, каждая «точка» это лишь некий момент в сети отношений, с другой – это живой субъект с личной волей. Но и субъект определен и ограничен внешними и внутренними объективными условиями и нажитым опытом, готовыми сценарными клише. В то же время внешние, объективные, сети это результат человеческой деятельности). Во всяком случае, согласие людей и событий либо есть, либо отсутствует, и тогда просто не о чем говорить. Наблюдателю остается только поражаться, насколько примитивным подчас кажется это согласие. Столь, казалось бы, вменяемых и умных людей, «исторических деятелей», с такими тривиальными и одиозными вещами, как неприкрытое стяжательство или страсть к внешним знакам отличия... Высказывания на тему слабости человека перед искушениями, не кажутся мне исчерпывающим объяснением. Ведь иногда выгоднее проявить как раз противоположные чувства. Более того, те, кто их показательно (но убедительно!) проявлял – большего и достигал, во всяком случае в памяти потомков. На мой взгляд, речь в самом деле идет о человеческой слабости, но не моральной, а исключительно исторической – слабости даже самых зрячих людей перед слепыми тенденциями. Тот же Наполеон... Что же требовать от остальных!?

Подчеркну, что говорю здесь не просто о воздействии власти и денег на слабые души нуворишей, а о «железной» логике довольно таки абстрактных процессов. Хотя, конечно, нельзя забывать и о культурном наследии, социальных условиях, менталитете народа... В

частности, если строится новая властная вертикаль, то она со временем обязательно окружается пышными внешними ритуалами и помпезными «фенечками». Из чего затем вытекают и многие прочие следствия психологического, политического, экономического характера. Стоит еще учесть, что в определенных областях монархии не имели такой власти и таких возможностей, какие имеют лидеры современного, именующего себя демократическим, общества.

Не так страшен строй, как его «малюет», т.е. представляет в реальности, бюрократия. Бюрократия «в соку», в полной «красоте», удобно расположившаяся в условиях любого строя, это страшная сила. Особенно, когда «все хорошо»: бюрократия, как любая функционирующая система, не может ведь застыть в позе медитации, не может не действовать, даже когда всякие действия излишни. И здесь на беду населения начинаются всяческие «улучшения», «исправления», реформы, законодательные инициативы и тому подобные мелкие (а иногда и крупные) «подлянки». Система полна сил, которые ей некуда девать, чиновничество уже добилось в материально-социальном смысле всего, о чем раньше не могло и мечтать... Но разве прикажешь опухоли не расти?!. И система начинает мелко гадить, засоряя собой «ойкумену». Некоторым утешением является то, что «гадит» бюрократия и внутри собственного дома: бюрократы тоже живые (и конкурентноспособные) люди и они не могут не заниматься грызней, дележкой и подсиживаньем.

Лидеры и народ – не столь уж и простая для понимания социально-психологическая «связка». Эсеры, имевшие большинство сторонников, не сумели добиться победы, стало быть дело не только в «числе», но и в «умении», как утверждалось еще Александром Васильевичем Суворовым. Нельзя также всё сваливать на самих лидеров: черносотенцы явно выходили за пределы нравственных постулатов Николая II и синодальной епархии; большевизированные массы, чекисты и уголовники не слишком согласовывались с марксистскими постулатами; националисты (как и революционеры) всех стран и мастей явно (и всегда!) превышали «пределы самообороны», идеологически разрешенные и прокламируемые верхами. И т.д. Разумеется, чем безумней, грозней и бездарней верхи, тем хуже дела обстоят в низовой исполнительной массе, но дело не только в характере лидеров. И даже не в специфике конкретного строя или нации. И такая чудесная вещь как политкорректность, или демсвобода, или забота о здоровье (хоть физическом, хоть духовном) своих ближних, может

доводиться (и чудесно доводится!) до полнейшего абсурда. И на сакраментальный вопрос «кто виноват?» мне известен только один внятный ответ, принадлежащий поэту-сатирику Игорю Губерману: «идея, брошенная в массы, это девка, брошенная в полк»...

Сегодня мы наблюдаем в нашей стране и старое и новое в новом сочетании. При весьма старых человеческих страстях тех, кто находится во главе процесса. «Третий проект» – синтез дореволюционной капиталистически-феодальной России с коммунистически-феодальной при новых технологиях (в том числе – политических). Как ленинская интернационалистская Россия явилась переходной формой (при определенной условности различения что есть структура, а что – переход) к сталинской имперской державе²⁰⁰, так и горбачевско-ельцинская олигархически-либеральная (и интернационалистская) Россия – переходная стадия к системной бюрократической державе («пропутинской»).

Свобода или же анархия царили в «лихие» 90-е, не столь уж важно при определении формы феодализма. Просто началству и «лихому» контингенту в борьбе за ресурсы было пока не до масс (не до нас). На Руси в 12-м веке также царил полнейший бардак, то бишь, хрестоматийно – «раздробленность», что никак не отменяло самого феодального строя. С другой стороны, «скрепная» имперская державность реального феодализма с капиталистическим лицом нисколько не препятствует гниению страны и постмодерному абсурду, как не мешала, например, в поздней Австро-Венгрии эпохи Гашека и Кафки.

Современная чиновничья система уже учла стратегическую невыгодность экономического волюнтаризма и беспредела эпохи ельцинских «баронов-разбойников». Ситуация первоначального накопления капитала есть во всех смыслах временный период и не

²⁰⁰ Учтем однако прихотливость диалектики определений. Так, интернационалиста Ленина и С^о можно понять как «гипердержавника»: ведь их «державную» идеологию можно представить не только как презрительное отношение и недооценку государственности, но как метадержавность, как экспансивную направленность на покорение всего прочего мира. Соответственно, «типичный» державник Сталин по одежке протягивал ножки, хотя после Второй Мировой войны он и его наследники уже смогли возобновить «метадержавные» планы. Иными словами, дело не в косной идеологической догме, но в «воле к власти», вечной и неизменной по сути, но корреспондирующей с реальным раскладом наличных сил.

может быть правилом, основой естественного развития. Безоглядность и наглость, индивидуальный нахрап и непредсказуемость, финансовые пирамиды, грабеж и бандитские разборки на всех уровнях уступили место профессиональной и юридически закрепленной эксплуатации народа и богатств страны. Элита почистила свои ряды от авантюристов, живших одним днем, и оценила долгосрочную выгоду бюрократической консолидации и легитимного управления. Высокие цены на энергоносители дали ей не только экономический базис, но и уверенность в своих силах на внутренней и на международной арене. Сегодня элита занимается «мелочевкой» – исправляет ошибки старой бессистемной системы, делает новые, укрепляет ряды, технологически изоцирует и детализирует формы эксплуатации населения и госимущества. Опробывает формы новой идеологии, хотя последние годятся лишь для самых нетребовательных и деполитизированных социальных групп. Ничего долгосрочного, равного в этом смысле социалистической или христианской идее, элита выдвинуть не в состоянии. Она не очень и понимает всего значения идеологии, то есть воспитания и выработки мировоззрения нации, для продления своей власти. (Психотипы – сверху вниз и снизу вверх – нувориша, мента и гопника далеки от идеологического концепта). Причина этой слабости совершенно объективна – культуре денег и материального преуспевания просто нечего противопоставить. Старая идея православной цивилизации может сегодня выражаться лишь в истерически агрессивных формах «обиженного» контингента. В спокойной, вменяемой обстановке трезвого мышления эта идея показывает свою беспочвенность, фантомность и бессилие на фоне глобального экономического реализма в «мире чистогана». Запад некогда блестяще синтезировал «земное и небесное» в лютеранской идеологии (воспетой Максом Вебером), но лютерански-баптистский психотип весьма далек от нашей культурной истории.

Более того, значение, которое православно-национальное направление у нас пока имеет, будет бесповоротно потеряно в случае его официального насаждения сверху. (Частично это уже произошло). В этом случае повторится духовная ситуация конца царского и коммунистического режимов – социально-экономическое недовольство масс, прозападнический атеизм интеллигенции, ханжество и двуличие чиновничества, и сама невозможность скрыть эту двойную бухгалтерию. Западный вариант просвещенного, толерантного к «Маммоне», христианства, может быть, мог бы еще

«пройти» в эпоху горбачевской перестройки, с ее идеализацией НЭПа, но не сегодня. Еще менее возможен у нас (во всяком случае, в европейской части страны и в целом – в городах) ренессанс по типу исламизма, поскольку ислам это ислам, а не воскресная школа для мальчиков из хороших семей, со всеми вытекающими. Таким образом, потенциально возможны только две, так или иначе преобразованные в свете сегодняшнего дня, идеи – все та же христианская, но согласованная с прогрессом и очищенная от «иосифлянства» (чего нет и не ожидается). И, опять же, социальная, т.е. социалистическая, но пронизанная духовностью и культурой (эдакое «чудо-юдо»). Иначе говоря, возможное (в смысле – желаемое) невозможно, а возможны лишь «невозможные» (в морально-эстетическом разрезе) имитации и временные «обманки». Однако, сколько таковые протянут в нашем быстро меняющемся мире?..

А может быть, спросите вы, прожить вообще без всяких там идеологий? Ведь живут же на Западе, а чем мы хуже? Отвечаю: конечно, можно, как на Западе. Так очень многие уже живут и вполне довольны. Загвоздка лишь в том, что хоть и многие, но далеко не все, и чем меньше будут думать об этих многочисленных, увы, изгоях, тем скорее поймут к своему довольству бездну неприятностей. На Западе все изыски оплачены: если бесплатных завтраков не бывает, то пиров тем более. Стыдно повторять банальности, но сколько их у нас не повторяй, элита задумываться всерьез не желает. Пока мужик не грянет, барин не перекрестится. Интересно, что на укрепление своей власти, на охрану, на оболванивание масс, на изыски и прочее элита тратит несравнимо больше, чем обошелся бы ей приемлемый «вэлфер» для народа. А может, так и надо? Дарвин бы наверное одобрил. В этом моменте, как, впрочем, и всегда, проявляется психология российской власти, я бы даже сказал – психика, то бишь душа нашей элиты.²⁰¹

Стара сама форма кристаллизации новой властно-собственнической структуры, и тем более старо ее пожелание остаться в виде таковой вечно. Но весьма новы и революционны технологии (причем, постоянно обновляющиеся!), которые должны позволить новому классу (точнее, пока еще клану) «остановить» социальную историю, предотвратить логически неизбежный спад техническими средствами. Это еще один постисторический вариант западного

²⁰¹ Здесь особенно интересен такой психо-момент: вечной хочет (и грозит!) стать власть временщиков по духу. «Момент» опять же чисто российского ментального разлива?

либерально-демократического общества, по Фукуяме, но в наших условиях. (Свой вариант «вечного царства» есть, конечно, и у исламского мира). В другом аспекте здесь нарождается очередной идейно-психологический «клон», «повторизм» политического ханжества и двойного сознания людей брежневской эпохи. Но сама постановка вопроса и стара как мир (хилиазм христианства, коммунистический рай, вечный рейх) и революционно нова, т.к. речь впервые идет о том, чтобы технически осуществить насилие над природными ритмами. Возникает интересный парадокс: попытка технологической «остановки» истории на фоне все убыстряющихся исторических и собственно технологических процессов. Можно позавидовать будущему историку, который увидит итог этого соревнования наездника с дикой лошадью Истории. На ближайшее время можно только предположить некую форму конфликта (либо разрешения оногo) между двумя видами империализма: сверху – кланово-капиталистического и снизу – этнофорного и национал-социалистического.

Новейшая философия сопротивления глобализму это не только панаринско-дугинский и неоязыческий варианты. Можно упомянуть умоплезную книжку Михаила Веллера «Великий последний шанс». Написано ярко, доходчиво и для последнего бомжа, не говоря уж об олигархии. Согласен полностью, подписываюсь солидарно под всеми анамнезами и чокаюсь мензуркой с анализами. От нашего стола вашему... Есть небольшая претензия к позитиву, в смысле некоторой исконной литературности оногo. В чем-то и не ново, особо, когда о пропаганде автор заговорил: так это же всё мы уже проходили и воды в реке давно обновились. Старый агитпроп на новом «посту» не удержит винтовки в руке. В чем-то типичная интеллигентская бравада: пытаться и вешать воров на площадях, к стенке чиновников, и «аванте» в «Четвертый Рим», ницшеанские большевизане! Гладко было на бумаге. (Да и «Жирик», автором непризнаваемый, давным-давно балаболит о том же). И просто наивняк под соусом тертой практичности: законодательные, понимаешь, рамки-рюмочки для жаждаемой диктатуры. Тут и явная недооценка талантов российского человека: наши левши и не таких западных блошек подковывали. И явная же их переоценка: сам автор в предыдущих главах преубедительнейше обрисовал русский характер, так что результат от предлагаемых веллеровских революционных реформ можно легко отыскать в веллеровской же книге. Последний шанс, говорите? Неправда ваша: если не последний, то гораздо более практичный и реальный шанс

мимоходом Веллером уже предлагался. В виде нехорошего итога при неиспользовании нами шанса хорошего: а именно – переход в исламизм. И это не шутка, если не считать также шуткой все прочие веллеровы материальные и духовные снадобья. Ибо – такая веллеровская рев-реформа уже осуществилась в России, с некоторой скидкой на местные условия! В республике Ичкерия, в Чечне. Все те положительные, социальные и чисто человеческие моменты, которые требуются для обновленного «нелибералистского» существования страны и народа там уже были и снова есть. Но опять же: учитывая отрицательные черты русского менталитета, столь убедительно Веллером нам представленные, мы должны отдать себе отчет, что во всей России, так удачно, как в Чечне, уже не получится! Не та сила кровной и этнической солидарности, не те воинственность и кураж и т.д. и т.п. Общий вывод подсказывать, или и так все понятно?

Кучеренко (Калашников), Кугушев, Крупнов и др. разрабатывают некоторые идеи С. Переслегина и демонстрируют более современный (в сравнении с Веллером) концептуальный подход. Правда, он перенасыщен романтикой гитлерюгенда и пионерскими прожеками достижения мгновенного счастья («магическая стратегия», «экономика чуда», «энергия эфира», «нейротехнологии расширенного сознания», создание «сверхразумной расы») и выражен околопрохановской лексикой. Сочетание антиглобализма (антиамериканизма) с методами глобализма: т.е. обороняться от того же тем же самым, включая как империализм, так и сетевые структуры. Не говоря уж о старых добрых отечественных «ноу-хау».²⁰² Поэтому не удивляет романтизация тайных обществ и того же нацизма, «старины Ади»,²⁰³ как примера для нас, совпадающая с романтикой комм-революционерства. Сюда же теория «иголки для слона» (и «теория чуда»), с упором на

²⁰² Но это не гомеопатия. «Мы выведем человечество из тупика», «мы наживем громадные деньги», «в этом нам способна помочь... наша мафиозность» и «беспредел», «мы заслужили право на реванш». – «Третий проект: Спецназ Всевышнего», <http://www.stormbook.ru>.

²⁰³ «Гитлер – это одержимый художник, фантазер и визионер... предтеча рок-звезд 1960-1970-х годов»; «История гитлеровской Германии чаровала миллионы умов и будет их чаровать, по мере того как весь мир катится к новому хаосу»; «Когда нет уже былых ресурсов... когда страна наша больше не может производить так много боевой техники, как раньше, остается лишь один выход. Изучать опыт той же гитлеровской Германии. Прибегать к чудесной стратегии во всем: и в экономике, и в политике, и в вооружении...». – «Оседлай молнию», <http://www.patriotica.ru/>.

нетривиальные сверхтехнологии. А тот принцип, что русские научились выживать в отличие от западников – в условиях мирового кризиса (а бывали эпохи без кризисов?) – наш естественный «бонус» и тайное оружие. Но главное оружие «сверхновых русских» – синтез всех существующих форм организации и борьбы, использование опыта иезуитов, масонов, староверов, большевиков, сионистов, эсэсовцев, мафий, спецслужб, восточных сект, экстрасенсов и т.д.²⁰⁴

Итак – «восстание элиты», новый «орден лучших» взамен уже проштрафившейся (но все еще непобедимой) бюрократии (а в перспективе – новая «раса люденов»). За безжалостной критикой существующей системы (хотя в этой области мы все отличники), за организаторским пафосом и новомодными «фенечками» проглядывает все та же старая комсомольско-чекистская эстетика, вскормленная на журнале «Техника молодежи» и сериале «17 мгновений весны».

Но даже в случае тотальной победы «детей» над «отцами» («героя» над «драконом» без последующего превращения в оного) проблемы на этом не закончатся. Чаемый «светлый Нейромир», как и многие иные утопии, может оказаться страшнее «тьмы» старого мира.²⁰⁵

Да и с вопросом формирования самого ордена или расы новых «всечеловеков» не всё так «шоколадно» как в любимых книжках наших авторов. Нетрудно предположить, впрочем, что даже при наилучших вариантах здесь произойдет тоже, что происходило при становлении христианской церкви – с борьбой в ней разных течений, в результате чего победители стали ортодоксами, а проигравшие еретиками. Но есть и более близкие опасности: романтики-энтузиасты станут лишь прикрытием для циничных протеев-прагматиков, имеющих прекрасный опыт по созданию теневой власти (если это не одни и те же

²⁰⁴ «Русское Братство предстает как последняя и самая могущественная русская мафия». – «Третий проект...».

²⁰⁵ Авторы восторгаются результатами исследований психотехнолога И.В. Смирнова и, ничтоже сумняшеся, жизнерадостно заявляют: «уже ныне возможно целиком «переписывать» личность человека, вселяя новую душу в тело кого бы то ни было. Да, пока это дорого, но лишь потому, что его нейротехнологии существуют пока в опытных установках. Но если поставить дело на широкую ногу, пустить его технологии в серию...». Звучит весьма оптимистично, не правда ли? Впрочем, провокационно-подростковый стиль авторов книги (типа «Разорим и разгромим, в пепел обратим и голыми в Африку пустим!») позволяет надеяться, что не всё так уж неотвратимо.

люди, конечно).²⁰⁶ Сходная история произошла, кстати, и с советским коммунизмом. В более мягкой форме такие вещи происходят везде, где есть борьба за материальную и духовную власть над людьми, в том числе и при становлении в нашей стране капитализма «с нечеловеческим лицом». Очередная утопия меритократии безопасна для окружающих лишь до тех пор пока она не вышла из области издательского бизнеса. Тут есть еще один момент, исторический. Общеизвестно, что старая элита потому сходит со сцены, что уже не отвечает современным требованиям, а не отвечает им, потому что ослабла. Обленилась, зажралась, вырождается и т.п. (тут и к веллерам с кучеренками не ходи). Новая элита в целом – способнее... В том числе и в плане, так сказать, более разнообразных реакций, включая не всегда приятные для подавляющего (читай: подавленного) большинства населения.

Перед реальной властнособственнической элитой стоял и стоит только один вопрос, и решение его зависит от умения удержаться над стихией, не выпустив руль (корабля с набитым трюмом) из рук. Для того, чтобы сохранить управление, элита должна быть готова в соответствии с объективной конъюнктурой перехватывать чужие достижения, переводить стрелки вины на других, менять идеологические акценты и лозунги вплоть до полной их противоположности недавно утверждаемым. Сложность реального полит-процесса в том, чтобы самим не попасть под каток, вовремя назначив «сакральную» заместительную жертву. Хотя такие схемы хороши на бумаге, а на практике «каток» может и не узнать хозяина. Однако нельзя не признать, что такая опасность только подогревает азарт истинных ценителей этой увлекательной игры.

Мои сценарии предстоящей мировой истории, увиденные из 2007-го года.

1. Пессимистический. Большинство образованных и креативных – в эмиграции; иммиграция из 3-го мира; страна, по иссяканию (или невостребованности) нефти и газа, становится хранилищем химических и ядерных отходов, рынком дешевой рабсилы, либо вообще опускает «железный занавес». (Коррекция 12 лет спустя: до невостребованности природных ресурсов пока еще далеко, а с

²⁰⁶ Собственно, и сами авторы открыто высказываются за вариант создания «параллельного», но «прогрессивного», государства под тайным руководством (т.е. «крышей») президента и его администрации. Но не секрет и то, что подобные внутренние корпорации возникают без всяких советов со стороны доброхотов-прогрессистов.

остальными позициями все довольно близко. Хотя «вангованье» неблагодарный труд: кто ж мог предположить, что от нас поступит рацпредложение превратить в ядерную помойку всю остальную планету!).

2. Оптимистический. Такового просто нет, если заранее не считать какой-либо сценарий оптимистическим по соглашению сторон или по усмотрению начальства.

Запад. Пессимистично – Запад, поверженный, патовой по своей психологической сути, репрессивной политкорректностью, становится частью Восточного Мира путем демографического и культурного преобладания последнего. Ответная глобалистская экспансия исторически эфемерна, а сами транснациональные корпорации могут быть в своих властных структурах и менеджменте сильно разбавлены японцами, китайцами и арабами. (Коррекция: пока еще экспансия не победила. Но и не проиграла. Ждем-с дальнейших событий).

Оптимистично – генная инженерия и нанотехнологии позволяют создать на Западе практически бессмертную элиту, бесконечно сопротивляющуюся экспансии 3-го мира. (Коррекция: ну, до этого нашему поколению не дожить, но внуки вероятно уже насладятся).

Сегодняшние тенденции на фоне общей циклической картины нашей истории приближают очередной системный кризис. Разумеется, самой своей очевидностью эти тенденции должны вызывать и некие ответные меры со стороны правящего слоя, тем более, что технические возможности последнего возросли неизмеримо по сравнению с потенциями прошлых элит. И все-таки пока трудно представить, чтобы какие-либо ответные реакции могли заставить упомянутые «дурные» тенденции «рассосаться». Здесь мы вновь возвращаемся к старой проблеме «переигрывания» проигранных битв. Если бы исторический субъект обладал всей необходимой информацией и разбором будущих «полётов», если бы он сделал все необходимые ходы и не совершил ни одной роковой ошибки, то... Однако даже пророческое знание неспособно, на мой взгляд, предотвратить крах Системы, потому что последней надо было бы заранее отказаться от самой себя, от собственной самости...

Сословная монархия должна была бы отказаться от сословно-монархического принципа, гитлеризм – от расизма, сталинская номенклатура – от основ марксистско-ленинской идеологии и форм хозяйствования (обреченная на неуспех попытка Берии лишнее тому доказательство). И тому подобные примеры. Гомеопатические средства здесь (и особенно в случае российской истории) бессильны.

Также как невозможно, согласно теореме Гёделя (да и чисто психологически), сделать непротиворечивой систему средствами самой системы. Даже если сегодняшняя правящая элита будет уверена в неизбежности кровавой завтрашней экспроприации, неужели она способна стать совершенно бескорыстной?.. Слишком жесткая (и самоуверенная) система нереформируема; «твердое и крепкое – то, что погибает».

Но и использование внешних – во времени или в пространстве – «снадобий» еще не панацея. Еще раз напомним всем новейшим благодетелям России, что для возрождения каких-либо традиций, надо не только правильно (т.е. не лично специфично) понимать сами эти пресловутые традиции, но и отдавать себе отчет, что традиции были многократно искажены (и модернизированы), заменены иными традициями (или модернизациями), и те в свою очередь претерпели такие же изменения! Реальная история и учебник по истории (в котором все разложено по полочкам) не совсем одно и то же. «Возрожденцы» наши разлюбезные, умы невинные, думают (если еще думают!), что традиция это нечто простое, как мычание, и самоочевидное, как клубничка. Например, православие. Т.е. всякие там расколы и самосожжения в срубах, двуперстия и аввакумы, катакомбные церкви, скопцы и обер-прокуроры, экуменизм и сектантство, сложные игры между иерархами им побоку. А ведь, как хорошо известно, дьявол прячется в конкретных деталях, а не в тавтологиях общего плана всеобщего счастья. Но, впрочем, не все скопом так невинны, то бишь интеллектуально кастрированы. Некоторые умники логично полагают, что вполне достаточно восстановить все по-своему, так, как им самим на сегодня выгодно, и сказать, что это и есть истинная традиция. Не важно, как ее притом обозвать – социализмом, монархией, сетевым братством братков, пятой империей четвертого Рима над вторым Китежем, либо вообще все смешать в постмодернистскую пиццу... А ежели что вдруг станет невыгодным, то завтра же сослаться на бездумных исполнителей, не уразумевших хорошего замысла, и опять переделать. Под изменившийся интерес правящей элиты. И баста.

Интересно еще кое-что в бесчисленных пророческих воплях о неминуемой гибели цивилизации (если она вовремя не последует советам пророков). Тот, кто действительно вымирает, делает это потихому, в СМИ не кривляется и в «ящике» не маячит. Вымирающий не кричит, кричащий – не вымирает. Профессия пророка-защитника

оплачивается не хуже других. Достаточно взглянуть на их холеные «будки».

Но отсюда вытекает и грустный вывод, что искренние идейные «возрожденцы» это благодные дурачки в руках реалистов – сволочей-ловкачей, манипуляторов народным сознанием. Хотя, конечно, в самой безвыходности этой печальной ситуации кроется естественное утешение. Так сказать, от противного. Тот факт, что не осталось уже в мире неиспачканных грязными руками идей, слов и лозунгов, не означает все же необходимости полнейшего молчания, недеяния и нигилизма. Почему-то слишком часто получается, что нигилисты и циники первыми поддерживают (искренне или из выгоды – абсолютно неважно!) сверхценные идеи и грандиозные планы реформ. Так что и неверие в идеалы не помогает. Как сказал один современный писатель Борис Останин), недостижимость утопий не спасает от ужасов их достижения. В условиях постмодерна, «гибридности», «постправды» и «постморали» аристотелевская мера, даосская естественность, христианская духовная трезвость единственные, оставшиеся у думающих индивидов, средства профилактики от утопического прожектерства или душевного цинизма. Последнее утешение стойка.

Как же так, воскликнет разочарованный читатель, а где же идея прорыва, рецепты выздоровления, приемы борьбы и противостояния? Нет уж, лучше книги, вселяющие надежду... Конечно же, лучше, кто спорит! Главное, таких идей и теорий достаточно много, на любой вкус и цвет... А то, что они беспрестанно воюют друг с дружкой и самые новейшие из рецептов в той или иной форме были известны еще нашим далеким предкам, так что ж? Это – жизнь, а без хоть какой-то, пусть самой несовершенной, надежды жить невозможно. Тут вопрос из сферы науки переходит в сферы этики и эстетики, т.е. опять же, меры и вкуса, их тонкой линии равновесия. Уповай, но не обманывайся. Тем более – не обманывай.

Здесь не может быть «последнего», заключительного слова, а только обращение к будущим историкам и очевидцам. Если, конечно, мир будущего еще сохранит интерес к историческому дискурсу и к тому сакраментальному вопросу, что некогда задал пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтийский Пилат.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРА и ФОТОГРАФИИ

ЛИТЕРАТУРА

- Абинякин Р.М. «Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917-1920 гг.». Орел, 2005.
- Авдеев В. - <http://rodnoverije.com/antrop/biopolitical.html>.
- Аврех А.Я. «Масоны и революция». М., Политиздат, 1990.
- Айк Д. - <http://www.livespace.narod.ru/>. См. также <http://www.davidicke.com/russian/articles/reptilianobsession.html>; <http://www.davidicke.com/russian/>.
- Александров О.П. «Карта истории». - <http://www.xrh.ru/>.
- Алексеев В.В., Нефедов С.А.. Общественные науки и современность, 2002, №6.
- Анкерсмит Ф. «История и тропология: взлет и падение метафоры». М., Прогресс-Традиция, 2003. Его же - «Нарративная логика». М., 2003.
- Андерсон Б. «Воображаемые сообщества». М., 2001.
- Анненков Юрий «Дневник моих встреч», Т. 2. М., 1991.
- Арон Р. «Избранное: Введение в философию истории». М.-СПб., Университетская книга, 2000.
- АРР – «Архив русской революции» под ред. Гессена. М., Терра-Политиздат, 1991.
- Ахиезер А. «Россия: критика исторического опыта». М., 1991.Т.1. Он же - http://www.libertarium.ru/libertarium/l_pp_ahieser.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. «История России: конец или новое начало?». М., Новое издательство, 2005.
- Бажанов Б. «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». Всемирное слово, СПб., 1992.
- Базанов С.Н. «Последние дни генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина в Ставке» // Военно-исторический журнал. 2001, №11.
- Басина Г.И., Басин М.А. «Синергетика. Эволюция и ритмы человечества». Норма, СПб., 2003.
- Башилов. Б. «История русского масонства». М., 2003.
- Белинский В. «Страна Моксель. Откуда есть-пошла Москва-Московия». -http://www.ukrlife.org/main/evshan/moxel_23.htm.
- Бердяев Н. «Философия неравенства» // «Русское зарубежье», Лениздат, 1991.
- Бестужев-Лада И.В. // «Вопросы философии», 1997, №8.
- Бисенбаев Асылбек. «Другая Центральная Азия». Онлайн-версия книги изд. г. Алматы в 2003.
- Блок М. «Апология истории, или Ремесло историка». М., 1986.
- Бляхер Л. //- old.russ.ru - «Нестабильные социальные состояния». Русский журнал. 14.03.2005.

- Богаевский А.П. «1918». - http://www.hrono.info/libris/lib_b/bogaev00.html.
- Ботмер Карл фон. «С графом Мирбахом в Москве». М., 2004.
- Боффа Дж. «История Советского Союза», Т.1, Международные отношения. М., 1994.
- Бродель Ф. «Игры обмена». М., Прогресс, 1988.
- Будберг А.П. «Дневник белогвардейца». // 7 октября 1917 г. - 4 апреля 1918 г.: АРР в 18 Тт. - М., Терра, 1991 (Том 12); 29 апреля - 3 августа 1919 г.: Будберг А. Дневник белогвардейца. - Харвест, М., АСТ, 2001; 3 августа- 31 октября 1919 г. АРР в 18 Тт. - М., Терра, 1991 (Том15); militera.lib.ru/docs/1917-20/db/budberg/index.html.
- Бьюкенен Дж. «Мемуары дипломата». М., Международные отношения. 1991.
- Валентинов Н. «Встречи с Лениным». Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953;
- «Наследники Ленина». Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953; Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., Терра, 1991.
- Великий князь Гавриил Константинович «В Мраморном дворце». Изд. им. Чехова. Нью-Йорк, 1955.
- Веллер М. «Великий последний шанс». СПб., Пароль, 2005.
- Вен П. «Как пишут историю. Опыт эпистемологии». М., Научный мир. 2003.
- Витте С.Ю. «Избранные воспоминания». М., 1991; «Воспоминания». М., Соцэкгиз, 1960. Т. 1-3; «Царствование Николая II». Т.2. Берлин, Слово, 1922.
- Вишняк М. «Дань прошлому». Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1954; «Годы эмиграции. 1919-1969». Стенфорд. 1970.
- Войков В.Н. «С царем и без царя». Воениздат. М., 1995.
- Войтинский «1917. Год побед и поражений». ТЕРРА-КНИЖНЫЙ КЛУБ. М., 1999.
- Волков С.В. «Трагедия русского офицерства». М., 1993.
- Володихин Д.М. «Призрак третьей книги». Методологический монизм и «глобальная архаизация» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып.9. М., 2002.
- Воррес Йен. «Последняя Великая Княгиня», М., 1996.
- «Всерос. Учр. Собр. Стенографический отчет». М.-Л., 1930.
- Врангель Н.Е. - <http://www.dk1868.ru/history/vrang5.htm>.
- Вульф Л. «Изобретая Восточную Европу». М., 2003. Он же в - «Неприкосновенный Запас», №6, 2002.
- Гадамер Х.-Г. «Истина и метод». М., Прогресс, 1988.
- Галлямов С. «Великий Хау Вен». Уфа, 1997.

Гиппиус З. «Петербургский дневник». М., 1991. Ее же - «Живые лица; Воспоминания». Тбилиси, 1991.

Головин Н.Н. «Российская контрреволюция в 1917-1918 гг.», изд. 1937 г.; М., Айрис-пресс, 2011.

Гримберг Ф. «Две династии. Вольные исторические беседы». М., Когелет, 2000.

Гумилев Л.Н. «Древняя Русь и Великая степь». М., Мысль, 1989.

Гурко В.И. «Царь и царица». Изд-во Возрождение, Париж, 1927; цит. по http://hronos.km.ru/biograf/bio_g/gurko_vi.html

Гутман А. Я., «Ижевское восстание». - <http://www.dk1868.ru/history/GUTMAN.htm#z>

Дан Ф. «История большевизма». Нью-Йорк, 1946.

Делягин М. «Россия после Путина». М., Вече, 2005.

Деникин А.И. «Очерки русской смуты: крушение власти и армии». М., 1991. «Очерки русской смуты». Париж, 1921. - http://militera.lib.ru/h/denikin_ai2/index.html.

«Деррида в Москве». М., 1993.

Донской Р. «От Москвы до Берлина в 1920 г.»// APP, Т.14, М., Терра-Политиздат, 1991.

Дугин А. - www.acrtogaia.com. 1990.

Дыбенко П.Е. «Из недр царского флота к Великому Октябрю». М., Воениздат, 1958.

Елисеев А. - <http://www.nationalism.org/>.

Жаботинский З. «Повесть моих дней. Слово о легионе».- <http://www.rjews.net/gazeta/Lib/Jab/slovo3.html>.

Зензинов В. «Пережитое». Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953.

Злоказов Г. - <http://www.auditorium.ru/books/4510/ch8.pdf>.

Игнатьев А.А. «50 лет в строю». М., Воениздат, 1986.

Измайлов И.Л. «Незаконнорожденные дети господ журналистов, или о навязчивом шумеро-булгаризаторстве истории татар». «Звезда Поволжья» №№17-21, апрель-май 2003.

Ильин И.А. «Белая идея» // «Станица», 1992, №5.

Кавтарадзе А.Г. «Военные специалисты на службе Республики Советов». М., 1988.

Какурин Н.Е. - http://militera.lib.ru/h/kakurin_vatsetis/index.html.

Калашников М. «Оседлай молнию» - <http://www.patriotica.ru/>; «Третий проект: Спецназ Всевышнего» - <http://www.stormbook.ru>.

Капра Ф. «Поворотный пункт». М., 2005.

Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. «Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от рюриковичей до олигархов». М., КоЛибри, 2005.

Карсавин Л. «Философия истории». СПб., АО Комплект, 1993.

Карр Э. «История Советской России». Кн.1. «Большевистская революция 1917-1923». Тт.1-2. Прогресс. М., 1990.

Катков Г.М. «Февральская революция». М., Русский путь, 1997.

Кеслер Я. // «Экспресс газета», 13 марта 2003.

Ковальченко И.Д. «Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии». «История СССР», 1986, №4. Его же - «Методы исторического исследования». М., 1987.

Козеллек Р. «Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени» - <http://www.strana-oz.ru/2004/5>.

Коковцов В.Н. - «Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919», Т.2, Париж, 1933.

Коллингвуд Р.Дж. «Идея истории». М., 1980.

Кон Н. «Благословение на геноцид». - <http://school.ort.spb.ru/library/torah/lessons10/protokoly1.htm>.

Конюхов К.Р., Чураков Д.О., Воронин И.А. «Между конъюнктурой и исторической истиной». - <http://www.moskvam.ru/2000/03/kon.htm>.

Коротяев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. «Законы истории. Компактные макромодели эволюции мир-системы». РГУ-РАН. М., 2004.

Коули Р. (сост.). «А что, если бы?.. Альтернативная история». М., 2002.

Коцюбинский Д.А. в «Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)». Сборник статей. Вып.1. Под ред. Ю.Н. Солонина. СПб., издание госуниверситета, 2004.

Краснов П.Н. «На внутреннем фронте» //АРР (см.), Т.1. Его же - «Всевеликое Войско Донское» // АРР, Т.5.

Крыштановская О. «Теория российских элит»: <http://lib.rus.ec/b/187639>.

Куанганов Ш. «Арий-гун» сквозь века и пространство: свидетельства, топонимы». Алматы, Билим, 1999.

Курицын В. «Русский литературный постмодернизм». М., ОГИ, 2000.

Куторга Иван. «Ораторы и масса. Риторика и стиль политического поведения в 1917 году». http://faces.ng.ru/memoirs/2000-03-30/6_orator.html

Лапенков В.Б. «История нетрадиционной ориентации. Легенды и мифы всемирной истории». М., Яуза, 2006.

Лапкин В.В., Пантин В.И. «Волны политической модернизации в истории России» на сайте <http://www.xrh.ru/>.

Лехович Д. «Белые против красных». Нью-Йорк, 1992; М., Воскресенье, 1992.

Лещенко В. «Ветвящееся время: История, которой не было». М., 2003.

Лиотар Ж.-Ф. // Ad Marginem, 1993.

Локкарт Б. «История изнутри». Новости, М., 1991.

Лосев А.Ф. «История античной эстетики», Т.2. М., 1988.

Лукомский А.С. «Из воспоминаний. Первые месяцы революции». // «Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г.». М., Книга, 1991.

Макси К. «Упущенные возможности Гитлера». М., АСТ, 2001.

Махно Н. «Русская революция на Украине; Под ударами контрреволюции». - <http://www.avtonom.net/>.

Мельгунов С.П. «Мартовские дни 1917 года», Париж, 1961.

Миллер А. // Из лекции и дебатов 31 марта 2005 г. в рамках проекта «Публичные лекции» на сайте Полит.ру.

Милов Л.В. «История России XX-начала XXI в.». М., 2006.

Милуков П.Н. «Воспоминания». Политиздат, М., 1991.

Мурад Аджи. // Журнал «Евразия». №1-2, 2001.

Найтли Ф. «Шпионы XX века», М., изд. Республика, 1994.

«Народное хозяйство в 1913 году». Пг., 1914.

Немзер А. - <http://cultura.yaroslavl.ru/modules.php?name=Pages&go=page&pid=51>.

Нефедов С. // Сборник «Урал индустриальный». Екатеринбург, 2001.

Никитин Б.Н. «Роковые годы». Париж, 1937. Репринт.

Николаевский Б. «Тайные страницы истории». - <http://www.rulit.me/books/tajnye-stranicy-istorii-read-143840-2.html>.

Носовский Г.В., Фоменко А.Т. «Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю?». Т. 3.

Оболонский А.В. «Драма российской политической истории: система против личности». М., Изд-во ИГиП РАН, 1994.

«Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства». В 7 т. М.-Л., 1926-1927.

Пайпс Д. // «Новое литературное обозрение». М., 2000.

Пайпс Р. «Русская революция». Кн.1-3. Изд. Захаров. М., 2005.

Палеолог Морис. «Царская Россия накануне революции». Международные отношения, М., 1991. Его же - «Царская Россия во время мировой войны». М.-Пг., 1923.

Палмер Дж., Палмер Л. «Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens». СПб., Прайм-Еврознак, 2003.

Пантин В.И. «Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении». М., 2003.

Пензев К.А. «Некоторые замечания о цикличности российской истории» на сайте «Ритмы истории» - <http://www.xrh.ru/>.

«Переписка Николая и Александры Романовых». Тт. III-V. М.-Л., 1926-1927.

Переслегин С. «Самоучитель игры на мировой шахматной доске». Terra Fantastica. М., СПб., 2006.

«Письма императрицы Александры Федоровны императору Николаю II». Том 2. Изд. Слово, Берлин, 1922.

Платонов. О.А. «Почему погибнет Америка. Конец империи зла». Русский Вестник. №11-13, 1998 г. Он же - «Николай II в секретной переписке». М., 1996.

Поляков И.А. «Донские казаки в борьбе с большевиками». Мюнхен. 1962. Репринт.

Поляков Ю.А., Киселев И.Н. «Вопросы истории», №6, 1980.

«Протоколы заседаний ЦК Партии социалистов-революционеров (июнь 1917 - март 1918) с комм. В.М. Чернова» под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. Эл. док. 1-я публ. - ж. «Вопросы истории», 2000, №№7,8,9,10.

Рабинович А. «Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде». М., Прогресс, 1989. Его же - «Большевики у власти». АИРО-XXI. 2008.

Радзинский Э. «Николай II: жизнь и смерть». - www.radzinski.ru.

Рид Д. «Грандиозный план XX-го столетия». Дольфин Пресс ЛТД. Юж. Африка. 1977.

Розов Н. – «Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке». М., РОССПЭН, 2011.

«Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология». Наука. М., 1993.

«Русская летопись (с 17 года)». Кн.1. Париж 1921; Кн.2. 1922.

Саттон Э. «Уолл-стрит и большевицкая революция». М., Русская идея. 1974.

Седов Е. А. Информационные критерии упорядоченности и

сложности организации структуры систем. В сб. «Системная концепция информационных процессов». М., 1988, №3.

Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993, № 5.

Синегуб А. «Защита Зимнего дворца» //APP, т.4, М., Терра-Политиздат, 1991.

Слободин В.П. «Белое движение в годы гражданской войны в России (1917-1922 гг.)». М., МЮИ МВД России, 1996.

Солженицын А.И. «Красное колесо. Март семнадцатого». «Нева», №1-6, Л., 1990.

Соломон Г.А. «Среди красных вождей». М., Современник, 1995.

Солоневич И. // Статьи из газеты «Наша страна» 1950-51 гг.; цит. по <http://www.rus-sky.org/rs.htm>.

Сорокин П. «Человек. Цивилизация. Общество». М., Политиздат, 1992.

«Социально-экономические и правовые основы сохранения биоразнообразия». Колл. авторов. М., Изд. Научного и учебно-методического центра, 2002.

Спенс Р. - <http://www.svoboda.org/programs/ep/-25.12.02>.

Спиридович А.И. «Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг.». Нью-Йорк; Всеславянское Издательство, 1960-62; Спиридович А.И. «Великая война и февральская революция. Воспоминания». Минск, 2004.

Степанов А. «Вопросы Истории», №2, 1993.

Степанов А. «Число и культура». М., 2004.

Степанов А.И. «Первая мировая война. Пролог XX века». М., Наука, 1998.

Степняк-Кравчинский С.М. «Россия под властью царей». Изд. Мысль, М., 1965.

Судзуки Д. «Дзэн-Буддизм». Бишкек, 1993.

Тарасов С. «Родная Газета», № 20, 12 сент. 2003.

Трёлль Э. «Историзм и его проблемы». М., 1994.

Троцкий Л.Д. «Моя жизнь». М., 1991. - <http://ihtik.lib.ru/> и <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl026.htm>;

Его же - «К истории русской революции» М., 1990; «История русской революции» Т.1-2, Берлин, 1931-1933.

Уайт Х. «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века». Екатеринбург, 2002.

Февр Л. «Бои за историю». М., Наука, 1991.

Федотов Г.П. «Судьба и грехи России». Т1. СПб., София, 1991.

Феллер В. «Введение в историческую антропологию». М., 2005.

Фельштинский Ю.Г. «ВЧК/ГПУ: документы и материалы». М., Издательство гуманитарной литературы, 1995.

Фроянов И.Я. «Глобализм и судьбы России». Русская Линия. 27.01.2002 - http://www.rusk.ru/News/02/1/new27_01b.htm. Его же - «Сталин и Грозный - исторические параллели». Интервью газете «Советская Россия». № 84 (12699), 23 июня 2005.

Церетели И. «Кризис власти. Воспоминания лидера меньшевиков, депутата II Государственной думы. 1917-1918». М., Центрполиграф, 2007 г. http://www.hrono.ru/libris/lib_c/cere_kriz11.php.

Черепанин В. - <http://www.zerkalo-nedeli.com/ie/archiv/509>.

Чернов В.М. «Записки социалиста-революционера». М., 1922; Его же - «Перед бурей». Нью-Йорк, 1953; М., 1993.

Харитонович Дм. - комм. - www.kinoart.ru/ журн. «Киноарт», №5, 2003.

Хлебников М.В. «Теория заговора». М., 2014; Новосибирск, 2017.

Хоскинг Дж. «Россия и русские». Транзиткнига. М., 2003.

Хрущев Н. «Воспоминания». Кн.1, М., 1999.

Шавельский Г. «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота». Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1954, Т.1.

Шамбаров В.Е. «Белогвардейщина». М., ЭКСМО-Пресс, 2002.

Шанин Т. «Революция как момент истины». М., Весь мир. 1997.

Шевелев В.Н. «Все могло быть иначе». Р/н/Д., 2009.

Шильман М. – «Такты истории». Tacts2000.htm.

Шпенглер О. «Закат Европы». Разные издания.

Шуб. Д. «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ (1850-х-1920-х гг.)». Изд. «НОВОГО ЖУРНАЛА». Нью-Йорк, 1969.

Шульгин В.В. «1920 год». Л., Прибой, 1927. Его же - «Дни». М., 1989.

Энтин Дж. «Теории заговоров и конспиративистский менталитет». – «Новая и новейшая история», №1, 2000.

Эпперсон Р. «Невидимая рука. (Введение во взгляд на Историю как на Заговор)» (первое изд. в США – 1985). - <http://www.vodaspb.ru/russian/indexrus.html>.

Яковец Ю.В. «История цивилизаций», М., 1995; «Циклы. Кризисы. Прогнозы», М., 1999.

Eysenck, H.J. «The psychology of politics». New Brunswick, 1999.

Zuckerman, M. «Vulnerability to psychopathology: A biosocial model». Washington, 1999.

Фотоприложение

Сверху вниз.

- 1.Николай II;
- 2.Николай II, б. Фредерикс, в.кн. Ник. Николаевич;
3. Аликс;
4. П.Столыпин;
5. С.Витте;
6. Дж.Бьюкенен;
7. П.Милюков;
8. Набоковы;
9. Г.Шавельский;
- 10.З.Гиппиус;
- 11.А.Гучков;
- 2.В.Шульгин;
- 13.Н.Авксентьев;
- 14.В.Чернов;
- 15.И.Церетели;
- 16.Н.Чхеидзе (справа – Чернов);
- 17.Меньшевики;
- 18.Ген. Деникин;
- 19.Ген. Алексеев;
- 20.«Приказ №1»;
- 21.Временный комитет Госдумы;
- 22.А.Керенский;
- 23.Временное Правительство;
- 24.Корнилов и Савинков;
- 25.Ген. Корнилов;
- 26.В.Каппель;
- 27.В.Войтинский;
- 28.барон Будберг;
- 29.Троцкий;
- 30.Ленин.

1

НИКОЛАЙ II

2

Николай, б.Фредерикс, в.кн.Ник.Николаевич в Ставке

3

АЛИКС

4-5

СТОЛЫПИН

С. Ю. ВИТТЕ

7

П. МИЛЮКОВ

8

НАБОКОВЫ

9

Г. ШАВЕЛЬСКИЙ

10

ЗИНАИДА ГИПШИУС

11

А.Гучков

12

В. Шульгин

13

Н. Авксентьев

14

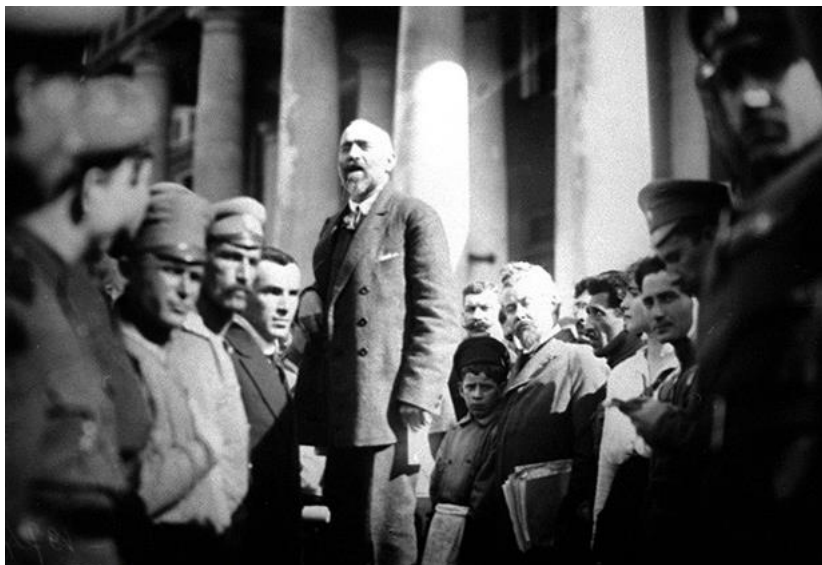

Виктор Чернов

15

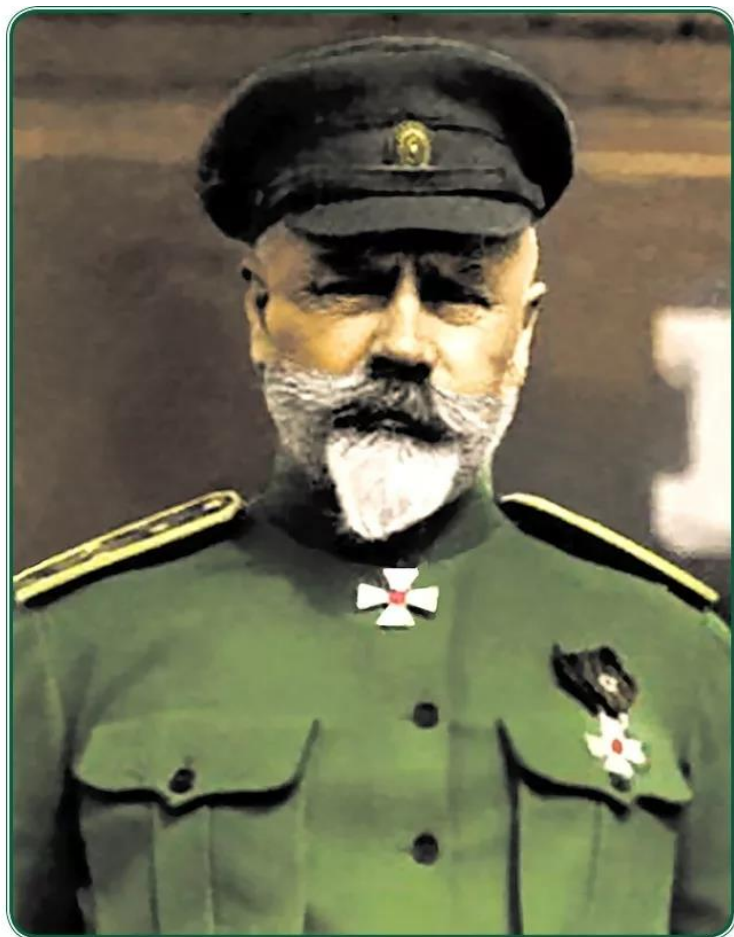
Ираклий Церетели

Николай (Карло) Чхеидзе (справа – Чернов)

МЕНЬШЕВИКИ

Антон Иванович Деникин
(1872—1947)

19

Ген. АЛЕКСЕЕВ

Приказъ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского Округа: всемъ солдатамъ пехоты, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

Советъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ:

1) Во всехъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдельныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленийъ и на судахъ военного флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2) Во всехъ воинскихъ частяхъ, которымъ еще не выбрали своихъ представителей въ Советъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ роты, которымъ и вѣнаться съ письменными воззваниями въ здание Государственной Думы къ 10 часамъ утра, 2-го сего марта.

3) Во всехъ своихъ политическихъ выступленияхъ воинская часть подчиняется Совету Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4) Приказы военной комиссiи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленiямъ Совета Рабочихъ и Солдатъ Депутатовъ.

5) Всякаго рода оружье, какъ то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженiи и подъ контролемъ ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ какомъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованiямъ.

6) Въ строю и при отправленiи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но въ службѣ и строю, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть ущемлены въ тѣхъ правахъ, которыми пользуются все граждане.

Въ частности, встанавле по фронтъ и обязательное отдаче чести въ службѣ отменяется.

7) Разнымъ образомъ отменяется титулованiе офицеровъ: въше превосходительство, благородiе и т. п., и замѣняется обращенiемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращенiе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности, обращенiе къ нимъ на «ты», воспрещается и о всякомъ нарушенiи сего, равно какъ и о всехъ несоразумныхъ между офицерами и солдатами, послѣднiе обязаны доводить до свѣдѣнiя ротныхъ комитетовъ.

Настоящiй приказъ прочесть во всехъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, эскадрахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ.

Петроградскiй Советъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТ ГОСДУМЫ

А. КЕРЕНСКИЙ

23

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Корнилов и Савинков

В. КАППЕЛЬ

27-28

В. Войтинский

А. Будберг

Лев Троцкий

30

Ленин с альпенштоком (Швейцария)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. Диспозиция.	5
I.0. От автора.	5
I.1.«Что есть истина?»	8
I.2.Новый поворот.	12
I.3.Штабные игры. (Историческое, слишком историческое).	22
Часть II. Слово о полку потешном и серьезных пацанах.	34
II.1.Херъ с большой Буки, или Научим Родину любить!	35
II.2.Союз мутанта и химеры.	47
II.3.Меж двух фронтов, или Гориллы против бонобо.	63
Часть III. История специального назначения.	81
III.1.Заговор серых кардиналов.	82
III.2.История, которую мы потеряли.	118
III.3. За циклом – цирк, или Пифагор, пожирающий свой хвост.	139
Часть IV. Котлы и клещи.	160
IV.1. «Февраль. Достать чернил и плакать...».	161
IV.1.0. А с историками особая история.	161
IV.1.1. До (Предреволюционный период; власть и общество).	171
IV.1.2. Во время (На фронте и в тылу).	204
IV.1.3. После (Беки, Октябрь и Гражданская)	223
IV. 1.4. Вместо заключения. (Групповой портрет революции)	247
IV.2. Некуда бежать	271
Литература.	313
ФОТОПРИЛОЖЕНИЕ.	321
Оглавление	350

В. Лапенков

ВОЙНА ИСТОРИЙ.

352 страницы

Корректурa и Вёрстка
В. Чернышев

Подписано в печать 19 января 2026

Тираж по требованию

Почта редакции
mvnch@mail.ru

Санкт-Петербург
19 января 2026

ДЛЯ ЗАМЕТОК

=====